БЕСТСЕЛЛЕР *NEW YORK TIMES*

Наоми Новик

Зимнее серебро

Зимнее серебро
Наоми Новик

Аннотация
Наоми Новик. ЗИМНЕЕ СЕРЕБРО
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25

Аннотация

Зима в Литвасе давно затянулась и, кажется, не собирается уходить, сея повсюду болезни и голод. И только сильные и храбрые могут противостоять жестокому холоду и злу, которое принесла с собой стужа. Но ни Ирина, ни Мирьем, ни Ванда никогда себя такими не считали. Три девушки с разными судьбами, из разных сословий — но всех их объединяет одно: в их дом пришла беда. Мирьем и ее семье грозит жестокий король Зимояров, владыка загадочного опасного народа. Ванду хочет погубить ее же отец. А Ирине прочат выйти замуж за огненного демона, который пожирает всех и вся на своем пути. Но когда опасность нависает над теми, кого они любят, все трое принимают вызов. Невидимые нити свяжут три судьбы — и так у девушек появится шанс спасти друг друга.

Наоми Новик — лауреат Мифопоэтической премии и Британской премии фэнтези, обладатель премий Nebula и Locus. Роман «Зимнее серебро» стал бестселлером New York Times и заслужил восторженные отзывы критиков и

читателей в разных странах.

Наоми Новик
ЗИМНЕЕ СЕРЕБРО

Глава 1

Сказки — это сказки, а по-настоящему все не так уж распрекрасно. По-настоящему какая-нибудь мельникова дочка-златовласка желает заполучить себе в мужья герцога, или князя, или хоть сыночка богатого папаши. Она идет к заимодавцу, берет у него денег на колечко с ожерельем и прихорашивается к празднику. Если она и впрямь красотка, герцог, или князь, или богатейский сынок охотно с ней потанцует, а потом они вдвоем прогуляются в дальний закуток сеновала. Ну и дальше герцог, князь или кто он там едет домой, а дома семейка уже поджидает его с богатой невестой. На ней-то он и женится. А разобиженная Мельникова златовласка объявляет на весь свет, что заимодавец, мол, стакнулся с самим дьяволом. И тут уж вся деревня готова на заимодавца накинуться, а то и камнями побить. Девице же только и остается, что приберечь драгоценности для приданого да поскорее выскочить замуж за кузнеца, пока живот не слишком видно.

Сказки — они на самом-то деле о том, что долг платежом красен. А все эти истории про «жили

они долго и счастливо» — это так, ерунда. Я-то знаю, как оно бывает. Потому что мой отец был заимодавцем.

По правде сказать, в этом деле мастер он был невеликий. Если кто не возвращал нам деньги вовремя, отец об этом даже не заикался. Но рано или поздно в кладовой становилось вовсе шаром покати и башмаки начинали просить каши. И тогда мама, дождавшись, когда я уйду спать, что-то тихонько говорила отцу. Он нехотя плелся к заемщикам, стучался в разные двери и чуть ли не умолял вернуть то, что они у нас взяли. А если в доме вдруг заводились деньги и кто-то являлся, чтобы одолжиться, отец ненавидел отказывать. Хотя нам самим-то едва хватало. Так что все его деньги — впрочем, по большей части это были мамины деньги, из ее приданого — уплывали в чьи-то чужие руки. И все вокруг были довольны — а лучше постыдились бы! — и трезвонили всякое о моем отце направо и налево, даже меня не стесняясь. Или нарочно, чтобы я слышала.

Отец моей матери тоже был заимодавцем, только очень хорошим. Жил он в Вышне, милях в сорока по старому торговому тракту. Тракт этот, весь в колдобинах, тянулся от одной деревни к другой словно веревка с грязными узелками.

Мама часто брала меня с собой к деду, если у нас находилось несколько пенни заплатить за провоз бродячему торговцу. Мы устраивались на задке его повозки или саней и ехали — раз пять или шесть приходилось пересаживаться. Иногда по пути меж деревьев мелькала другая дорога — та, что принадлежала Зимоярам. Она блестела, как заснеженный речной косогор под зимним солнцем. «Не смотри, Мирьем», — всегда говорила мне мама, но я все равно краешком глаза подглядывала и пыталась запомнить. Потому что, кто бы ни вез нас с мамой, он всегда в этом месте стегал лошадей и погонял их, пока Зимоярова дорога не скрывалась из виду.

Однажды мы услышали позади стук копыт, точно лед трескался, — кто-то съехал с Зимояровой дороги. Наш торговец хлестнул лошадей, и те припустили что было мочи к ближайшему укрытию. Повозка встала за деревом, а мы съежились внутри среди тюков, и мама обхватила мне голову рукой, чтобы я не подглядывала. Всадники проскакали мимо не останавливаясь — что им повозка бедного жестянщика с котелками да кастрюлями? Зимояры охотятся только за золотом. Нестройный перестук копыт стих вдали, а нас как ножом полоснуло резким порывом ветра. Когда я

выпрямилась, оказалось, что моя тощая косичка вся заледенела, и прикрывавший меня мамин рукав, и наши спины тоже. Но мороз мигом спал, и жестянщик говорит маме: «Ну, отдохнули — и будет, пора в путь». Он вроде бы и не помнил, почему мы остановились.

Мама ему в ответ: «Верно», — и кивает, и тоже будто бы позабыла, зачем мы ждали среди деревьев. Жестянщик забрался на козлы, цокнул лошадям, и мы поехали дальше. Я в ту пору была уже не такая маленькая, поэтому кое-что запомнила. Но, правда, и не слишком большая, и потому мне было не до Зимояров: куда больше меня заботили кусачий холод и ноющий голод. Мне не терпелось добраться до города и очутиться в дедушкином доме, и я помалкивала. А то ляпнешь что-нибудь невпопад — и снова придется останавливаться.

Бабушка всегда припасала для меня новое платье: совсем простого кроя и уныло-бурого цвета. Зато теплое и сшитое на совесть. И каждую зиму меня ждала новенькая пара кожаных башмаков — без заплаток и трещин по краям, и они мне не жали. Бабушка кормила меня до отвала трижды в день, и в наш последний вечер она неизменно пекла творожный пирог — ее особенный творож-

ный пирог, весь такой золотистый снаружи, а внутри белый, и рассыпчатый, и сытный. На вкус он немножко отдавал яблоками, а сверху бабушка клала для красоты сладкие золотые изюмины. Я не спеша смаковала каждую крошечку — а мне всегда доставался кусок шире моей ладони. И после творожного пирога меня укладывали спать наверху, в просторной уютной спальне, где мама с сестрами спали в детстве. Я ложилась на мамину узкую кровать — деревянную, изукрашенную резными голубками. А мама садилась со своей мамой возле камина и клала голову ей на плечо. Они не разговаривали, но когда я чуточку повзрослела и перестала засыпать в первую же минуту, я смотрела на них и видела, что на щеках у обеих в отсветах камина блестят слезы.

Мы ведь всякий раз могли остаться. В дедушкином доме нам хватило бы места, и тут нам были бы рады. Но мы всегда уезжали назад, домой, потому что любили отца. С деньгами он обращаться не умел, зато был бесконечно добр и ласков и старался, как мог, загладить свои неудачи: он день-деньской торчал в холодном лесу, пытаясь раздобыть еды и дров. А дома он брался за что угодно, лишь бы помочь маме. Никакой женской работы не гнушался. Когда мы ходили голодные,

отец голодал пуще всех нас; он все время подсовывал свою еду к нам на тарелки. И вечерами у очага он никогда не сидел без дела — все время что-то выстругивал и вырезал: то новую игрушку для меня, то узор какой-нибудь на стуле, то деревянную ложку.

Но очень уж долгими и безотрадными были зимы. Сколько я себя помнила, каждый новый год был хуже прошлого. У нашего городка стен не было, да и названия-то по большому счету тоже. Одни говорили, что наш город зовется Пакел, потому что он возле дороги. Но другие на них шикали и цыкали: слово «дорога» им не нравилось, напоминало, что мы живем возле Зимояровой дороги. И они утверждали, что имя города — Павис, потому что стоит он на берегу реки. Однако нанести наш городишко на карту так никто и не удосужился, поэтому спор закончился ничем. А меж собой мы называли наш город просто «город». Он располагался в трети пути из Вышни в Минаск; в месте, где дорогу с востока на запад пересекала небольшая речка. Так что путников у нас привечали, да и рынок всегда был полон товара, что привозили крестьяне на лодках. Правда, больше похвастаться нам было нечем. Знать нами особо не интересовалась, да и царь в Корони

тоже. Я долго не могла сообразить, кому же мы платим подати, пока случайно в дедушкином доме не услышала, что герцог Вышни гневается, поскольку доход с нашего городка падает год от года. Холода подкрадывались из леса все раньше и раньше, губили наш урожай.

В год, когда мне минуло шестнадцать, нагрянули Зимояры. Они пришли на исходе осени, в последнюю неделю, когда зима уже стояла на пороге. Их рыцари, бывало, рыскали тут в погоне за золотом. У нас частенько рассказывали: будто бы блеснет что-то, а потом рядом лежит покойник, и что там блестело, толком никто не помнит. За последние семь лет зимы сделались свирепее, а Зимояры — ненасытнее. Еще не все листья упали с деревьев, а Зимояры уже сошли со своей дороги и напустились на богатый монастырь, всего в каком-то десятке миль от нас. Перебили дюжину монахов, выкрали золотые подсвечники, и золотую чашу, и все иконы, писанные золотом. И все это золото утащили в свое неведомое королевство — туда, куда ведет их дорога.

Ушли они — и земля промерзла до самого основания, и с тех пор каждый день из леса, не утихая, дул пронизывающий ветер и кружил вихрями колкий снег. Наш маленький домик стоял на от-

шибе, на самой окраине городка. Никакие стены, кроме наших собственных, не защищали нас, и от холодного ветра мы делались еще тоньше и голоднее, дрожали еще сильнее. Отец придумывал отговорку за отговоркой, лишь бы избежать ненавистной ему работы. Но мама насела на него как следует, и он по-честному отправился за деньгами. Вернулся с жалкой пригоршней монет и произнес, будто оправдываясь:

— Очень уж скверная зима. Плохая зима для всех нас.

Небось те, кого он просил вернуть деньги, и не подумали оправдываться и извиняться. На следующий день я шла к пекарю с караваем и слышала болтовню женщин — тех самых, кто у нас одалживался. Они как ни в чем не бывало судачили, чего накупят на рынке да какой закатят пир на весь мир. Зимний солнцеворот был на носу. Им всем хотелось чего-то вкусненького на столе, чего-то особенного на праздник. На их праздник.

Моего отца они и на порог не пускали, он возвращался несолоно хлебавши. Зато их яркие окна отбрасывали отсветы на снег; изо всех щелей тянуло жареным мясом, а я брела к пекарю, несла ему потертый пенни в уплату за грубый пригоревший каравай, который вовсе не был моим

караваем. Я замесила и принесла ему другой, но он отдал его кому-то еще, а мне достался тот, что похуже. Дома мама сварила пустую капустную похлебку, а остатки масла, на котором готовила, аккуратно собрала в лампу, чтобы на третий праздничный день у нас был свет. Мама трудилась, а сама все время кашляла. И снова налетел тот ледяной ветер из леса, пробрался в водосток и в каждую щелочку нашей обветшалой хибарки. Только мы зажгли лампу, как порыв ветра взял и задул ее. Тогда отец сказал:

— Ну что ж, возможно, это знак, что всем пора спать.

Зажигать лампу заново мы не стали — масло у нас было на исходе.

На восьмой день маму так измучил кашель, что у нее уже не было сил подняться с постели.

— Она скоро поправится, — уверял отец, избегая моего взгляда. — Скоро уйдет эта стужа. Уже и так холода затянулись.

Он выстругивал деревянные свечи — маленькие тонкие палочки. Мы их жгли вместо лампы, потому что прошлой ночью ушли последние капли масла. Никакого праздника огней в нашем доме не ожидалось.

Отец вышел на двор насобирать еще хоть

немного дров, а то в ящике возле очага уже почти ничего не осталось.

— Мирьем! — хрипло окликнула меня мама, когда дверь за ним закрылась. Я протянула ей чашку слабенького чая с остатками меда, что соскребла со стенок горшка. Больше мне нечего было ей дать. Мама отпила чуть-чуть, опять откинулась на подушки и сказала: — Я хочу, чтобы ты отправилась в дом моего отца, когда пройдет зима. Пускай твой отец отведет тебя.

Когда мы в последний раз навещали дедушку, в один из вечеров собрались на ужин мамины сестры с мужьями и детьми. Все они носили платья из добротной шерсти, а в прихожей висели их подбитые мехом плащи, на руках у них были кольца и золотые браслеты. И они смеялись и пели, а в доме было так тепло — и это в разгар зимы! Мы ели свежий хлеб, и жареного цыпленка, и золотистый дымящийся супчик — такой наваристый и с солью, — и я вдыхала его запах. Когда мама заговорила, на меня словно повеяло тем теплом, и я отчаянно затосковала по нему, стискивая окоченевшие руки. Я, маленькая нищенка, отправлюсь в тот теплый дом, а отец останется тут один, и мамино золото навеки осядет в карманах наших соседей.

Я крепко сжала губы, поцеловала маму в лоб и велела ей отдыхать. Мама забылась тревожным сном, а я открыла сундук возле очага. В этом сундуке отец держал свою учетную книгу, где записывал, кто и сколько ему должен. Я вытащила книгу, достала стертое перо, намешала чернил из золы и приступила к списку. Дочь заимодавца — пусть даже неважного заимодавца — кое-что смыслит в цифрах. Я выписывала и подсчитывала, выписывала и подсчитывала проценты, и время, и все мелкие выплаты, которые вносились как попало. Мой отец каждую такую выплату аккуратно записывал. Он так прилежно и старательно вел дела со всеми нашими заемщиками, а вот они ради него не старались нисколечко. Покончив со списком, я вытащила из сумки свое вязание, закуталась в шаль и вышла из дома в холодное утро.

Я обошла все дома, где у нас одалживались, я стучалась в каждый. Мамин кашель поднял нас на ноги ни свет ни заря, поэтому час был ранний, совсем ранний. Еще даже светать не начало. И все наши заемщики еще сидели дома. Мужчины выходили на стук и изумленно таращились на меня, а я говорила холодным и непреклонным тоном:

— Я пришла взыскать ваш долг.

Они, конечно, пытались меня прогнать. Некоторые смеялись. Олег-возчик сжал огромные кулачищи, уперся ими в бока и уставился на меня, а его жена с беличьим личиком склонилась над очагом и беспокойно постреливала глазками в мою сторону. Кайюс брал у нас взаймы два золотых еще за год до моего рождения и с тех пор сколотил себе порядочное состояние на продаже крупника — свой крупник он варил в больших медных котлах, купленных на наши деньги. Так вот Кайюс при виде меня разулыбался.

— Заходи, погреешься, — пригласил он.

Но я не желала греться. Я вставала на каждом пороге, вынимала список и сообщала, что каждый из них взял много, а вернул мало, и с него причитаются проценты.

Они начинали взахлеб оправдываться и спорить, а некоторые даже кричали. На меня в жизни никто не кричал: ни мама с ее тихим голосом, ни мягкосердечный отец. Но внутри меня родилась какая-то горечь. Какая-то часть зимы словно угнездилась в моем сердце: то ли мамин кашель, то ли сказка, которую я много раз слышала на городской площади — о девушке, которую чужое золото сделало королевой. И ту девушку ничуть

не заботило, что долг платежом красен. Я стояла на пороге у должников и не двигалась с места. Мои цифры не обманывали — я это знала, и заемщики это знали. Я ждала, пока они закончат кричать, и спрашивала:

— У вас есть деньги?

Этому вопросу они радовались. Думали, что подловили меня. Конечно, нет, отвечали они, откуда у нас столько денег?

— Тогда заплатите мне немного сейчас и будете выплачивать каждую неделю, покуда не погасите долг, — заявляла я. — И проценты вы тоже заплатите. Иначе я пошлю за своим дедом, а уж он найдет на вас управу по закону.

Наши соседи путешествовали мало. Они знали, что отец моей матери богат и живет где-то в Вышне, в роскошном доме, и у него одалживаются рыцари, а по слухам, так даже и кое-кто из знати. Поэтому они скрепя сердце давали мне немного, в иных домах всего несколько пенни, но, так или иначе, в каждом доме мне хоть что-то давали. Я позволяла рассчитываться товарами: двадцать локтей[1] теплого темно-красного сукна, сосуд с маслом, две дюжины хороших длинных

---

[1] Примечания: 1

Локоть равен приблизительно 0,5 м. *(Здесь и далее прим. перевод.)*

свечей из белого воска, новый кухонный нож, только от кузнеца. Цены для всего этого добра я выставляла по-честному — как если бы заемщики продавали все это на рынке. Я вписывала новые цифры напротив их имен и обещала зайти на следующей неделе.

По пути домой я остановилась возле дома Людмилы. Она взаймы не брала. Она могла бы и сама давать деньги в долг, но ей не дозволялось взимать проценты — да и кто стал бы у нее одалживаться: ведь есть же мой отец, которому можно отдавать когда вздумается, а то и вовсе не отдавать. Людмила отворила дверь, сияя заученной улыбкой: у нее на ночлег останавливались путники. Но на пороге стояла я, и улыбка сползла с ее лица.

— Чего тебе? — неласково спросила она, решив, что я пришла побираться.

— Моя мать больна, панова, — смиренно отозвалась я, и Людмила утвердилась было в своем мнении. Зато потом, когда я продолжила, она явно вздохнула с облегчением. — Я пришла купить немного еды. Сколько просите за суп?

Потом я спросила, сколько стоят яйца и хлеб, будто подсчитывая в уме, хватит ли у меня, а Людмиле от неожиданности не пришло в голову

заломить двойную цену. Поэтому она злилась, когда я отсчитала ей шесть пенни за горшок горячего супа с половиной цыпленка, три свежих яйца, мягкий каравай и прикрытую салфеткой миску с медовыми сотами. Она нехотя мне все это отдала, и я понесла добычу вдоль по длинной улице к дому.

Отец вернулся раньше меня: он сидел у очага и подбрасывал деревяшки в огонь. Когда я ввалилась в дом, лицо у него было встревоженное. Он во все глаза смотрел на всю эту еду у меня в руках, на красное сукно. Я опустила на пол свою ношу и ссыпала остатки пенни и еще полкопейки серебром в кувшин на полке над очагом, где завалялась какая-то жалкая мелочь. Я вручила отцу список с внесенными туда платежами. А потом принялась устраивать маму поудобнее.

* * *

После этого заимодавцем в нашем городке стала я. И я была хорошим заимодавцем. У нас многие в свое время одалживались, поэтому вскоре наш пол устилали вместо соломы гладкие золотистые доски, трещины в очаге были заделаны хорошей глиной, соломенная крыша покрыта заново. А у мамы теперь был собственный плащ

на меху — можно хоть в постели укрываться, хоть по улице ходить, а главное — легко держать грудь в тепле. Правда, маме это вовсе не нравилось, и отцу тоже. В тот день, когда я принесла плащ домой, отец вышел на двор и там беззвучно заплакал. Одета, жена пекаря, отдала мне плащ в уплату семейного долга. Плащ был красивый, двух оттенков коричневого — темного и светлого. Он был в приданом Одеты; на меховой подбой пошли горностаи, которых ее отец добыл в воеводских лесах.

Кое в чем старые сказки не обманывали: хороший заимодавец — это заимодавец, не знающий сострадания. И я была безжалостна к нашим соседям — ведь прежде это они были безжалостны к моему отцу. Первенцев за долги я, конечно, не отнимала, но к чему-то в этом роде была близка. Однажды я отправилась к одному крестьянину на дальних полях, и ему совсем нечего было отдать мне, даже завалящей краюхи хлеба не нашлось. Горек его звали, и этот Горек взял взаймы шесть серебряных копеек. С таким долгом ему в жизни было бы не расплатиться, даже будь у него хоть каждый год урожайным. Он и в руках-то больше пяти пенни отродясь не держал. Он сперва принялся честить меня на все корки — многие так

делали, — но я стояла на своем и припугнула его судом. Тут-то он и сник, и в голосе его прорезалось отчаяние.

— Мне четыре рта кормить надо! — закричал он. — Из камня воды не выдавишь!

Мне, наверное, полагалось его пожалеть. Отец пожалел бы, и мама тоже. Но вместо этого я, овеянная стужей, распознала опасность. Если я прощу ему долг, выслушаю его оправдания — на следующей неделе у всех отыщутся причины не платить. Вот здесь-то и начинается неверная дорожка.

И тут появилась его дочь — рослая девица в теплом сером платке на длинных золотистых косах. Она шла, чуть покачиваясь под тяжестью коромысла с полными ведрами. Я столько лишь за два раза могла унести.

— Тогда пусть твоя дочь работает в моем доме в уплату долга. За полпенни в день, — произнесла я и зашагала домой, вся довольнешенька. Даже в пляс пустилась на дороге под деревьями, где никто не видел.

Ее звали Ванда. Она пришла на рассвете, ни слова не проронила и трудилась как ломовая лошадь до самого обеда, а потом так же молча ушла. И за все это время она ни разу не подняла взгляда.

Ванда оказалась очень крепкая, так что мы могли вообще о хозяйстве не беспокоиться — по крайней мере полдня. Она таскала воду, колола дрова, ходила за курами, которые к тому времени уже копошились у нас на дворе, отскребала полы, очаг и всю посуду. И я очень радовалась своей затее.

Когда Ванда ушла, мама впервые заговорила с моим отцом гневно, обвиняюще — такого не случалось, даже когда она лежала вся больная и окоченевшая. Она кричала, и голос у нее все еще был хриплый:

— Тебе, видно, все равно, что с ней сталось из-за этого?

Я как раз вернулась и стояла возле калитки — сбивала с каблуков налипшую грязь. Ванда освободила меня от утренних дел, и я, позаимствовав осла, отправилась верхом в дальние деревни. Тамошние заемщики уже и думать забыли, что к ним кто-то может явиться и потребовать должок. Подоспела озимая рожь, и я везла с собой два мешка зерна, еще два мешка шерсти и немаленький мешочек маминых любимых лесных орехов — их всю зиму держали в холоде, и они были как недавно собранные. А в придачу ко всему этому я разжилась старыми, но крепкими железными щипцами для орехов. И теперь нам

не придется колоть орехи молотком.

— А что я ей скажу? — выкрикнул в ответ отец. — Что? Велю ей, чтобы голодала, мерзла и ходила в отрепье?

— Тебе недостало холода заниматься этим самому, — отозвалась мама. — Зато достает холода смотреть, как она этим занимается. Она наша дочь, Йозеф!

В тот вечер отец попытался со мной поговорить.

— Ты уже довольно сделала, дочка, — сбивчиво бормотал он. — Не твоя это работа, завтра оставайся дома.

А я сидела и лущила орехи. Я даже головы не подняла и отвечать не стала. У меня в груди шевельнулся сгусток холода. Я подумала не о маминых словах, а о том, что она до сих пор хрипит. Отец постоял немного и ушел. Холод внутри меня коснулся его и прогнал прочь — точно так его прогонял холод внутри тех, кто отказывался вернуть ему долг.

Глава 2

Папаня часто грозился, что пойдет к заимодавцу. Займет денег на новый плуг, или на поросят, или на дойную корову. Я вообще не понимала, что такое деньги. Дом наш стоял вдалеке от города, и подать мы платили мешками с зерном. Папаню послушать, так деньги — это сущее волшебство, а вот матушка считала, что они опасны.

— Не ходи туда, Горек, — говорила ему матушка. — Коли берешь взаймы, так рано или поздно лихо накличешь.

Папаня тогда орал, чтобы матушка не лезла не в свое дело, и даже давал ей оплеуху. Правда, слушался ее и никуда не шел.

Но однажды он все же отправился к заимодавцу. Мне тогда было одиннадцать. У нас родился еще один младенчик — и тут же умер, и матушке нездоровилось. Младенчики нам были ни к чему. И так-то у нас росли Сергей и Стефан, да четверых мы погребли под белым деревом. Папаня всегда там хоронил мертвых деток, хоть земля там была жесткая, так запросто не раскопаешь. Но папаня не хотел тратить хорошую землю на это дело. Воз-

ле белого дерева все равно ничего не посадишь — оно все сожрет. Посеешь там рожь, прорастет она, и однажды холодным утром глядь — все колоски засохли, а в белой кроне прибавилось листьев. И спилить дерево папаня не мог. Раз оно все белое — значит, принадлежит Зимоярам. Попробуй-ка такое спили: Зимояры тут же явятся и тебя убьют. Поэтому вместо семян мы давали этой земле лишь мертвых деток.

Папаня похоронил того младенчика и притащился домой злой-презлой. И говорит нам всем:

— Вашей матери нужно лекарство. Я иду к заимодавцу.

Мы все переглянулись: я и Сергей со Стефаном. Они были еще совсем малыши, побоялись перечить. Матушка очень уж маялась, она и говорить не могла. Ну и я смолчала. Матушка лежала в постели — вся горячая, красная, кругом крови полно. Я с ней заговорила, а она в ответ только кашляла. Я все думала: хоть бы папаня поскорее принес нам свои волшебные деньги, пусть матушка встанет с постели и опять будет здорова.

Вот он и пошел к заимодавцу. Две копейки он пропил в городе, а две проиграл. Но доктора с собой привел. Доктор забрал оставшиеся две копейки и вручил мне какой-то порошок. Велел

разводить горячей водой и давать матушке. Но жар от этого никуда не девался. Прошло три дня. Я пыталась напоить матушку, она заходилась в кашле. Я ей: «Вот, матушка, попей», — а она уже и глаз открыть не может. Положила широкую ладонь мне на макушку — и рука у нее сделалась тяжелая, обмякшая, непривычная. Тут-то она и умерла. Я весь день так возле нее и просидела, пока папаня не вернулся с поля. Он посмотрел на матушку молча, а потом говорит мне:

— Солому перемени.

Взвалил тело матушки на плечо точно куль с картошкой и понес к белому дереву. И похоронил там рядом с детками.

Спустя несколько месяцев пришел заимодавец. Я его впустила в дом. Я знала, конечно, что он слуга дьявола, но не боялась. Он был весь такой тонкий — и руки, и лицо, и сам он. У матушки на стене висела икона, вырезанная из деревяшки, — вот он и был как та икона. И говорил тихо. Я ему налила чашку чаю и дала кусок хлеба, потому что матушка всегда давала что-то поесть любому гостю.

Папаня вернулся с поля — и как давай на этого заимодавца орать. Выгнал его из дома. А мне ремнем всыпал: отвесил мне пять ударов за то,

что я его впустила.

— Какого рожна ему тут надо?! Из камня воды не выдавишь, — ворчал он, застегивая ремень. А я ревела, уткнувшись в матушкин передник.

Когда к нам явился сборщик податей, папаня то же самое сказал. Только не в лицо ему, а себе под нос. За податями всегда приходили в последний день сбора урожая, зимой и весной. Уж не знаю, как сборщик про этот день выведывал, но он никогда не ошибался. После его ухода подать считалась уплаченной. Чего он не забирал с собой, то оставалось нам. Не больно-то много нам перепадало. Матушка в начале зимы всегда папане говорила: «Вот это нам на ноябрь, а это на декабрь». А сама показывала, чего и сколько на какой месяц. Так она все и распределяла до самой весны. Но матушки больше не было. Папаня взял и унес одного козленка на продажу в город. Вернулся уже ближе к ночи, совсем пьяный. Мы уже спали в доме возле очага, и папаня споткнулся о Стефана. Тот заплакал, папаня рассвирепел, стащил ремень и принялся нас охаживать. Мы кинулись бегом прочь из дома. А коза, у которой отняли козленка, с той поры перестала давать молоко, и к концу зимы еда у нас закончилась. Пришлось нам до весны выкапывать из-под снега

прошлогодние желуди.

Следующей зимой пришел сборщик податей, и папаня снова отправился в город — теперь с мешком зерна. Мы тогда улеглись спать в сарае с козами от греха подальше. Сергею-то со Стефаном наутро ничего не было, а меня папаня, как протрезвел, все-таки отлупил. Потому что он вернулся домой, а ужин, видите ли, не на столе. Еще через год я уселась дожидаться папаню в доме. Сидела, пока не заметила его на дороге. Спьяну папаня закладывал большие петли, фонарь у него в руке ходуном ходил. Я еду в миске поставила на стол, а сама со всех ног прочь из дому. Уже почти стемнело, но свечу я брать не стала, чтобы папаня не увидел, что я сбегаю.

Сперва-то я хотела пойти в сарай. Я все оборачивалась проверить: не тащится ли папаня за мною следом. Свет от фонаря плясал в доме, и окна за мной словно бы подглядывали. Но вот фонарь перестал качаться — значит, папаня поставил его на стол. Больше мне ничего не грозило, можно было идти в сарай. Я стала смотреть себе под ноги, но глаза никак не могли привыкнуть к темноте — слишком уж я засмотрелась на яркие окна. К сараю вообще-то вела тропинка, но она куда-то подевалась, и ноги проваливались глубоко в снег.

Козы почему-то не подавали голоса, да и свиньи молчали. Ночь стояла темная, хоть глаз выколи.

Я решила, что рано или поздно наткнусь на изгородь или выйду на дорогу. Пошла наугад, вытянув вперед руки. Но никакой изгороди я не нащупывала. Одна темнота меня окружала, и я даже перепугалась, но потом мне стало просто холодно и в сон потянуло. Пальцы у меня совсем закоченели. Через щели в лаптях попадал снег.

Потом впереди что-то засветилось. Я пошла на свет и очутилась возле белого дерева. Ветви у него были тонкие, и листья не опали, хоть и зима стояла. Ветер шевелил их, и они шелестели, вроде как нашептывали что-то еле слышно. По другую сторону от дерева пролегала дорога — очень гладкая, как лед, и блестящая. Я знала, что это дорога Зимояров. Но такая она была красивая, эта дорога, а я так замерзла и чуть не засыпала на ходу. Я позабыла, что надо бояться. И пошла к блестящей дороге.

Под деревом в ряд лежали плоские камни — по одному на каждой могилке. Матушка их добывала из реки. Два я добыла сама — для матушки и последнего младенчика. Эти два камня были поменьше остальных — мне еще не под силу было ворочать большие камни, как матушке.

Когда я переступила через могилы и шагнула к дороге, ветка хлестнула меня по плечам. Да так, что я повалилась наземь и дыхание у меня перехватило. Ветер зашелестел белыми листьями, и я услышала шепот: «Беги домой, Ванда!» Тут мою сонливость как рукой сняло. Я так испугалась, что мигом вскочила на ноги и помчалась к дому, только пятки засверкали. Дом я издалека увидела — фонарь-то все еще горел в окне. А папаня уже вовсю храпел на кровати.

* * *

Спустя год старый Якоб, наш сосед, ко мне посватался. Он хотел еще и козу в придачу, но папаня его выставил со словами:

— Мало ему девицы, здоровой да крепкой, так ему еще и козу подавай! Ишь, чего захотел!

С тех пор я стала работать как проклятая. Старалась делать как можно больше папаниной работы. Не хотела я могилок с детками, и сама лечь в такую могилку не хотела. Но я вытянулась, и грудь выросла, а волосы у меня стали длинные и золотистые. В следующие два года еще двое ко мне сватались. Второй так даже был мне незнакомый. Он пришел с дальней от нас окраины города, шесть миль прошагал. И даже выкуп за

меня предложил — свинью. Но я уж больно хорошо работала, поэтому папаша заартачился. Три свиньи, говорит, и ни свиньей меньше. Тот незнакомец плюнул с досады да так и ушел ни с чем.

Но земля с каждым годом родила все меньше. Весной снег сходил все позднее и позднее, а осенью выпадал все раньше и раньше. Сборщик податей забирал свою долю, и папане на выпивку оставалось всего ничего. Я приноровилась прятать еду в разных местах, чтобы зимой нам было не так голодно, как в первый год без матушки. Но Сергей со Стефаном, да и я — мы ведь все росли. В год, когда мне минуло шестнадцать, после весеннего урожая папаня вернулся из города не пьяный, а так, слегка под хмельком, и оттого кислый. Бить меня он не стал, но оглядел внимательно, как свинью, будто прикидывая, сколько я стою.

— На следующей неделе пойдешь со мной на рынок, — велел он.

Назавтра я отправилась к белому дереву. С той самой ночи, когда я увидела дорогу Зимояров, я к дереву не подходила. Я дождалась, пока солнце поднимется повыше, сказала, что, мол, за водой иду, а сама отправилась к дереву. Встала на колени под его сенью и сказала:

— Матушка, помоги мне.

И через два дня к нам пришла дочь заимодавца. Она была вылитый заимодавец — тоненькая веточка, волосы темные, щеки впалые. Папане она едва до плеча доходила. Но она встала на пороге, и от нее в дом упала длинная тень, а она грозила папане, что если он не вернет ей деньги, тогда в суде на него найдут управу. Папаня заорал было на нее, но она не дрогнула. Когда он высказал все насчет «из камня воды не выдавишь» и показал ей пустую кладовку, она сказала:

— Тогда пусть твоя дочь работает в моем доме в уплату долга.

Она ушла, а я вернулась к белому дереву и прошептала:

— Спасибо, матушка.

Меж корней я закопала яблоко — целое яблоко, — а ведь я была голодная, могла бы сама его съесть, даже с семечками. Над моей головой распустился маленький белый цветок.

Наутро я отправилась в дом заимодавца. Мне было страшно очутиться одной в городе, но все лучше, чем идти с папаней на рынок. Да и в город-то мне заходить не пришлось: дом заимодавца за лесом стоял первый. По мне, так это был просторный дом — с двумя комнатами и гладким

свежеструганым полом, который еще пах деревом. Жена заимодавца лежала в постели. Она болела и сильно кашляла. Я как услышала этот кашель, так вся прямо закостенела.

Дочь заимодавца звали Мирьем. Утром она поставила на огонь горшок с супом. Запах от этого супа шел по всему дому, и у меня от голода живот подводило. В углу у нее стояло поднявшееся тесто, так она его забрала и ушла. Вернулась Мирьем уже сильно за полдень со свежим темным караваем только от пекаря, ведерком молока и крынкой масла. А на плечах она тащила мешок яблок. Она поставила на стол тарелки — и не три, а четыре, вот уж чего я никак не ожидала. Мы уселись за стол, и заимодавец прошептал какое-то колдовское заклинание над хлебом. Но я все равно ела, и было вкусно.

Я трудилась очень прилежно, чтобы они меня позвали еще раз. Я уже собралась домой, но тут жена заимодавца спросила меня своим охрипшим голосом:

— Как твое имя? — Я чуть помялась и сказала. — Спасибо тебе, Ванда, — прошептала она. — Ты очень нам помогла.

Выходя из дома, я услышала, как она говорит, что раз я так хорошо работаю, наверное, долг ско-

ро будет выплачен. И я остановилась под окном послушать.

Но Мирьем ответила ей:

— Он брал взаймы шесть копеек! За полпенни в день ей придется трудиться четыре года. И не говори мне, что я мало ей плачу — она ведь у нас обедает.

Четыре года! Я чуть не запрыгала от радости.

Глава 3

Весной еще долго не утихали снегопады и мамин кашель. Но мало-помалу дни сделались теплее, а горячий суп, мед и покой наконец заставили кашель иссякнуть. Едва к маме вернулась способность петь, она объявила мне:

— Мирьем, на следующей неделе мы едем к дедушке.

Она это нарочно придумала, отчаявшись оторвать меня от работы. Уезжать мне не хотелось, но хотелось повидаться с бабушкой. Показать бабушке, что ее дочь больше не коченеет больная на стылой постели, что ее внучка больше не ходит как оборванка. Я мечтала в кои-то веки приехать в гости к бабушке и чтобы она при этом не плакала. Поэтому я напоследок обошла всех заемщиков и каждому сообщила, что я уезжаю в большой город и что за недели своего отсутствия я все равно высчитаю с них проценты. Или же пускай приносят деньги и товар прямо к нам домой, пока меня не будет. Ванде я велела по-прежнему являться каждый день: готовить обед моему отцу, кормить кур и прибираться в доме и

на дворе. Она молча кивнула и спорить не стала.

В этот раз для поездки я наняла Олега, чтобы он доставил нас прямо до места. Упряжка у него была что надо, сани удобные: с соломой на полу и с одеялами; на дуге тренькали колокольчики. А по всему сиденью был раскинут плащ, подбитый мехом, чтобы ветер не задувал. Бабушка вышла на порог встречать нас. Она удивленно смотрела, как наши сани подъезжают к дому. Мама молча приблизилась к бабушке и спрятала лицо в ее объятиях.

— Что же, добро пожаловать. Заходите и грейтесь, — произнесла бабушка, не сводя глаз с наших саней, с наших новых добротных платьев из красной шерсти, отороченных кроличьим мехом, и с золотой пуговицы у моего ворота, что перекочевала ко мне из ткачихиного сундука.

Бабушка отправила меня отнести горячей воды дедушке в кабинет — ей хотелось поговорить с мамой наедине. Дедушка всякий раз при моем появлении только хмыкал и неодобрительно оглядывал меня, одетую в купленное бабушкой платье. Я знала, что он думает о моем отце. Я и сама не понимала, откуда мне это известно: Дедушка при мне ни словом на эту тему не обмолвился. Но я все равно знала.

В этот раз он окинул меня мрачноватым взглядом из-под сведенных щетинистых бровей:

— Я смотрю, ты нынче при мехах? И при золоте?

Должна сказать, что меня воспитывали подобающим образом, и прекословить дедушке я не привыкла. Но тогда я была сердита. Потому что мама переживала и бабушка как будто ничуть не радовалась, а тут еще и дедушка пытается меня поддеть. Уж ему-то я чем не угодила? Поэтому я сказала:

— Почему бы и нет? Лучше при мехах и золоте буду я, чем те, кто купит их на деньги моего отца.

Как и следовало ожидать, дедушка удивился внучкиной дерзости. В ответ на мои слова он снова сдвинул брови:

— Так это все отец тебе купил?

Любовь и верность замкнули мои уста в тот миг. Я опустила голову, молча налила горячей воды в дедушкин самовар и заварила чай заново. Дедушка ничего не сказал мне вслед, однако наутро он уже все откуда-то знал. Всю историю о том, как я взялась за отцовскую работу. И дедушка проникся ко мне неожиданной и внезапной симпатией. Ни он, ни кто другой никогда не вы-

казывал мне ничего подобного.

Его две другие дочери устроились в жизни удачнее моей мамы. Обе вышли замуж за процветающих торговцев из большого города. Но ни одна дочь не подарила дедушке внука, который унаследовал бы его дело. В большом городе наших собратьев было много; тут мы могли позволить себе быть не только ростовщиками или земледельцами, работавшими лишь на себя. Здешние горожане охотнее покупали наш товар: прямо у стены нашего квартала располагался бойкий рынок.

— Это занятие не для девицы, — попыталась вмешаться бабушка, но дедушка только фыркнул.

— Золоту неведомо, в чьей оно руке, — заявил он и, нахмурившись, повернулся ко мне. Теперь он хмурился по-другому, совсем не сердито, скорее наоборот. — Тебе надо завести слуг, — сказал он мне. — Для начала хотя бы одного — хорошего простого парня или девушку, чтоб не гнушались наняться к еврею. Есть кто на примете?

— Есть, — кивнула я, думая о Ванде. Она ведь уже привыкла к нам, а в нашем городке у крестьянской дочки не очень-то много возможностей работать за жалованье.

— Очень хорошо. Больше не ходи сама к заемщикам, — продолжил дедушка. — Отправляй вместо себя слугу, а все недовольные пускай идут разбираться в твой дом. И заведи себе стол. Будешь принимать за ним заемщиков: ты сиди, а они пусть стоят.

Я опять кивнула. Когда мы уезжали, дедушка вручил мне полный кошель пенни — всего там было пять копеек, — чтобы я пустила их в дело в окрестных городишках, где нет своих заимодавцев. Дома я спросила отца, приходила ли Ванда. Отец тоскливо посмотрел на меня; глаза у него ввалились и были полны печали, хотя мы уже много месяцев не голодали.

— Да, приходила, — тихо ответил он. — Я сказал ей, что это не обязательно, но она все равно приходила каждый день.

Вот и прекрасно, решила я. И в тот же день, как только Ванда закончила работу, я завела с ней разговор. Отец у нее здоровяк, да и сама Ванда высокая, плечистая. Ладони у нее широкие, руки покраснели от работы, ногти подстрижены коротко, лицо перепачканное, а длинные золотистые косы убраны под платок. Вечно она угрюмая, бессловесная и ходит вся набыченная.

— Я хочу больше времени уделять расчетам, —

сказала я Ванде. — Мне нужен кто-то, чтобы обходить заемщиков и собирать с них деньги. Если возьмешься за такую работу, я буду платить в день не полпенни, а целый пенни.

Она долго стояла в нерешительности, словно не была уверена, что правильно меня поняла.

— Тогда отцовский долг будет выплачен скорее, — наконец выдавила Ванда, как бы уточняя, не ошиблась ли она.

— Когда долг будет выплачен, я буду все так же платить тебе, — опрометчиво заверила я ее. Но если Ванда займется моей работой, у меня появится время объехать окрестности и найти новых заемщиков. Мне не терпелось распорядиться тем озерцом серебра, которое разлил передо мной дедушка. Превратить озерцо в полноводную реку из текущих в наш дом пенни.

Ванда снова умолкла, а потом спросила:

— Вы будете платить мне деньгами?

— Именно, — ответила я. — Ну так как?

Ванда кивнула, и я кивнула в ответ. Рукопожатием мы обмениваться не стали; известно, что никто не подаст руки еврею. А кто подаст, тот сделает это неискренне. Если Ванда нарушит условия нашего договора, я перестану ей платить, вот и все. Больше никаких подтверждений и не

требуется.

* * *

Папаня ходил мрачнее тучи с тех самых пор, как я начала работать в доме заимодавца. Теперь продать меня он не мог, и дома я работала меньше, а еды у нас не прибавилось. Орать он стал чаще, и рука у него сделалась тяжелее. Стефан и Сергей по большей части были с козами и дома не показывались. Я сносила побои молча и уворачивалась, когда получалось. И чтобы не кричать, я считала про себя. Жалованье в полпенни покроет отцовский долг за четыре года, а жалованье в пенни, выходит, за два. Два года — это шесть копеек. И я смогу работать еще два года, а папаня-то будет думать, что это в счет его долга. И я заработаю шесть копеек для себя. Мое собственное серебро.

Я такие деньги видела только мельком, когда отец вложил две блестящие монеты в открытую ладонь доктора. Может, если бы он не пропил и не проиграл еще четыре, этого хватило бы на лечение.

Ходить по чужим домам, стучать в двери и собирать деньги — оказалось, не такая уж это морока. Я же была вроде как не я, а Мирьем; это

были ее деньги, и она этими деньгами со мной, получается, делилась. Стоя на крыльце, я заглядывала в дома заемщиков — видела там красивую мебель, горящие камины. И никто в этих домах не кашлял. «Я к вам от заимодавца», — говорила я и сообщала каждому заемщику, сколько он должен. Если они пытались доказать, что мои цифры неверные, я просто молчала. В иных домах охали, что им, дескать, платить нечем, и я отвечала, что, значит, надо им явиться к заимодавцу, иначе тот привлечет их к суду. И тогда они мне хоть что-нибудь да отдавали. Выходит, сперва-то они мне неправду говорили. Ну да мне до этого дела нет.

Я таскала с собой большую крепкую корзину и складывала туда все, что мне давали. Мирьем поначалу беспокоилась, что я перезабываю, кто что дал, но я все помнила. Каждую монетку, каждую вещь. Мирьем все записывала в свою здоровенную черную книгу; она царапала там толстым гусиным пером прытко, без остановки. В базарный день она отбирала тот товар, который был ей не нужен, и отправлялась в город. А я ее сопровождала и несла корзину. Мирьем продавала и выменивала, покуда корзина не пустела, а кошелек не полнел — покуда ткани, фрукты и пуговицы не обращались в монеты. Иногда она

и по-другому поступала: отдаст ей крестьянин, скажем, десять куделей шерсти, а она отнесет их к ткачихе. И та в счет долга сделает плащ, а плащ Мирьем продаст потом на рынке.

В конце дня Мирьем высыпала пенни на пол и заворачивала их в бумажки. Получались кулечки; кулечек длиной с мой безымянный палец равнялся копейке. Я это узнала, когда однажды Мирьем отправилась на рынок спозаранок и отыскала там купца, который как раз вернулся в город из отлучки. Он еще только раскладывал товар, а Мирьем протянула ему свой кулечек, и он, пересчитав пенни, дал ей копейку серебром взамен. Серебряные монеты Мирьем не тратила, не разменивала на рынке. Она приносила их домой и тоже заворачивала в бумажку. Кулечки получались поменьше, как мой мизинец, и такой кулечек равнялся уже золотому. Серебряные кулечки Мирьем хранила в кожаном кошеле, который дал ей дед. Этот кошель я, кроме как в базарные дни, и не видела. В базарные дни, когда я приходила, он лежал на столе, да так и оставался там до самого моего ухода. Мирьем никогда не доставала и не прятала свой кошель при мне; ни отец ее, ни мать до него пальцем не дотрагивались.

Я сперва не могла уразуметь насчет тех вещей, которые она продавала: откуда она знает, что сколько стоит? Но понемногу я научилась разбирать цифры в книге, куда она заносила платежи. И когда она называла цену покупателю на рынке, это всегда была та же цифра. Мне хотелось понять, как она все это высчитывает. Но спросить я робела. Я ведь для нее была чем-то вроде лошади или вола — угрюмая, бессловесная и двужильная. Я как-то так себя и чувствовала рядом с ней и ее семьей. Мне казалось, они целый день не умолкали: то беседы у них, то песни, а случались и споры. Но не бывало такого, чтобы они вдруг закричали или кто-то на кого-то руку поднял. А еще они все время друг дружки касались. Мать Мирьем то и дело гладила дочку по щеке, а отец как ни пройдет — поцелует ее в макушку. Иногда по пути домой, когда я, сойдя с дороги, шла уже через поле, где никто не видит, я клала себе ладонь на затылок. Тяжелая у меня стала ладонь, большая, крепкая. И я представляла, будто это матушкина ладонь у меня на затылке.

А у нас дома все точно воды в рот набрали. В тот раз зимовали мы совсем не сытно, даже мой обед в доме Мирьем не спасал. Мне же после того обеда еще шесть миль надо было шагать. И вот

уже весна пришла, а мы все равно ходили полуголодные. По дороге домой я всегда собирала грибы, а если везло, то и зелень попадалась, и дикая брюква. Но из всего этого мы мало что могли есть, большую часть я отдавала козам. В доме я мешала угли под капустной похлебкой, которую я еще утром ставила на огонь. В это варево я добавляла грибы и что там еще находила в лесу. Потом я выкапывала несколько молодых картофелин — еще зеленых, их и есть-то, по-хорошему, было нельзя, но мы все равно их ели. Каждый кусочек с глазком я старательно вырезала и сажала снова. А остальное шло в похлебку. Мы садились за стол и ели — понурые, молчаливые.

Росло у нас все плохо. Земля в апреле еще была твердой как камень и холодной — рожь никак не хотела подниматься. Когда наконец потеплело и папаня посадил бобы, через неделю снова пошел снег и половину посадок сгубил. В то утро я проснулась и решила, что еще ночь. За окном все заволокло непроглядно серым, и снег вовсю валил. Папаня начал браниться на чем свет стоит и затрещинами выгнал нас из постели. Мы кинулись наружу за козлятами. Один козленок уже умер, а четверых мы успели занести в дом и коз загнали. Они блеяли во все горло, и жевали наши

одеяла, и едва не свалились в очаг, но зато живы остались. Как снегопад утих, мы освежевали мертвого козленка и засолили — хоть и немного, но все же мясо. Из костей я сварила суп, а еще мы съели печенку и легкие. И наелись досыта хоть однажды.

Сергей мог бы есть за троих. Он уже большущий вымахал. Я догадывалась, что он потихоньку себе охотится, хотя знает ведь, что за браконьерство положена виселица и еще чего похуже, если поймают с поличным в лесу. Из леса мы могли приносить только пятнистого зверя и птицу с черными или коричневыми отметинами. А все, что чисто-белое, принадлежало Зимоярам. Не знаю, что Зимояры делали с теми, кто охотился на белых животных, потому что никто не смел на них охотиться. Что зимоярово — то отнять нельзя. При этом сами-то зимоярские рыцари могли прийти и отнять у нас что угодно, а вот нам воровать у них не дозволялось.

Иногда Сергей приходил домой и быстро глотал еду, не поднимая глаз. Приканчивал всю свою долю без остатка. Он будто скрывал, что на самом деле съедает больше, чем все остальные. Я и сама ела так же. Поэтому я и решила, что, должно быть, он охотится там, где никто не видит. Предосте-

регать его я не стала: он и сам должен понимать, не маленький.

В общем, у нас дома совсем другие были порядки, не как у заимодавца. Слово «любовь» мне и в голову-то не приходило. Была любовь, да вся вышла: закопали ее в могилу вместе с матушкой. А что до Сергея со Стефаном — так они те же младенчики, из-за которых матушка слегла. Просто те умерли, а они нет. Как они народились, хлопот изрядно прибавилось — сначала у матушки, а после у меня. Их ведь и кормить надо было, и одевать. Мне приходилось прясть козью шерсть, вязать им одежду и стирать ее. Поэтому, если Зимояры что-то и сотворили бы с Сергеем, я бы не слишком горевала. Я как-то подумала, надо бы сказать ему: пусть хоть кости приносит с охоты, я бы суп варила. Но потом я решила, что нет, лучше не надо: окажется, что мы все в это дело впутались. Не стоит связываться с Зимоярами ради разгрызенных косточек, которые мой брат к тому же обглодал дочиста.

А вот Стефан Сергея любил. Когда матушки не стало, я Стефана спихнула на Сергея. Мне было одиннадцать, я уже могла прясть, а Сергею только семь минуло, толку от него тогда было немного. Поэтому отец ничего не сказал. Сергей

подрос и стал работать в поле, но Стефана от себя не прогнал. Тот так и ходил за ним хвостиком: под ногами старался не путаться, носил Сергею с отцом воду и с козами помогал. Они с Сергеем и спали вдвоем, чтобы теплее было. Если папаня буянил в доме, они могли и снаружи спать, даже зимой. Случалось, конечно, что Сергей и наподдаст Стефану, но несильно.

Поэтому Стефан прибежал за мной в тот день, когда с Сергеем приключилась беда. Время было не позднее, еще полдень не настал. Я возилась у заимодавца на огороде, срезала кочаны капусты. Накануне ночью землю прихватило морозцем, хотя осень еще только-только началась. Капуста не совсем созрела, но Мирьем сказала, лучше сейчас ее срезать на всякий случай, уж какая есть. Я трудилась и поглядывала на дверь. Вот-вот она отворится, и жена заимодавца позовет меня в дом обедать. В сегодняшнее зерно для кур полагалось намешать корок черствого хлеба, а я сама их все съела. Сжевала кусочек за кусочком и запила холодной водой из дождевой бочки, затянутой тонким хрустким ледком. Но живот у меня по-прежнему сводило от голода. Я как раз снова посмотрела на дверь, и тут Стефан позвал меня:

— Ванда! — Он стоял, привалившись к изгоро-

ди, и хватал ртом воздух. — Ванда!

Когда он меня окликнул, я аж вздрогнула, будто папаня прошелся по моей спине хворостиной.

— Чего еще? — Я на него разозлилась. И чего его сюда принесло?! Тут ему не место.

— Ванда, идем! — Стефан манил меня рукой. Он был не больно разговорчивый. Сергей и без слов его понимал, а когда дом ходуном ходил от отцовского крика, Стефан удирал, если получалось. — Ванда, идем!

— Дома что-то случилось? — На пороге, зябко кутаясь в шаль, стояла жена заимодавца. — Ступай, конечно, Ванда. Я скажу Мирьем, что отправила тебя домой.

Не хотела я никуда идти. Я сразу догадалась, что, видно, с Сергеем что-то неладно, потому-то Стефан и прибежал. Сергей мне ни разу в жизни не помог — с чего бы мне ради него надрываться? Да еще и без обеда ходить. Но жене заимодавца такое ведь не скажешь. Поэтому я поднялась и направилась к калитке, и когда мы уже были на дороге под деревьями, я встряхнула Стефана как следует и прошипела сердито:

— Не смей больше за мной приходить! — Ему только десять было, он пока еще ростом не вышел, так что я могла его трясти сколько душе

угодно.

Но он молча схватил меня за руку и куда-то потащил. И я пошла с ним. Можно было бы отправиться домой и рассказать отцу, что с Сергеем беда. Но я так делать не стала. Не то чтобы я Сергея любила, но он бы на меня никогда отцу не донес, и я на него не донесу. Стефан все пытался бежать. Я поспешила вдогонку: на бегу можно хотя бы не думать. Так мы и бежали: сначала я останавливалась, потом он, мы оба переводили дух, а потом Стефан опять пускался бегом. Шесть миль мы одолели за час. Уже немного оставалось до дома, но Стефан увел меня с дороги в лес. Тут-то я и насторожилась.

— А ну говори: что с ним? — спросила я.

— Он встать не может, — сказал Стефан.

Сергея мы нашли на берегу ручья. Мы сюда, случалось, ходили за водой летом, когда ближний источник пересыхал. Сергей лежал на боку и вроде бы не спал. Глаза у него были открыты. Я поднесла палец у его губам: он дышал, но внутри его словно все умерло. Я попробовала взять его за руку — рука оказалась тяжелая, как неживая. Я огляделась по сторонам. Рядом, наполовину в воде лежала тушка белого кролика с грубой веревкой из козьей шерсти на лапе. Ни единого

пятнышка на этом кролике я не увидела. Тропинки подернулись инеем, по краям ручья был лед. Значит, Зимояр поймал его за охотой и похитил его душу.

Я отпустила руку Сергея. Стефан смотрел на меня, будто ждал, что я сейчас что-нибудь сделаю. А что тут сделаешь? Священник к нам из города в такую даль не потащится. Ну и в конце-то концов, Сергей ведь сам виноват: знал же, что воровать нельзя. А если ты сам виноват, Бог вряд ли станет с тобой возиться, защищать тебя от Зимояров.

Я молчала. Стефан тоже молчал, но не сводил с меня глаз. Надеялся, что я сейчас Сергея спасу. И вдруг где-то внутри себя я поняла, как его спасти. Только мне не очень-то хотелось со всем этим связываться. Я стиснула зубы и велела себе ни о чем таком не думать. И принялась хлопать Сергея по щекам, чтобы привести в чувство, плескала ему в лицо холодной водой, хотя знала, что это не поможет. Оно и не помогало. Сергей не шевелился. Вода лилась ему на лицо, даже в глаза попадала и вытекала назад точно слезы. Но он не плакал. Он просто лежал совсем полый, как сгнившее изнутри бревно.

Стефан на Сергея не смотрел. Он вместо этого уставился на меня, почти не мигая. Так и хотелось

ему врезать или прогнать прочь палкой. Да что они оба мне хорошего сделали?! Не обязана я тут ради них морочиться. Но я уже решила про себя. Я поднялась, стиснула кулаки и велела Стефану взять Сергея за ноги. И обычные слова, которые я сказала, на вкус были как гнилые прошлогодние желуди.

Сергей вырос уже большой, но еще не настолько, чтобы нам вдвоем его не поднять. Я подтолкнула его в спину и ухватила под мышки, а Стефан положил его ноги себе на тощие плечи. Так мы и тащили его всю дорогу через лес к нашему полю. Всю дорогу к белому дереву. Я в лесу трижды упала. Приходилось ведь пятиться, да еще с ношей в руках — и я то о корень споткнусь, то поскользнусь на мерзлой грязи. Я больно ушиблась о камень, вся перемазалась и вляпалась в ядовитые ягоды, которые еще поди отстирай. Но злилась я не из-за этого. Они отняли ее у меня, все они: и Сергей со Стефаном, и те мертвые мальчики в могилках. Они лишили меня матушки. А ее я ни с кем бы делить не стала. Какое они вообще право на матушку имели?!

Но вслух я ничего такого не говорила. Я бухнула Сергея у подножия белого дерева, рядом с матушкиной могилой, встала возле дерева и

произнесла:

— Матушка, Сергей хворает.

Воздух был холодный, недвижный. Вдаль тянулось ржаное поле, наполовину зеленое — рожь только начала всходить. И все росточки низенькие, меньше, чем им положено быть в эту пору. А из печной трубы поднимался в небо ровный серый столб дыма. Отца нигде не было видно. Стояло безветрие, но белая крона вздохнула, ветви затрепетали, и от ствола отделился кусочек коры. Я схватилась за него и, потянув, оторвала длинную полосу.

Мы подхватили Сергея и потащили его к нашему ручью. Стефана я отправила в дом за горячими углями и посудиной. Сама я тем временем надергала сухой травы, собрала в кучу ветки, и когда Стефан принес угли, разожгла небольшой костерок. И на этом костерке я приготовила отвар из коры белого дерева. Вода сделалась пепельно-серая, пошла пятнами, а пахло из посудины как будто землей. Мы подержали Сергею голову и заставили его отпить. Он весь содрогнулся, как звери, когда летом отгоняют от себя мух. Я дала ему еще один глоток, и третий, и тут его начало выворачивать наизнанку. Его тошнило и тошнило, и из него вышла наружу целая горка

сырого красного мяса, еще дымящегося, пахучего, гадкого. Наконец его отпустило, и он, тихонько плача, сам отполз от кучи.

Я напоила Сергея водой, а Стефан закопал сырое мясо, которым стошнило брата. Сергей поплакал еще немножко, глотая воздух. На вид он был измученный, какой-то истончившийся, но хорошо хоть вернулся к жизни. Чтобы встать, ему пришлось опереться на меня. Мы пошли вдоль ручья к камню, где пили козы. Они и сейчас там паслись, блеяли, чавкали листочками на берегу. Самая старая коза побрела нам навстречу, болтая длинными ушами, и Сергей обхватил ее за шею и уткнулся ей в бок. А я надоила чашку молока и протянула ему.

Он выпил все до капли и облизал чашку. А потом тревожно глянул на меня. Отец всегда следил, какая коза сколько дает молока, и если чего недосчитывался, нам доставалось по первое число. Но я забрала у Сергея чашку, снова наполнила и дала ему. Даже не знаю, почему я так поступила. Но что сделано, то сделано. И наутро, когда отец принес ведра с молоком и принялся орать, я встала и громко произнесла:

— Сергею надо больше есть!

Отец вылупился на меня, и Сергей со Степаном

тоже. Да я и сама на себя бы вылупилась. Потом отец опомнился: закатил мне затрещину и велел придержать язык. Но на этом все и закончилось: отец просто взял да и вышел вон. Мы с Сергеем и Стефаном ждали в доме, когда же он вернется, но он не вернулся. Нас никто в этот раз не стал бить. Сергей посмотрел на меня, а я на него, но мы ни слова не сказали. Тогда я повязала платок, взяла свою котомку и отправилась на работу. Одежда моя так и осталась перепачканной и задубевшей от грязи. Придется теперь ждать большой стирки, решила я про себя, а то возиться с платьем мне недосуг.

Я вернулась домой в середине дня, и оказалось, что Сергей со Стефаном уже натаскали из ручья воды в большую лохань. И даже согреть ее успели — теперь совсем легко будет стирать, в горячей-то воде. Я на все это посмотрела и достала из кармана три свежих яйца, что дала мне жена заимодавца. Я ей рассказала, что брат у меня захворал, видно поел чего-то плохого. А она мне в ответ: мол, от боли в животе лучше всего сырые яйца. И дала мне целых три. Я съела одно, Сергей — полтора, а Стефан — половину. Пока я стирала платье, братья порезали за меня капусту, а потом я сварила обед.

Глава 4

Весь холодный год я сеяла серебро. Весна снова запоздала, а лето было скоротечное, и на огородах все поспевало медленно. Даже в апреле еще шел снег. Люди приходили ко мне издалека, из десятков окрестных деревень, и брали взаймы, чтобы продержаться. Следующей весной, когда мы поехали в Вышню, я везла с собой дедушкин кошель, набитый бумажными кулечками с копейками. Их я собиралась обменять на злотек и положить его в банк. Стены банка крепкие, городские стены еще крепче — они защитят мое богатство от зимоярских рыцарей. Дедушка при виде кошеля ничего не сказал, только взвесил его на ладони. Но я видела, что он мною гордится.

Во время наших визитов дедушка с бабушкой избегали приглашать других гостей — разве только своих дочерей. Прежде я об этом не задумывалась, а сейчас задумалась, потому что дом внезапно оказался полон разных людей. Кто-то заходил выпить чайку, кто-то — отобедать; и повсюду горел свет, мельтешили платья, слышался смех. За одну неделю я повстречала больше

горожан, чем за всю жизнь. Я всегда смутно догадывалась, что дедушка мой — важная персона, но оказалось, что он в десять раз важнее, чем я могла вообразить. К нему обращались, называя его панов Мошель, а порой и рабби; за столом они с еще несколькими мужчинами очень серьезно рассуждали об устройстве квартала и разных квартальных делах и частенько спорили таким тоном, словно они эти дела и решали.

Я не сразу поняла, почему раньше все эти люди тут не показывались. Они все были такие милые и при встрече со мной явно радовались.

— Неужто это малютка Мирьем? — улыбаясь, воскликнула Панова Идин и потрепала меня по щеке. Она была женой одного из дедушкиных друзей, и я даже не помнила, когда мы с ней виделись в последний раз. Наверное, очень давно. — Совсем уже взрослая! Скоро нам танцевать на твоей свадьбе, уж будь уверена!

Бабушка, услышав это, поджала губы, а у матери сделался еще более безрадостный вид. При гостях мать вечно забивалась в уголок гостиной и сидела там, склонившись над рубашкой из простого льна, которую шила для отца. В разговоры она вступала неохотно, вела себя почти неприветливо. И это моя-то мать, такая учтивая с нашими

соседями, которые у нее последний кусок изо рта вырвут, а после и из дома выставят.

— Людей встречают по одежке, — без обиняков объяснил дедушка, когда я наконец отважилась спросить про гостей. — Люди, что приходят в мой дом, ожидают, что моя внучка обеспечена должным образом. Твой отец не смог тебе этого дать. Когда твоя мать выходила за него, я поклялся, что не стану сыпать деньги в его дырявый карман.

Тогда мне и стало понятно, почему дедушка не приглашал при нас богатых гостей и почему не хотел, чтобы бабушка покупала мне платья с мехом и золотыми пуговицами. Он считал, что мельниковой дочке, чей наряд куплен в долг, не годится строить из себя принцессу. Не пытался подсунуть мельникову дочку в жены какому-нибудь простаку или заморочить голову жениху поумнее, который расторгнет брак, едва распознает обман.

И я на него не рассердилась. Наоборот, мне понравилась эта его холодная жесткая честность. Я гордилась тем, что он больше не стыдится звать гостей и даже хвастается мною перед ними: глядите-ка, мол, какая у меня внучка — взяла кошель с серебром, вернула кошель с золотом. Мне нравилось, как все эти гости на меня смотрят:

оценивающе, будто я и есть тот самый кошель. Мне нравилось, что теперь я могу ходить с гордо поднятой головой, как и они, и чувствовать, что я это заслужила.

На кого я сердилась по-настоящему, так это на мать. Накануне нашего отъезда ее сестры с семьями, как обычно, съехались на ужин. Нас за столом собралось двенадцать человек, да еще ребятишки с шумом и гамом носились по двору. Рядом со мной сидела моя кузина Бася. Она была годом старше меня — с холеными руками и блестящими каштановыми волосами, в ожерелье и сережках, вся такая невозмутимая и изысканная. Месяц назад Бася побывала у свахи. Моя кузина скромно опускала взгляд; в ее глазах и в уголках рта начинала играть улыбка, стоило ее матери завести разговор о юноше, которого прочили ей в женихи. Юношу звали Исаак; как и Басин отец, он был ювелиром, и, похоже, умелым. Однако дедушка недоверчиво качал головой и подробно расспрашивал о нем и его деле. У Баси такие гладкие ухоженные руки. Она не знала тяжелой работы, и ее одежда ладно скроена и красиво расшита цветами и певчими птицами.

Я не завидовала Басе. Особенно сейчас — ведь я и сама могла купить себе передник с вышивкой,

если бы захотела тратить на это деньги. Моя работа приносила мне радость. Но я чувствовала, как сидящая рядом мать напрягалась словно струна. Она точно хотела отгородить меня решеткой от Баси и от жизни, которую та вела.

Назавтра мы умчались на санях через лес по хрустящему морозному снежку. Для весны было холодно, но у меня был плащ с меховым подбоем, да еще три нижние юбки под платьем, да еще мы кутались в три одеяла. Так что ехали мы в тепле и уюте. Но лицо у матери было несчастное. Мы не разговаривали. Молчание стеной встало меж нами посреди темной чащи, и наконец я не выдержала и взорвалась:

— Ты хочешь, чтобы мы так и ходили нищими и голодными?!

Мать обвила меня руками, поцеловала и прошептала:

— Милая моя, милая, мне так жаль. — И негромко заплакала.

— Жаль? — переспросила я. — Чего тебе жаль? Что нам тепло, а не холодно? Что мы богаты, а не бедны? Что твоя дочь обращает серебро в золото? — И я отшатнулась от нее.

— Мне жаль видеть, что твое сердце превратилось в лед ради всего этого, — отозвалась она.

Я не ответила, только закуталась плотнее в свои одеяла. Олег понукал лошадей: поодаль меж деревьев серебрилась Зимоярова дорога. Лошади зарысили побыстрее, да только от сверкающей дороги нам было не скрыться; она так и мелькала за деревьями до самого дома. И я ее ощущала, эту дорогу, — в бок мне дул особый ветер, холоднее обычного, он льнул ко мне, пытался пробрать до самых костей. Но мне этот ветер не досаждал. Стужа внутри меня была сильнее, чем снаружи.

* * *

На следующее утро Ванда запоздала. Прибежала запыхавшаяся, взмокшая, щеки разрумянились, на чулках и на юбке налипли комья снега, словно она шла не по дороге, а по сугробам через поле.

— Зимояры в лесу! — выпалила она, пряча глаза.

Мы вышли на двор и встали перед домом. Зимоярова дорога слабо поблескивала меж деревьев — всего в какой-то четверти мили от нас.

Я не слышала, чтобы дорога подходила так близко к городку. Городские стены нас не защищали, но ведь у нас и брать-то особо было нечего. Подать мы платили зерном и шерстью; те, кто побогаче, меняли серебро на золото в большом

городе, под прикрытием стен, и хранили его в тамошнем банке, как я. Иные женщины, конечно, носили золотые ожерелья или кольца — я вдруг подумала о пуговице у себя на вороте, — но даже если бы зимоярские рыцари обобрали дочиста каждый дом на главной улице, они с трудом наскребли бы маленький ларчик золота.

Колючий холод расползался из леса. Стоило опуститься на колени и поднести ладонь к земле — и руку обдавало морозом, точно неведомый великан тихо дышал где-то вдалеке. В воздухе стоял крепкий густой запах сосновых веток. Зима была в самом разгаре, но было что-то уж слишком холодно, холоднее, чем всегда. Я глянула на соседние дома: и там народ тоже высыпал на дворы и во все глаза таращился на дорогу. Панова Гавелите встретилась со мной взглядом, нахмурилась и ушла в дом, будто это я во всем виновата.

Но больше ничего не происходило, а утренние хлопоты никто не отменял. Так что один за другим мы все вернулись в дома. А не видишь дороги — так и не думаешь о ней. Я уселась за свои книги посмотреть, что там принесла Ванда за те две недели, пока нас не было. А Ванда подхватила корзину, полную зерна и черствых корок, и направилась на двор — покормить кур

и собрать яйца. Мать наконец-то оставила все попытки работать на дворе, и я этому радовалась. Она сидела за столом, чистила картошку на обед и согревалась у огня. Лицо у нее успело немного округлиться, а на щеки вернулся румянец, истаявший прошлой зимой. И раз так, пусть мать бросает на меня и мои книги свои унылые взгляды. Мне все равно.

Все расчеты оказались в полном порядке, цифры сошлись как надо. Дедушка спросил меня о служанке: хороша ли она? И похвалил меня за то, что я обещала платить Ванде деньгами. «Очень неглупый ход, — сказал дедушка. — Если служанка приносит деньги тебе, а сама их в руках не держит — считай, она на пути к воровству. Пускай думает, что ее прибыль зависит от твоей прибыли».

К своей прибыли я относилась весьма серьезно. Под замком в дедушкином банке у меня лежало уже четырнадцать золотых, но это все были не мои деньги. Это было приданое матери, которое я возвращала. Отец раздал его в долг, едва они с матерью поженились; наше золото перетекло в чужие карманы, когда меня еще на свете не было. И с тех пор вернули нам так мало, что по сей день все соседи на несколько миль окрест ходили у

нас в должниках. Однако при этом они чинили свои дома и амбары, покупали коров и семена на посев, выдавали замуж дочерей и помогали сыновьям встать на ноги. А меж тем моя мать голодала, а отца они гнали со двора поганой метлой. Поэтому я твердо вознамерилась заполучить назад каждую монетку и взыскать все проценты без остатка.

Легкие долги я собрала быстро. Но часть наших денег уже никогда не вернуть, это я понимала. Кто-то из должников успел сойти в могилу. Кто-то уехал так далеко, что и концов вовек не найти. Больше половины платежей мне приходилось принимать товаром или работой — обращать все это в звонкую монету было не так-то легко. Теперь дом наш стал уютным, мы завели кур — сколько смогли содержать. Мне часто предлагали овцу или козу в уплату долга, но мы не знали, как с ними обращаться. Продавать их на рынке было уж очень хлопотно, и мне хватало ума не пытаться. Поэтому я списывала из суммы долга на пенни меньше, чем товар стоил на рынке. Заемщики считали это надувательством — ну так ведь я тратила свое время и силы, стоя за прилавком.

Новые займы я давала только тем, в ком могла быть более-менее уверена. Давала очень осмот-

рительно и небольшими суммами. Правда, и прибыль получалась небольшая. И к тому же с новым заемщиком никогда не знаешь, сумеет ли он выплатить долг до конца. Но при всем при том, еще раз внимательно изучив свою бухгалтерию и проверив аккуратно поступающие платежи, я решила, что начну платить Ванде. Отныне каждый день полпенни будет уходить на покрытие долга ее отца, а полпенни пусть она забирает себе. У нее заведется собственная звонкая монета; и ее отец, и сама она почувствуют, что значит постоянный заработок.

Я как раз решила про себя, что поговорю с Вандой после обеда, когда она соберется домой, и тут дверь с грохотом распахнулась. Ванда вбежала в дом, прижимая к груди корзину, все еще полную зерна и корок, и выкрикнула:

— Они были тут, возле дома!

Я не поняла, о ком это она, но, встревожившись, мигом вскочила на ноги. Лицо у Ванды побелело от страха, а ведь она была не из пугливых. Отец выдернул из очага кочергу и сказал:

— Пойдем покажешь.

— Это разбойники? — прошептала мать. Я тоже первым делом подумала про разбойников, когда вообще обрела способность хоть что-то

соображать. Хорошо, что мои деньги в банке, далеко отсюда. Мы поспешили следом за отцом. На заднем дворе недовольно попискивали куры, которым не дали еды. Ванда показала нам следы. И сразу стаю ясно, что никакие это не разбойники.

Копыта как будто едва-едва коснулись легкого свежего снежка, не проломив наста. Однако это были именно копыта: большие, размером с лошадиные, только раздвоенные, как у оленя, и с не очень хорошо заметными острыми выступами спереди. Следы вели прямо к нашему дому, а потом кто-то, вероятно, спешился и заглянул к нам в окно. У этого кого-то были очень странные сапоги с длинными острыми носами. И сапоги тоже почти не проваливались в снег.

Сначала мне это показалось каким-то бредом. Да, конечно, следы необычные, но наверняка кто-то просто зло подшутил над нами. Как те мальчишки, что швырялись в меня камнями, когда я была маленькая. Кто-то подобрался к дому и оставил такие вот следы нарочно, чтобы напугать нас. Или еще хуже: чтобы отвлечь нас, пока он нас ограбит. И я уже раскрыла рот, чтобы все это изложить, но тут же осеклась. Ведь тогда злоумышленник должен был сам наследить рядом с фальшивыми следами. Разве что он свесился

с крыши и нарисовал следы палкой. Но снег на крыше тоже оставался нетронутым. Раздвоенные следы цепочкой тянулись через весь двор, уходили в лес и терялись под деревьями. Я глянула в ту сторону. Меж деревьев все еще поблескивала дорога.

Я ничего не сказала, и отец с матерью тоже промолчали, мы лишь смотрели и смотрели на лес, не в силах отвести взгляда. Из всех нас заговорила только Ванда.

— Это Зимояр, — произнесла она. — Зимояр приходил сюда.

Лесные цари и всякое там волшебное зверье совершенно не вязались с нашим двором и с курами. И мне очень трудно было представить, чтобы какой-то колдун явился сюда из леса поглазеть в наше окно. Ну что здесь может быть интересного? Моя узкая кровать прямо под окном, очаг с маленьким котелком, буфет, который отец сам смастерил в подарок матери, да мешки с зерном в кладовой. Самый обычный дом, обычнее не придумаешь. И все домыслы о чародеях и водяных показались мне еще более бредовыми. Я выпрямилась и снова посмотрела на следы, почти ожидая, что они чудесным образом исчезнут. Пускай они пропадут пропадом, а с ними и все

смятение, которое они привнесли в нашу жизнь!

И вдруг отец принялся разметывать следы кочергой. Он медленно прошел вдоль всей цепочки, до самой опушки леса, волоча по следам кочергу, а потом, вернувшись к дому и затоптав остатки следов, подошел к нам и сказал:

— Больше ни слова об этом. Неизвестно, чьи это шутки, возможно всего лишь детские шалости. А ты, Ванда, займись своими делами.

Я, признаться, очень удивилась. Никогда я не слышала, чтобы он говорил таким резким тоном. Ванда колебалась. Она еще раз глянула туда, где только что были следы, но все же ступила на развороченный снег и принялась кормить кур. Мать стояла, плотно завернувшись в шаль, сжав губы и стиснув руки.

— Зайди-ка в дом, Мирьем, помоги мне с картошкой, — сказала она.

Мы с матерью зашли в дом, и она беспокойно окинула взглядом соседские дома и городской тракт. Но все соседи уже давно разбрелись кто куда по своим делам. На Зимоярову дорогу больше никто не глазел.

Отец же подошел к окну, что над моей кроватью, и, измерив его длину и ширину, сделал зарубки на палке из поленницы. Потом надел

кафтан и шапку, взял топорик и ушел, прихватив с собой палку.

Я проводила его глазами, потом посмотрела на мать. Та выглядывала из окна на двор, который уже вовсю подметала Ванда.

— Мирьем, — заговорила мать, — твоему отцу нужен парень в помощь. Мы попросим брата Ванды ночевать у нас и будем ему за это платить.

— Платить за то, что он у нас ночует? Да если этот Зимояр и заявится сюда, какой прок от мальчишки? — Сказав это, я рассмеялась: придет же матери такая чушь в голову! Мне показалось тогда, что мать шутит, а потом я не могла вспомнить, отчего я так решила. Беседуя с матерью, я чувствовала себя едва очнувшейся от сна; будто бы этот сон еще не до конца растаял.

Но мать резко одернула меня:

— Не смей болтать о таких вещах. Чтобы я больше ничего подобного от тебя не слышала. И ни слова о Зимоярах, ни одной живой душе в городе.

Тут уж я совсем запуталась. О Зимоярах судачат все, кому не лень, — ведь дорога-то теперь рядом. И к тому же завтра базарный день, о чем я поспешила напомнить матери.

— Значит, не пойдешь на рынок, — отрезала

мать.

Я, конечно, заспорила: у меня же товар из Вышни, его надо продать. Но мать взяла меня за плечи и сказала:

— Мирьем, послушай меня. Брат Ванды будет приходить к нам и ночевать у нас, а мы будем ему за это платить. Тогда Ванда никому не скажет, что у нас побывал кто-то из Зимояров. И ты никому не говори, что он наведывался к нам. — Я промолчала, а мать продолжила, уже мягче: — Два года назад неподалеку от Минаска шайка Зимояров напала на три городка вроде нашего. Они сожгли церкви и богатые дома и забрали с собой все золото до крупинки. Но деревню Йазуда, где жили евреи, они не тронули, все тамошние дома уцелели. Люди решили, что евреи в сговоре с Зимоярами. И с тех пор нет больше ни одного еврея в Йазуде. Ты поняла меня, Мирьем? Никому ни слова о том, что к нам наведывался Зимояр.

Лесные цари, волшебство и разные глупые выдумки оказались тут ни при чем. Теперь мне все стало ясно.

— Завтра я пойду на рынок, — задумчиво проговорила я. Мать хотела было возразить, но я перебила ее: — Если не пойти — все сразу это заметят. Я пойду, продам два новых платья, кото-

рые купила, и поболтаю о том, что нынче носят в Вышне.

Мать медленно кивнула, погладила меня по волосам и сжала в ладонях мое лицо. А после мы вдвоем уселись за стол чистить оставшуюся картошку. Со двора доносился мерный стук топора: Ванда колола дрова. Вскоре вернулся отец с охапкой веток. До самого вечера он сидел у очага, обстругивал эти ветки и мастерил из них небольшие решетки, которые потом прибил к оконным рамам.

Пока он работал, мать вязала и, не поднимая глаз от вязания, произнесла:

— Мы тут подумали: не позвать ли нам брата Ванды? Он мог бы ночевать у нас.

Отец, похоже, обрадовался.

— У меня душа не на месте всякий раз, как в доме деньги, — сказал он. — Крепкий парнишка нам пришелся бы кстати. Да и помощник не помешал бы — все-таки я не молодею.

— Может, тогда и коз заведем, — вздохнула я. — Он бы за ними присматривал.

* * *

— Мы хотели бы нанять парня в помощь. Чтобы ночевал у нас и помогал по хозяйству, — сказала

мне Мирьем в тот день, когда вернулась. — Мы тут решили коз завести, так чтобы он и за козами приглядывал. Твой брат согласился бы на такую работу?

Я не сразу ответила. Сперва я хотела сказать «нет». Все те две недели, что Мирьем не было, я вела записи в ее книгах. Сама вела, в одиночку. Каждый день я совершала свой обход, и каждый день это были разные дома. Потом я возвращалась, готовила обед для себя и для заимодавца, а после усаживалась за стол с книгой, и руки мои слегка дрожали. Я касалась кожи переплета — такой мягкой. Тонкие странички были испещрены цифрами и буквами. Я листала страницы, одну за другой, отыскивая записи о тех домах, где я побывала нынче. Мирьем особой цифрой помечала каждый дом; цифра стояла и напротив имени его владельца. Я обмакивала перо в чернильницу, вытирала кончик, снова обмакивала и писала — очень медленно, старательно выводя каждую цифру. Потом я закрывала книгу, чистила перо и убирала чернильницу на полку. И все это я проделывала сама.

Летом, когда дни были долгими и я могла немного замешкаться у заимодавца, Мирьем научила меня писать цифры пером. После обе-

да она вела меня на двор и рисовала их в пыли — снова и снова. И она не только учила меня писать цифры. Она научила меня, откуда они берутся. Как из двух цифр получается одна, новая, и как из цифры можно вычесть сколько-то. И это были не маленькие цифры — те-то я и сама могла сосчитать с помощью камешков. Мирьем учила меня большим цифрам. Она рассказала мне, как из сотни пенни получается копейка, а из двадцати копеек — злотек и как из серебряной монеты снова сделать пенни.

Поначалу я боялась. Только через пять дней я отважилась взять в руки палку и повторить те линии и загогулины, что рисовала Мирьем. Она говорила об этом как о сущем пустяке, но я-то знала: меня обучают волшебству. Я и потом продолжала бояться, но уж больно мне было любопытно. Так я стала рисовать волшебные знаки в пыли. Затем мне дали истертое перо и старый обрывок бумаги. Я смешивала золу с водой на плоском камне и писала, а потом смывала — и мой листок от этого совсем посерел. Поэтому к концу зимы, когда Мирьем уехала в гости, я уже могла вести записи за нее. Я даже понемногу начала разбирать буквы. Имена с каждой страницы я знала на память. Я шептала имя себе под

нос — и касалась букв, которые обозначали эти звуки. Если я ошибалась, Мирьем меня останавливала и говорила, как правильно. Она дарила мне волшебство, тайное знание. И я не хотела ни с кем этим знанием делиться.

Год назад я бы твердо ответила «нет». Но миновал уже почти целый год с тех пор, как я спасла Сергея от Зимояра. С тех пор, если я задерживалась, он грел ужин. Они со Стефаном собирали для меня с кустов и изгородей козью шерсть — за год ее скопилось довольно, чтобы я смогла связать себе теплую шаль ходить в ней в город. Сергей стал мне братом по-настоящему.

Поэтому я испугалась. И чуть не сказала «нет» из страха. А что, если он проболтается? Мне самой-то тяжело было держать язык за зубами. Каждый вечер перед сном я думала о шести блестящих серебряных копеечках, которые холодят мой кулак. Я складывала и складывала пенни, один за другим, и получала свои копеечки, пока ко мне не подкрадывался сон.

Я немного подумала и сказала:

— А если он будет работать, мы выплатим долг быстрее?

— Да, — подтвердила Мирьем. — Каждый день вы с братом будете получать два пенни. Один — в

счет долга, второй — вам. И вот первый пенни за сегодня, держи.

Она вытащила чистый сияющий кругляшок и вложила мне в руку. Словно бы в награду за то, что я сказала ей «да» вместо «нет». Я уставилась на монету и сомкнула вокруг нее пальцы.

— Я поговорю с Сергеем, — кивнула я.

Я все ему рассказала — шепотом, в лесу, подальше от папаниных ушей. А он спросил:

— Так я, что ли, должен только в их доме ночевать? Я буду у них спать да за козами ходить — а они мне платить станут? Как это так?

— Разбойников они боятся, — пояснила я. И только я это сказала вслух, как тут же поняла, что нет, неправда это. А в чем правда, я никак не могла вспомнить.

Я тогда встала и будто бы взяла в руки корзину для кур и походила с ней туда-сюда. И вот тогда воспоминания о том утре начали возвращаться. Я вспомнила, что вышла на двор, спряталась за угол, чтобы ни хозяева меня не видели, ни куры, и давай жевать черствый хлеб из корзины. Вот тут-то я и заметила следы…

— Зимояр, — прошептала я. — К ним в дом Зимояр приходил.

Если бы Мирьем не сунула мне тот пенни, даже

не знаю, как бы мы поступили. Отцовский долг тут уже ничего не значил. Никакой судья не заставил бы меня работать в доме, куда являются Зимояры и смотрят в окна. Но Сергей не сводил взгляда с монеты на моей ладони. И я тоже не сводила. И Сергей спросил:

— Каждому по пенни, каждый день?

— Один пенни в счет долга, — уточнила я. — А второй мы берем себе.

Сергей подумал и сказал:

— Ты тогда бери этот. А я возьму завтрашний.

Надо было предложить ему: мол, давай-ка сходим к белому дереву, спросим совета. Но я ничего такого не предложила. Потому что я, совсем как папаня, не хотела слышать матушкин голос, который говорит: «Не ходите туда, а то лихо накличете». Я понимала, что накличем. Но еще я понимала, что случится, если я оставлю работу у заимодавца. Стоит мне заикнуться об этом папане — он тут же скажет, что да, негоже мне ходить в дом, где знаются с дьяволом. Отведет меня на рынок и продаст за двух коз первому встречному, которому нужна женушка поздоровее, да без всяких там цифр в голове. Я небось и шести копеек-то не стою.

Поэтому я сказала отцу, что заимодавец ищет

кого-нибудь, чтоб ходил за козами, и если бы Сергей взялся, то с долгом мы управились бы поскорее. Только Сергею надо будет там ночевать. Папаня помрачнел и ответил:

— Чтобы через час после рассвета дома был. И сколько тогда еще долг платить?

Сергей посмотрел на меня. А я уверенно произнесла:

— Три года.

Я-то думала, он заорет, с кулаками на меня накинется, скажет, что за дурища такая, два и два сложить не умеет. Но папаня в ответ прорычал:

— Пиявки и кровопийцы, вот они кто! — И, обращаясь к Сергею, добавил: — Скажи им, пусть завтраком тебя кормят. Тогда молоко у коз брать не будем.

Теперь у нас три года в запасе. В первый год каждый получает по пенни через день, а потом — каждый день. Мы с Сергеем на заднем дворе радостно ухватили друг дружку за руки. И он прошептал:

— А что мы на это купим?

Я не знала, что ответить. Я никогда не размышляла, как потрачу деньги. Я просто мечтала ими владеть. Настоящие деньги в моих руках — вот о чем я думала. А Сергей прибавил:

— Если мы что-то купим себе, он узнает. И все отберет.

Хорошо хоть папаня меня на рынок не тащит, подумала я. И того довольно. Приноси я каждый день в дом пенни — он бы только радовался, что я работаю у заимодавца. Но затем я представила, как он отбирает у меня пенни. Как блестящие монетки одна за другой ложатся к нему в ладонь. А он идет в город, и пьет там, и играет напропалую, и плевать он теперь хотел на работу. То-то папаня будет счастлив — и так день за днем. Живот мне скрутило изжогой.

— Ничего он от меня не получит, — прошептала я. — Ни единой монеточки.

Но что делать с деньгами, мы все равно не знали. И тогда я сказала:

— Мы их спрячем. Все спрячем, что заработаем. Если будем работать три года, у нас скопится по десять копеек у каждого. А это один злотек. Золотая монета. Мы заберем Стефана и уйдем.

Куда мы уйдем? Я понятия не имела. Зато была уверена, что с такими деньгами мы где угодно не пропадем. Иди куда вздумается и делай что вздумается. Сергей кивнул: он был согласен.

— А где мы будем прятать деньги? — спросил он.

Так что волей-неволей пришлось нам идти к белому дереву. Под могильным камнем матушки мы выкопали ямку, положили туда пенни и снова завалили камнем.

— Матушка, милая, сбереги это, — попросила я. И мы поспешили прочь, не дожидаясь, пока что-нибудь случится. Сергею тоже не очень-то хотелось слышать, как матушка нас отговаривает.

Вечером после обеда Сергей отправился в город. Я ему из тряпья сделала что-то вроде чепца на голову, чтобы уши не замерзли. Стоя на переднем дворе, я глядела ему вслед. Зимоярова дорога все так же поблескивала возле леса. Она светила не как лампа, а скорее как звезды на облачном небе. Смотришь на нее в упор — и не видишь. А отвернешься — и она тут как тут, блестит, а ты ее замечаешь лишь краем глаза. Сергей, как мог, старался держаться от нее подальше. К лесу он даже не совался, а все жался к обочине деревенской дороги — к той, что подальше от деревьев. Иногда ему приходилось шагать по снегу рядом с утоптанной дорогой. Вскоре Сергей скрылся в темноте.

Утром я сама отправилась в город. На снегу все еще были видны следы Сергея. Лучше бы он шел по дороге, думала я. Мне было страшно: а

вдруг следы где-нибудь возьмут и оборвутся? Но они не оборвались, а привели меня прямо к дому Мирьем, где Сергей сидел за столом и уплетал пахучую гречку. У меня тут же слюнки потекли. Мы-то дома больше не завтракали: еды не хватало.

— Ночью все тихо было, — сообщил мне Сергей.

Я подхватила корзину и отправилась на двор. Среди зерна завалялась целая горбушка, еще мягкая в середине. Я сжевала ее и пошла к курам. Но куры куда-то вдруг подевались.

Я медленно приблизилась к курятнику. Вокруг него весь снег был в следах — копыта вроде оленьих, но больше и с когтями. Окошко наверху, которое я вчера закрыла, оказалось открыто, будто кто-то заглядывал внутрь. Я нагнулась и просунула руку в курятник. Куры все сбились в кучу, нахохлились, встопорщили перья. Яиц оказалось всего три, все маленькие. Я их вытащила наружу. Одно было беловато-серое, как зола в очаге.

Я зашвырнула серое яйцо подальше в лес и подумала: может, замести следы и прикинуться, что ничего не видела? А то вдруг заимодавец скажет Сергею больше не приходить, раз уж он

проворонил Зимояра. Вдруг они и меня отошлют заодно? А если замести следы, они и забудутся — вчера ведь так и случилось. Были следы — и нет следов, и никто о них ни сном ни духом. И я пошла за метлой, которой обычно мела двор. Но метла стояла прислоненная к стене дома, а там оказалось видимо-невидимо следов. В этот раз не копыта, а сапоги. Зимояр побывал на заднем дворе и трижды прошелся туда и обратно вдоль стены — как раз там, где спали заимодавец с семьей.

Глава 5

Брат Ванды оказался мальчишка как мальчишка: долговязый, нескладный и неотесанный. Такой недокормленный жеребенок с костлявыми локтями и запястьями. В первый же вечер он объявил, что отец отпускает его, только если мы его кормим ужином и завтраком. И когда он уселся за стол, я сразу подумала, что Горек молодец, своего не упустит. Потому что ел-то этот парнишка за троих. При нынешних ценах съедал он на второе жалованье, никак не меньше. Но я ничего не сказала. Даже не возражала, если мать подсовывала ему еще хлеба с маслом. Родители унесли мою кровать к себе в спальню, а Сергею дали пару одеял и устроили его на моем прежнем месте.

Я проснулась в самый темный час, посреди ночи. Отец прошел в гостиную, скрипнула дверь, и в дом влетел порыв ледяного ветра. Я услышала, как Сергей стряхивает снег с башмаков и говорит отцу:

— Ничего, все тихо.

— Иди спать, Мирьем, — негромко позвала мать. — Сергей просто глянул, как там на дворе.

В ту ночь меня еще дважды будили отцовские шаги и острые уколы стужи. Я открывала глаза, но почти сразу снова закрывала. Ничего не случилось. Утром мы проснулись и принялись варить гречку. Сергей на дворе вбивал в землю столбики — делал сарай для коз. Зимоярова дорога была на месте, меж деревьев, но когда я вгляделась попристальнее, то мне показалось, будто она чуть отступила. День выдался сумрачный, холодный, солнце не показывалось, но дорога все равно сверкала. До меня доносились звонкие голоса: ребятня гомонила неподалеку от нашего дома. Мальчишки подначивали друг дружку кинуть камень в Зимоярову дорогу или потрогать ее.

Когда появилась Ванда, ее брат все еще сидел за столом и завтракал. Она сразу же ушла кормить кур. Вернулась она с почти пустой корзиной — на дне лежали только два яйца, а ведь у нас сейчас девять несушек. Ванда водрузила корзину на стол, и мы все вперили взгляд в эти яйца. Они были какие-то маленькие и очень уж белые. И тут Ванда нежданно-негаданно объявила:

— Там, за домом, еще следы.

Мы пошли смотреть. Я их мгновенно узнала, хотя почти успела позабыть, как они выглядели в прошлый раз. Я и вовсе о них позабыла бы,

если бы Ванда не напомнила. Кто-то, обутый в остроносые сапоги, рыскал под стеной спальни — прошел три раза туда и обратно. А возле курятника потоптался зверь с раздвоенными копытами — словно лиса, вынюхивающая, где тут лазейка. Куры все сбились в нахохлившуюся пернатую кучу.

— Я смотрел, клянусь! — испуганно воскликнул Сергей.

— Ничего страшного, Сергей, не переживай, — успокоил его мой отец. — Это просто те сорванцы шалят.

Ванда подмела двор, а два яйца мы выкинули в мусор. По дороге в дом мать крепко обнимала меня за плечи.

Сергей ушел домой к отцу, а Ванда покончила с уборкой и отправилась за водой. Следы в этот раз не шли у меня из головы — а ведь я была бы не прочь их забыть. И все же, когда Ванда вернулась, я решительно встала и как ни в чем не бывало произнесла:

— Идем на рынок.

Я закуталась в шаль, и мы пошли. В сторону леса я старалась не смотреть. Студеный ветер обвивался вокруг моих щиколоток, норовил скользнуть под длинный подол. Но я упрямо не

оборачивалась. Не проверяла, серебрится ли меж деревьев Зимоярова дорога.

Ванда тащила за мной корзину со всякими побрякушками, которых я набрала в Вышне. Помимо побрякушек в этой корзине лежали два платья, купленные мною в порыве дерзкого расточительства, — мать ни за что не приняла бы от меня такой подарок. Это были теплые платья, шерстяные, и к тому же красивые: по подолу яркими пятнами разбегались большие цветы — темно-зеленый, глубокий синий на красном. Я направилась прямиком к прилавку портнихи Марьи, развернула перед ней два подола и сказала:

— Гляди, такой узор в этом году носят в Вышне.

Вокруг меня тут же столпились женщины. Модные новинки отвлекли их и надежной стеной защитили меня от слухов и пересудов. Здешним сплетницам роскошный узор куда интереснее всяких там Зимояров, тем более что о них и думать-то никому не хотелось. И по рыночной площади никакие Зимояры не слонялись. Марья, разумеется, поинтересовалась, сколько я хочу за эти наряды. Ответила я не сразу. Шесть женщин стояли возле меня, алчно глазея на платья, как сороки на блестящую вещицу. Я чуть

было не поддалась искушению отдать платья по бросовой цене — чтобы расположить к себе покупательниц. Если вдруг кто заведет разговор о Зимояровой дороге и о том, как близко пролегла она к нашему дому, эти женщины будут вроде как на моей стороне. Внезапно я осознала, что в чем-то понимаю отца.

Я вдохнула поглубже и выпалила:

— Ох, даже не знаю, стоит ли мне их продавать. Видите, сколько в них вложено мастерства. Самые искусные руки в Вышне над ними трудились. Они сшиты для свадьбы. И мне недешево встало купить их и привезти сюда. Меньше чем за злотек я их продать не могу.

Я весь базарный день простояла на одном месте, а женщины подходили, смотрели на наряды ценой в злотек и перешептывались насчет вышивки, и кроя, и ярких цветов. Они внимательно изучали швы и согласно кивали, когда я с важным видом расписывала им, с каким тщанием и сноровкой выполнены эти мелкие стежки и какие тут использованы тончайшие нити. А между делом я продала им остальной товар — все, что я привезла из Вышни. И за каждую безделицу я выручила больше, чем заплатила, — словно отсвет великолепия платьев падал и на обычные

побрякушки тоже. А под конец дня объявился сборщик податей. Он любил время от времени сам потолкаться на рынке, хотя у него для этих дел имелся слуга. Сборщик торжественно вручил мне два злотека и забрал оба платья в сундук с приданым для своей дочки.

Я вернулась домой, и сердце мое колотилось от яростного ликования. И все же мне было страшно: продавая их, я ничего не могла с собой поделать. А ведь за каждое платье я отдала в Вышне всего-навсего копейку. Дома я выложила на стол два злотека, да еще кучу пенни и три копейки, заработанные в придачу. Отец с матерью молчали. Потом отец еле слышно вздохнул.

— Ну что ж, моя дочь и впрямь мастерица обращать серебро в золото, — произнес он сокрушенно. И погладил меня по голове, точно жалел меня, вместо того чтобы мною гордиться.

К моим глазам подступили злые горючие слезы, но я стиснула зубы, сгребла золото в кошель и вручила матери горшочек засахаренных вишен. Это лакомство я купила для нее. После обеда мать заварила крепкий чай и выложила вишни на стеклянную тарелку крошечной серебряной ложечкой — остатки чайного прибора из ее приданого. Большая часть этого прибора давным-

давно, когда мы голодали, ушла на рынке в чьи-то чужие руки. Мы опускали сахарные ягоды в чай, выпивали сладкий горячий напиток и съедали все до одной чуть согретые вишенки, деликатно снимая ложкой косточки с губ.

Ванда убрала со стола, повязала свой платок и приготовилась уже идти домой, но тут внезапно потемнело. В окнах густо повалил снег, и когда мы открыли дверь, то даже не сумели разглядеть соседний дом — настолько сильный был снегопад. А вот Зимоярова дорога в другой стороне еще просматривалась и поблескивала. И мне даже на миг почудилось, будто среди деревьев на дороге кто-то двигается.

— Куда ты пойдешь в такое ненастье? — сказала мать Ванде. — Подожди, пока развиднеется.

Но вьюга не утихала допоздна. Она даже ничуть не ослабела. Вечером отец с Вандой вышли на двор разгрести снег вокруг курятника и почистить крышу, чтобы куры не задохнулись. Мы и сами-то были как те куры — сгрудились испуганно в доме. Куда-то подевался запах стряпни — а ведь жаркое все еще грелось на огне, да и мать сунула в золу несколько картофелин, чтобы испечь к ужину. Воздух почему-то сделался стылый, едкий, от него ощутимо покалывало в ноздрях,

и не было в нем ни тепла, ни жизни, ни даже запаха земли и палой листвы. Я попыталась было сесть за свои книги, а потом пошить — но куда там: стояла такая темень, что даже свеча светила не дальше стола.

— Что это мы сидим такие унылые? — произнес наконец отец. Мы и правда сидели всем скопом, набычившись под меховыми плащами, шалями и одеялами. — Давайте-ка лучше споем.

Ванда слушала наше пение, и, когда мы сделали паузу, чтобы перевести дух, она вдруг спросила:

— Это что, волшебство?

Отец перестал петь, а мать ответила твердым тоном:

— Ну конечно же, нет, Ванда. Это гимн Богу.

— А-а, — протянула она и умолкла. Но мы тоже молчали, и тогда она спросила еще: — Значит, это их отпугивает?

Чуть помедлив, отец негромко проговорил:

— Я не знаю, Ванда. Господь не спасает нас от страданий в земной жизни. Зимояры подобны горю и недугам — они чинят беды и праведным, и грешным.

И он по памяти рассказал нам историю Иова. История эта вообще-то мало утешает — если, конечно, вам ее конец не кажется счастливым.

Мне, например, не кажется. Но в тот вечер отец так и не добрался до конца. Он как раз дошел до того места, где Иов горюет об утраченной семье и стенает по поводу немилости Божьей, — и тут раздался сокрушительный удар в дверь. Словно в нее со всей мочи ткнули концом тяжелого посоха. Мы все подскочили, отец прервал рассказ. Мы сидели молча и смотрели на дверь. Наконец отец сказал:

— Напрасно Сергей затеял приходить в такую погоду.

Он поднялся и двинулся к двери. Я хотела закричать, остановить его. Ванда, съежившись под своими одеялами, опасливо таращилась ему вслед. Она не верила, что это ее брат стоит на пороге. Да и отец-то в это не верил. По пути к двери он прихватил кочергу. Отец встал на пороге и резко толкнул дверь левой рукой, держа кочергу на изготовку.

Но за дверью никого не оказалось. Даже ветер не ворвался внутрь. Вьюга улеглась так же внезапно, как началась. На дворе стояла обычная ночная темнота. Несколько редких снежинок, покружившись на свету от очага, опустились у порога. Я глянула в зарешеченное окно на лес: Зимоярова дорога исчезла.

— Что там, Йозеф? — спросила мать.

Отец все так и стоял в дверях, опустив взгляд. Я откинула одеяла, подошла к нему и встала рядом. Снаружи даже холодно уже не было: тепла моей шали вполне хватало, чтобы согреться. На тропинке к дому снега теперь было мне по колено, даже под карнизами намело, и наше старое каменное крыльцо тоже укрывал глубокий слой снега. Цепочка раздвоенных следов тянулась вокруг дома с заднего двора, а прямо перед домом на свежем снегу виднелись отпечатки остроносых подошв. В самой середине крыльца, едва придавливая снег, лежал завязанный мешочек из белой кожи.

Отец огляделся. Соседний дом уже можно было различить в темноте. Все окрестные дома теперь походили на стайку толстеньких белых грибов; только окошки светились желтым над занесенными снегом подоконниками. На улице не было ни души, но, пока мы смотрели, в одном из окон показалась детская ручонка и протерла кружок на морозном стекле. Отец быстро нагнулся, поднял кожаный мешочек и внес его в дом. А я закрыла за ним дверь.

Отец положил мешочек на стол. Мы встали вокруг и во все глаза на него смотрели, словно

в этом мешочке скрывался раскаленный уголь, который вот-вот спалит наш дом дотла. Мешочек был сделан из кожи, только эту кожу, кажется, окрашивали каким-то неизвестным мне способом. Или она всегда была белая, что ее и красить не пришлось. И нигде не было видно ни единого шва, ни единого стежочка. Никто не смел первым прикоснуться к мешочку, и тогда я решилась. Я дернула за белую шелковую тесемку, что стягивала горловину, и высыпала на стол монеты. Шесть маленьких серебряных копеек — тонких, плоских, круглых — горкой легли на стол, звякнув как бубенчики. Дом весь был залит теплым светом от очага, но монеты блестели холодно, точно не в доме, а под луной.

— Они очень добры, что сделали нам такой подарок, — глухо проговорил отец.

Все знают, что от Зимояров никаких подарков ввек не дождешься. Бывают, конечно, истории о всяких волшебных созданиях, которые являются к людям с дарами. Бабушка иногда рассказывала мне похожую историю: она слышала ее от своей бабушки, а та — от своей. Будто бы, когда прапрабабушка моей бабушки была еще девочкой и жила на западе, в Элькурте, она нашла раненую лису. Та истекала кровью у окна в мансарде, где

была девичья спальня, — видно, лисицу потрепала собака. Бабушкина прапрабабушка взяла ее в дом, перевязала рану, напоила и уложила к себе на колени. И та вдруг заговорила человеческим голосом: «Ты спасла мне жизнь, и однажды я отблагодарю тебя». С этими словами лисица выпрыгнула из окна и скрылась. Прошло много лет, девочка выросла, у нее родились свои дети. И как-то раз в кухонную дверь кто-то поскребся. Она отворила — за дверью стояла та самая лисица. И лисица сказала: «Возьми всю семью и все деньги, что есть в доме, и спрячьтесь в погребе».

Бабушкина прапрабабушка поступила как велела ей лисица. Едва все ее семейство укрылось в погребе, как раздались свирепые голоса. Какие-то люди ходили по дому, опрокидывали мебель и крушили все подряд — прямо над погребом. А потом вдруг запахло дымом. Но почему-то погромщики не нашли погреб, и пламя с дымом туда не добралось.

Бабушкина прапрабабушка и ее семья отважились выбраться наружу только ночью. И они увидели, что от дома осталось пепелище, и синагога тоже сгорела, и соседские дома вокруг. Потому мои предки взяли то немногое из имущества, что уцелело, наняли возчика, чтобы вез их

на восток, и отправились в Вышню. Тамошний герцог был благосклонен к евреям, если у тех водились деньги.

Но бабушкина история была про совсем другие края. А про Зимояров таких историй вы не услышите. Здесь вам поведают, что однажды в крестьянский амбар забрел чудной белый зверь с раненым Зимояром, едва державшимся на его спине. Крестьяне перепугались, внесли Зимояра в дом и перевязали его раны. И когда он очнулся, он взял меч и убил всех своих спасителей, а потом запрыгнул на своего скакуна и умчался в лес, все еще истекая кровью. А узнали об этом только потому, что хозяйка велела двум своим ребятишкам спрятаться наверху, в сене, и носа оттуда не показывать, пока Зимояр в доме.

Поэтому нам было ясно, что Зимояры подбросили нам серебро не от сердечной щедрости. Но тогда зачем, спрашивается? Кошелечек лежал на столе, и монеты сверкали в них словно таилось послание, которое нам надлежало прочесть. Мать тяжко вздохнула, посмотрела на меня и тихо произнесла:

— Они хотят, чтобы ты обратила это в золото.

Отец сел за стол, закрыв руками лицо. Я сама во всем виновата, я это понимала. Нечего было в

санях посреди леса болтать о том, что я обращаю серебро в золото. Зимояры всегда жаждут золота.

— Мы возьмем деньги из банка, — сказала мать. — Хорошо, что у нас они есть.

— Завтра же я отправлюсь в Вышню, — отозвалась я.

А потом я вышла на двор. Я стояла, глядя на свежий снег, и стискивала кулаки. Снег уже подмерз и затвердел: сани по насту полетят с ветерком. В кошелечке лежат шесть копеек; в прошлый свой визит я положила в банк четырнадцать золотых монет. Что мне стоит заплатить Олегу, одним духом домчаться до Вышни, взять из дедушкиного банка шесть золотых монет и отдать их Зимоярам? Шесть монет, ради которых я трудилась не покладая рук, отдать просто за то, чтобы меня оставили в покое.

Ванда, закутанная в шаль, вышла покормить козу, которую мы вчера привели с рынка. Сергей, разумеется, в такую непогоду не явился, а ей уже поздно было идти домой. Ванда посмотрела на меня, молча зашла в сарай, а выйдя, вдруг спросила:

— Вы отдадите им свое золото?

— И не подумаю! — гневно отрезала я, больше обращаясь к Зимоярам, чем к Ванде. — Они хо-

тели, чтобы я обратила серебро в золото. Так я и сделаю.

Глава 6

Наутро Мирьем взяла Зимояров кошелек и пошла просить Олега, чтобы тот свозил ее в Вышню. Она не приказала мне делать записи в книгах. Даже не напомнила, чтобы я собрала платежи с заемщиков. Уселась в сани и укатила, а взгляд у нее был, как река, подернутая льдом. Ее мать в накинутой на плечи шали провожала ее, стоя у калитки. Она долго еще не сходила с места, даже когда сани скрылись из виду.

Но я и без напоминаний свое дело знала. Я взяла корзину и отправилась в свой обход. Шел шестой день месяца, поэтому сегодня я собирала платежи в городке. Никто никогда мне не радовался, а вот Кайюс всегда улыбался, будто мы с ним задушевные приятели. Хотя с чего бы нам Дружбу водить? Когда я только начинала работать на Мирьем, он всегда расплачивался кувшинами с крупником. Мирьем этого не любила, потому что он-то продавал свой крупник на рынке каждую неделю свеженьким да горяченьким. Понятно, что все предпочитали брать у него, а не у Мирьем. Если набирался десяток кувшинов, она пристраивала

их на постоялом дворе неподалеку — но ведь их туда еще доставить надо было, а это тоже денег стоило. Так что возни с этим крупником получалось больше, чем выгоды.

Как-то раз он всучил мне порченый крупник. С виду-то кувшин был как кувшин. Мирьем понюхала горлышко у самой пробки, откупорила — и сразу пахнуло гнилыми листьями. Она поначалу сердито скривилась, но потом велела мне поставить кувшин отдельно от остальных, в уголке. А в следующие два месяца Кайюс снова подсунул мне порченые кувшины, один за другим. И после третьего такого кувшина Мирьем выдала мне все три пробки и послала к нему, чтобы я ему сказала: мол, три порченых — это уж слишком, и отныне она платежи крупником не принимает. Я ему так и передала, и в этот раз улыбаться он не стал.

А вот нынче снова заулыбался.

— Заходи, погреешься, — позвал он, хотя на улице было уже не очень-то холодно. — Тебе придется подождать немного. Мой старшенький понес панове Людмиле свежий товар. Вернется с деньгами — я тебе и отдам.

Кайюс даже угостил меня стаканом крупника. Обычно деньги у него уже лежали наготове и не было нужды приглашать меня в дом.

— Так Мирьем поехала в Вышню за новыми платьями? Дела у нее, видать, неплохи! Повезло ей с тобой — есть кому приглядеть за всем, пока ее нет.

— Благодарствую, — вежливо отозвалась я. — Вкусный крупник.

Похвалила, а сама подумала, что он небось задобрить меня хочет. Многие пытались, не он один. Хотя я никак не могла понять: неужто они и правда надеются, что я их слушать стану? Ну, принесу я Мирьем меньше, чем требуется, совру ей, скажу, что у таких-то вовсе денег нет. Так она же просто запишет цифру поменьше в свою книгу, но долг-то выплачивать все равно придется — не в этот раз, так в следующий. А когда придет срок уплаты, они возьмут да скажут, будто бы я украла деньги — ведь только так они выгоду поимеют. Раз они Мирьем хотят надуть, значит, и меня надуют за здорово живешь.

— Да, Мирьем своего не упустит, — покивал Кайюс. — Ведь какую работницу себе в помощь отыскала! Ты ж не одним только личиком вышла. А вот и Лукас.

Вошел его сын с ящиком пустых кувшинов. Чуть постарше Сергея и не такой высокий, как Сергей и я. Но зато лицо у этого парнишки было

покруглее, да и мяса на костях наросло побольше нашего. Он-то явно голодным не ходил. Парень оглядел меня с головы до ног, и отец сказал ему:

— Лукас, отсчитай семь пенни для заимодавца.

Лукас вложил мне в руку семь монет. Это было больше чем надо.

— У меня в последнее время дела идут на лад, — усмехнулся Кайюс и по-приятельски подмигнул мне. — Уж эта стужа! Людям надо чего-то горяченького залить в брюхо. Вы-то у себя в ноле, верно, совсем окоченели, — прибавил он. — Отец твой что-то давненько не захаживал.

— Да, — кивнула я. И впрямь не захаживал, потому что пропивать ему было нечего.

— Вот, возьми-ка. — Кайюс протягивал мне запечатанный кувшинчик. Совсем маленький — он такой в базарный день отдает за несколько медяков, если кувшин вернешь. Я замялась. Чего это он? Он ведь сполна за сегодня все выплатил. Но Кайюс всунул кувшинчик мне в руки. — Да бери, — сказал он. — Отнесешь отцу в подарок. А после, как случай будет, кувшин вернешь.

— Благодарствую, панов Симонис, — выдавила я. Потому что как еще ответить? Нести отцу кувшин крупника мне не больно-то хотелось. Ведь известное дело: папаня напьется — и нас всех

поколотит. Но деваться мне было некуда. В следующий раз папаня притащится в город, и Кайюс его спросит: ну как там мой подарочек, в охотку ли пошел? Тут-то папаня и поймет, что я утаила от него подарочек, и мне все равно достанется. Поэтому я затолкала кувшин к себе в корзину.

В других домах меня крупником не поили. Просто отдавали деньги, и все. Марья, портниха, — единственная, кто со мной хоть чуть-чуть разговаривал.

— Мирьем, значит, покатила в Вышню за новыми платьями? — вдруг спросила она меня. И вручила мне только один пенни. — Долог путь, да и товар недешев. Уж не знаю, продаст ли она еще кому свои наряды.

— Я не знаю, за платьями ли она поехала, Панова, — отозвалась я.

— Мирьем себе на уме, а до остальных ей и дела нет, — фыркнула Марья и хлопнула дверью прямо у меня перед носом.

Я вернулась в дом заимодавца и разобрала что принесла. Один из заемщиков отдал мне курицу, которая перестала нестись, — такую только в суп.

— Хотите, приготовлю ее сегодня, Панова Мандельштам? — спросила я у матери Мирьем. — Я

бы ей шею свернула да ощипала, вы только скажите.

Мать Мирьем склонилась над шитьем, и когда я заговорила с нею, она подняла голову и заозиралась, словно искала кого-то.

— А где Мирьем? — спросила она, будто позабыв, но тут же спохватилась и покачала головой. — Ох, какая же я глупая! Она же поехала в город за платьями!

— Да, она поехала в город за платьями, — медленно повторила я. Только что-то в этом было не то. Но ведь она именно за платьями и поехала. Все так считали.

— Сейчас в доме довольно еды, — продолжила мать Мирьем. — Посади эту курицу к остальным, пусть пока походит. А сама возвращайся в дом, уже обедать пора.

Я посадила курицу в курятник. Я стояла и разглядывала снег — глубокий, нетронутый. У стены метла, наполовину занесенная снегом. Я же вот этой самой метлой вчера заметала следы Зимояра, который бродил тут на ночь глядя. И он еще оставил Мирьем кошелек с серебром, чтобы она обратила его в золото. Я вся затряслась и поспешила назад в дом, чтобы забыть обо всем этом поскорее.

После обеда я засобиралась домой. Отец и так, наверное, взбесился, оттого что я из-за снегопада не явилась и кормить его было некому. Зато я подмела пол, проверила, как там куры, и сделала все положенные записи в книге. Спать меня положили на Сергееву постель, и мне спалось тепло и уютно в большой теплой комнате с очагом. Там пахло тестом, и жарким, и медом, и гречкой. У нас дома ничем таким не пахло. Мать Мирьем дала мне на обед кружку свежего жирного коровьего молока из того большого ведра от Пановы Гизис и вручила два серебряных пенни — за два дня, хоть Сергей прошлой ночью и не появлялся. А еще она дала мне узелок с хлебом, маслом и яйцами.

— Сергей же не съел свой ужин и завтрак, — объяснила она.

Я закуталась в платок и пошла, и ее щедрость оттягивала мне руку.

Я сделала крюк через лес и спрятала узелок в корнях белого дерева. А два серебряных пенни я закопала — получилось две стопки монет: моя и Сергея. Только после этого я пошла домой. Дома сидел Стефан — пытался мешать в горшке затвердевшую овсянку. На лице у него красовалась красная отметина, и он морщился, когда шевелился. Вид у Стефана был самый несчастный.

Вчера вечером отец велел ему приготовить ужин, а Стефан не знал, как это делается, вот отец его и взгрел.

— Посиди пока, — сказала я ему. — У меня кое-что припасено.

Я разбавила кашу водой и приготовила капусты. Вернулся отец — злой как собака. Еще с порога, не успев снять сапоги, принялся орать, что нечего мне было торчать в городе из-за какого-то мелкого снежка, который к тому же мигом закончился. И пускай заимодавец вычтет из долга лишний пенни за то, что я была всю ночь у него в доме.

— Я ему передам, — поспешно сказала я, бухая на стол горшок с капустой, пока он еще не вошел в дом. — У меня для тебя подарок, отец. От Панова Симониса. — И я водрузила на стол кувшин крупника. По крайней мере, прямо сейчас он меня лупить не будет, а потом напьется.

— С чего это Кайюс такой добренький? — осведомился папаня и недоверчиво понюхал пробку. Но крупник оказался непорченым, и вскоре отец уже вовсю тянул его большими глотками, налегая заодно и на капусту с овсянкой. Он прикончил половину; мы сжевали свою долю, не поднимая глаз.

— Надо хвороста набрать на растопку, раз меня дома вчера не было, — сказала я.

Папаня возражать не стал. Сергей со Стефаном выскользнули из дома следом за мной, и я отвела их к белому дереву. Узелок был там, где я его оставила, его даже не подморозило. Мы поделили еду на троих, а после братья помогли мне набрать хвороста. Потом Сергей ушел по дороге в город. А мы со Стефаном спрятались за поленницей; он тесно прижался ко мне, согревая меня. Мы сидели и через щель в стене слушали, как папаня в доме распевает песни.

Он вдруг перестал распевать и позвал меня во всю глотку. Я не ответила.

— И где ее носит, дурищу! — зарычал папаня. — Огонь сейчас погаснет!

Он еще долго не утихомиривался. Наконец улегся и захрапел. У нас со Стефаном уже зуб на зуб не попадал. Мы неслышно прокрались в дом, поворошили огонь, чтобы не погас к утру, и я поставила вариться гречку на завтрак. Я показала Стефану, как ее готовить, чтобы он знал в следующий раз. А потом мы залезли в постель и заснули. Наутро папаня шесть раз врезал мне ремнем за то, что меня где-то носило, хотя огонь не потух и завтрак стоял на столе. Думаю, он лупил ме-

ня больше за то, что вчера не пришла — ему и злость сорвать было не на ком. Но голова у папани раскалывалась, и есть ему хотелось страшно, поэтому, когда Стефан поставил на стол горшок с гречкой, он от меня отстал и уселся за стол. А я утерла лицо, проглотила слезы и уселась рядом.

* * *

Олег доставил меня в Вышню уже ближе к ночи. Я переночевала у дедушки, а наутро отправилась на рынок в нашем квартале и принялась расспрашивать всех встречных, пока не отыскала лавку Исаака-ювелира, того самого, за которого собиралась замуж моя кузина Бася. Это был молодой человек приятной внешности, в очках, с коротенькими, но чуткими пальцами, с крепкими зубами и красивыми карими глазами. Борода у него была коротко обстрижена, чтобы не мешала при работе. Склонившись над малюсенькой наковаленкой, Исаак с небывалой точностью орудовал крошечными инструментами — выковывал серебряный диск. Я минут десять простояла у него над душой и смотрела, как он работает, пока наконец он не соизволил оторваться:

— Да? — Судя по голосу, он бы предпочел не

отвлекаться. Ему словно хотелось, чтобы я, постояв еще, отправилась восвояси и оставила его в покое. Я вытащила белый мешочек и высыпала шесть копеек на черную ткань, покрывавшую прилавок. Исаак едва взглянул на монеты:

— На это тут ничего не купите. — Произнеся это будничным тоном, ювелир вернулся к работе, но тут же слегка нахмурился и снова обратился к моим копейкам. Он взял одну и внимательно рассмотрел, повертел в пальцах, потер, положил на место и поднял на меня взгляд: — Откуда это у вас?

— Хотите верьте, хотите нет, но это от Зимояров, — отозвалась я. — Можете сделать из них что-нибудь? Кольцо или браслет?

— Я куплю их у вас, — предложил он.

— Нет, спасибо, — ответила я.

— Сделать из них кольцо обойдется вам в злотек, — сказал Исаак. — Или я беру у вас все за пять.

Мое сердце забилось чаще: если он дает мне пять злотеков, значит, сам надеется продать дороже. Но торговаться с ним я не стала. У меня было другое предложение:

— Я должна отдать Зимояру шесть золотых монет в обмен на эти. Я плачу вам злотек, и вы

делаете для меня кольцо. Или же вы сами продаете свое изделие, из выручки мы вычитаем шесть злотеков для Зимояра, а остаток делим пополам. — Именно на это я и рассчитывала. Все-таки Исаак больше меня понимает в торговле кольцами. — Кстати, я Мирьем, кузина Баси. — Эти сведения я приберегла напоследок.

— А-а, — кивнул Исаак. Снова посмотрел на шесть монет, поворошил их пальцами и наконец согласился. Я устроилась на табурете за прилавком, а ювелир принялся за дело. Он расплавил монеты в маленьком жарком горне, который был общим у всех ювелиров и стоял посреди их лавок. Серебряную жидкость Исаак вылил в массивную железную форму. Дав серебру немного остыть, он выудил кольцо и нанес на его поверхность причудливый узор из ветвей и листьев.

Времени это заняло немного: серебро плавилось легко, и остывало легко, и легко поддавалось его крошечному резцу. Когда кольцо было готово, Исаак положил его на черный бархат, и мы оба молча воззрились на украшение. Узор двигался и менялся как живой — от него невозможно было отвести взгляд. Кольцо ярко сверкало на полуденном солнце.

— Его купит герцог, — сказал Исаак и велел

ученику сбегать в город. Мальчик привел с собой высокого надменного слугу в бархатном костюме с золотыми нашивками. Вид у него был недовольный, как у человека, которого оторвали от важных дел, чем бы он ни занимался. Но стоило ему увидеть кольцо и взять его в руки — недовольства как не бывало.

Слуга выложил за кольцо десять злотеков и унес покупку в запертой шкатулке, трепетно сжимая ее обеими руками. Исаак держал на ладони десять золотых монет, и все равно мы с ним оба не двинулись с места. Мы сидели и глядели в спину удаляющемуся слуге, точно кольцо не хотело отпускать нас. Слуга становился все меньше и меньше, и все же я легко различала его в плотной базарной толпе. Наконец он миновал ворота квартала и скрылся из виду. Теперь ничто не приковывало наши взоры и мы могли сполна насладиться нашей добычей — десятком злотеков, в которые обратилось серебро Зимояра.

Шесть я засунула назад, в белый Зимояров кошелечек. Два получил Исаак — хорошая прибавка к выкупу за невесту. А два оставшиеся я отнесла дедушке, чтобы он положил их в банк к остальным моим сбережениям. Дедушка одарил меня скупой улыбкой. Он явно остался доволен:

слегка надавил мне на лоб указательным пальцем и сказал:

— Ты моя умница-разумница.

И я улыбнулась в ответ — такой же скупой, но довольной улыбкой.

— Ну куда ты поедешь, поздно уже! — укорила меня бабушка, когда после обеда я засобиралась домой. Была пятница.

— Я доберусь еще засветло, если мы поторопимся, — заверила я. — Олег ведь будет править, не я.

Олег остался в Вышне дожидаться меня — в счет следующего платежа. Мне так выходило дешевле, чем нанимать возчика в городе. Олег переночевал в дедушкиной конюшне с лошадью, но дольше он задерживаться не захотел бы, по крайней мере без оплаты. А завтра мы могли выехать только по окончании шаббата, как сядет солнце. Но как бы то ни было, Зимояры вряд ли соблюдают шаббат, а я пока еще не очень-то понимала, как отдам им деньги. Я думала, что, наверное, положу кошелечек на крыльцо — пусть приходят и забирают.

— Она успеет вовремя, — твердо произнес дедушка, тем самым отпуская меня. Я взобралась в Олеговы сани.

Нам хорошо ехалось по мерзлому снегу; лошадка бойко рысила вперед с нетяжелыми санями, где сидела я одна. Среди деревьев уже темнело, но солнце еще не зашло и дом был совсем близко. Я надеялась успеть до заката, но вдруг лошадь поскакала медленнее, перешла на шаг, а потом и вовсе встала. Она больше не двигалась, беспокойно насторожила уши, и теплое дыхание паром вырывалось из ее ноздрей. Я сперва подумала, что, может, лошадке нужно передохнуть, но Олег не стал понукать и не пошевелился, чтобы подстегнуть ее.

— Почему мы стоим? — наконец подала голос я. Олег не ответил; он вдруг осел на облучке, словно заснул. Морозный ветер забормотал что-то у меня за спиной, подкрался, окутал сани и скользнул под теплые одеяла, пытаясь добраться до кожи. На снег упали синие тени; их отбрасывал бледный слабый свет, исходивший откуда-то из-за моей спины. Из моих ноздрей вырывались облачка пара, снег похрустывал: кто-то большой приближался к саням. Я сглотнула, поплотнее запахнулась в плащ, собрала все свое ледяное хладнокровие, какое было, и обернулась.

Зимояр оказался не таким уж диковинным с виду. И от этого было по-настоящему страшно.

Но я не отводила взгляда, и мало-помалу в его облике проступало что-то нечеловеческое. Его черты были точно отлиты изо льда и стекла. Глаза отточенно сверкали будто серебряные клинки. Борода у Зимояра не росла, и из-за этого его лицо взрослого мужчины казалось каким-то детским. Он грозно навис надо мной — высокий, высоченный, как мраморная статуя больше человеческого роста на площади в Вышне. Белые волосы он носил заплетенными в косы. Одежда была сшита из той же неестественно белой кожи, что и мой кошелечек. Зимояр восседал на олене куда крупнее тяжеловоза, с двенадцатью ветвями на рогах. Олень время от времени облизывал морду, и тогда становилось видно, что зубы у него острые, как у волка.

Мне хотелось съежиться и исчезнуть. Но я лишь придержала у шеи меховой ворот, спасаясь от стужи, что угнездилась в моем плаще. А другой рукой, едва Зимояр подошел к саням, я протянула ему кошелечек.

Зимояр разглядывал меня одним серебристо-голубым глазом, по-птичьи, стоя ко мне боком. Он протянул руку в перчатке, принял от меня кошелечек и высыпал его содержимое на ладонь. Шесть золотых монет негромко звякнули в ти-

шине. У него в руке монеты смотрелись как-то по-особенному — теплые, солнечные на слепяще-белоснежной холодной перчатке. Он смотрел на монеты удивленно и даже слегка разочарованно, будто жалел, что у меня все получилось. Ссыпав золотые назад, он туго затянул тесемку, пряча солнечный луч в мешочке. И мешочек исчез где-то в складках его длинного плаща.

Зимоярова дорога сияла между стволами прямо перед ним. Не промолвив ни слова, он развернул своего скакуна и направился к дороге. Зимояр уносил с собой шесть злотеков, добытых ценою моих трудов и страхов, — уносил так, словно они принадлежали ему по праву. И внутри меня вскипел гнев.

— В следующий раз дай мне побольше времени! — крикнула я, швыряя слова в ледяную скорлупу тишины, окружавшую нас.

Зимояр обернулся и посмотрел на меня, видно удивляясь, что я дерзнула заговорить с ним. Затем олень с острыми рогами шагнул на дорогу и исчез вместе с всадником. Олег встряхнулся, гаркнул лошади «но!», и мы снова затрусили вперед. Я откинулась на одеяло — воздух вдруг сделался невыносимо холодным, кончики пальцев, касавшиеся белого мешочка, совсем закоченели. Я

попыталась согреть их: стянула перчатку и сунула руку под мышку. От прикосновений пальцев к обнаженной коже я морщилась. Весь остаток нашего пути падал пушистый снег.

* * *

За ужином я заметила на отцовской руке серебряное кольцо — в раздражении отец равномерно постукивал им по кубку. Раз в неделю, по указанию отца, мне полагалось делить с ним торжественную трапезу. Отец говорил, это чтобы я училась вести себя в приличном обществе. Но учить меня манерам особой нужды не было — за этим и так следила Магрета. Однако что бы ни было на уме у отца, он звал меня на ужин отнюдь не ради собственного удовольствия. Потому что никакого удовольствия мое присутствие ему не доставляло. Каждый раз при виде меня отец словно надеялся, что я внезапно похорошею, поумнею и сделаюсь милой и очаровательной. Но, увы, ничего этого не происходило. И при этом я была единственным отпрыском, стоящим отцовского внимания, — мои единокровные братья только вышли из пеленок и в глазах отца пока интереса не представляли. Все, чем владел отец, должно было действовать и приносить пользу.

Поэтому я спустилась к ужину, вся само благочиние, чтобы не навлечь наказания на Магрету. У нас гостили рыцари и воеводы, а иногда мог наведаться и барон, — я всегда при гостях сидела скромно потупив взор и слушала их беседы об армиях, податях, границах и политике. И это были отголоски жизни в большом мире, столь же далекие от моих тесных покоев, как небесный рай. Я мечтала о том, как однажды обрету возможность сама попасть в этот мир. У моей мачехи это получилось. Она раскрывала улыбчивые объятия нашим гостям; ее предупредительность воистину не знала пределов. Мачеха тщательно следила, чтобы ее угощение и радушие отвечали любому званию и достоинству. А когда наша семья наносила визиты или принимала у себя более именитую знать, мачеха стояла бок о бок с моим отцом — изысканная, вся в дорогих украшениях и неизменно великолепная. Она собирала по крупицам ценные сведения о состоянии дел у наших почетных гостей, беседуя с их женами, дочерями и сестрами, и вечерами отец внимательно выслушивал ее мнение и советы. Ее голос что-то значил для отца. И я надеялась, что однажды он услышит и мой голос.

Но пока я лишь раздражала его. Еще не родив-

шись, я стала для отца сущим разочарованием. У матери ушло неслыханно много лет, чтобы произвести на свет меня. Вскоре после этого мать забеременела столь долгожданным сыном, но потеряла его и умерла сама. Отец несколько лет искал достойную замену покойной супруге, и, хотя Галина расстаралась на славу, у отца на сегодняшний день в распоряжении были только я да двое моих братьев, еще совсем малышей. У всех людей из его окружения — у тех, что помогали прежнему царю взойти на трон, — уже были дочери на выданье или сыновья, готовые прельститься чьей-нибудь красотой и изяществом. Но я не обладала ни тем ни другим, а мой отец не обладал достаточными средствами, чтобы возместить мои изъяны.

Несколько лет назад отец еще верил, что от меня будет какой-то прок. В ту пору он иногда задавал мне хитрые вопросы о прочитанных мною книгах или требовал, чтобы я перечислила ему поименно всю знать Литваса — начиная от царя и заканчивая графами. Но со временем ему это наскучило. Последняя моя нянька уже учила старшего из моих братьев буквам; теперь если у меня в руках и появлялась книга, так только потому, что мне изредка удавалось стянуть ее

с нижней полки. Когда мы с отцом ужинали вдвоем, некому и нечему было отвлечь его слух от моего молчания, его взгляд — от моего узкого мертвенно-бледного лица. И потому он раздраженно барабанил пальцами по кубку.

В тот вечер за столом не было никаких гостей. Мы ожидали визита царя, и отец уже несколько месяцев никого не приглашал ввиду неизбежных расходов. Отец рассчитывал обойтись малой кровью. Даже те не столь уж великие траты, на которые ему приходилось идти, сердили его. Вероятно, ему не давала покоя мысль, что прибытка с меня не много, вот он и досадовал больше обычного. Хотя, даже будь я красавицей, отец уж наверняка не стал бы разоряться на роскошные наряды в надежде поймать царя на крючок. Среди знати полно тех, кто готов сделать из дочери наживку. Вечно они со своими глупыми чаяниями выставляют себя на посмешище. Но мой отец не из таких.

В любом случае царь не взял бы в супруги ни одну из этих чаровниц. Жениться он собирался на княжне Василиссе. Красотой та похвастаться не могла, как и я, зато ее отец, князь Ульрих, правил тремя городами, а не одним, да еще владел огромной соляной копью в придачу. Под началом у

князя служило десять тысяч человек. И это открывало княжне Василиссе путь к престолу, какой бы она ни была дурнушкой. Царь мог бы уже давно на ней жениться, но он предпочитал вместо этого томить надеждой своих дворян. С горделивым Ульрихом в такие игры играть, может, и не стоило, но царя это не останавливало. Он не хотел упускать возможности попутешествовать и своими визитами ввести в расход гостеприимных придворных. А на свадьбе ему самому пришлось бы проявить затратное радушие.

У моего отца имелась дочь на выданье, и царь будто бы мог мною заинтересоваться. На худой конец я могла бы привлечь внимание кого-то из влиятельных придворных, чтобы тот взял меня в жены своему сыну или еще какому-то родственнику. Но отец всерьез на это не надеялся. В общем, с какой стороны ни глянь, я была сплошным неоправданным расходом.

Я, признаться, очень радовалась, что царю нет до меня дела. Царь был молод, и красив, и жесток. Мне хотелось бы стать чуть более симпатичной или чуть более приветливой. Тогда я могла бы прийтись кому-то по сердцу, и он взял бы меня в жены по доброй воле — это все-таки лучше, чем быть довеском к скудному приданому, которое

неохотно выжмет из себя отец. Мне бы просто знать, что на мне кто-то женится. Ведь только так я могла покинуть свои постылые тесные стены. Отец своим недовольным лицом вечно напоминал о моей безрадостной участи.

Но сегодня кольцо, касаясь кубка, издавало еле слышный высокий звон — и я, любуясь игрой света на холодном серебре, позабыла, что звон этот порожден досадой. Я думала лишь о снежинках, падающих за освещенным окном, о безмолвии, которое накрывает сад в начале зимы, в день, когда листья одеваются искристой корочкой льда. Я даже не слышала, что говорит отец, пока он не спросил меня резким тоном:

— Ирина, ты меня слушаешь?

Мне оставалось только сознаться.

— Прости, отец, — ответила я. — Я засмотрелась на твое кольцо. Оно волшебное?

Волшебство — еще один повод для отца досадовать на мать. Волшебства в ней не оказалось ни на пенни. Когда-то в ночь на зимний солнцеворот зимоярский рыцарь убил прадеда моей матери и насильно овладел ее прабабкой. Та выносила и родила мальчика с серебристыми волосами и серебристыми глазами. Ему были нипочем вьюги, а все, чего он касался, покрывалось льдом. Дети

его тоже родились с серебристыми волосами, но унаследовали лишь часть его волшебной силы. Отец женился на матери, завороженный и самой легендой, и материнскими белесыми глазами, и серебристым локоном, падавшим ей на лоб.

Однако внешность оказалась единственным волшебным даром, доставшимся матери от зимоярского предка. А мне не досталось и того. У меня были обычные темные волосы, отцовские карие глаза, и я боялась холода, как и все люди. И все же теперь, рассматривая кольцо на отцовской руке, я чувствовала, как идет снег. Отец умолк и перевел взгляд на кольцо. Оно было ему немного мало. Налезло только до костяшки указательного пальца правой руки. Весь ужин отец рассеянно поглаживал кольцо большим пальцем, постоянно притрагивался к нему, даже не замечая. Помолчав немного, отец ответил:

— Да нет, просто искусная работа, вот и все.

Значит, отец не знает, что кольцо волшебное, не подозревает о его силе и не собирается никому эту силу показывать.

Я больше ничего не сказала, а лишь отвела взгляд от кольца и сосредоточилась на еде. Отец тем временем безучастно разъяснял, как мне надлежит себя вести при царе и что делать. Соб-

ственно, получалось, что ничего. Если девица не единожды представала перед царем в одном и том же наряде, царь считал это личным оскорблением. А у отца не было никакого желания переводить деньги на мои платья. Поэтому мне предлагалось, сославшись на недомогание, оставаться наверху все те дни, пока у нас пробудет царь. Вместо меня три новых платья получит Галина. Он ни словом больше не обмолвился ни о кольце, ни о моем внезапном к нему интересе.

Я была не прочь держаться подальше от царя, но три новых платья мне пригодились бы больше, чем Галине. По крайней мере, если отец в скором времени собирается выставлять меня напоказ. В ту ночь я поставила свечу на подоконник и смотрела, как снежинки кружатся в ее свете. Магрета расчесывала мне волосы; она осторожно распутывала их снизу вверх, орудуя серебряным гребнем и щеткой — их она всегда держала при себе, в особой сумочке на поясе. Семнадцать взмахов от кончиков волос до макушки — по числу моих лет. Все эти годы Магрета холила и лелеяла мои волосы, как прилежный садовник холит и лелеет свой сад, и ее усилия не пропали втуне. В конце концов волосы переросли меня саму, и теперь я могла преспокойно сидеть на подоконнике, пока

Магрета расчесывала их кончики у камина.

— Магра, — заговорила я, — скажи, а отец любил мою мать?

Она так удивилась, что даже опустила гребень. Магрета служила матери еще до моего рождения, я это знала, но никогда не расспрашивала ее ни о чем подобном. Как-то к слову не приходилось. Когда мать умерла, я была совсем малюткой, и для меня она оставалась каким-то далеким и незнакомым предком. Отец рассказывал мне о ней, очень тщательно подбирая слова, но так, чтобы мне стало предельно ясно: мать была его неудачей. И после такого описания мне уже не хотелось подробностей.

— Ох, душенька, ну конечно, любил, — отозвалась Магрета. Неизвестно, так ли оно было на самом деле, однако Магрета ответила сразу, не колеблясь, а значит, верила в то, что говорила. — Сама-то подумай: твой батюшка ее бесприданницей взял, — добавила она.

И тут уж настал мой черед удивляться. Отец никогда об этом не упоминал. И мне вообще трудно было представить, чтобы он так поступил.

— Он просто говорит о ней так, словно не любил ее, — неосторожно заметила я.

Магрета немного замялась, а потом объяснила:

— Так ведь у него нынче есть твоя мачеха.

Я и без Магреты сообразила, что мой отец, влюбившись в мать, попался как рыбка на крючок. И, соскочив с крючка, первым делом постарался забыть, что побывал на нем. Моя мачеха досталась ему с большущим приданым из золотых монет и с сундуком, куда я поместилась бы не сгибаясь. Теперь этот сундук стоял запрятанный глубоко в подземелье нашего дома среди других ценностей. Второй раз отец на прежнюю удочку ловиться не собирался. Если бы мать одурманила его с помощью волшебства, это бы еще куда ни шло. Но отец сам позволил матери увлечь себя — и от этого сердился на нее еще больше.

В ту ночь мне приснилось кольцо — только носил его не отец, а женщина с серебристым локоном, падающим на лоб. Кольцо очень шло по цвету к этому локону. Лицо женщины во сне было будто размыто. Она развернулась и ушла через лес из белых и серебристых деревьев. Я проснулась с мыслями не о матери, но о кольце. Мне нестерпимо хотелось коснуться его, подержать в руке.

Магрета обычно устраивала так, чтобы я не путалась у отца под ногами, однако ежедневно она водила меня в сад на прогулку, даже если сто-

яла холодная погода. Утром я свернула в старую часть сада, поодаль от дома. Там возвышалась заброшенная часовня, наполовину скрытая засохшим виноградом. Слегка подгнившие серые ветви шипасто топорщились из-под мягкого снежка, припорошившего крышу. Магрета, стоя внизу, беспокойно кудахтала, но я решительно взобралась по скрипучим ступеням на пустую колокольню. Оттуда я могла заглянуть в круглое окошко через садовую ограду и посмотреть на широкий двор, где отец каждый день муштровал свое войско.

Эту обязанность он исполнял неукоснительно. Он был уже далеко не юноша, но помнил, что родился не герцогом, а простым воеводой, и много лет назад он сразил в одном бою трех рыцарей и сокрушил стены Вышни, чтобы отец нынешнего царя смог завладеть этим городом. Своих рыцарей отец до сих пор обучал сам. Он набирал в свое войско крепких парней из крестьян и посылал их потом служить в город. Даже два эрцгерцога и князь не погнушались отправить к нему своих сыновей, потому что не сомневались: от моего отца те вернутся искусными воинами.

Отец наверняка снял кольцо на время упражнений, и тогда оно, вероятно, лежит на его столе

в кабинете. Я уже продумывала план. Магрета, разумеется, не пустит меня в кабинет, но я сумею заманить ее в библиотеку, которая рядом с кабинетом. Там она потеряет меня среди книжных шкафов, а я тем временем сбегаю в кабинет и на коротенький миг примерю кольцо.

Войско из кожи вон лезло, выполняя приказы, повинуясь властному отцовскому голосу. Я пригляделась: обычно отец носил тяжелые перчатки или даже латные рукавицы, но сегодня обошлось без них. Он сцепил руки за спиной, держа левой рукой правое запястье. Серебряная полоска на пальце сверкала будто в солнечном свете, хотя небо хмурилось. Медленно падали снежинки — такие же далекие от меня, как иной мир.

* * *

Я вернулась домой, а владыка Зимояров не шел у меня из головы. Правда, он не все время занимал мои мысли: я вспоминала о нем, когда была одна и когда что-то делала. Вот вышла я на задний двор, к курятнику, — и тут же в памяти у меня всплыли следы вот в этом самом месте, и я обрадовалась, что сейчас снег нетронут. В рассветных сумерках я отправилась покормить коз в сарае, и в глаза мне бросилась стоящая в углу

кочерга. Я сразу вспомнила фигуру Зимояра, его белые косы, — как он выходит из-за темных деревьев и безжалостно улыбается. Когда я набирала снега, чтобы вскипятить чаю, руки у меня заледенели, и я подумала: «А вдруг он опять придет?» И разозлилась. Потому что злиться все же лучше, чем бояться. Я занесла в дом ведро со снегом, да так и встала возле очага с сердитым лицом, а мать смотрела на меня и не могла понять, что со мной творится.

Она не расспрашивала меня о Зимояре. Ее интересовало только, как поживают дедушка с бабушкой и хорошо ли я доехала. Она, похоже, напрочь забыла, зачем я ездила в Вышню. У меня не осталось ни серебряных копеек, ни даже белого кошелечка — ни одной вещественной зацепки. Я помнила, как шла на рынок, как работал Исаак, но вот кольцо, которое он сделал, почему-то ускользало из моей памяти.

Но и в субботу утром, и в воскресенье, стоило мне выйти на задний двор, я все вспоминала. В понедельник я стояла возле курятника, и Ванда вышла покормить кур. Она встала рядом, поглядела на чистый, не истоптанный снег и вдруг спросила:

— Значит, вы ему заплатили? Он убрался?

Я чуть было не спросила в ответ «О ком это ты?», но тут же вспомнила и сжала кулаки.

— Я заплатила ему, — ответила я, и Ванда, чуть помедлив, слегка наклонила голову. Судя по ее кивку, она уяснила, что я хотела сказать: заплатить-то я ему заплатила, а вот убрался ли он — это пока вопрос.

Из Вышни я привезла несколько передников с новой модной вышивкой — передник все же не платье, его можно продать и меньше, чем за злотек, без ущерба для репутации. Все передники мигом разошлись в базарный день, а с ними и носовые платки, которые я тоже купила в Вышне. Одна женщина из деревенских спросила, собираюсь ли я в Вышню в ближайшее время — может, я могла бы выручить хорошие деньги за ее пряжу. До сих пор меня ни о чем таком не просили. Предпочитали без нужды не иметь со мной дела, кроме как купить у меня подешевле да продать мне подороже. Раньше, не найдя покупателя на нашем рынке, эта женщина обратилась бы к кому-то из возчиков — к Олегу или к Петрасу, — чтобы отвезли ее пряжу в город. Но последние несколько лет из-за долгих холодных зим шерсть у овец и коз росла густо, и цена на нее упала. Так что возчики вряд ли выручили бы много.

А пряжа у этой женщины была лучше, чем у других, — мягкая, толстая. Шерсть она старательно вычесала и промыла, это было заметно, и спряла аккуратно. Я помяла нить в пальцах, и тут мне припомнилось, что дедушка весной собирался отправить кое-какой товар вниз по реке, на юг. Он для этого нанял баржу. Груз он хотел обложить соломой для сохранности, но ведь солому можно заменить шерстью, а ту потом продать на юге — там ведь нет таких холодов и шерсть стоит дороже, чем у нас.

— Принеси мне образец, чтобы я взяла с собой, когда поеду в город, — сказала я женщине. — Много у тебя товара?

У нее оказалось всего три котомки. Народ вокруг прислушивался к нашей беседе. На рынке многие продавали шерсть по дешевке, а то и вовсе обменивали на еду — низкие цены всех поджимали не на шутку. Я не сомневалась: выйди я на рынок и заговори с этой женщиной в людном месте — ко мне потом многие подойдут пошептаться.

Когда настало время возвращаться домой, я уже была твердо уверена, что недавно ездила в Вышню только по своим делам — за товаром на продажу. За мной брели на привязи три козы

— они мне достались по сходной цене из-за того, что шерсть нынче подешевела. В голове у меня зрели новые планы: я попрошу дедушку на мою выручку за шерсть купить на юге платьев, чтобы они выглядели немножко по-заграничному, а я продала бы их в Вышне и на нашем рынке.

Вечером на ужин у нас был румяный жареный цыпленок и обильно политая жиром морковь. В кои-то веки мать ставила на стол вкусную еду и не смотрела на нее как на смертоносную отраву. Мы поужинали. А потом Ванда отправилась домой, а мы с родителями уселись у очага. Отец, беззвучно шевеля губами, читал про себя новую Библию, которую я купила ему в Вышне. Мать вязала тонкое шелковое кружево — такое, наверное, хорошо смотрелось бы на свадебном наряде. Золотой отсвет падал на их лица — такие добрые, такие усталые, — и на мгновение я ощутила, что весь мир замер в покое и счастье, что я достигла чего-то такого, о чем прежде и не мечтала.

И вдруг раздался стук в дверь — тяжкий, могучий.

— Это, должно быть, Сергей, — произнесла я, откладывая шитье и вставая. Но отец с матерью даже не подняли глаз. Я постояла, прежде чем идти к двери, но они и тогда ничего не заметили.

Мать напевала себе под нос; ее крючок бойко нырял вниз-вверх, протаскивая за собой шелковую нить. Я медленно приблизилась к двери. На крыльце стоял Зимояр, весь объятый зимой, и снежинки кружились не в окнах, а лишь вокруг него.

Он протянул мне новый кошелек, звякнувший точно оковы, и заговорил. Голос его оказался высоким, пронзительным, как свист ветра под крышей:

— Три дня я даю тебе в этот раз. А после вернусь, чтобы получить свое.

Я смотрела на кошелек. Он был большой, тяжелый, и серебра в нем было больше, чем у меня золота. Намного больше. Откупиться своими запасами теперь не получится. Снег падал и таял у меня на щеках, пятнал мою шаль. Я подумала, что надо принять кошелек молча, склонив голову и исполнившись боязни. Потому что я и впрямь боялась. На сапогах Зимояр носил шпоры, драгоценные камни на его кольцах напоминали огромные осколки льда, а за спиной его жалобно голосили души всех сгинувших посреди вьюги. Еще бы мне не бояться.

Но я уже усвоила, что бывает кое-что пострашнее острых шпор и ночных голосов. Когда тебя

презирают, ухмыляются тебе вслед, норовят ободрать как липку и всячески одурачить. Поэтому я вскинула голову и спросила самым что ни на есть ледяным тоном:

— А что мне за это будет?

В его широко распахнутых глазах словно истаяли краски. Метель взвыла за его спиной. Кружево из снежинок и льда едва не хлестнуло меня по лицу, оставив за собой покалывание на щеках. Я ждала, что он вот-вот ударит меня, а он и глядел так, будто именно это и собирался сделать. Но вместо удара последовали слова, звучавшие как песня:

— Трижды, смертная дева. Трижды ты обратишь серебро в золото для меня — или я тебя саму обращу в лед.

Я уже и так почти обратилась в лед, потому что промерзла до самых костей. Зато я хотя бы не тряслась с перепугу — слишком уж закоченела.

— А потом? — спросила я, и голос мой не дрогнул.

Он расхохотался — визгливо, неистово — и насмешливо бросил:

— А потом, если справишься, будешь моей королевой.

Кошелек упал к моим ногам с громким звоном.

Когда я подняла взгляд, Зимояра уже не было. За моей спиной раздался голос матери; она говорила медленно, будто бы с трудом:

— Мирьем, почему у тебя дверь открыта? Холоду напустишь.

Глава 7

Кошель, полный блестящих монет, что вручил мне Зимояр, был в десять раз тяжелее прежнего. Я высыпала его содержимое на стол и принялась возводить из монет гладкие башенки — это помогало привести мысли в порядок.

— Мы уедем, — глухо произнесла мать, глядя, как я складываю монеты столбиками. Я не сказала ей ни про обещание Зимояра, ни про его угрозу. Но мать все равно перепугалась: шутка ли — к ее дочери является владыка зимы и требует золота! — Мы уедем к моему отцу, а если понадобится, то и дальше.

Но я-то понимала, что это нас не спасет. Куда убежишь от зимы? Пусть даже мы скроемся в какой-нибудь стране за тысячу миль отсюда — сколько взяток мы заплатим, пересекая границы, и окажется ли гостеприимным наш новый дом? В далеких краях наш народ не всегда привечают — и мы об этом немало наслышаны. Чужестранные короли и епископы вечно требуют, чтобы мы прощали им долги, а сами не прочь набить сундуки за наш счет. Один из дедовых братьев

приехал из летней страны, где у него был дом с закрытым двориком. Там росли апельсиновые деревья. Их посадила и вырастила моя родня, а теперь кто-то другой рвет плоды с их веток. Дедушкиному брату повезло, что ему удалось выбраться оттуда живым и очутиться здесь.

Но даже в стране, где царит лето, я не смогу прятаться вечно. Наступит день, когда задует ветер, и воздух остынет, и посреди ночи мороз подкрадется к моему порогу. Зимояр сдержит свое обещание. Я всю жизнь буду бегать от него, едва переводя дух, трепеща от страха, а он все равно явится и оставит мое обледеневшее тело лежать на пустом крыльце.

Поэтому я ссыпала все шесть башенок — по десять монет в каждой — обратно в кошелек. Тут как раз пришел Сергей, и я сразу отправила его к Олегу спросить, не отвезет ли он меня в Вышню прямо нынче вечером.

— Скажи ему, я вычту копейку из его долга, если он отвезет меня сегодня в город, а в субботу вечером назад, — сумрачно произнесла я. Переплата за извоз получалась двойная, но время сейчас дороже денег. Зимояр, конечно, дал мне три дня, но на самом-то деле времени у меня было только до пятничного заката. Вряд ли мне

удастся втолковать Зимояру, что я задержалась из-за шаббата.

Назавтра с первым лучом солнца я была уже на рынке. Едва завидев меня возле своего прилавка, Исаак приветливо осведомился:

— Принесли еще серебра? — Но тут же, вспомнив о манерах, вспыхнул и добавил: — То есть я хотел сказать, что рад вас видеть снова.

— Да, серебра я принесла, — ответила я, перевернула кошелек, и монеты легли сверкающей горкой на черный бархат прилавка — Исаак даже не успел еще разложить товар. — В этот раз я должна отдать шестьдесят золотых.

Исаак уже вертел монеты в руках, его глаза блестели голодным блеском.

— Я никак не вспомню… — пробормотал он скорее себе, чем мне. Услышав мои слова, он изумленно распахнул глаза. — Не прогадать бы на такой работенке!

— Здесь довольно серебра на десять колец, каждое по десять злотеков.

— Я столько не продам.

— Да нет же, конечно, продадите, — возразила я. У герцога есть кольцо из волшебного серебра: понятно, что все городские богатеи — хоть мужчины, хоть женщины — захотят иметь такое же,

да поскорее.

Исаак насупился, пошевелил монеты пальцами и наконец вздохнул:

— Я сделаю ожерелье, и посмотрим, что мы с этого будем иметь.

— Вам правда не по силам продать десять колец? — удивилась я. Неужели же я в нем ошиблась?!

— Я сделаю ожерелье, — настойчиво повторил Исаак.

По-моему, смысла в этом не было ни на пенни. Наверное, Исаак хочет покичиться своей работой и сделать себе имя. Что ж, я не против — мне главное заплатить моему Зимояру и выиграть при этом время.

— И нужно закончить работу до шаббата, — добавила я.

— Я чудеса творить не умею! — простонал он.

— Чудеса уже до вас сотворили, — отрезала я, кивнув на монеты. Больше спорить он не стал.

Пока Исаак трудился, я сидела за его прилавком и обслуживала покупателей, приходивших к нему за разными вещами. Сам Исаак не хотел никого видеть и слышать — он целиком погрузился в работу. Покупателями были по большей части слуги — очень занятые, очень раздраженные.

Многим из них не терпелось забрать заказы. Они говорили сердито, испепеляли меня взглядами и пытались сделать так, чтобы я съежилась и исчезла. Но я сдерживала их натиск и холодно отвечала им:

— Вы, разумеется, видите, над чем трудится мастер Исаак, и прерывать его не стоит. Я уверена, ваша хозяйка или хозяин не хотели бы прогневать господина, чье имя я назвать не могу, который купит это украшение.

И я указывала на верстак, где в лучах полуденного солнца сияло волшебное серебро. Холодный блеск завораживал строптивых покупателей; они замирали, глядя на серебро, а потом уходили, не проронив больше ни слова.

Исаак не прекращал работу, пока не угас последний луч солнца, а наутро, едва рассвело, он снова уселся за верстак. Я заметила, как он отложил несколько серебряных монет в сторону, как будто на память, чтобы потом не забыть. Я даже подумала: может, надо попросить, чтобы он и мне оставил одну? Но все равно из этого ничего не вышло. В полдень Исаак со вздохом расплавил последнюю из сохраненных монет — и последний виток серебряного кружева лег на ожерелье.

— Готово, — объявил он и поднял украшение

обеими руками. Серебряные сосульки свисали с его широких ладоней. Несколько мгновений мы с Исааком просто стояли и смотрели, не в силах отвести взгляд от ожерелья.

— Теперь отправите его к герцогу? — спросила я наконец.

Исаак помотал головой. Он вытащил из-под стола квадратную деревянную шкатулку с резьбой и черным бархатом внутри и аккуратно разложил в ней ожерелье.

— Нет, — сказал он. — Ради этой вещи я пойду к нему сам. Хотите со мной?

И мы вместе направились к воротам нашего квартала, а потом пошли по городским улицам. Пешком я никогда прежде здесь не ходила. Ближе к стене домишки были низенькие, плохонькие, обветшалые, но потом Исаак вывел меня на широкие улицы. Мы миновали огромную церковь из серого камня с окнами, подобными драгоценным камням, и вышли к огромным особнякам, где жила знать. Я никак не могла сдержаться и вовсю глазела на железные решетки с фигурами львов и извивающихся драконов, на стены, увитые каменным виноградом и усыпанные каменными цветами. Мне очень хотелось шагать по этим улицам с гордо поднятой головой — ведь

я все-таки внучка своего деда и в банке у меня лежит золото. Но я лишь радовалась про себя, что я не одна, когда мы поднимались по чисто выметенным широким ступеням.

Исаак поговорил с кем-то из слуг. Нас провели в маленькую комнатку и оставили ждать; никто не предложил нам ни напитков, ни стульев, чтобы присесть. Слуга взирал на нас крайне неодобрительно. Я была ему почти благодарна за это. Потому что от злости я чувствовала себя не такой ничтожной и меньше таращилась по сторонам. Наконец к нам вышел слуга, который в прошлый раз приходил на рынок, и надменно осведомился, с чем мы пожаловали. Исаак достал шкатулку и показал ему ожерелье. Слуга некоторое время разглядывал его, потом отрывисто бросил:

— Очень хорошо. — С этими словами он удалился.

Спустя полчаса слуга появился снова и приказал нам следовать за ним. Он провел нас вверх по черной лестнице, и мы очутились в зале, роскошнее которого я не видывала: на стенах красовались гобелены ярких расцветок, а на полу лежал ковер с изумительным узором.

Ковер скрадывал шум шагов. По нему мы прошли дальше, в гостиную, которая оказалась еще

великолепнее. Посреди гостиной стоял письменный стол и огромное золотое кресло, обитое бархатом. В нем сидел богато одетый человек с золотой цепью на шее. На указательном пальце правой руки поблескивало кольцо из волшебного серебра. Человек не смотрел на кольцо, но все время поглаживал его большим пальцем, словно проверяя, на месте ли оно.

— Ну что ж, давайте посмотрим, — произнес он.

— Прошу, ваша светлость. — Исаак с поклоном протянул герцогу открытую шкатулку.

Герцог вперил в нее взгляд. На его лице ничего не отразилось. Он осторожно пошевелил пальцем украшение на дне шкатулки, лишь легонько коснувшись изящно перевитых серебряных прядей. Наконец он глубоко вдохнул и выдохнул:

— И сколько ты за него просишь?

— Ваша светлость, я не могу продать его меньше, чем за полторы сотни.

— Бред! — рявкнул герцог. Даже я едва не закусила губу. Вот уж правда: загнул так загнул!

— Тогда мне придется переплавить ожерелье на кольца! — воскликнул Исаак, с мольбой простирая руки к герцогу. Я решила про себя, что ювелир торгуется очень даже грамотно: не

захочет же герцог, чтобы кто-то еще щеголял в таком кольце.

— Откуда у тебя это серебро? — властно осведомился герцог. — Оно весьма необычно. — Исаак нерешительно покосился на меня. Герцог перехватил его взгляд. — Ну же?..

Я изобразила реверанс — настолько глубокий, насколько сумела, — и, слегка попятившись, заявила:

— Мне его дал один Зимояр, ваша милость. Он желает обменять серебро на золото.

Поверит или нет? Герцог буравил меня взглядом. Но он не рявкнул «Что за чушь!» и не сказал, что я лгунья.

— А ты желаешь, чтобы и я поучаствовал в обмене, — проворчал он, снова опустив взгляд на ожерелье. — Все ясно. И много еще будет такого серебра?

Я бы и сама хотела это знать. Принесет ли Зимояр еще больше серебра? И если да — что я буду делать? В первый раз шесть монет, во второй — шестьдесят… А потом мне придется добывать для Зимояра шесть сотен злотеков, так получается? Я сглотнула комок в горле и просипела:

— Наверное, будет много… гораздо больше.

— Хмм. — Герцог снова посмотрел на ожерелье.

Потом он дотянулся до колокольчика и позвонил: на пороге немедленно возник слуга. — Ступай скажи Ирине, что я жду ее.

Слуга с поклоном вышел. Мы ждали не очень Долго, каких-то несколько минут, и появилась девушка. Примерно на год моложе меня, тоненькая, сдержанная, в простом платье из серой шерсти с целомудренно высоким воротником. Голову девушки прикрывала серая шелковая вуаль. Следом шла пожилая нянька; при виде меня и особенно Исаака она неприязненно наморщила лоб.

Ирина, не поднимая глаз, присела в реверансе. Герцог взял ожерелье и, приблизившись к дочери, надел украшение ей на шею, а потом отступил на три шага и полюбовался ею. Ирина не была красавицей — девушка как девушка, самой обыкновенной внешности. Только волосы у нее были роскошные — длинные, густые, блестящие. Но с ожерельем это все словно стало не важным. От Ирины невозможно было отвести глаз. Зима сомкнула объятия на ее шее, и, когда Ирина посмотрела на себя в зеркало, серебро изумительно засияло в соседстве с серой вуалью и темными глазами.

— Ах, Иринушка! — восхищенно прошептала нянька.

Герцог кивнул. Не отрывая взгляда от дочери, он произнес:

— Пробил твой счастливый час, ювелир. Я даю сотню золотых монет за ожерелье. А в следующий раз ты сделаешь мне корону, достойную царицы, и это будет приданым моей дочери. Получишь вдесятеро больше, чем сегодня, когда эта корона украсит ее чело.

* * *

— Его светлость желают вас видеть, ваша милость, — сказала горничная и присела в реверансе. Старшие слуги обычно мне не кланялись, а «вашей милостью» для них была моя мачеха, но уж никак не я. Сам вид этой служанки и ее опрятное серое платье уже о многом говорили. Судя по наряду, ко мне явилась старшая горничная, из тех, кому дозволялось полировать мебель, в отличие от деревенских девок-судомоек, которым доверяли разве что скрести полы да ворочать кочергой. Вот они-то обыкновенно и прибирали у меня в комнатах. Ценного у меня ничего нет, если и поломают что-нибудь — потеря невелика.

— Быстренько, быстренько, — засуетилась Магрета, подтолкнула меня, чтобы я встала, проверила, не растрепалась ли уложенная два

дня назад коса. Будь ее воля, Магрета расчесала бы и заплела косу заново, но теперь времени не оставалось, поэтому она просто кивнула, заставила меня снять передник, прошлась щеткой по туфлям и пуговицам на платье. Я стояла смирно, позволяя ей проделывать все это, а сама мысленно сетовала, что не могу прямо сейчас провалиться сквозь землю.

Чтобы отец призвал меня среди бела дня к себе в кабинет — такого прежде не бывало. Мы в любом случае увиделись бы нынче за ужином. Причина такой срочности могла быть только одна — кто-то наконец пожелал взять меня в жены и, видимо, дело уже шло полным ходом. Отец, возможно, уже объявил, какое дает приданое, или, по крайней мере, переговоры в самом разгаре. За последним нашим ужином отец не обронил ни словечка о моем будущем браке, но я не сомневалась, что все дело в этом.

И вся эта спешка очень даже объяснима. Расходов на прием царя отец избежать не может — ну так он убьет двух зайцев разом: сыграет мою свадьбу, а царь с придворными будут гостями. Более того, отец внакладе не останется: все эти именитые гости должны будут поздравить меня и жениха и вручить нам свадебные подарки. Их

стоимость, я уверена, отец заведомо включил в мое приданое, о котором сейчас с кем-то договаривается.

Едва ли супружеская жизнь придется мне по сердцу. Разумеется, приятно быть хозяйкой в собственном доме. Все лучше, чем коротать беспросветные дни в отцовском дворце. И все же эта спешка не сулила мне ничего хорошего. Видимо, отец устраивает все по своему хотению. Тот, кто ко мне сватается, наверняка мечтает отхватить куш пожирнее, а невеста — лишь довесок. Получит он кусок глины в форме девицы и слепит из этой глины что душе угодно. Ценить меня по достоинству он не будет, да это и ни к чему: разве мой отец меня ценит? По мне, если уж выходить замуж, то лучше за кого-то не особенно родовитого. Вполне сгодился бы воевода — богатый, честолюбивый и связанный с отцом клятвой верности. Чтобы самому подняться до герцога, такой взял бы за себя герцогскую дочку по договорной цене. Для воеводы я хоть что-то бы значила. Но подобных претендентов на мою руку не находилось. После семи суровых зим воевод больше заботили не придворные чины, а тощие кошельки. Такая жена, как я, им нынче не по карману.

Как бы то ни было, отцу от такого зятя пользы не много. Скорее всего, отец подыскал какого-нибудь дворянина, которому молодая жена его сословия попросту не досталась бы. Бывают женихи до того гадкие, что хороший отец сто раз подумает, прежде чем отдать за такого свое дитя. А бывают вовсе лютого нрава — таким только на руку, что папаша не слишком печется о своей дочурке.

Однако я послушно спустилась вниз, в отцовский кабинет: ведь выбора у меня все равно не было. Магрета вся тряслась мелкой дрожью. Она не хуже моего понимала, что затевается, но старалась не думать о плохом прежде времени. Магрета предвкушала, как я чудно и счастливо выйду замуж, а она отправится наконец на покой и на правах старой нянюшки поселится в моем новом доме. И больше не будет она ютиться где-то под крышей с нелюбимой господской дочкой. Пусть себе мечтает, мысленно разрешила я, а сама задумалась: интересно, увижу ли я самого жениха воочию? Если да, то можно дать ему понять, что я не такой уж лакомый кусочек. Правда, отец наверняка рассвирепеет. В общем, не самая надежная из спасительных соломинок. И я гадала про себя, стоит ли игра свеч.

Но вот дверь в кабинет отворилась, и за этой дверью меня не ожидала ни помолвка, ни даже сваха. В кабинете стояли двое евреев: мужчина и молодая женщина — стройная, темноволосая и темноглазая. А у мужчины в руках была шкатулка, полная зимы. И я тут же забыла обо всем, о чем только что думала; я вообще забыла, что могу думать. Серебро полыхало ледяным пламенем на черном бархате, и я снова стояла у окна, опираясь пальцами на подоконник, а передо мной раскинулся сад, и зима веяла мне на щеки морозным дыханием, и я все больше и больше клонилась вперед, томимая тоской по чему-то неведомому.

Я едва сдержалась, чтобы не потянуться к ожерелью, не шагнуть к нему. Но я вовремя стиснула обеими руками подол и присела в реверансе, с трудом на краткий миг отведя взгляд от шкатулки. И, едва выпрямившись, снова впилась в нее глазами. Я по-прежнему ни о чем не думала, совсем ни о чем. И продолжала ни о чем не думать, когда отец поднялся с кресла и приблизился ко мне с ожерельем. Тут я посмотрела на него с немым изумлением: не может же это быть правдой. Не может отец преподносить мне подобные подарки. Но он нетерпеливо махнул рукой, и, немного помедлив, я повернулась к нему спиной

и позволила застегнуть на себе украшение.

В кабинете отца было тепло, куда теплее, чем в моих тесных покоях. Тут в камине весело потрескивал огонь. Но металл плеснул прохладой мне на кожу, и это было так свежо, так приятно — точно кто-то коснулся холодной ладонью моей щеки в знойный полдень. Я подняла голову и развернулась: отец пристально смотрел на меня. Да и все, кто был в кабинете, дружно на меня уставились.

— Ах, Иринушка! — тихонько умилилась Магрета.

Я провела пальцами по изящным извивам. Даже на коже серебро оставалось холодным. Я заглянула в зеркало. Но отражение показывало мне не стены отцовского кабинета. Я стояла посреди темной зимней рощи под блекло-серым небом и почти ощущала касания снежинок.

Я стояла так долго-долго. Я вбирала всеми легкими студеный сладковатый воздух, полный ароматов свежих сосновых веток, и глубокого снега, и дремучего леса, что высился вокруг меня. А где-то далеко мой отец обещал евреям, что заплатит им тысячу золотых, если они принесут мне в приданое корону. Значит, я не ошиблась: все-таки отец затеял помолвку и теперь к ней

предстояло спешно готовиться.

Ожерелье он мне, конечно же, не оставил. После того как евреи откланялись, он сделал мне было знак, что я тоже могу идти, но тут же остановил и, посмотрев на меня еще раз, снял ожерелье с моей шеи и уложил назад в шкатулку. Потом он смерил меня тяжелым взглядом, словно привыкая заново ко мне без ожерелья, тряхнул головой и решительно произнес:

— Царь прибудет к нам через две недели. Поупражняйся в танцах. Отныне будешь ужинать со мною каждый вечер. А ты позаботься о ее гардеробе, — прибавил он, обращаясь уже к Магрете. — Ей понадобятся три новых платья.

Я сделала реверанс и двинулась обратно наверх, а Магрета семенила за мною по пятам и щебетала без умолку, как целая стая пичуг, что забилась в дупло и бестолково мечется там, пока парящий в небе ястреб не дает им вернуться на привычные ветки.

— Пускай горничные мне помогают, — бормотала она, хищно накидываясь на вязанье, чтобы в тревоге чем-то занять руки. — Столько всего надо переделать! Ничего-то у нас не готово. Сундук твой наполовину пустой. И еще три платья шить!

— Да, — согласилась я, — надо тебе поговорить с домоправительницей.

— Верно, верно, — закивала Магрета, и ее тут же как ветром сдуло. Наконец-то я осталась одна и могла посидеть у огня с шитьем — с белой ночной сорочкой, которую я украшала вышивкой для свадебного ложа.

Мы встречались с царем семь лет назад, когда умерли его отец и старший брат. Мой отец отправился в Коронь — поприсутствовать на коронации и присягнуть на верность новому царю, или, точнее, его регенту, эрцгерцогу Дмитиру. Мирнатиуса я впервые увидела в церкви; священник нудным голосом вел службу, но я почти не смотрела ни на него, ни на царя. Я отчаянно скучала; мне было неудобно и жарко в своем платье, поэтому, сидя рядом с Галиной, я задремала. Когда царя наконец стали короновать, я резко проснулась, будто меня больно укололи иголкой, и вскочила на ноги за миг до того, как все вокруг начали подниматься и приветствовать юного монарха.

А после церемонии о нем как-то позабыли. Владыки мира сего пировали и беседовали за царским столом, всячески угождая Дмитиру, а Мирнатиус тем временем незаметно ускользнул

на задворки, в сад. Я как раз играла в том саду — про меня ведь тоже все благополучно забыли. У Мирнатиуса был маленький лук со стрелами, и он подстрелил пару белок. Он разглядывал тушки убитых зверьков с удовольствием. Мирнатиус не просто радовался, как радуется мальчишка, гордый тем, какой он умелый охотник, — он поднял мертвых белок за торчащие в тушках стрелы и принялся их трясти, заставляя дергаться и выгибаться. И глаза у него при этом так и светились неизъяснимым восторгом.

Он заметил мой негодующий взгляд. Я тогда по малолетству еще не научилась осторожности.

— Чего пялишься?! — огрызнулся Мирнатиус. — Они просто не сдохли еще, вот и шевелятся. Никакое это не колдовство.

В колдовских делах он уж наверняка разбирался: мать у него была ведьма, сумевшая вскружить голову царю после смерти первой царицы. Этот брак никто не одобрил, и спустя лишь несколько лет мать Мирнатиуса сожгли на костре за покушение на жизнь старшего царевича. Ведьма стремилась избавить своего сына от соперника, но ее поймали с поличным. Впрочем, как выяснилось впоследствии, подожди она немного — и не пришлось бы всходить на костер. Царя и его

старшего сына свела в могилу лихорадка, и сын ведьмы унаследовал-таки престол. Магрета по этому поводу не упускала случая заметить, что колдовство и мудрость отнюдь не одно и то же.

Я в те годы мудростью тоже не отличалась — но ведь маленькой девочке это простительно. А потому царское величие Мирнатиуса меня ничуть не смутило. И я дерзко заявила ему:

— Ты их уже убил. Почему бы тебе не оставить их в покое?

Это прозвучало немного нелепо, но я хорошо сознавала, о чем говорю: нечего вот так, забавы ради, истязать несчастных зверьков, пусть даже и мертвых.

Царь прищурился, и его красивые глаза стали по-поросячьи маленькими и злющими. Он поднял лук и прицелился в меня. И я, хоть и была еще ребенком, ощутила, что смотрю в глаза своей смерти. Мне хотелось пуститься наутек, но вместо этого я точно примерзла к месту и оцепенела, мое сердце замерло, а Мирнатиус расхохотался, опустил лук и издевательски произнес:

— Честь и хвала великой заступнице дохлых белок!

Он поклонился мне, как обычно кланяются на свадьбах, а потом ушел. И весь остаток недели,

когда бы я ни играла в саду, я неизменно натыкалась на мертвых белок. Они всегда были засунуты куда-нибудь подальше от глаз садовника — но стоило мне затеять игру в прятки с Магретой и затаиться в кустах или побежать за укатившимся мячом, я все время находила растерзанную белку, словно поджидавшую меня.

Надо пожаловаться взрослым, думала я. Мне все поверили бы — из-за матери Мирнатиуса, из-за его необычной красоты. О молодом царе и так уже шептались по углам. Для начала я поведала обо всем Магрете, и она, выслушав историю целиком, наказала мне не связываться с царем, чтобы не накликать лихо: ведь мертвые белки — это верный знак. С тех пор она не выпускала меня из нашей комнаты. Пока мы гостили у царя, я сидела взаперти и пряла и выходила только ради торопливых трапез.

Мы больше об этом не разговаривали, но я знала наверное: Магрета все помнит не хуже меня. Через четыре года мы вновь отправились в Коронь на пышные похороны эрцгерцога Дмитира. Мирнатиус повелел всей знати явиться пред его царские очи: очевидно, хотел показать всем, что больше не нуждается ни в каком регенте. И настоял на том, чтобы все повторно присягнули

ему на верность. Мы пробыли там две недели. Магрета не спускала с меня глаз и следила за тем, чтобы я не выходила из комнаты без вуали, хотя я не была еще замужней женщиной. Всю еду с кухни она приносила мне сама и давала собственными руками. Мирнатиус на похоронах скорбел пуще всех. Ему уже минуло шестнадцать; он стал высоким, совсем взрослым и сделался даже еще красивее, чем прежде. Черные волосы, светлые глаза, сверкающие на смуглой татарской коже как драгоценные камни, ровные белые зубы, да еще корона и золотая мантия — он казался то ли великолепной статуей, то ли святым. Я рассматривала его сквозь дымку вуали, но вдруг он повернулся в мою сторону, и я быстро потупила взор и притворилась крошечной незаметной фигуркой где-то в третьем ряду княжон и герцогских дочерей.

Но через две недели царь приедет в дом моего отца, и никакого прикрытия у меня уже не будет. Отец мог бы закатить три краткие добрые пирушки и увезти гостя в темный лес охотиться на кабана — тем самым он сократил бы расходы. Но вместо этого отец закатит всего один пир, зато немыслимо роскошный. Жонглеры, маги, танцовщицы — все что угодно, лишь бы царь и его двор

три дня без устали веселились в доме, подле меня. Я каждый день буду красоваться перед гостями в новом платье, а отец будет из кожи вон лезть, чтобы сбыть меня с рук. Он и правда надеется, что кольцо, ожерелье и корона из волшебного серебра помогут поймать царя на крючок.

Я разглядывала свое отражение в окне и размышляла: что же увидели суровые глаза моего отца, когда на моей шее сомкнулось ожерелье? Что заставило его решиться на эту затею с царем? Для меня это оставалось тайной. Я не видела собственного лица, пока на мне было ожерелье. Но мысль о том, что отец попал впросак, ничуть меня не грела.

Я так и стояла у окна, опираясь руками на холодный камень; мое шитье лежало, позабытое, в стороне. Вошла Магрета, все так же неустанно щебеча; она всунула мне в руки чашку горячего чая. Еще она принесла изрядный ломоть пирога с маком, моего любимого, — должно быть, стянула его на кухне. Такое лакомство мне не часто перепадало. За Магретой по пятам шла горничная: она подкинула в камин несколько поленьев. Я позволила подвести себя к огню. Спасибо им за заботу, но мне нужно вовсе не это. Мне нужно заполучить серебряное ожерелье, чтобы оно опять

обволокло мою шею, и пускай даже в нем таится моя погибель. Мне нужно надеть ожерелье, отыскать высокое зеркало и ускользнуть во мрак дремучего зимнего леса.

* * *

В субботу после заката я вскарабкалась в Олеговы сани. Двадцать злотеков пополнили мой запас в дедушкином банке, а с собой я везла плотно набитый белый кошель, со вспухшими от золота боками. Едва мы въехали под сень леса, я вся насторожилась. Появится ли Зимояр? Откуда он придет? Каждую минуту я ждала, что он покажется меж деревьев. Вот сани замедлили ход и встали под темными ветвями. Я затряслась как кролик и заозиралась, выискивая взглядом Зимояра. Но Зимояра не было. Лошадь рыла копытом снег и фыркала паром, а Олег не думал превращаться в обмякшее тело. Он просто взял и кинул поводья на облучок.

— Ты слышал что-нибудь? — спросила я хриплым от волнения шепотом.

Но Олег, не ответив, соскочил с саней и выдернул из-под тулупа нож. Со всеми этими волшебными делами я и думать забыла, что существуют в мире и другие опасности. А когда сообразила,

было уже поздно. Я швырнула возчику в лицо кучу одеял и, оскальзываясь на соломе, кое-как выбралась из саней с другой стороны.

— Не надо! — выпалила я. — Олег, не надо! — Мои тяжелые юбки увязали в снегу, а Олег все приближался. — Олег, ну пожалуйста! — Но его лицо словно заледенело, сделалось холоднее зимы. — Это не мое золото! — отчаянно выкрикнула я, показывая ему белый кошелек. — Оно не мое, я должна его отдать!

Но его это не остановило.

— Ясно, не твое! — прорычал он. — Ничего тут твоего нет! Стервятница ты ненасытная — лишь бы обобрать трудового человека!

Эти слова мне доводилось слышать, и каждое резало точно нож. История о заимодавцах — прислужниках дьявола, немножко на новый лад. Олег сам себя убедил, будто эти байки не врут, будто он вправе отнять у меня что угодно силой или обманом. Я могу во весь голос умолять о пощаде — не поможет. Он бросит мое тело волкам на съедение и вернется домой с золотом за пазухой. И скажет, что я отстала в лесу и заблудилась.

Я уронила кошель и, подхватив юбки обеими руками, как могла припустила бегом по глубокому снегу, доходившему мне до бедер. Олег

кинулся на меня, и я, отпрянув, упала навзничь. Наст подо мной просел, щеку царапнули ветки кустарника. Встать я уже не могла. Олег возвышался надо мной, держа нож в одной руке, другой он тянулся, чтобы схватить меня, но вдруг он замер и руки его безвольно повисли по бокам.

Но это не потому, что он сжалился надо мной. Мертвенный холод сковывал его лицо, губы теряли цвет и синели, а по густой каштановой бороде расползалась изморозь. Я с трудом поднялась на ноги, вся дрожа. За спиной возчика стоял Зимояр, положив руку ему на шею — так хозяин придерживает за холку пса.

Через миг он отпустил руку. Олег недвижно стоял между ним и мной словно обмороженный, в лице ни кровинки. Еще через миг возчик развернулся, медленно затопал к саням и влез на облучок. Зимояр даже не смотрел в его сторону, точно все случившееся его не заботило. Он не сводил взгляда с меня, и глаза его сверкали не хуже Олегова ножа. Меня трясло и мутило. На ресницах застыли слезы, и я никак не могла толком их разлепить. Я с трудом проморгалась, стиснула покрепче руки, чтобы они перестали дрожать, нагнулась и, подняв из снега кошель, протянула Зимояру.

Зимояр подошел поближе и принял кошель из моей руки. Он не высыпал золото на ладонь — кошель был набит слишком плотно. Вместо этого он запустил руку внутрь, вытащил пригоршню монет и по одной принялся сбрасывать их назад. Злотеки со звоном падали в белый мешочек — и вот уже пальцы в белых перчатках держат последнюю монетку, сияющую как солнце. Зимояр мрачно посмотрел на полный кошель, потом на меня.

— Здесь все сполна, все шестьдесят, — выдохнула я. Сердце, к счастью, стало стучать потише, иначе его бы просто разорвало.

— Как и должно быть, — отозвался он. — Ибо если не исполнишь моего повеления — быть тебе ледяной глыбой, а если исполнишь — то владеть тебе моей рукой и короной. — Он почему-то говорил сердито, хотя он ведь сам это все придумал. Похоже, ему больше хотелось меня заморозить, чем получить свое золото. — А теперь ступай домой, смертная дева, и жди. Я явлюсь к тебе вновь.

Я беспомощно посмотрела на сани. Олег сидел на облучке, обратив к зиме отрешенное ледяное лицо. Меньше всего на свете мне хотелось садиться к нему в сани. Но отсюда мне было не добраться

пешком ни до дома, ни до ближайшей деревни, где я наняла бы другого возчика. Олег свернул с дороги и завез меня сюда; я понятия не имела, где мы. Я хотела было высказать это все Зимояру, но тот уже исчез. А я осталась стоять в одиночестве под тяжкими снежными ветвями сосен, и вокруг меня была только тишина, да следы, да вмятина на снегу от моего тела, хранившая мое движение, будто бы ребенок, играя, упал на снег.

Повалил густой плотный снег. Снегопад не оставил мне выбора. Я с оглядкой, опасливо пробралась по снегу и уселась в сани. Олег, не говоря ни слова, тряхнул поводьями, и кобылка затрусила вперед. Он дернул поводья, уводя лошадь к деревьям, — дальше от дороги, глубже в чащу. Надо бы его окликнуть, думала я, только никак не могла решить, что мне страшнее: услышать ответ или не услышать. Может, вообще соскочить с саней, пока не поздно? И вдруг через узкий просвет среди деревьев мы вылетели на какую-то новую дорогу: блеклую, гладкую, как лед, светящуюся белым. Въезжая на накатанную дорогу, полозья стукнули разок — и после этого стало совсем тихо. Тяжелые подковы касались льда, сани проворно бежали за лошадкой. Вокруг нас высились деревья — высокие, белые, как

березы, с шелестящими кронами. Таких деревьев не встретишь в наших лесах, да и листьев на деревьях зимой не бывает. Белые птицы и белки резвились меж ветвей, и наши колокольчики выпевали диковинную песенку — радостную, и искристую, и студеную.

Я не стала оборачиваться и смотреть, откуда идет дорога. Я закуталась в одеяла и крепко зажмурилась и не размыкала век, покуда под полозьями снова не захрустел снег и сани не встали возле нашего дома. Я мигом выпрыгнула наружу, стремглав заскочила в калитку и без оглядки кинулась в дом. Но я могла бы и не бежать. Олег уехал, даже не посмотрев в мою сторону.

Глава 8

Мирьем позвала меня наутро после своего возвращения.

— Ванда, — сказала она, — сходи к Олегу, хорошо? Отнеси ему вот это. В Вышне он меня дождался, и я ему за это списываю копейку из долга. — Мирьем протягивала мне расписку, самую обыкновенную, с аккуратными буквами, но при этом прятала глаза. От ее щеки вниз тянулись алые царапины, словно ее ветка хлестнула по лицу или задели чьи-то когти.

— Да, я схожу, — медленно проговорила я.

Я закуталась в шаль, взяла расписку и зашагала вниз по улице к Олегову дому. Но едва я обогнула угол, как тут же застыла посреди дороги будто вкопанная. Двое мужчин несли гроб с телом Олега в церковь. Я на миг разглядела его лицо. Открытые глаза бессмысленно выпучились, а губы посинели. Его жена сидела, съежившись, возле конюшни. К дому стекались соседки, все несли еду в прикрытой посуде. Одна соседка остановилась возле меня. С Вардой мне встречаться уже доводилось: когда я только начинала свои

обходы, она была еще немного должна и расплатилась тремя молодыми несушками.

— Ну что встала?! — резко бросила Варда. — Чего тебе еще в этом доме?! Явилась мертвым телом поживиться?!

Тут подошел Кайюс с женой и сыном; в руках он нес дымящийся кувшин с крупником.

— Полно вам, панова Кубилиус, нынче воскресенье, — примирительно сказал Кайюс. — Уж конечно, Ванда сегодня не собирает долгов.

— Он копейку заработал. Возил Мирьем в Вышню, и она ему из долга списала, — пояснила я. — Вот расписка.

— Ну вот, видите, — улыбнулся Кайюс, а Варда свирепо выпучилась на нас обоих.

— Копейку! — фыркнула она. — Значит, копейкой больше его бедным сиротам достанется. Евреям лишь бы мошну набить, а вдова с детьми пускай по миру идут. Дай-ка сюда! Я сама ей снесу, а ты не лезь.

— Как скажете, панова, — ответила я и отдала ей бумагу.

Я вернулась к Мирьем и рассказала, что Олег умер — он лежал на снегу весь замерзший прямо возле своей конюшни и смотрел невидящими глазами в небо. А лошадь и сани стояли на месте.

Мирьем молча выслушала и ничего мне не ответила. Я потопталась немного в нерешительности, а потом, не зная, что еще сделать, сказала:

— Пойду коз покормлю. — И Мирьем кивнула.

Назавтра я обходила деревенских заемщиков, вниз по восточному тракту. Там уже все обо всем проведали. Меня то и дело спрашивали, правда ли, что Олег умер, и, услышав, что да, правда, огорчались. Олег был весельчак, зимой угощал приятелей пивом и водкой, а если ехал за хворостом, не забывал прихватить охапку и для бедной вдовы. Даже отец, когда я пришла домой и рассказала об Олеге, горестно охнул. Его хоронили во вторник, и только его вдова пришла из церкви с сухими глазами.

Все судачили о смерти Олега. Но никто не поминал Зимояров. Сердце у него разорвалось, так все говорили и качали головой. Беда, коли такое стрясется с крепким мужиком. Но никто не удивлялся, что Олег глубокой зимней ночью заледенел как сосулька.

Я ни с кем обсуждать это не стала, кроме Сергея. Мы с ним стояли на дороге среди леса — безмолвного, яркого от лунного света. Сергей шел к заимодавцу ночевать. Мирьем не сказала ему, что больше не надо приходить, хоть и ясно было,

что отгонять от дома Зимояров мальчишке не по силам. И платить нам Мирьем не перестала. О Зимоярах мы с братом особо и не думали: Сергей будто бы приглядывает за козами. Поэтому он, как и прежде, приходил к заимодавцу каждый вечер, ужинал и завтракал, получал свои пенни, и мы закапывали их по дороге к дому возле белого дерева.

— Ты помнишь? — спросила я его, а он весь оцепенел. Мы ни разу речи не заводили о том, что с ним тогда случилось в лесу. Ни разу.

Ему и сейчас не особо хотелось об этом говорить, но я встала у него над душой. Стояла и молчала, как бы допытываясь, и он сдался.

— Я свежевал кролика, — сказал Сергей. — А он выехал из-за деревьев. И говорит, что, мол, лес этот его, а я, значит, вор. И еще он сказал… — Тут Сергей умолк, и лицо у него сделалось такое измученное. Он помотал головой. Не помнил он, что там еще было, и вспоминать не хотел.

— Он на звере ехал? Зверь такой, с копытами и когтями, да? И сапоги остроносые, да? — не унималась я. Сергей неохотно кивнул.

Выходит, это и был тот самый: не простой Зимояр, а их владыка. И если этот владыка не соврал, он повелевал всем лесом. А лес — я слышала,

про это на рынке болтали — тянется до самых берегов северного моря. Король Зимояров явился к Мирьем за золотом, и, если она не исполнит его веления, лежать ей, замерзшей, на дворе, окруженной остроносыми следами.

А не будет Мирьем — и отцовского долга не будет. Едва папаня узнает о ее смерти, он тут же мне скажет, что, дескать, хватит задарма спину гнуть, наработалась. Отца Мирьем он своими воплями мигом отвадит. Да и отваживать не придется — не станет заимодавец из него остаток выколачивать. Мать Мирьем все глаза выплачет докрасна, но и горюя, будет ко мне добра, как всегда. Я приду, а она скажет, что все, долг наш выплачен, можно больше не работать. Если я захочу работать и дальше, уже не получится скрывать от отца, что у заимодавца нам платят звонкой монетой. И тогда папаня эту самую монету отберет. Каждый день он будет являться домой вдрызг пьяный, отбирать мой заработок, да еще и колотить, чтобы я ему ужин поживее подносила. И так каждый день, каждый божий день. Всегда.

— Давай тогда наврем ему, сколько мы зарабатываем. Скажем, что меньше, — предложил Сергей. Но предложил он это неуверенно — да оно и понятно почему. Пока отец ни о чем не

догадывается. Сам-то он нас отправляет работать задаром — так с какой стати кому-то еще нам приплачивать? Узнай отец про наш заработок, тут-то он и смекнет, что веры нам больше нет. Работать нам он, может, и позволит. Да только наверняка пойдет сам к отцу Мирьем и начнет выпытывать, сколько тот нам платит. А панов Мандельштам ему все по-честному и выложит. Не можем же мы попросить его, чтобы он ради нас солгал. Он только огорчится, что мы обманываем собственного отца, и посетует, что помочь нам нечем.

Отец проведает, что нам платили больше, чем мы сказали, и вызнает, сколько мы заработали на самом деле. Он поймет, что наши деньги где-то спрятаны. И вот тогда-то он излупит нас ремнем, или кулачищем, или кочергой. И будет лупить нас и лупить, и не остановится — даже если мы признаемся, где наш тайник.

* * *

Спустя три дня в церкви отпевали Олега, и колокола звонили по нему подобно колокольчикам под дугой в белом лесу. Если я не добуду Зимояру его золото, меня тоже найдут замерзшей насмерть, как Олега. А если добуду? Тогда со мной

случится кое-что пострашнее. Зимояр усадит меня на своего белого скакуна и умчит в ледяной белый лес, и там я останусь — навеки одна-одинешенька, в короне из волшебного серебра на голове. Мельникову дочку-златовласку из сказки, которую рассказывали в нашем городишке, я никогда не жалела. Жалела я своего отца, и себя заодно — жалела и злилась. Но кому понравится иметь в мужьях короля, готового вмиг снести жене голову с плеч, если она не спрядет ему из соломы золото? Стать супругой Зимояра мне хотелось ничуть не больше, чем попасть к нему в рабство или превратиться в глыбу льда.

Теперь я никак не могла его забыть. Он маячил где-то в глубине моей памяти, с каждым днем расползаясь по ней, как морозный узор по оконному стеклу, занимая в ней все больше и больше места. По ночам я задыхалась в своей постели и дрожала от стужи, пробиравшей меня изнутри, неподвластной даже рукам моей матери, и от воспоминания о его серебряном взгляде.

— Вы добудете ему золото? — однажды утром спросила меня Ванда, как обычно, внезапно.

И без объяснений было ясно, о ком шла речь. Мы вдвоем возились с козами, и мать была тут же на дворе, в нескольких шагах, поэтому я не могла

разрыдаться, как бы мне того ни хотелось. Мать с отцом уже чуяли неладное, смотрели на меня озадаченно и встревоженно. Я прикрыла себе рот тыльной стороной ладони.

— Да, — просто ответила я Ванде. — Я добуду ему золото.

Ванда ничего не сказала, только посмотрела на меня, плотно сжав губы. И у меня комок подкатил к горлу.

— Если вдруг мне придется покинуть дом, — зашептала я Ванде, — ты останешься с моим отцом, хорошо? Он будет платить тебе. Вдвое против нынешнего, — добавила я уже с отчаянием. Потому что я представила, каково матери с отцом будет без меня. Им достанется вся та ненависть, что пробудила к себе я. На мгновение я будто опять оказалась на той просеке: я отбивалась от Олега, и надо мной нависло его перекошенное лицо — перекошенное не от мороза, а от ярости, раскрасневшееся, злобное.

Ванда помолчала немного, а потом, словно нехотя, произнесла:

— Отец скажет, чтобы я дома работала.

Она подняла голову от кормушки и повернулась ко мне. Я удивилась было, но тут же поняла, о чем это она. Она не отдает деньги отцу. Горек

ни за что не стал бы удерживать дочку дома, приноси она ему по пенни в день. Она оставляет заработок себе.

Я расчесывала козу, обдумывая эту мысль. Я-то все это время считала, что договор у меня с Вандиным отцом, а вовсе не с ней. Что довольно будет давать ему чуть больше денег, чем Ванда заработала бы в поле. Мне и в голову не приходило, что деньги нужны ей самой.

— Тебе деньги нужны для приданого? — поинтересовалась я.

— Вот уж нет! — огрызнулась Ванда.

Тогда совсем непонятно. Для чего ей таиться от отца? Я окинула Ванду непонимающим взглядом. Она получила от меня уже двенадцать медных пенни, за себя и за брата — а на ней по-прежнему лапти и то же рванье, в котором она была, когда я наведывалась к Гореку. По его дому видно было, что он гол как сокол. И я задумчиво спросила:

— А что твой отец сделал с шестью копейками, взятыми в долг?

Она рассказала, и мне тут же все стало ясно. Правда, толку от этой ясности было мало. Горек ведь ее отец, от этого никуда не денешься. Он имеет полное право взять в долг у первого встречного, кто не откажется ссудить его деньгами. Он

имеет право поступить с этими деньгами как заблагорассудится. Он имеет право отправить дочь отрабатывать свой долг и забирать у нее весь заработок. Ванда не хочет замуж, а иного способа вырваться от отца у нее нет. Она не рассказала мне, куда девает деньги, но я и так понимала: купить она ничего не может — может только копить свои сокровища в какой-нибудь драконьей пещере. Поэтому до сих пор нет у нее ни платья приличного, ни башмаков. Повезло Ванде, что в последнее время ее отец нечастый гость в городке. Скажи он мне в лицо что-нибудь этакое насчет того, как мы наживаемся на бедняцких горестях, — уж я бы ему в ответ все выложила, сгоряча, не подумавши. И тем самым выдала бы Ванду с головой. Даже помыслить страшно, что он бы ей устроил. Тот, кто может прокутить четыре копейки, зная, что отдавать долг ему нечем, и дочь может забить чуть не до смерти, какая бы она ни была для него кормилица.

— Скажи ему, что я собралась замуж за богача и потому уехала, — предложила я. В конце концов, это ведь скоро будет правдой. — Скажи, что я, как только вернусь, сразу проверю все записи и счета. — И это тоже чистая правда. — А… а когда ты отработаешь долг, скажи, что мы готовы

платить ему за вас двоих пенни в неделю. Раз в месяц. И дай ему сразу четыре пенни. Он их потратит и будет снова в долгу, придется ему согласиться и отпустить вас. А через месяц снова сделай так же.

Ванда чуть помедлила и кивнула. Еле заметно. А я, поддавшись какому-то порыву, вдруг протянула ей руку. Моя рука глупо повисла в воздухе, а Ванда бестолково на нее таращилась. И только я хотела отнять руку, как вдруг она протянула руку в ответ. Ванда стиснула мою ладонь в своей — большой, широкой, с шершавыми красными пальцами. Стиснула довольно сильно, но я не возражала.

— Завтра я еду в Вышню, — сказала я совсем тихо. Городские стены вряд ли защитят меня от Зимояра, но попытаться стоило. Меня хотя бы не будет дома. Зимояр не истопчет родительский двор своими сапогами, а соседи не станут сочинять о нас жуткие байки. — К его приходу мне уже надо быть там. — И я рассказала Ванде про Исаака и как я добываю золото для Зимояра.

Матери, впрочем, я об этом рассказывать не стала, да и вообще решила не упоминать Зимояра.

— А ты снова собралась в Вышню? Так скоро? — спросила она. На мое счастье, мать, видно, все

позабыла, а потому вопрос ее прозвучал скорее удивленно, чем испуганно.

— Хочу привезти еще передников, — объяснила я.

После полудня я убедилась, что записи в порядке, и, закончив корпеть над книгами, вышла из дома. Наш дом теперь казался таким уютным — с расписанными ставнями, с курами и козами и с их шумной возней на дворе. Я взяла корзинку и неспешным шагом двинулась в город. Я даже не знала, зачем иду туда. День нынче был не базарный, к заемщикам отправилась Ванда. В городе мне было делать решительно нечего, да и смотреть не на что — ничего там за последние годы не изменилось, кроме взглядов, которые бросали мне вслед. Теперь наши соседи, завидев меня, лишь хмурились. А раньше-то они провожали ухмылками мои залатанные башмаки и изодранную одежду и радовались, что у них в карманах звенят наши денежки, которых никто никогда с них не спросит.

Наверное, поэтому я и пошла пешком по городу. Я прогулялась в дальний конец, а потом обратно, до дома. Мне ничуть не жалко все это бросить. Я не люблю наш городок, и людей здешних не люблю, хотя, как говорится, дома и стены

помогают, а при нынешнем-то моем раскладе, казалось бы, стоило к этому прислушаться. Но мне здесь помощи ждать неоткуда. Здесь меня все ненавидят — а по мне, так и пускай. И пускай нет у меня никакого к ним снисхождения. Наши соседи только и ждут, чтобы моя мать сошла в могилу, отец остался умирать в одиночестве, а сама я прибилась как нищенка к дедушкиному дому и прожила там всю жизнь серой мышкой на кухне. Они бы, глазом не моргнув, пожрали всю мою семью, как стервятники, и косточки бы добела обглодали. Они куда хуже Зимояра — тот хоть не прикидывается добреньким соседом. Уж лучше стать ледяной глыбой, чем жить тут с ними со всеми.

Олега больше не было, поэтому наутро я вышла на рыночный тракт и стала ждать. Показались сани, груженные соленой сельдью с моря, и я замахала рукой. Возчику я предложила пять пенни, если доставит прямиком в Вышню. Можно бы дать и побольше, но теперь я ученая. В этот раз я нарочно подождала возчика постарше в санях победнее. Дорогое платье с меховыми воротом и манжетами я спрятала под отцовским изношенным плащом, который уже собиралась на тряпки пустить, потому что я справила отцу новый плащ,

подбитый мехом.

По пути старик все рассказывал о своих внучках и выпытывал, сколько мне лет. Оказалось, его младшая внучка годом моложе меня и уже замужем, а я еще нет. Возчика это привело в хорошее расположение духа. Он поинтересовался, не за женишком ли я еду в город.

— Поглядим, — уклончиво ответила я и рассмеялась. Мне отчего-то сделалось так весело и легко, потому что надо же сочинить такую нелепицу! Сижу тут среди бочонков с селедкой, башмаки у меня все в грязи, сама я в латаном-перелатаном отцовском плаще — вылитое пугало. Ну на что тут зариться Зимояру? Принцессы из меня точно не выйдет, даже до крестьянской дочки-златовласки мне далековато. Ему, наверное, без разницы, что я еврейка, но я ведь коротышка, да к тому же костлявая, и лицо у меня землисто-бледное, и нос горбатый, да еще огромный, на пол-лица. Я намеренно не спешила с замужеством: дедушка рассудительно советовал мне выждать пару лет. Может, за это время у меня хоть немного прибавится весу, а заодно и у моего приданого. Тогда есть надежда, что отыщется благоразумный жених, который будет ставить семью выше красоты, но в то же время не настолько жадный, чтобы

красоту не ценить вовсе.

Вот такой мне и нужен был: разумный человек с ясным взором, которому я пришлась бы по нраву. Для владыки зимы я неподходящая партия. Конечно, Зимояр говорил не всерьез, он ведь вообще и мысли не допускал, что я справлюсь с его заданием. Не собирается же он и вправду на мне жениться. Когда я вручу ему третий мешок с золотом, он гневно топнет ногой и провалится сквозь землю. «Ну да, как же, провалится, — ехидно заметила я сама себе. — Мечтать не вредно. Скорее всего, он рассвирепеет оттого, что оказался в дураках. Так и так быть тебе ледяной глыбой». Я потерла руки и глянула на лес: никаких признаков Зимояровой дороги не было — только белый снег да крепкий речной лед поблескивал из-под полозьев.

К дедушке я приехала поздно, уже и солнце село. Бабушка трижды повторила, как она рада, что я опять их навестила, да так скоро, и с беспокойством справилась, как там материно здоровье и продала ли я весь свой товар. Дедушка меня ни о чем не спросил. Глянул на меня сурово из-под бровей и сказал:

— Ну, будет суетиться. Ужинать пора.

Я отнесла вещи в комнату и весь ужин прого-

ворила о передниках, которые продала, и о грузе шерсти, который пойдет с дедушкиной баржей, едва только вскроется река: тридцать тюков невеликое дело — но надо же с чего-то начинать. Я болтала и радовалась, что вокруг меня кирпичные стены дедушкиного дома: такие надежные, такие будничные — под стать нашей беседе.

Вечером мы сидели с бабушкой за вязанием в уютной гостиной, и вдруг у нас за спиной скрипнули петли кухонной двери. Скрип был громким, однако бабушка даже головы не повернула. Я медленно отложила вязание, встала и пошла к двери. И, открыв ее, я отшатнулась: куда-то пропал привычный проход меж домами, не было соседской кирпичной стены. Передо мной стоял Зимояр, только стоял он не на мерзлой слякоти, а посреди просеки, окруженной деревьями с бледными ветвями, а из-под ног его под серым небом, омытым ясным холодным светом, куда-то вдаль убегала ледяная дорога. И казалось, стоит мне шагнуть через порог — как я окажусь в ином мире.

В этот раз на крыльце вместо кошелька был ларец из белесого, белее кости, дерева, обвязанный широкими полосами белой кожи, с петлями и застежками из серебра. Я опустилась на колени

и открыла его.

— Семь дней я даю тебе в этот раз, чтобы ты обратила мое серебро в золото, — певуче произнес Зимояр, пока я разглядывала горку монет внутри. Здесь хватит серебра для короны, достойной луны и звезд. С таким сокровищем в приданом быть Ирине царицей.

Зимояр будто коршун буравил меня взглядом серебристых глаз — испытующим, недобрым.

— Неужто ты решила, что дороги смертных помогут скрыться от меня и что их стены меня удержат? — спросил он. Сказать по правде, на дороги и стены смертных я не очень-то полагалась. — Не думай убежать от меня, дева, ибо через семь дней я приду к тебе, где бы ты ни спряталась.

И он улыбнулся жестокой и довольной улыбкой, словно верил, что уж в этот раз задача непосильна. И я из-за этого разозлилась. Поднявшись, я гордо выпрямилась и вскинула подбородок:

— Я буду тут с твоим золотом.

Улыбка, к моему удовольствию, сползла с его лица, но расплата за маленькую победу настигла меня без промедления.

— Если все будет по твоему слову, ты отправишься со мной и станешь моей королевой, —

ответил он. И его обещание больше не казалось мне шуткой. Потому что белое льдистое кружево вырывалось из его белой перчатки и оплетало каменный порог дедушкиного дома, а белый ларец сиял морозным серебром.

— Погоди! — крикнула я ему в спину. — Зачем я тебе? Нет во мне волшебства, ни капельки! Если заберешь меня в свое царство, там я не смогу обращать серебро в золото.

— Еще как сможешь, смертная дева, — бросил он через плечо таким тоном, будто я сказанула несусветную глупость. — Сила, трижды взысканная, трижды испытанная и трижды явленная, вовеки неизбывна. Исполнишь последнее веление — и быть по сему.

И он шагнул прочь, а дверь захлопнулась прямо перед моим лицом. Я так и осталась стоять на пороге с ларцом, полным серебра, и сердцем, полным смятения.

* * *

Через несколько дней корона была готова, и эти дни у Исаака выдались не из легких. Он трудился не покладая рук возле своего прилавка. Черпал серебро чашами и выковывал большие тонкие пластины. Корона выходила похожей на веер

— высокая, как бы вдвое удлинявшая голову. На этот веер Исаак с неимоверным тщанием ронял капли горячего серебра — и серебряные жемчужины ложились прихотливыми витиеватыми узорами, а те сбегались, перехлестывались и разбегались вновь. Исаак обошел всех ювелиров на рынке, у всех попросил взаймы литейные формы. Он сотнями отливал тонюсенькие плоские нити, плел из них сверкающие цепочки и развешивал их по всей короне, от края к краю. Часть цепочек он пустил по низу как бахрому. На второй день стал стекаться народ — мужчины и женщины — поглазеть на его работу. Я сидела рядом, молчаливая и угрюмая, и всех прогоняла прочь.

К концу пятого дня Исаак закончил. Он собрал наконец из частей целое и подозвал меня. Я приблизилась, и он водрузил корону мне на голову — проверить, не заваливается ли она. Корона оказалась прохладной и невесомой, точно мой лоб припорошило снегом. В бронзовом зеркале Исаака я будто видела свое отражение в глубокой воде; полночные звезды вспыхнули над моим челом, и народ вокруг притих, бесшумно заволновался, и рынок вдруг сделался безмолвным, как Зимояров сад. А мне хотелось расплакаться или убежать, но вместо этого я сняла с головы корону

и вручила Исааку. Пока он нежно укутывал свое творение в лен и черный бархат, толпа, негромко перешептываясь, мало-помалу разошлась.

Дедушка прислал на рынок двух слуг, и они охраняли нас всю дорогу до герцогского дворца. Во дворце все были заняты шумными и суетливыми приготовлениями: царя ожидали уже через два дня, и все домочадцы герцога сгорали от нетерпения. Все до единого слуги знали о планах своего хозяина, и, пока мы шествовали по коридорам с укутанной короной, нас то и дело провожали взглядами. В этот раз нас оставили ждать в передней поприличнее. К нам вышла нянька Ирины и велела мне следовать за ней.

— Неси ее ты, — приказала она мне. — Мужчины пусть тут останутся. — И она смерила подозрительным взглядом Исаака и дедушкиных слуг.

Нянька отвела меня наверх в Иринины покои — всего-то две маленькие комнатки, не то что эти роскошные залы внизу. Видно, герцогскую дочку до сих пор не особо высоко ставили. Ирина сидела перед стеклянным зеркалом, прямая как палка. На ней было платье из серебристо-серого шелка поверх белоснежных юбок. Теперь портной сделал вырез побольше — под ожерелье. Ее

красивые длинные волосы заплели в несколько толстых кос, чтобы потом уложить в высокую прическу.

Ирина судорожно сцепила руки перед собой и нервно поигрывала пальцами, пока нянька подкалывала ее косы. Я развернула корону и осторожно надела ей на голову. Корона засверкала в свете десятка свечей; нянька примолкла и восхищенно любовалась воспитанницей. Ирина медленно поднялась и, приблизившись к зеркалу, протянула руку, как бы желая дотронуться до той девушки в Зазеркалье.

Едва корона коснулась Ириниой головы, волшебство, каким бы оно ни было, то ли развеялось, то ли перестало действовать на меня. И мне жаль было этого волшебства, мне хотелось, чтобы оно и дальше слепило меня, заставляло забыть обо всем. Из зеркала на меня смотрело лицо Ирины — бледное, тонкое, взволнованное, — и я задумалась: вправду ли она мечтает выйти за царя и променять свои тесные покои на далекий дворец и престол? Она опустила руку и повернулась к нам; на мгновение наши глаза встретились. И я вдруг почувствовала с Ириной какое-то неизъяснимое родство. И моя судьба, и ее — в чьих-то чужих руках. У нее выбора, похоже, не больше,

чем у меня.

Дверь отворилась, и вошел сам герцог — проверить, впору ли его дочери корона, — да так и застыл на пороге. Ирина сделала отцу реверанс и выпрямилась; ей приходилось держать голову высоко, чтобы корона не съезжала, поэтому она уже выглядела как царица. Герцог смотрел на нее во все глаза, словно не узнавая собственную дочь. Он легонько тряхнул головой, прогоняя наваждение, и обернулся ко мне.

— Превосходно, пановина, — твердо произнес он, хотя я еще и рта раскрыть не успела. — Вы получите ваше золото.

И он дал нам тысячу золотых монет: хватит набить доверху ларец Зимояра и еще четыре сотни останется. Теперь я владелица целого состояния — да только какой в нем прок?

Дедушкины слуги отнесли домой ларец и мешки с золотом. Бабушка увидела все это богатство и заахала, а дедушка, услышав ее, тоже спустился посмотреть, что там. Он взял четыре золотых из мешка, предназначенного для банка, и вручил каждому из слуг по два злотека, а после отпустил их.

— На один кути, другой копи, вот мудрое правило, — напутствовал дедушка своих слуг, а те с

поклоном поблагодарили его и унеслись кутить, весело пихая друг дружку локтями и ухмыляясь во весь рот.

Затем под предлогом, что надо приготовить творожный пирог и отпраздновать мое богатство, дедушка отослал бабушку. Та удалилась в кухню, а дедушка повернулся ко мне и сказал:

— А теперь, Мирьем, выкладывай все как есть.

И тут я расплакалась. Я ничего не рассказывала ни родителям, ни бабушке, но дедушке я рассказала все. Потому что знала: дедушка это вынесет, а они нет. Они с ума сойдут от страха за меня и примутся меня спасать. Узнай отец или мать про владыку зимы — они бы костьми легли между мной и Зимояром. И тогда он забрал бы меня к себе, а мои родители так и остались бы лежать у порога, навеки застывшие.

Теперь я не сомневалась, что Зимояр явится и заберет меня с собой. Раньше я никак не могла взять в толк: зачем владыке зимы смертная жена? Зачем вообще весь этот балаган насчет женитьбы? Ну, пускай даже я худо-бедно наскребла себе в приданое шесть сотен золотых. Но суть в том, что король Зимояров ищет королеву, обращающую серебро в золото, — не важно, смертная она или нет. Зимоярам всегда нужно золото.

Дедушка выслушал мою историю сквозь слезы и всхлипывания и в конце сказал:

— По крайней мере, он не дурак, этот твой Зимояр, раз ищет себе такую королеву. С подобной супругой он купаться будет в золоте — и все его королевство в придачу. А что ты еще о нем знаешь? — Я непонимающе уставилась на дедушку мокрыми глазами, а он лишь пожал плечами. — Ты, разумеется, ждала от жизни чего-то другого, но, в конце концов, есть вещи и похуже, чем быть королевой.

И эти слова прозвучали для меня как откровение, как дар. Дедушка преподнес мне всю историю как обычное сватовство — с обсуждением условий, с уговором. Это, конечно, не совсем так на самом деле — ну и что с того? Я всхлипнула напоследок, вытерла слезы и почувствовала себя намного лучше. Если подумать, то, говоря казенным языком, для дочери бедняка это очень даже неплохая партия. Я успокоилась, и дедушка удовлетворенно кивнул:

— Вот и умница. Сама подумай хорошенько. Все эти короли и знать часто не вольны в своих желаниях, зато уж вести себя могут как заблагорассудится. Тебе ведь никто другой не глянулся?

Я еле заметно качнула головой:

— Нет.

Никто другой мне не глянулся. Хотя, когда мы прощались с Исааком, меня кольнуло что-то вроде ревности. Потому что, унося с собой четыре мешка собственного золота, он восторженно попросил: «Скажите деду, я завтра приду и буду говорить с ним». И вот тут-то внутри я вся прямо вспыхнула от ревности к Басе. Но это было вовсе не из-за Исаака — просто я подумала, что вот сейчас она выйдет за человека с такими нежными руками и темно-карими глазами, и будет у нее свой дом, полный любви, и все потому, что это я своими трудами, своим золотом эту любовь вскормила и дала ей взойти.

— Ты встретишь жениха не с пустыми руками. Ты выйдешь к нему богатой невестой, — произнес дедушка, кивая на ларец. Дедушка словно угадал мои мысли. — Он достаточно мудр, чтобы ценить принесенное тобой, даже если пока не ведает, какие сокровища ты еще ему подаришь. И этого довольно, чтобы высоко держать голову. — Дедушка взял меня за подбородок и крепко сжал. — Держи голову высоко, Мирьем. — И я кивнула, стиснув губы и замкнув слезы внутри.

* * *

Мирнатиус прибыл в огромных санях с черно-золотой росписью. От четверки черных рысаков валил пар; кони били копытами. На запятках стояли пешие воины, сани окружал ломкий строй конников. Царь, понятное дело, явился не один, а во главе целой свиты, но его спутников и их саней никто не замечал. Все смотрели только на царя: как он распахивает дверцу саней и выбирается наружу, окутанный сгустившимся облаком теплого воздуха. Одежда на нем была тоже черная, с искусной вышивкой — золотая нить бежала ручейком по шерстяным вставкам на его тяжелом плаще. Длинные черные кудри ниспадали на плечи, и все невольно оборачивались, влекомые к царю, как мотыльки к пламени.

Царь небрежно приветствовал моего отца и в ответ на вопрос, как проходит его путешествие, слегка посетовал на суровость зимы: мол, дичь стала слишком уж слабая да тощая. Это был тонкий намек отцу: царь заведомо принижал любую охотничью забаву, какую бы ни устроил для него отец. Отец, конечно, собирался развлекать гостя в том числе и охотой, и Мирнатиус своим намеком как бы невзначай уколол его. Но отец невозмути-

мо поклонился и ответил:

— Истинная правда, государь, охота нынче пошла скучнейшая. Однако, надеюсь, мое гостеприимство вас не разочарует.

Царь промолчал.

Я почти вся скрылась за занавеской, но отшатывалась от окна всякий раз, стоило царю глянуть вверх и пройтись хищным взором по окнам — так коршун, кружа над полем, высматривает добычу. К счастью, взгляд царя скользил по главным покоям, мое маленькое окошко его не привлекало. Отец не стал переселять меня в комнаты попросторнее. В свите царя прибыло немало людей, которым отец стремился угодить, — просторные покои он приберег для гостей. К тому же отец рассчитывал вскоре и вовсе спровадить меня из дома.

Мирнатиус широко улыбнулся отцу. Всем своим видом царь показывал, что намерен всласть повеселиться за хозяйский счет, ни в чем себе не отказывая.

— И я на это надеюсь, — кивнул он. — А как поживает ваше семейство, сударь? Малютка Ирина, должно быть, совсем уже взрослая. И, как я слышал, красавица?

Это была чистой воды издевка: ничего подоб-

ного он, конечно, не слышал. И придворные, и советники прекрасно знали, что я ничем не примечательная девица и едва ли заслуживаю даже мимолетного царского взгляда — если царь вообще удосужится на кого-то глядеть. Разве только по-совиному завертит головой в поисках жертвы.

— Семейство благополучно, и Ирина в добром здравии, государь, лучшего я как отец и желать не вправе, — ответил отец. — Не стану лукавить: красавицу разглядело бы в ней не всякое око. Однако, государь, признаюсь, есть в ней нечто, чего нет у других девиц. Вы сами увидите ее вскоре и скажете, так ли это. Я был бы счастлив услышать ваш совет: ведь Ирина в тех летах, когда принято думать о замужестве, и надобно бы подыскать ей достойного супруга — достойного в тех пределах, что мне по силам, разумеется.

Это было очень прямое заявление, почти грубое — ведь в придворных беседах принято ходить вокруг да около, тщательно минуя суть вопроса. Однако отец добился желаемого: Мирнатиус оказался выбит из колеи. Выражение злобного триумфа исчезло с его лица; идя следом за отцом в дом, он задумчиво морщил лоб. Смысл послания дошел до царя: герцог без обиняков предложил

меня ему в невесты. И это при том, что я откровенно плохая партия. При том, что герцог не из тех болванов, что станут подсовывать царю дочку-уродину в надежде на тусклый свет и крепкий хмель. А это означает, что во мне и впрямь есть некая тайна.

Гости ушли с мороза в дом, где их должна была встречать мачеха. Я так и стояла за занавеской, не двигаясь с места, пока вся царская свита не разбрелась в разные стороны, пока все придворные, стрельцы и слуги не растеклись по укромным закуткам и закоулкам нашего дома и конюшен. Смотреть больше было не на что, и прислуга, сгрудившаяся возле другого окна, расселась по местам и вернулась к своему бойкому шитью, а судомойки принялись опустошать две большие лохани, все еще стоящие возле камина: в одной меня купали, в другой мыли мои волосы.

— Вы позволите, ваша милость? — боязливо попросила одна девушка. Я загораживала ей окно с удобным карнизом: в такое можно выливать воду, не опасаясь забрызгать окна на нижних этажах. Я отошла, уступая служанке место. Волосы у меня еще не совсем высохли; они ниспадали на плечи и вольно раскидывались по спине. В воздухе витал слабый аромат мирта: Магрета

сунула несколько веточек в воду.

— Говорят, от сглаза и ворожбы помогает, — деловито пояснила она. — Да и вообще дух у него приятный.

Огонь в камине так и полыхал — туда нарочно подбрасывали дров, чтобы наконец изгнать из меня зябкость, и все женщины в моей комнате взмокли за своим шитьем и раскраснелись от жара. А я держалась в стороне от их шумной суматохи. Все эти служанки были мне едва знакомы: я помнила их имена и лица, но о них самих ничего не знала. Слугами занималась мачеха. Она нанимала женщин для работы в доме; она все о них знала, разговаривала с ними, и они трудились на совесть ради нее. Распоряжаться домом вместе с ней Галина мне никогда не предлагала. Впрочем, может, у нее еще родится собственная дочь.

Однако Галина всегда была добра ко мне. Мачеха отрядила лучших своих горничных, чтобы помогали мне с шитьем — а ведь она и сама не прочь бы ради царского визита обзавестись новыми платьями. Но, разумеется, Галина понимала, насколько важно сейчас устроить мою судьбу — если получится ее устроить. Горничные, оторвавшись от подглядывания за царем, трудились над шитьем и косились на меня с сомнением. Хо-

тела бы я сама так на себя коситься, но у меня-то сомнений не было и в помине. Просто горничные не видели меня в ожерелье и в короне. Одна лишь Магрета видела — и она всплескивала руками, если думала, что я не смотрю, и сияла ободряющей улыбкой, если ловила мой взгляд.

Женщины шили белье. Мои платья, уже готовые, ждали меня — три серые тени, подобные зимнему небу. Отец приказал сшить их из тонкого шелка и украсить только нежным касанием белой вышивки. Вчера я как раз примеряла в последний раз одно из платьев, когда пришла жена ювелира и принесла корону. Она отдала ее Магрете, а та увенчала ею мою голову, и в зеркале я обернулась королевой темного ледяного леса. Я тронула стекло и ощутила, как мороз покусывает острыми зубами кончики моих пальцев. Вот бы убежать туда, в белый лес Зазеркалья, подумала я. Интересно, можно ли это? Но холод, кусавший мои пальцы, точно предупреждал: в царстве стужи для смертных нет жизни.

Я отвернулась от зеркала, напуганная и тоскующая. Жена ювелира смотрела на меня во все глаза — словно догадывалась, что я видела в зеркале. Она, должно быть, моих лет или чуть старше, худая, лицо у нее жесткое. Мне так хотелось рас-

спросить ее подробно: как создавалась эта корона и откуда взялось это серебро? Хотя откуда ей знать — ведь она лишь прислуживает ювелиру в его работе. Потом явился отец, и расспросить ее не получилось. Отец заплатил ювелирше сполна, не торгуясь — в конце концов, царский престол того стоит. Он и половины не потратил из того сундука, что привезла с собою мачеха.

Галина поднялась ко мне чуть позже, разместив всех придворных. Ее тщательно хранимая невозмутимость расплескалась и пошла рябью, как гладь пруда, по которой мечется рыбешка.

— Такой кавардак! — вздохнула она. — Петра целый час не могла уложить. Как твои волосы, высохли? До чего длинные! Всегда забываю, какие они длинные, когда они в прическе.

Ей явно хотелось коснуться меня, погладить по голове, но вместо этого она лишь улыбнулась. Мачехина ласка меня бы раздосадовала — и в то же время мне ее как будто хотелось. Но по-настоящему мне хотелось чего-то такого десять лет назад, когда я была мала, всем докучала и только что лишилась матери. Но для Галины я была ребенком другой женщины — женщины, которую ее супруг любил больше, чем ее. И потому мачеха не нашла в себе сил тогда подарить мне ласку,

хоть я в том и нуждалась.

Однако как бы мы ни относились друг к другу — с любовью или без, — мачеха ничем не могла мне помочь. Расскажи я отцу, что царь злой колдун, — отец, скорее всего, выслушал бы меня и даже поверил бы. Ведь все вокруг знали, что мать царя была ведьмой. Но отца это не остановит, вот в чем дело. Отец велит мне поспешить и выносить ребенка, пока царь не успел с головой уйти в свое чернокнижие, и тогда я буду матерью нового царя. А у отца появится внук — еще одно орудие в его руках. При удачном стечении обстоятельств Мирнатиус мог бы умереть, пока его сын еще мал, и тогда юному царю понадобится регент. Мне это замужество неприятно и нежеланно — ну что ж, отцу неприятна и нежеланна война, но он как-то это терпит, и мне надо терпеть. Благодаря ему наш род вознесся высоко, и мой долг — вознести его еще выше. Отец себя пустил в дело — и меня пустит в дело без долгих раздумий.

Так какой смысл Галине защищать меня от подобной судьбы? Она себя тоже пустила в дело. Она осталась бездетной вдовой и могла бы жить одна в почете и изобилии, но предпочла вручить моему отцу набитый золотом сундук, а сама стать герцогиней. А теперь ей предстоит породниться

с царем: неплохой прибыток к ее вложению.

Магрета закивала:

— Да-да, ваша милость, Иринины волосы уже высохли, пора их расчесывать.

Она увлекла меня в угол, усадила в кресло и возложила руки мне на голову. В этот раз она распутывала мои волосы медленно, нежно, как никогда прежде, и тихонько напевала над ними — ту песенку, которую я очень любила в детстве, про смекалистую девочку, сбежавшую от Бабы-яги.

Магрета провозилась час, расчесывая мои волосы так, как ей казалось правильным. Еще час ушел на косы, которые она потом уложила вокруг головы в прическу, похожую на корону. Ко мне постучался отправленный отцом дворецкий: он принес ларец с украшениями и остался ждать у порога. Сегодня вечером я надену только кольцо, завтра ожерелье, а послезавтра корону — и она решит все окончательно, если уж кольца и ожерелья будет мало. Я подумывала, не совершить ли подмену: от матери осталось несколько серебряных побрякушек, которые Галине оказались ни к чему, и среди них было кольцо. Приятное глазу, гладко отполированное: надень я его вместо волшебного кольца — и никто не посмотрит в мою

сторону, и никто не будет мною околдован.

Но отец распознает подмену, а назавтра меня ждет ожерелье, и для него двойника не найдется. Сегодня царь лишь глянет в мою сторону, и помрачнеет, и снова глянет, и я на целый день останусь для него покалыванием в затылке, каким-то едва ощутимым зудом — тем же зудом, что заставлял отца непрестанно поглаживать кольцо на пальце. Завтра меня по-настоящему выставят на торги. А на третий вечер отец уже готовился возликовать вместе с будущим зятем и предъявить меня всему свету как царскую невесту.

Сказать по правде, мне самой хотелось надеть кольцо. Чтобы оно было у меня на руке, чтобы серебро холодило кожу. Чтобы чувствовать, что кольцо мое. Я поднялась с кресла и в сопровождении Магреты направилась в спальню одеваться. Магрета подвязала мне рукава и одернула сорочку под пышными облаками серого шелка. Покончив с облачением, я вернулась в свою гостиную и кликнула дворецкого. Отцу кольцо налезало только до огрубевшей от оружия костяшки, а мне легко скользнуло на правый большой палец и село как влитое. Я вытянула руку, любуясь холодным серебряным сиянием, и шепоток женщин внезапно смолк — а может, я

просто перестала его слышать. За окном быстро садилось солнце, и мир окрашивался в синий и серый.

Глава 9

В среду вечером мои тетушки с семействами приехали ужинать; все расселись вокруг стола шумной компанией. И Бася, И конечно же, тоже там была, мы вместе помогали накрывать на стол. По пути в кухню она стиснула меня в объятиях, чмокнула в щеку и жарко прошептала мне в ухо:

— Все сговорено! Спасибо тебе, спасибо, спасибо!

Ну да, еще бы ей не радоваться! Лучше бы она влепила мне пощечину и расхохоталась в лицо — тогда мне было бы за что ее ненавидеть. Я, выходит, оказалась в роли доброй феи из ее сказки. Сама благословила Басин домашний очаг. Вот уж благодарю покорно! И кто вообще придумал этих добреньких фей?! Какой надо быть лапочкой, чтобы день-деньской порхать вокруг всяких недотеп и осыпать их дарами. По мне, так феи совсем другие. Одинокая бабка, что померла по соседству и оставила после себя пустой дом, где и украсть-то нечего — нескольких кур да сундук с платьями на раздачу, — вот настоящая фея-крестная. И никто о такой бабке слова доброго не

скажет. Как может Бася меня благодарить?! Ведь я ради нее и пальцем бы не шевельнула!

За столом я, забыв о манерах, оттяпала себе огромный кусок творожного пирога и сжевала его сердито и молча, будто вконец оголодала. Сплю и вижу, как стану королевой Зимояров и брошу их всех, внушала я себе. Заледенеть бы внутри так, чтобы в самом деле мечтать о зимоярской короне. Но холод не приходил, и о короне не мечталось. Слишком много во мне было от отца. Мне хотелось обнять Басю и порадоваться за нее. Мне хотелось кинуться домой и умолять родителей, чтобы спасли меня. Бабушкин пирог был таким родным, и сладким, и нежным — и все равно он застревал у меня в горле. Закончив, я выскользнула из-за стола, поднялась в бабушкину спальню и поплескала на себя водой из умывальника. А потом, прижав к мокрому лицу полотенце, подышала через лен.

Внизу раздался радостный шум. Я спустилась, и оказалось, что прибыл Исаак с родителями выпить с нами стаканчик вина. Басины родители только что объявили о помолвке, хотя все в доме, конечно, и так уже знали. Я тоже подняла бокал за здоровье жениха и невесты и по-честному старалась радоваться, даже когда Исаак,

держа Басю за руку, принялся излагать дедушке их планы. В двух домах от дома его отца, вниз по улице, как раз выставили на продажу домик. Исаак намеревался немедленно купить его на то золото, что заработал благодаря мне. А через неделю — уже через неделю! — у них намечалась свадьба. Все-то у них случится в мгновение ока — как по мановению волшебной палочки.

Дедушка кивнул и заметил, что домик они себе выбрали небольшой, как раз для молодого семейства, и коли так, то свадьбу можно отпраздновать у него в доме — это будет знак его благоволения. Дедушка был доволен, что молодые решили на первых порах не тратиться на дорогое жилье. Бабушка уже увела обеих матерей пошептаться насчет приглашений и гостей. А Исаак с Басей подошли ко мне. Они оба улыбались, и Бася протянула мне руку:

— Мирьем, обещай, что будешь танцевать на нашей свадьбе! Больше нам от тебя никаких подарков не надо.

Я кое-как выдавила улыбку и ответила, что да, обещаю. Но свечи понемногу таяли, а этим вечером предстояла еще одна помолвка. Посреди веселого гомона я расслышала тихий перезвон бубенцов — высокий, какой-то нездешний. Звон

делался громче и громче — и вот он уже у самого порога, и звери из упряжки бьют тяжелыми копытами, и чей-то кулак властно стучит в дверь. Кроме меня, никто ничего не слышал. Мои родственники как ни в чем не бывало болтали, смеялись и пели, а мне казалось, что их голоса тонут в раскатистом грохоте.

Я бесшумно встала, вышла из гостиной и прошла в переднюю. Ларец с золотом так и стоял у входа, наполовину скрытый громоздившимися на вешалке шубами и накидками. Мы все как-то о нем позабыли. Я распахнула дверь и увидела белую дорогу и сани — узкие, изящные, сработанные из белого дерева. Четверка похожих на оленей зверей стояла в упряжи из белой кожи; на облучке сидел возничий, а на запятках примостились еще двое слуг. Все они были белокожие и высокие, как мой Зимояр — наверное, уже пора звать его «моим», решила я, — но не такие величавые. Слуги носили всего одну косу с несколькими блестящими бусинами, вплетенными в волосы, а одежда у них была всех оттенков серого.

Их король стоял на пороге, одетый в этот раз как приличествует для церемонии. Голову венчала корона: обруч из золота охватывал его лоб, на каждом из колючих, подобных остролисту

серебряных зубцов сверкал драгоценный камень. Платье его было все из белой кожи. Плечи покрывал плащ, подбитый белым мехом; по краю, точно звонкая бахрома, рассыпался ясный хрусталь. Зимояр глядел на меня с высоты своего роста, и вид у него был сердитый, а уголки рта опустились в недовольной гримасе. Похоже, невеста ему не пришлась по сердцу. Да и с чего бы ему мною восхищаться? На мне было самое нарядное платье, которое я надевала в шаббат, с красной вышивкой вокруг манжет и на подоле, шерстяная жилетка и передник с оранжевым узором. Красивый наряд, но ничуть не роскошный, не особенный — просто платье купеческой дочки. А что на жилете золотые пуговки да на вороте мех — так это признак зажиточности, не более того. Я невысокая, неказистая, волосы у меня какие-то бурые — ну куда мне замуж за владыку Зимояров! Поэтому я не дала ему и рта раскрыть.

— На что я тебе сдалась? — выпалила я. — Что все скажут?

Он еще больше скривился и полоснул меня ледяным взглядом.

— Что мною обещано, то я исполню, — прошипел он. — Хоть бы весь мир для того пришлось погубить. Принесла ли ты мое золото?

В этот раз он говорил не так злорадно — видимо, больше не надеялся, что я не справлюсь с заданием. Я нагнулась и откинула крышку ларца, стоящего среди шуб и накидок. В одиночку мне было его даже с места не сдвинуть.

— Вот твое золото! — крикнула я. — Забирай и оставь меня в покое! Ни к чему тебе брать меня в жены: я тебе не по нраву, и ты мне тоже! Обещал бы мне лучше взамен какую-нибудь безделицу.

— Так судят лишь смертные. Вы платите подделкой за подлинное и жалким за великое. — Казалось, он весь источает презрение. Меня прямо зло разобрало. Впрочем, оно и к лучшему — так я его хотя бы не боюсь.

— Я-то плач*у* по-честному, — отчеканила я. — А вот ты не очень. Хорошенькая плата — отнять у меня дом и близких.

— Плата? — переспросил Зимояр. — Я бы и вовсе не платил тебе — с какой стати мне это делать? Но ты сама потребовала справедливого воздаяния, если докажешь, что владеешь высоким волшебным даром. Неужто, по-твоему, мне надлежало притвориться ничтожеством, что не в силах принять твой вызов? Сколь низко я пал бы! Однако этому не бывать. Я властелин хрустальной горы, а не какая-то безвестная тварь. Я плачу

свои долги. Ты трижды доказала, что владеешь даром — не столь уж важно, как именно тебе это удалось. — Тут голос его зазвучал неожиданно печально: — И я не нарушу своего слова, чего бы мне это ни стоило.

Зимояр протянул мне руку, и я в отчаянии выкрикнула:

— Я даже имени твоего не знаю!

Он воззрился на меня так негодующе, будто я попросила принести мне его отрубленную голову:

— Моего имени?! Тебе нужно мое имя?! Ты получишь мою руку и мою корону, так удовольствуйся же и этим! Как смеешь ты требовать от меня большего?!

Зимояр ухватил меня за запястье: его перчатка обожгла мне руку холодом. Он выдернул меня наружу, и внезапно холод куда-то пропал, растаял, как лучи рассвета тают в полноводной реке, — а ведь я стояла посреди белого леса на снегу, и на ногах у меня были лишь домашние туфли, и даже шаль на плечи я не накинула. Я попыталась освободиться. Держал он нечеловечески крепко, но, когда я стала вырываться, он отпустил меня, и я шлепнулась в снег. Вскочила на ноги и вознамерилась бежать.

Только бежать было некуда. Позади и впереди меня тянулась среди белых деревьев дорога, а дедушкин дом как ветром сдуло, и городскую стену тоже. Остался только ларец цветом белее кости — он так и стоял распахнутый передо мной. В холодном отсвете леса золото сверкало подобно солнцу, словно в каждой монете притаился солнечный лучик, который пропадет, если его коснуться.

Двое слуг прошли мимо меня к ларцу и аккуратно закрыли крышку. Лица у них при этом были почти благоговейные. В глазах их читалась та же тоска, что и у людей на рынке, когда они смотрели на волшебное серебро. Зимояры подняли ларец почтительно, но легко, и погрузили в сани, — а ведь дедушкины дюжие слуги, пока тащили его, всю дорогу кряхтели. Я проводила ларец глазами и обернулась к моему королю Зимояров. Он махнул мне рукой властно, как бы не допуская возражений.

И что мне оставалось делать? Я, неуклюже спотыкаясь, побрела по глубокому снегу, вскарабкалась в сани и уселась рядом с Зимояром. Он сидел, прямой как палка, ровно посередине и не сместился ни на вершок. Единственное, что успокаивало, — он хотя бы не пытался ко мне

придвинуться.

— Поезжай! — резко бросил король возничему, и бубенцы на упряжи встрепенулись, и сани заскользили вдоль широкой белой дороги. В ногах у меня лежало меховое покрывало, и я натянула его на колени, пряча стиснутые руки. Но холода я совсем не чувствовала.

* * *

Снизу доносилась музыка. Я сидела в отцовском кабинете и ждала, пока меня позовут. Отец решил, что пир начнется без меня, а я появлюсь чуть погодя. И выход мне предстоит не торжественный, а скромный — я незаметно спущусь к гостям и смиренно усядусь рядом с мачехой. Магрета весь день хлопотала подле меня с иголкой и оживленно тараторила о белье, которое еще надо дошить для моего приданого. Но стоило мне шевельнуть рукой, как взгляд Магреты замирал на серебряном кольце, и тогда она замолкала. Явилась Галина сказать, чтобы я спускалась в кабинет, и даже она смерила меня растерянным взглядом.

Шить я и не пыталась. На коленях у меня лежала книга с отцовской полки — воистину нечастая радость. Я вперила невидящий взгляд в картинку

с султаном, сказочником и облачным созданием, словно пар вырывающимся из медной лампы, которую терли в руках. Но я никак не могла осилить предложение. За окном снова падал снег. Он начался после обеда и повалил густо, плотно, будто выманивая меня из дому, подстрекая к побегу, который заведомо обречен на неудачу.

Внизу раздался взрыв хохота, почти заглушивший щелчок дверной ручки. Но я расслышала, что ручку повернули. Я проворно закрыла книгу у себя на коленях и сунула под нее руку с кольцом. Отец еще не должен был послать за мной. Я отчего-то не удивилась, увидев перед собой Мирнатиуса. Он потихоньку улизнул с пира и теперь стоял в дверях один, без слуг и придворных. Магрета рядом со мной замерла от испуга и вцепилась мертвой хваткой в шитье. Вуаль не закрывала мое лицо, и мы тут были одни. Разумеется, Магрете полагалось выгнать непрошеного гостя вон. Но она, конечно же, не могла этого сделать — ведь непрошеный гость был царем. А даже если бы и не был — Магрета прекрасно знала, кем еще он был.

— Как мило, — произнес Мирнатиус, входя в кабинет. — Моя беличья заступница самую малость подросла. Но красавицей ее не назвать, — доба-

вил он с улыбкой.

— Не назвать, государь, — отозвалась я, не в силах опустить взгляд. Его-то можно было назвать красавцем — красавцем он и был: мягкие обольстительные губы, обрамленные аккуратной бородкой, и нездешние глаза, блестевшие, как драгоценные камни. Но я смотрела на него так пристально вовсе не из-за красоты. Я просто слишком опасалась его. Как мышь, что не сводит глаз с крадущейся кошки.

— Значит, не назвать? — переспросил он, делая еще шаг ко мне.

Я поднялась с кресла, чтобы не смотреть на него снизу вверх. Магрета, вся дрожа, встала рядом, и, когда царь потянулся ко мне, она вдруг отчаянно выпалила:

— Не изволит ли государь бренди?

На буфете стояли кувшин и хрустальный бокал.

— Пожалуй, — согласился Мирнатиус. — Только не этого. Того бренди, что подают внизу. Ступай принеси его.

Магрета застыла как вкопанная, только глазами стреляла по сторонам.

— Ей не позволено оставлять меня одну, — вмешалась я.

— Не позволено? Глупости. Я ей позволяю. Я сам, лично, буду охранять твою честь. Ступай, — с каким-то особым нажимом сказал он Магрете. И его приказ точно обдал меня раскаленной волной. Магреты тут же и след простыл.

Я сдавила пальцами кольцо на руке, благодарно вбирая его холод. Мирнатиус сверлил меня взглядом. Он приблизился и сжал мое лицо в руке, слегка вздернув мне подбородок:

— Ну, моя храбрая серая белочка, что ты наговорила своему папаше? С чего он вздумал подсунуть тебя мне в невесты?

Ах, вон оно что. Мирнатиус решил, что это вымогательство.

— Государь? — будто бы непонимающе переспросила я, изо всех сил пытаясь оставаться учтиво чопорной, хотя его хватка делалась жестче.

— У твоего папаши нынче золото льется рекой. А ведь он не охотник распускать тесемки кошелька. — Подавшись вперед, царь провел большим пальцем по моему подбородку. Мне казалось, я ощущаю запах его чародейства, резкую, жгучую смесь корицы, и перца, и сосновой смолы, и где-то в самой глубине притаился древесный дым. Это был приятный запах, притягательный, как и сам

царь, и я вдруг испугалась, что задохнусь. — Скажи же, — негромко проговорил он, и его слова обдали жаром мое лицо, как горячее дыхание обдает морозное окно, превращая лед в пар.

Но кольцо хранило свой холод, и румянец быстро сошел с моих щек. Я не обязана объясняться перед ним. Я не стану отвечать — и это само по себе будет ответом.

— Ничего. Я ничего отцу не говорила. — Я постаралась, чтобы мои слова прозвучали как можно честнее. Может, так он оставит меня в покое.

— Ничего? Разве ты не хочешь стать царицей в золотой короне? — глумливо спросил он.

— Нет, — сказала я и отступила.

Мирнатиус от удивления разжал пальцы и выпустил мое лицо. Он продолжал смотреть на меня. И вдруг его черты исказило неукротимое желание, его красота точно подернулась рябью, как воздух, трепещущий над костром. Он шагнул ко мне, и мне почудился рубиновый отблеск в его глазах. В этот миг распахнулась дверь, и в кабинет вошел мой отец — встревоженный и разгневанный оттого, что его планы рушатся, а он бессилен этому помешать.

— Государь, — произнес отец. Он поджал губы, заметив, что я прячу руку в его книге. — Я как раз

пришел, чтобы сопроводить Ирину к гостям. Вы очень любезны, что побыли с ней.

Отец приблизился и забрал у меня книгу. Я неохотно протянула ее, и между нами блеснуло серебро. Я наблюдала за Мирнатиусом. Я ждала, что он недоуменно насупится, что волшебство кольца захватит его. Но в его глазах уже сверкал огонь голода и страсти, и его лицо при виде кольца никак не изменилось. Он смотрел на меня, только на меня, а кольцо его, похоже, вовсе не занимало.

Мирнатиус моргнул, и огонь в его глазах погас. Помолчав мгновение, царь заговорил с моим отцом.

— Вы должны простить меня, Эрдивилас, — сказал он. — Ваши слова разожгли во мне непреодолимое любопытство. Мне нестерпимо захотелось поговорить с Ириной с глазу на глаз, без всей этой суеты. И я готов признать истиной сказанное вами ранее. В ней и вправду есть что-то особенное.

Отец явно не ожидал такого поворота: все равно что заяц бросился бы на гончую. Но он был исполнен решимости довести дело до конца, а потому предпочел скрыть свое замешательство:

— Ваши слова делают честь моему дому.

— Разумеется, — кивнул Мирнатиус. — Пусть

Ирина спускается вниз одна. Нам с вами, думаю, стоит, не откладывая, обсудить ее замужество. Ваша дочь заслуживает в высшей степени достойного жениха. И, уверяю вас, этот жених не намерен ждать.

Глава 10

Всю неделю каждый день отец Мирьем спрашивал меня немного растерянно, не видела ли я Мирьем. Каждый день я отвечала ему, что она уехала в Вышню. И тогда он говорил:

— Ах, ведь и правда, как я мог позабыть.

Каждый день за обедом мать Мирьем накрывала на четверых и накладывала еду на четвертую тарелку. И каждый раз родители Мирьем словно бы удивлялись, когда их дочь не появлялась. А я молчала — ведь я-то получала свою полную тарелку еды.

Я собирала долги, старательно все записывая в книгу. Мы с Сергеем присматривали за козами и курами. И двор мы держали в порядке, следили, чтобы он был гладко утоптан и чисто выметен. В среду я пошла на рынок за покупками, и со мной заговорил один северянин, он привез на продажу рыбу. Он спросил, нет ли у Мирьем больше тех передников, он бы купил для своих трех дочек. А в доме как раз три передника и было. У меня даже горло перехватило от волнения. И я ему сказала:

— Если хотите, я схожу и принесу их. Две ко-

пейки каждый.

— Две копейки! — охнул северянин. — Нет, больше одной не дам.

— Я цену сбить не могу, — настаивала я. — Хозяйка нынче в отъезде. Она никому дешевле не продавала.

Северянин сперва помрачнел, но потом согласился:

— Ладно, хоть два тогда возьму.

Я кивнула и сказала, что пойду принесу передники, а он мне вслед крикнул, что, мол, неси все три. Я вернулась в дом заимодавца, взяла передники и отнесла северянину. Он их вертел в руках так и этак, все выискивал, не торчит ли где нитка, не стерлась ли краска. Затем вытащил кошелек и отсчитал деньги мне прямо в руку: одна, две, три, четыре, пять, шесть. Шесть копеек блестели у меня на ладони. Не мои это были деньги, но я сжала ладонь, сглотнула и сказала:

— Благодарствую, панов.

Потом я взяла корзину и пошла прочь с рынка, а когда меня уже никто не видел, припустила бегом. Ворвалась в дом как шальная, еле переводя дух. Мать Мирьем как раз ставила обед на стол. Она удивилась.

— Я передники продала! — выпалила я с порога.

Я думала, сейчас разревусь. Сглотнула комок в горле и протянула ей деньги.

Мать Мирьем взяла монеты, даже не поглядев на них. Она погладила меня по лицу; рука у нее была маленькая, тоненькая, зато теплая.

— Что бы мы без тебя делали, Ванда! — сказала она и улыбнулась. Она отвернулась, чтобы бросить копейки в кувшин на полке, а я уткнулась лицом в ладони. И украдкой утерла глаза передником, прежде чем сесть за стол.

Мать Мирьем снова наготовила еды с избытком.

— Ванда, может, поешь еще? Не годится выбрасывать еду, — сказал отец Мирьем, придвигая ко мне четвертую тарелку. А мать Мирьем смотрела в окно, и лицо у нее было какое-то загадочное — или, может, растерянное.

— А давно Мирьем уехала? — задумчиво спросила она.

— Неделю назад, — ответила я.

— Неделю назад, — как эхо повторила мать Мирьем. Она как будто пыталась запомнить.

— Она вернется — ты и соскучиться не успеешь, Рахиль, — пообещал отец Мирьем. Он сказал это пылко, наверное сам хотел поверить.

— Уж очень путь неблизкий, — покачала голо-

вой мать Мирьем. Лицо у нее по-прежнему было растерянным. — Долго ей придется ехать. — А потом она отвернулась от окна и улыбнулась мне. — Я рада, что тебе понравился обед, Ванда.

Не знаю как, но в голове моей сама собой возникла мысль: Мирьем не вернется.

— Было очень вкусно, спасибо большое, — поблагодарила я. И снова откуда-то взялся этот комок в горле.

Они дали мне мой пенни, и я потащилась домой. Теперь это, верно, насовсем, думала я. Мирьем вроде как со дня на день вернется. Родители будут ждать ее, и ждать, и ждать. Каждый день ставить ей тарелку с едой и удивляться: как же так, опять ее нет! Каждый день отдавать мне ее порцию. Может, мне и что-нибудь еще из ее вещей перепадет. А я возьму на себя работу Мирьем. И ее мать еще не раз улыбнется мне, как сегодня. Отец научит меня новым цифрам… Я старалась не хотеть всего этого. А то, выходит, я ей желаю не возвращаться.

Я закопала свой пенни под деревом и пошла к дому. И вдруг встала как громом пораженная. На дороге виднелись следы: кто-то прежде меня прошел моим путем. Этому-то я не удивилась: вдоль дороги ведь еще кое-кто жил, не только мы.

Но следы сворачивали и вели прямиком к нашей двери. Судя по следам, в дом вошли двое мужчин в кожаных сапогах. Вот это и было непонятно: для податей нынче не время, а, кроме сборщика, ходить к нам некому. Я подошла к двери: оттуда доносился смех и мужские голоса, там выпивали за здоровье. Входить мне не хотелось — но куда денешься? Путь я прошла долгий, продрогла до костей, нужно было согреть руки и ноги.

Я отворила дверь. Что ждет меня в доме, я понятия не имела — что ни возьми, все будет как снег на голову. Оказалось, у нас гостили Кайюс и его сын Лукас. На столе стоял большой кувшин крупника и три чашки. Отец весь раскраснелся — значит, они уже успели поддать как следует. Стефан съежился возле очага и сидел там тихо как мышка. И смотрел на меня снизу вверх из своего угла.

— А вот и она! — объявил Кайюс, едва я ступила на порог. — Закрывай дверь, Ванда, садись с нами, мы тут празднуем событие. Лукас, чего расселся, помоги же ей!

Лукас встал, подошел ко мне и попытался помочь мне снять шаль. Я никак не могла взять в толк, что это на него нашло. Сняла шаль сама, повесила ее у огня, пристроила рядом шарф и

обернулась к столу. Кайюс сиял улыбкой.

— Верно, для тебя большая печаль лишиться ее, — заявил он моему отцу. — Ну да ведь отцам дочерей этого не миновать! К тому же и жить она будет совсем рядом. — Я стояла не двигаясь, только косилась на Стефана. — Ванда, — обратился ко мне Кайюс, — мы тебя сговорили! Ты станешь женой Лукаса.

Я перевела взгляд на Лукаса. Парень как будто не особо радовался, но и не особо огорчался. Он ко мне приглядывался. Я была что та хавронья на рынке, которую он собрался покупать. И он надеялся, что я разжирею и принесу ему множество поросяток до того, как сама пойду на окорок.

— Твой отец, разумеется, рассказал мне эту историю про долг, — продолжил Кайюс. — И я говорю ему, что больше он ничего никому не должен. Долг мы переведем на мой счет, его ты и отработаешь. И раз в неделю будешь навещать отца с кувшином моего лучшего крупника, чтобы Горек не забыл дочкино лицо. Твое здоровье и счастье! — И он поднял чашку с крупником и пригубил из нее, а отец тоже поднял чашку, но осушил ее целиком. А Кайюс тут же подлил ему еще.

Значит, отец за меня даже не получит козы, от

которой хоть молоко будет. И ни одной свиньи не получит. И четырех пенни в месяц у него не будет. Он продает меня за выпивку. За кувшин крупника раз в неделю. Кайюс все еще улыбался. Он-то, должно быть, смекнул, что мне платят деньгами. Или, может, решил, что раз уже теперь я поселюсь у него, Мирьем сбавит ему долг. Он отправится к отцу Мирьем и не прогадает. Долг мне простят. Это будет их свадебный подарок. А потом, может, Кайюс заставит меня и дальше работать у заимодавца, но затребует плату побольше. И будет требовать еще и еще. Мирьем больше нет. Некому прийти к Каюйсу и дать ему отпор. Остались только ее отец с матерью, но с Кайюсом они не совладают. Да и ни с кем не совладают.

— Нет, — сказала я.

Они все вылупились на меня. Отец озадаченно моргнул.

— Чего? — пробубнил он.

— Нет, — повторила я. — Я не выйду за Лукаса.

Кайюс сразу перестал улыбаться.

— Да полно тебе, Ванда… — начал он, но договорить отец ему не дал. Он вскочил и так врезал мне по лицу, что я не устояла на ногах.

— Нет, говоришь?! — взревел отец. — Нет?! Ты

думала, кто хозяин в этом доме?! Это ты мне перечить вздумала?! Заткнись, скотина безмозглая! Завтра же пойдешь за него замуж! — Он рванул было с пояса ремень, но никак не мог справиться с пряжкой.

— Горек, да она растерялась просто. — Кайюс, не вставая, протянул к отцу руку, пытаясь его урезонить. — Дай ей время, и она одумается, я уверен.

— Одумается, если проучу ее как положено! — проорал отец. Он вцепился мне в волосы и дернул со всей мочи. Я краем глаза заметила, как Лукас пятится к двери. Вид у него был испуганный. Отец мой был дюжий мужик, куда здоровее Кайюса с Лукасом. — Так, значит, нет? — повторял отец и бил меня по лицу, но обеим щекам, так, что в голове звенело. Я пыталась закрыться, но он лупил меня по рукам.

— Горек, ты ж ей все лицо изукрасишь! А ведь ей под венец идти! — Кайюс хотел обратить все в шутку. Но голос у него был малость напуганный.

— Да кому нужна ее рожа! — рявкнул отец. — В бабе не рожа главное. А ты мне тут руками не размахивай! — зарычал он на меня. — Ишь, артачиться вздумала! — Он наконец оставил в покое свою пряжку и, отшвырнув меня к очагу, схва-

тился за кочергу, стоявшую тут же поблизости.

И вдруг Стефан с криком «Не смей!» ухватился за другой конец кочерги. Отец замер в изумлении. Даже я, утирая слезы, сумела поднять голову и посмотреть на брата. Он был совсем маленький, щуплый, как годовалое деревце. Отец мог бы поднять Стефана на этой самой кочерге, и тот только пятками бы задергал. Но Стефан намертво вцепился в кочергу обеими руками и повторил:

— Не смей!

Отец так опешил, что не сразу сообразил, как быть. Вырвать у Стефана кочергу не получилось: тот держал крепко, и отец только подтянул его к себе. Тогда отец вцепился Стефану в плечо и принялся его отпихивать, но кочерга оказалась длиннее руки, а поскольку папаня был в стельку пьян, ему в голову не приходило бросить треклятую кочергу. Вместо этого он стал трясти ею изо всех сил, и Стефана мотало по всему дому. Отец все больше свирепел и наконец взревел жутким голосом, выпустил кочергу, схватил Стефана и с размаху припечатал кулачищем ему прямо в лицо.

Стефан упал, весь залитый кровью, все еще стискивая кочергу и повторяя сквозь слезы:

— Не смей!

Папаня так разъярился, что потерял дар речи. Он вскинул вверх свой табурет и грохнул им Стефана по спиие; табурет разлетелся на деревяшки. Брат растянулся на полу. И тогда отец ножкой от табурета принялся колотить Стефана по пальцам, пока тот не выпустил кочергу. Отец тут же сам вцепился в нее.

Лицо у него сделалось багровое от гнева. Глаза налились кровью. Он скалил зубы. Если сейчас он набросится на Стефана с кочергой, то уже не остановится, пока не забьет его насмерть.

— Я выйду за Лукаса! — крикнула я. — Отец, я согласна!

Но когда я подняла свое распухшее лицо, то увидела, что Лукаса уже в доме нет, а Кайюс крадется к двери.

— Куда это вы?! — прорычал папаня.

— Если девица не согласна, значит, мы не сговорились, — ответил Кайюс. — Лукас не станет жениться на девушке против ее воли.

Это означало, что Кайюс не готов терпеть ничего подобного в своем доме. Он пришел к нам со своим крупником и с хитрым умыслом, напоил отца и пробудил его ярость, и теперь эта пылающая ярость, как пожар, спалит тут все дотла. Кайюсу оно и даром не надо. Кайюс собрался

удирать.

И он мог удирать с чистой совестью. Лукас успел выскочить из дома, и сам Кайюс уже стоял возле двери. Папаня мог орать им вслед сколько угодно, они бы его все равно не послушали. Потому что папаня им не указ. Кайюс с сыном живут в городе, они люди солидные, платят высокую подать. А тронь их хоть пальцем — так Кайюс живо доложит воеводе, и тот прикажет высечь отца плетьми. Отец и сам хорошо это знал. А потому орать он принялся на меня:

— Из-за тебя все! Сладу с тобой нет, кому такая баба нужна!

И он замахнулся на меня кочергой. Но тут Кайюс распахнул дверь, а на пороге стоял Сергей. И он слышал, как мы все кричали. Он вбежал в дом и перехватил кочергу над моей головой. Отец рванул ее на себя, но не тут-то было. Сергей держал крепко. Ростом он уже догнал отца и в весе успел немного прибавить — на двойных-то харчах в доме Мирьем. А отец за зиму отощал, да к тому же был пьяный. Он снова дернул кочергу к себе и хотел наподдать Сергею кулаком в лицо. Но вместо этого Сергей вырвал у отца кочергу и сам с размаху его ударил.

Наверное, это папаню и сразило наповал. Ему

прежде не доводилось быть битым. Никто не мог одолеть его, даже городские. Слишком уж он был рослый. Отец попятился и споткнулся о Стефана, свернувшегося возле очага, да так и рухнул. Падая, головой он ударился о горшок с гречкой, что грелся в очаге, и выбил из-под него подпорку. Папаня повалился прямо в огонь, а горячая каша опрокинулась ему на лицо.

У Кайюса аж дух перехватило. Он шмыгнул за дверь и кинулся прочь во всю прыть. А папаня все еще вопил и извивался. Я все руки себе обожгла, пока скидывала с него эту кашу, и мы вытащили его из огня, но у него и волосы горели, и одежда. Лицо у него все пошло волдырями, а глаза под веками выпучились, стали как две луковицы. Мы сбили пламя своей одеждой. Но отец уже умолк и перестал корчиться.

Мы все трое стояли над ним. Что делать, мы не знали. Отец больше и на человека-то не походил. Голова у него раздулась в сплошной белый волдырь, только местами виднелись красные пятна. Он не издавал ни звука, не двигался.

— Он умер? — наконец спросил Сергей.

Папаня не отозвался, не шевельнулся. И так мы поняли, что он на самом деле мертвый.

Стефан испуганно смотрел то на меня, то на

Сергея. Лицо ему все залило кровью, и с носом совсем была беда. Он хотел знать, что же теперь делать. Сергей побелел как полотно.

— Кайюс всем расскажет, — просипел он, сглотнув комок в горле. — Все узнают, что…

Кайюс всем расскажет, что Сергей убил отца. Воевода пошлет своих людей, они схватят Сергея и повесят его. А что Сергей это сделал не нарочно и что отец сам нас едва не убил — так это им без разницы. Отцов убивать не полагается. Меня тоже, наверное, заберут. Кайюс ведь скажет всем, что я отказалась выйти за его сына, а Сергей меня спасал от побоев. Так что мы с Сергеем вместе его убили. Сергея точно повесят. Даже если меня и не посадят в тюрьму, дом и поле все равно отберут и отдадут кому-то еще. Стефан еще мал, чтобы вести хозяйство, а я женщина.

— Нам надо бежать, — сказала я.

И мы побежали к белому дереву. Выкопали наши пенни — там скопилось всего-навсего двадцать два. Мы все трое смотрели на монетки. Я-то знала, сколько на них можно купить. Втроем на это не прокормишься, а ведь нам придется идти куда-то далеко, искать работу.

— Стефан, ты пойдешь к Панове Мандельштам, — велела я. Стефан глянул на меня с

испугом. — Ты еще мал. Никто тебя обвинять не станет. А она позволит тебе остаться.

— Да с чего бы ей? — возразил Сергей. — Помощи-то от него никакой.

— Он за козами присмотрит, — ответила я.

Я так сказала, чтобы Стефан с Сергеем не переживали. Мать Мирьем не выгонит Стефана, даже если от него не будет в доме никакого толка. А толк все же будет — Стефан на диво хорошо управляется с козами. А уж с козами-то они точно не оголодают, даже если я перестану собирать долги. И пока Мирьем нет, со Стефаном все-таки веселее. Стефан помолчал немного, вытер слезы и кивнул. Он все понял. Мы с Сергеем можем идти быстро и долго. Нам проще найти работу. А ему пока работать рано. Оставить его у заимодавца — и нам спокойнее, и ему легче. Но это значило, что сейчас нам надо попрощаться — и, может статься, навсегда. Неизвестно, вернемся ли мы с Сергеем. А Стефан не будет знать, где мы.

— Матушка, прости меня, — сказала я белому дереву.

Деньги ведь и впрямь накликали на нас лихо. Надо было нам слушаться матушку. В белых листьях зашелестел ветер, словно дерево вздохнуло. А потом дерево медленно склонило к нам три вет-

ви и коснулось наших плеч. Меня будто кто-то по голове погладил. На той ветви, что протянулась к Стефану, висел один-единственный белый плод — спелый орех. Стефан покосился на нас.

— Бери, — сказала я ему.

Потому что так было по-честному. Матушка спасла однажды меня и однажды Сергея, а ведь это из-за нас пришла беда. Стефан-то тут ни при чем.

Стефан сорвал орех и засунул его в карман.

— Куда мы пойдем? — спросил Сергей.

Я подумала немного и ответила:

— Сперва в Вышню. Найдем дедушку Мирьем. Может, у него будет для нас работа.

Я знала, что дедушку Мирьем зовут Мошель. Если по правде, я сомневалась, что мы сумеем добраться до Вышни и не заблудиться, да еще отыщем там панова Мошеля. Но надо же нам хоть куда-то идти. Я вспомнила, что Мирьем говорила насчет шерсти: вот бы, дескать, ее отправить на юг, как река вскроется. Ведь и мы тоже можем пойти на юг по реке мимо Вышни. Так далеко за нами никто гнаться не станет. В тех краях до нас никому нет дела.

Я все это выложила Сергею, и он кивнул. Мы пошли в сарай и отвязали четырех наших тощих

коз. Стефан вместе с козами медленно зашагал по дороге. Каждые несколько шагов он оглядывался на нас, пока не скрылся из виду. А мы с Сергеем разделили наши серебряные монеты поровну, и каждый спрятал свою долю в самое надежное место. В дом нам возвращаться очень уж не хотелось, ведь отец там лежал мертвый, но мы все-таки себя пересилили. Я прихватила отцовский жупан, что висел возле двери, и пустой горшок, чтобы в дороге нам готовить себе еду. И мы отправились в лес.

* * *

Мы с Мирнатиусом обвенчались на третий день его визита к нам. Я надела кольцо, и ожерелье, и корону. Отец объявил все эти драгоценности моим приданым, сказав, что они принадлежали моей матери. «Да, пусть будет так», — небрежно обронил царь. Его не заботило мое приданое. Думаю, он взял бы меня и бесприданницей, однако отец был обескуражен легкостью своей победы. Ему было не по себе, и он стремился увериться, что добился желаемого благодаря собственным козням. Пока я шествовала к алтарю, весь двор таращился на меня с завистью и тоской, как если бы мои шею и лоб украшали все звезды Вселен-

ной. Однако для моего жениха волшебное серебро было не ценнее меди. Он так настаивал на скорой женитьбе, а сам произнес обеты скучающим тоном и выронил мою руку, словно то была раскаленная головня. Судя по всему, женился он из чистого азарта, всем назло, просто чтобы заполучить невесту, которая не мечтала стать царицей. А ведь все красавицы его царства сохли по нему и охотно отрубили бы себе пальцы на ногах, лишь бы им впору пришлась хрустальная туфелька.

Сразу после венчания мы уехали. Мой недокрашенный сундук с приданым кое-как запихнули на задок серебристо-белых саней. Роспись на них едва просохла: один из отцовских воевод наспех переделал свои сани и вручил мне как свадебный подарок. Меня тоже усадили в сани. Со мной никто не поехал. Мирнатиус сказал отцу, что ему во дворце и так старух хватает, поэтому Магрета осталась на крыльце горевать и лить слезы, спрятавшись за спиной у остальных женщин.

Мирнатиус расцеловался с отцом, как положено близким родственникам, и уселся рядом. Я про себя радовалась, что мы с ним хотя бы не притиснуты друг к другу в закрытых санях, где и так мало места. Впрочем, для царя Литваса любые сани тесны. В наших санях было невыразимо

жарко: всюду громоздились тяжелые меха, под ногами у нас и под сиденьями лежали горячие камни. Мирнатиус изящным движением откинулся назад и удобно развалился на сиденье. Он протянул мне кошелек.

— Вот, швыряй монеты по пути, любовь моя, — промурлыкал он. — Пусть народ порадуется с нами. И постарайся выглядеть счастливой, какой тебе и надлежит быть. Улыбайся, — со значением прибавил он. И снова его слова окатили меня волной жара, подобной тем, что поднимались от горячих камней у меня в ногах. Но кольцо под перчаткой гасило жар и дарило мне спасительную прохладу. Опасливо протянув руку, я взяла кошелек. Я швыряла блестящие копейки и пенни горстями без разбору, не глядя, не откидывая капюшона. Пока есть монеты, людям на улице не до меня, никому нет дела, улыбаюсь я или нет. А сама я неотрывно смотрела на царя. Он глядел на мой капюшон неодобрительно, но ни слова не сказал мне.

Сани скользили по замерзшей реке. Четыре раза мы меняли лошадей и еще засветло прибыли к герцогу Азуоласу, у которого решили заночевать. Герцог был богатым землевладельцем с обширными полями, однако дворец его распо-

лагался в маленьком городишке, обнесенном стеною для защиты скорее от воинства Зимояров, чем от обычных захватчиков. Это было укромное местечко, слишком тесное, чтобы вместить царскую свиту. Поэтому Мирнатиус повелел всем своим спутникам искать приюта у мелких воевод и рыцарей в окрестностях, а назавтра снова присоединиться к нему. Стоя на ступенях герцогского дворца, я провожала взглядом разъезжавшихся придворных — тех самых, что были на моем венчании, — и холодок полз у меня по спине. Тут хватило бы места хотя бы нескольким из них. Многие рыцари негодовали и обижались оттого, что их вот так бесцеремонно выдворяют. Слуги вытащили мой сундук из саней и понесли в дом. Я взглянула на Мирнатиуса. Солнце еще не успело сесть, а глаза его уже полыхали жадным рубиновым огнем.

Я спустилась к ужину, надев все свое серебро, даже корону снимать не стала. Серебро искрилось в отблеске свечей, и все мужчины за столом смотрели на меня раскрыв рот, как малые дети. В их глазах была растерянность и зависть — они завидовали царю, сами не понимая почему. Я говорила с этими завороженными серебром людьми — я постаралась побеседовать с каждым.

Но я едва успела притронуться к последней смене блюд, как Мирнатиус извинился за меня и препоручил меня горничным, отправив со мной пару стражников.

— Сторожите хорошенько покои молодой царицы, а то как бы не убежала, — шутливо наказал он своим людям, и гости за столом засмеялись.

Когда я поднялась из-за стола, царь вдруг повернулся, грубым движением поймал мою руку и порывисто поцеловал. Губы у него так и обжигали.

— Я скоро приду к тебе, — прошептал он повелительно и жарко и отпустил меня.

От этого поцелуя у меня кровь прихлынула к щекам. Дожидавшиеся меня горничные стыдливо захихикали. Они-то решили, что я вся зарделась от пылкой страсти к красавцу мужу. Я была им только признательна за такую ошибку. Едва за мной закрылась дверь моей спальни, я отослала горничных, не позволив им раздеть меня.

— Мой господин сам мне поможет, — произнесла я, скромно потупившись, чтобы они не заметили в моих глазах страха вместо предвкушения.

Девушки понимающе заулыбались и без возражений выскользнули за дверь. А я осталась одна

в своем тяжелом наряде.

Два дня назад я сказала Галине: «До Корони путь долгий и холодный, а мои старые меха нынче тесны мне». Я рассудила так: придворные и воеводы с рыцарями, что служат моему отцу, узнав о помолвке, поднимут безумную возню — все кинутся искать мне свадебные подарки. И наверняка многие решат испросить совета у моей мачехи. В итоге я обзавелась очень красивым роскошным одеянием из горностая, которое вполне пристало и царице. Сейчас меха лежали мягкой белой грудой в углу спальни, где я их сбросила, но едва горничные вышли, я снова облачилась в своего горностая: надела тяжелую шубу, взяла муфту. На голове у меня уже была корона, но шайку я не решилась оставить в спальне: слишком уж она заметна без остальных мехов. Поэтому я затолкала шапку в муфту.

Я подошла к высокому зеркалу, что висело на стене. Там, за стеклом, я стояла среди снежной круговерти в темном лесу. Я приблизилась к зеркалу, и жалящий холод ударил мне в лицо. Я закрыла глаза и сделала шаг, страшась любого исхода: уткнуться носом в твердое стекло и остаться без убежища — или пройти сквозь зеркало и очутиться одной в ночи, в другом мире, из которого,

может статься, нет возврата.

Но к моему лицу приникло не стекло, а лишь зима, и мороз принялся кусать мне щеки. Я открыла глаза. Я стояла одна среди темных сосен под снежными шапками, и конца-краю не было этим соснам. Над головой раскинулось темно-серое вечернее небо без проблеска звезд. От пронзительного холода лицо у меня тут же закоченело, пришлось уткнуться в муфту и отогреваться дыханием. Вокруг меня порхали хлопья снега, тонкими иголочками покалывая мне кожу. Это была не просто морозная зимняя ночь, не просто вьюга. Это был мучительный, терзающий холод, и он словно вопрошал, что я здесь делаю, и стремился пробраться к самому моему сердцу, к самым легким.

Никакого укрытия поблизости я не видела. И домов, где я могла бы попросить о помощи, тоже не было. Я стояла на берегу глубокой реки, покрытой уже почти твердым льдом. Лед сверкал подобно стеклу, но вместо моего отражения в нем была опустевшая спальня. Я как будто смотрела в зеркало с другой стороны.

По ту сторону льда дверь отворилась, и я вся напряглась, как натянутая тетива, но через миг поняла: Мирнатиус меня не видит. Он вошел в

комнату с широкой, алчной улыбкой на лице и, не обнаружив меня, просиял. Он захлопнул дверь, привалился к ней и, не глядя, повернул ключ в замке у себя за спиной — до меня долетел приглушенный щелчок, как из-под воды.

— Ирина, Ирина, ты что, прячешься от меня? — негромко спросил он жарким, восторженным голосом, опуская ключ в карман. — Ну так я тебя найду…

И Мирнатиус принялся за поиски. Он заглянул за каминную заслонку, под кровать и в шкаф. Он даже подошел к зеркалу — и я отпрянула назад, когда он оказался прямо рядом со мной. Но, к счастью, он лишь проверял, не скрывается ли что-нибудь в стене за зеркалом. Его улыбка мало-помалу гасла. Мирнатиус раздвинул занавески. Однако же спальню для меня он выбирал весьма осмотрительно: тут было одно-единственное маленькое окошко, и то наглухо закрыто.

Лицо Мирнатиуса исказилось от бешенства. Я обняла себя обеими руками, холод немилосердно кусал меня, а царь тем временем буйствовал в моей спальне. Наконец он остановился — растерянный и разгневанный; скривившись, он сжимал в руках обрывки балдахина с моей кровати, а по всей комнате валялась перевернутая

мебель.

— *Где же ты?!* — завизжал Мирнатиус скрипучим, каким-то пугающе нечеловеческим голосом. — *Появиться ты должна! Ты отныне мне жена!* — И он топнул ногой с такой силой, что громоздкая резная кровать вздрогнула. — *А не то твою родню изведу я на корню! Если выйдешь сейчас, я тебя не трону…* — добавил он неожиданно вкрадчиво, будто решил, что я ему поверю. Царь подождал еще мгновение и, поняв, что я не появлюсь, предался приступу неукротимой ярости. Он больше не искал — только громил, ломал и рвал, как бешеный зверь, крушащий все вокруг и себя самого заодно.

Царь долго не унимался, но потом издал свирепый вопль, повалился на пол и забился в припадке. С минуту он колотился о пол, корчился, на губах выступила пена, а потом внезапно обмяк и замер с полуоткрытым ртом. Его невидящий взгляд, казалось, был обращен прямо на меня. Я тоже смотрела на него — и так прошло несколько томительных минут. Наконец Мирнатиус заморгал.

Он свернулся калачиком и поднялся сначала на колени, потом, морщась, кое-как встал на ноги. Изорванная одежда лохмотьями свисала с

плеч. Он обвел взглядом поломанную кровать и спальню, где устроил весь этот кавардак. Алчный огонь в его глазах погас; взгляд у него был настороженный и потерянный.

— Ирина! — нерешительно позвал он. Он даже приподнял изорванное покрывало и заглянул под него — вдруг я между делом как-то туда проскользнула. Уронив край покрывала, он направился к окну и снова внимательно осмотрел его, видимо позабыв, что он уже это проделал каких-то несколько минут назад.

Все с тем же недоуменным выражением на лице Мирнатиус прошагал через спальню к камину и заговорил с ним, словно ожидая, что тот ему ответит:

— Ну вот, теперь тебя нет, а мне что прикажешь делать? Дочь герцога! И даже тела не осталось! Что ты такое творишь! Что с ней сталось?

Пламя вскинулось вверх — высоко, исступленно — и метнуло в спальню целый сноп искр. Мирнатиус даже внимания не обратил; крошечные ожоги там, где искры попали ему на кожу, мигом затянулись.

— *Найди ее!* — Голос у огня оказался трескучий, шипящий, жадный. — *Верни ее!*

— Вернуть? — переспросил Мирнатиус. — Так

ее тут не было?

— *Дай ее мне!* — прошипел огонь. — *Я получу ее! Найди мне ее!*

— О, великолепно. Она, должно быть, подкупила стражу и была такова. А от меня-то тебе что нужно? К чему эта женитьба на единственной в мире девице, готовой сбежать из-под венца? Мне и так придется повозиться с ее папочкой. Попробуй-ка задобри его после трагического несчастного случая с его дочкой. Но теперь, когда она исчезла, задача куда как осложняется!

— *Убей его!* — протрещал огонь. — *Раз родня ей помогла, всю родню спали дотла!*

Мирнатиус раздраженно отмахнулся:

— Вот еще глупости. Если на то пошло, герцог был счастлив препоручить мне дочь. С какой стати ему устраивать Ирине побег? Нет, она сбежала сама. Теперь уж она наверняка в соседнем королевстве. Или в монастыре — что, согласись, было бы мило.

Огонь зашипел, будто на горячие угли плеснули воды.

— *Старуха все знает, пошли за старухой,* — выговорил он. — *Коль старуха будет здесь, разузнаю все как есть.*

Мирнатиус недовольно скривился:

— Да-да, хорошо. За ней можно послать, но ее привезут через день. А тем временем из-за тебя мне придется объясняться со всем честным народом. Ведь моя возлюбленная женушка куда-то сгинула посреди ночи. А этот восхитительный разгром? Чтобы здесь прибрать, мне нужен месячный запас силы, имей в виду. И мне все равно, что ты прогоришь.

Пламя взметнулось вверх так неистово, что заполонило весь камин и ринулось в трубу; оранжевый отсвет плясал на лице царя, но тот невозмутимо стоял скрестив руки. И вот огненная лента неохотно вырвалась из камина и потянулась к царю. Мирнатиус закрыл глаза и, запрокинув голову, раскрыл губы, а огненная струйка, щелкнув как хлыст, нырнула ему в рот. Его тело засветилось изнутри, и на мгновение я разглядела внутри его какие-то причудливые очертания и странные линии, змеившиеся под кожей.

Мирнатиус стоял напряженный, трепещущий под струей пламени. Наконец огненная лента окончательно оторвалась от камина и исчезла во рту у царя. Свет внутри его медленно угас. Мирнатиус открыл глаза; он покачивался точно пьяный, в каком-то бессильном исступлении,

разрумянившийся, похорошевший.

— Аххх, — выдохнул он.

Огонь, только что бушевавший в камине, улегся.

— *Дай мне ее, дай…* — трескуче нашептывал он, но уже еле слышным, тлеющим голосом. — *Я голодаю, я жажду…* — Огонь померк и стих, в золе остались только горячие угли.

Мирнатиус повернулся к спальне. Он смотрел из-под полуприкрытых век и слегка улыбался. Подняв руку, он повел ею в небрежном широком жесте, и все обломки и щепки от мебели устремились на прежние места, все разорванные нити соткались в прежние покровы и занавески. Все это плясало в воздухе, послушное руке царя. А он смотрел и улыбался — той же самой улыбкой, с которой теребил в грязи мертвых белочек.

Наконец он опустил руку — неторопливо, плавно, словно играл на сцене перед публикой. Комната выглядела так, точно к ней никто не прикасался, разве что какой-то искусный мастер: резьба на спинке кровати сделалась более замысловатой, на покрывале появилась вышивка зеленой, серебряной и золотой нитями, и такая же вышивка украсила занавески. Мирнатиус удовлетворенно оглядел спальню и удалился, что-то

напевая себе под нос. Он поглаживал кончики пальцев, как будто все еще ощущал ту силу, что вселилась в него.

Он ушел, и комната сделалась пустой и тихой. Лютое пламя улеглось, остались только самые обыкновенные угольки; их тлеющий свет казался таким теплым и уютным, хоть от камина все еще веяло ужасом. Мне не хотелось назад. Откуда мне знать: вдруг этот огненный демон притаился где-то в золе? Но ноги у меня совсем застыли в сапогах, да и вся я застыла. Только большой палец правой руки, на котором сидело кольцо, холод не тронул. Меня всю трясло, и долго мне так не протянуть, я это понимала. А идти мне здесь было некуда. Нужно вернуться, пусть и ненадолго, согреться хотя бы чуть-чуть.

Я твердила себе все это, но руки мои дрожали, когда я опустилась на колени и дотронулась до гладкого льда. Рука погрузилась в лед как в ванну с водой и показалась в спальне с другой стороны. Я замерла с просунутой сквозь лед рукой и пристально поглядела на огонь. Но долго так держать руку было невозможно. Руке стало тепло, так тепло, что остальному телу тут же сделалось в тысячу раз холоднее. Пламя в камине не ярилось и, кажется, не собиралось кидаться на меня. И

тогда я решилась нырнуть в лед целиком.

Я неуклюже вывалилась из зеркала на пол прямо в дивное, дивное тепло. И тут же вскочила на ноги, одной рукой держась за зеркало, чтобы в случае опасности немедленно прыгнуть назад. Но огонь не потрескивал, не шипел. Что бы за тварь ни жила в нем, сейчас ее там не было. Осторожно подкравшись к камину и выждав еще несколько мгновений, задубевшими трясущимися руками я стащила с себя промороженные меха и впустила в себя тепло. Но мои драгоценности, мое серебро я снимать не стала, какой бы озноб меня ни пробирал. Я дрожала от страха, не только от холода. От царя ничего хорошего ждать не приходилось, это с самого начала было ясно, но такого я не предвидела. Я как-то не рассчитывала, что Баба-яга изжарит меня в печке и съест, а косточки по ветру развеет. И укрыться я, выходит, могу лишь в ледяной избушке.

Наконец дрожь унялась, и мне стало даже немного жарко в моем тонком платье. Прижав все еще холодные ладони к щекам, я велела себе успокоиться и рассуждать здраво. Я окинула взглядом комнату. Она пугала своей опрятной безупречностью: еще одна ложь, которую Мирнатиус и его демон поведают миру, под нарядной

облицовкой скрыв правду о сломанной мебели и разорванных тканях. Царь забрал ключ с собой, но я подставила спинку кресла под дверную ручку, так что, если кто-то попытается войти, у меня будет немного времени. А потом я снова подошла к зеркалу.

Сняв корону, я аккуратно положила ее на пол. То место, где я только что побывала, никуда не делось: тот же стылый речной берег; небольшое вытоптанное мною пятно уже заметало свежим снегом. Я коснулась стекла. Зеркало подалось с некоторым трудом, как тяжелые портьеры, однако стоило мне вытянуть руки — они оказались по ту сторону. И это только с кольцом и ожерельем. Значит, двух драгоценностей достаточно. Я попробовала еще раз, уже без ожерелья. Но теперь мои пальцы наткнулись на стекло, хотя я по-прежнему видела снег и чувствовала, как холод проникает в кончики пальцев. Поверхность зеркала не была кристально неуязвимой, она мягко прогибалась под моими руками, но не пропускала. Я перепробовала все драгоценности по очереди — по одной они не работали, только по две. С кольцом проще всего: его я могу носить не снимая круглые сутки, и даже спать в нем, и никого это не удивит, но ожерелье и корону с утра

до ночи носить не будешь. И если Мирнатиус догадается, как я ускользнула от него, второй раз он мне этого сделать не даст.

Я снова посмотрела в зеркало, на заснеженный берег. Я уже достаточно согрелась. Можно надеть все нижние юбки, все три новых платья, одно на другое, все чулки, и самые толстые, шерстяные, натянуть поверх сапог. В моем ларце с драгоценностями лежит горсть безделушек — разные свадебные подарки. Их можно рассовать по карманам и попробовать заплатить ими за ночлег — если, конечно, найдется кому платить в этих дебрях. Не знаю уж, как действует все это волшебство, но я готова замерзнуть насмерть в лесу, лишь бы очутиться подальше от демона из камина.

Но поутру царь пошлет за Магретой. И она откликнется на его зов без колебаний. Она будет только рада, да что там — просто счастлива. Ее простодушное сердце охотно подскажет ей, что я сумела убедить Мирнатиуса позвать-таки старую няньку, что супруг мой, в конце концов, не такой уж и злой и что, конечно же, он уже полюбил меня всей душой и готов явить свою доброту. А он возьмет и отдаст ее на растерзание демону, чтобы тот выпытал у нее нечто ей неведомое.

Чтобы демон дознался, куда я подевалась.

* * *

Сани Зимояра стремительно несли нас по серебряной дороге. Мы ехали меж двух рядов высоких белых деревьев с пепельно-серой корой, светлеющей от корня к кроне. Молочно-белые листья были испещрены полупрозрачными прожилками. Маленькие цветки с шестью лепестками сыпались нам на плечи и на колени, впереди олени гремели копытами по дороге, гладкой, как замерзший пруд. Только зима окружала меня, больше ничего. Я несколько раз пыталась нарушить молчание — но с тем же успехом я могла беседовать с оленем. Зимояр не удостаивал меня даже взглядом.

Теперь впереди высилась гора. Я ее не сразу разглядела: все-таки сначала мы были слишком далеко, да и туман мешал. Гора быстро надвигалась и росла, но все равно оставалась какой-то неясной. Свет пронизывал ее. Мимоходом сверкнув на хребте, он устремлялся на склоны, выхватывал из темноты то одну часть, то другую. Она была точно целиком хрустальная, эта гора. Будто вовсе не земля и камень дали ей жизнь. Дорога вела вверх по склону, к высоким серебря-

ным воротам.

Едва показалась гора, бег наших саней замедлился. Копыта стучали по льду все так же бойко, деревья мелькали по обе стороны все так же быстро, но гора не становилась ближе. Ее вершина заслоняла прежний кусок неба. Мы как будто стояли на месте. Зимояр сидел подле меня неподвижно, глядя прямо перед собой. Возничий чуть повернулся к нам — вернее, даже не повернулся, а лишь легонько качнул головой в нашу сторону. Зимояр едва заметно сжал губы. Он ничего не сказал, не пошевелился, но гора внезапно снова начала надвигаться на нас, словно лишь воля Зимояра удерживала ее.

Сани выехали из-под белых крон. Зимоярова дорога вела нас теперь против течения реки, что сбегала с горы. Реку покрывал ломкий лед. В темной воде проступали большие льдины; их медленно влекло вдаль течением. Когда мы подъехали ближе, я разглядела небольшой водопад. С хрустального склона тонкая водяная пелена низвергалась вниз, в озерцо, окутанное туманом: из него-то и вытекала река. Я так и не разобралась, откуда взялся этот водопад: его не мог питать талый снег, потому что на этих диковинных хрустальных косогорах снег не задерживался. И

земли, из-под которой бил бы ключ, тут тоже не было. Но водопад был настоящий — мы проехали довольно близко, и мое лицо обдало мелкими брызгами. Сани уносили нас все выше и выше — и вот перед нами распахнулись серебряные ворота.

Мы миновали ворота, не сбавляя хода. Это было как мимолетный взмах век: из сумерек мы попали в свет, в загадочное мерцание, уловленное хрустальными стенами с прихотливыми серебряными прожилками, среди которых то и дело мелькал яркий бриллиантовый высверк. Справа и слева от нас разевали темные пасти боковые коридоры, а наша дорога по-прежнему змеилась вверх, вбирая в себя свет. И наконец мы очутились на просторном морозном лугу. Сперва я решила, что мы проскочили гору насквозь и выбрались наружу с другой стороны, но оказалось, что мы все еще внутри. Мы прибыли в необъятную пещеру где-то под самой вершиной; над головой у нас переливались драгоценные камни. Серый цвет неба ломался о сверкающие грани; слепящие тонкие радуги испещряли стены, а посреди луга под драгоценным сводом росла белая роща.

Я совсем извелась от страха, злости и собствен-

ного бессилия. Но даже это не мешало мне про себя дивиться необычности этого места. Я засмотрелась на переливчатые своды, зимний свет резал мне глаза, и я почти сумела убедить себя, что сплю. Наверняка я лежу сейчас на узкой кровати в дедушкином доме. Может быть, я заболела и у меня сильный жар. Но картинка пред моим взором не желала таять в горячечном бреду. Сани замедлили бег; возничий потянул поводья, и упряжка встала невдалеке от кольца из белых деревьев и столпившихся под их сенью Зимояров. Все они как один смотрели на меня.

Помедлив мгновение, мой Зимояр поднялся и чопорно вышел из саней. Он стоял ко мне спиной, весь натянутый, недвижный. Я медленно и осторожно выбралась следом. Под моими подошвами легонько хрустнуло: серебристо-серая трава поблескивала морозными узорами. Этот хруст прихваченной холодом травы был совсем настоящим. А Зимояр так и не удосужился мне хоть что-нибудь объяснить.

— Отвези в кладовую, — отрывисто бросил он возничему, указав резким кивком на ларец с золотом на задке саней.

Возничий склонил голову, тронул поводья и умчался по лугу. Обогнув белую рощу, он скрылся

из виду. Король Зимояров стремительно направился к роще, и мне приходилось чуть ли не бежать, чтобы поспевать за его размашистым шагом.

Белые деревья в роще были посажены кругами — один в другом. Под деревьями стояли Зимояры всех родов и мастей — и разодетые в пух и прах, и поскромнее. Видимо, каждому сословию полагался свой круг. На самых далеких кругах толпился народ попроще, в серых одеждах, слегка украшенных серебром. Те, кто расположился ближе к середине, носили темные драгоценности. Чем уже был круг, тем светлее делались одежда и украшения у стоявших в нем. В самом узком кругу стояли Зимояры, облаченные в белую и чуть сероватую одежду, на которой сверкали нежно-розовые, облачно-белые и желтоватые камни.

Лишь когда мы пересекли самый маленький круг, я стала замечать золото — и то лишь золоченые края серебряных колец да застежек на плащах. Похоже, золото здесь было диковинкой — как Зимоярово серебро в моем мире. Мой Зимояр единственный, кто носил снежно-белые одежды и прозрачные драгоценности, и его серебряная корона основанием имела золотой обруч. Не замедляя шага, он вел меня к возвышению

в самой середине рощи. Там сверкало какое-то зубчатое нагромождение из ледяных брусьев или прозрачных кристаллов. Вокруг его основания вился тонкий замерзший ручеек и серебряной нитью устремлялся под деревья.

Рядом с нагромождением, потупив взор, застыл слуга, настолько неподвижный, что казался ледяным изваянием. В руках он держал белую подушечку, а на ней возвышалась серебряная корона, на удивление мне знакомая. Словно это ее Исаак взял за образец. Чуть задержав взгляд на изысканной замысловатой вещи, король обратил мертвенное лицо к своим подданным.

— Узрите мою госпожу, вашу королеву! — возгласил он.

Я смотрела на это небывалое блистательное собрание, на их бесстрастные застывшие лица — и читала на этих лицах осуждение. В их мире мне места не было, и они не хотели меня сюда пускать. В ближних кругах кое-кто улыбался, и я узнавала эти недобрые улыбки. Они меня окружали с детства. Вот так улыбались мои соседи, рассказывая сказку о мельниковой дочке, так они улыбались, когда я впервые постучалась к ним и потребовала вернуть долги. Только в этот раз улыбки предназначались не мне. Зимояры улы-

бались своему королю, не веря своим глазам, но втайне злорадствуя, что их владыка пал так низко и решился взять в жены смертную плебейку.

Мой Зимояр быстрым движением схватил корону: ему явно не терпелось покончить с этой унизительной процедурой. Мне тоже не очень-то нравилось торчать тут под насмешливыми взглядами. Но я помнила дедушкины слова: они смеются до тех пор, пока ты позволяешь им смеяться. Правда, я не знала, как сделать, чтобы Зимояры перестали ухмыляться. Эти рослые воины с белыми щеками и бородами из сосулек носили серебряные мечи и кинжалы, а на плечах у них висели луки, из которых они стреляли в смертных забавы ради. Я сама видела, как их владыка выкрал душу из человека, едва к нему прикоснувшись. Любой из Зимояров мог зарубить меня одним махом.

Но вот король повернулся ко мне, держа корону в руках. Я не стала дожидаться, пока Зимояр нахлобучит ее мне на голову, и, недолго думая, вцепилась в нее и потянула на себя. На лице короля отразилось недоумение — хоть какая-то трещинка в его бесстрастности, — а я сверлила его взглядом, полным решимости. Во мне поднималась застарелая ярость, только теперь она не

холодила, а наоборот — я вся вскипала внутри, и, казалось, от моих щек и ладоней вот-вот повалит пар. Там, где мои руки касались короны, она вдруг начала нагреваться. Злобные ухмылки, что окружали меня, одна за другой сползали с лиц — потому что из-под моих пальцев по короне разбежались золотые жилки. Они ширились, удлинялись, оплетали каждый изгиб хрупкого литья, каждую цепочку и веточку.

Король Зимояров стоял неподвижно, плотно сжав губы, и наблюдал, как меняется серебро. И наконец у нас с ним в руках рассветным солнцем засияла золотая корона — такая необычная, такая яркая под облачным небом. Толпа испустила громкий вздох; послышалось тихое перешептывание. Мой Зимояр подержал корону еще мгновение, а потом мы вместе водрузили ее мне на голову.

Она оказалась куда тяжелее серебряной. Я сразу почувствовала, как она надавила на затылок, на плечи, пригнула меня книзу. Это же та самая сила, которую Зимояр трижды взыскивал, запоздало сообразила я, ради нее он меня и преследовал. И вот он доказал всему своему народу, что у меня эта сила и вправду есть. Уж теперь-то он едва ли меня отпустит. Но я смотрела на Зимояров без

страха, с высоко поднятой головой. Больше никто из них не ухмылялся, а осуждение на белых лицах сменилось тревогой. Я вглядывалась в их ледяные черты и внушала себе, что не дрогну перед ними.

Мы не обменялись никакими обетами, и свадебного пира не было, и никто нас не поздравлял. Несколько высеченных изо льда лиц обратилось ко мне, несколько косых взглядов было брошено в мою сторону, но по большей части Зимояры просто неслышно растекались из рощи, оставляя нас вдвоем возле возвышения. Даже слуга с поклоном удалился. Король постоял еще несколько мгновений, а потом тоже развернулся и зашагал прочь по зеркально гладкому льду замерзшего ручейка.

Я пошла за ним. Не оставаться же одной в этой роще. Когда мы приблизились к переливчатой хрустальной стене, я заметила, что остальные Зимояры исчезают в разных расщелинах, проходах и дверях — судя по всему, они жили прямо в стенах, окружающих луг. Ледяной ручеек, вдоль которого мы шли, мало-помалу расширялся; на опушке белой рощи под драгоценным сводом лед совсем истончился, и стала видна бегущая вода. Возле стены ручей вырывался из ледяных оков и

скрывался в темном проходе.

Рядом с этим проходом начиналась длинная лестница, выдолбленная в горе. И мы вдвоем двинулись вверх — это был головокружительный, изматывающий подъем. Кроны белых деревьев остались далеко внизу. Перил у лестницы не было, и я всячески избегала смотреть вниз, чтобы не сверзиться ненароком, но один раз все же не утерпела и посмотрела. Сверху круги деревьев были видны более отчетливо, и белый луг простирался передо мной как на ладони. Я опиралась о камень и старалась внимательно глядеть под ноги. Зимояр далеко опередил меня. Когда я одолела наконец лестницу и очутилась в просторных покоях, он уже поджидал меня, повернувшись ко мне спиной и стиснув кулаки.

Покои оказались вытянутыми: у входа стены были во всю толщу горы, а на дальнем конце они делались тонкими и прозрачными, как стекло, превращаясь в огромное окно. Это окно выходило на склон. Я подошла и глянула вниз. Подо мной из темной расселины, похожей на трещину в законченном стекле, низвергался водопад. Водный поток терялся в облаке пара, а ниже полузамерзшая река струилась к темному еловому лесу, припорошенному снегом. Дороги среди

белых деревьев, что привела нас сюда, больше не было. Мы ехали в санях каких-то несколько часов, но почему-то я не могла разглядеть сверху ни Вышни, ни другого города смертных. Только бескрайний зимний лес простирался на все четыре стороны.

И мне это совсем не понравилось. Необъятная темная даль, расцвеченная снежными кружевами, и где-то тут полагается быть Вышне и тракту, ведущему в мой родной городок, — но ни Вышни, ни тракта нет и в помине. Интересно, а дома меня хватились? Или я улетучилась из памяти, как Зимояры, которых если не видишь, то и не вспоминаешь? А вдруг моя мать уже забыла, почему я до сих пор не пришла домой, или вообще обо мне не помнит? Может статься, она уже и не вспоминает, что когда-то у нее была дочь, которая слишком разбогатела и слишком величалась, за что ее и похитил владыка зимы.

Стены покоев были убраны тонкими, как паутина, шелками, отливающими серебром. Здесь не потрескивал уютно камин, но то и дело вокруг воздвигались хрустальные колонны выше моего роста, они вбирали свет и рассеивали его внутри себя. Внизу никакого праздничного пира никто не устроил, но тут для нас кто-то накрыл небольшой

стол из белого камня и наполнил два серебряных кубка — один с оленем, другой с ланью. Я взяла один и только хотела отпить, как Зимояр, громко вскрикнув, выхватил у меня кубок и грянул его о стену с такой силой, что на серебре осталась вмятина. Вино разлилось по полу широкой лужей и засочилось дымящимися ручейками, в которых был хорошо заметен странный белый осадок. В кубок определенно что-то подмешали.

— Так ты отравить меня думал! — ахнула я.

— А как же мне об этом не думать! — свирепо огрызнулся он. — Мало того что пришлось на тебе жениться, так теперь придется тебе предаться. — И Зимояр бросил полный ненависти взгляд на другой конец комнаты. Там, скрытое тончайшими шелковыми завесами, возвышалось супружеское ложе.

— А кто тебя вообще просил на мне жениться?! — вознегодовала я.

Злости во мне уже было больше, чем страха. Однако Зимояр лишь раздраженно махнул рукой: мол, не береди рану, и так тошно. То есть, получается, честь велит ему жениться на мне, дабы не нарушать данного слова, но, исполнив обещанное, он тут же готов со мной покончить. В конце концов, никаких обетов он не давал, ска-

зал только, что отныне я его королева, напялил мне на голову корону, а сам даже не поклялся почитать и защищать меня.

А теперь он привел меня сюда, чтобы убить. И убил бы, если бы не… Я медленно подошла к кубку и подняла его с пола. И вызвала в себе то самое жаркое тепло, которое заставило измениться корону в моих руках. Я сжала ножку кубка — и по серебру растеклось золото. Я обернулась к королю с уже полностью золотым кубком, и Зимояр посмотрел на меня тоскливо, словно я вместо золотого кубка протягивала ему его злосчастную судьбу.

— Я не нуждаюсь в напоминаниях, — резко бросил он. — Отныне я принадлежу тебе. — И он швырнул на кресло плащ на белом меху, расстегнул манжеты и ворот рубахи. Он собирался раздеваться.

Я уже открыла рот, чтобы остановить его, но поняла, что спорить с ним бесполезно. Он уже взял меня в жены и короновал по велению долга. Я могу сколько угодно отпираться, а он может сколько угодно меня травить. Но при этом он не нарушит данного слова. Наша свадьба обрекает меня на супружеские радости, и не важно, хочу я этих радостей или нет. Король Зимояров — как за-

емщик, который всегда платит вовремя. И, видно, я зачем-то загадала про него желание злой фее.

— Зачем вам далось это золото? — в отчаянии спросила я. — У вас полно серебра и драгоценных камней, у вас целая бриллиантовая гора. Неужто золото для вас так важно?

Но, как и в санях, он не удостоил меня ответом; я для него была как докучливая муха. Ему надо было расстегнуть примерно с полсотни пуговиц, и он добрался уже до последних. Глядя на пуговицы, быстро мелькавшие в его пальцах, я решилась на отчаянную попытку.

— Ты сказал, что отныне принадлежишь мне, — выпалила я. — Не желаешь ли откупиться? Что дашь мне взамен себя?

Он стремительно обернулся ко мне в расстегнутой на груди рубахе; кожа у него была молочно-белая, как мраморные полы в герцогском дворце.

— Ларец с драгоценностями из моей сокровищницы.

Я испытала такое облегчение, что едва не согласилась без раздумий. Но все же сделала три глубоких вдоха — я всегда так поступала на рынке, когда мне предлагали что-нибудь чересчур заманчивое. Зимояр смотрел на меня с при-

щуром. Он ведь совсем не дурак: он не жаждет делить со мною ложе, — но ведь и я не жажду делить ложе с ним, и он это прекрасно понимает. Он задумал откупиться по дешевке — подсунуть мне то, что ему не дорого, и проверить, проглочу ли я наживку.

Конечно, я бы ее с радостью проглотила. Я уже не могла отвести взгляд от занавешенной постели. Наверняка Зимояр будет не ласков со мною, а жесток — может, и непреднамеренно, но из-за спешки и небрежения. И я представила, что сказал бы сейчас дедушка. Он сказал бы: лучше вовсе не договориться, чем дать себя облапошить и всю жизнь потом ходить в простаках. А потому я попыталась унять свистопляску у себя в животе и ответила:

— Я умею обращать серебро в золото. Сокровища мне ни к чему.

Зимояр нахмурился, но не возмутился.

— Чего же тогда ты хочешь? Но остерегайся просить слишком многого, — холодно предупредил он.

Я осторожно выдохнула. Теперь у меня новая забота: и продешевить не хотелось бы, и переборщить нельзя. А откуда я знаю, что для него много, а что немного? Судя по всему, отпустить он меня

не отпустит, но и не убьет — а чего еще я могу у него просить? Разве что ответов на вопросы, осенило меня. И я сказала:

— Каждую ночь я буду задавать тебе пять вопросов. А ты, чтобы откупиться от меня, будешь отвечать мне, какими бы глупыми они тебе ни казались.

— Один вопрос, — поправил он. — И ты не должна спрашивать моего имени.

— Три, — осмелев, заявила я. Король, по крайней мере, не впал в неистовство. Он скрестил руки на груди, прищурился, но не сказал «нет». — Так как? У вас тут принято пожимать руки?

— Нет, — быстро проговорил он. — Осталось два.

Я досадливо поджала губы и спросила:

— Как у вас заведено скреплять договоры? — Я догадывалась, что эти сведения мне пригодятся.

Он смерил меня пристальным взглядом:

— Договор составлен и заключен.

Мне не хотелось затевать ссору, но Зимояр явно меня испытывал. Если так дело пойдет и дальше, три вопроса за ночь мне мало что дадут.

— Для меня это не ответ. Если твои ответы я сочту бесполезными, на следующую ночь вопросов не будет, — без обиняков отчеканила я.

Король снова нахмурился, но все же заговорил:

— Ты выдвинула свои условия, и коль скоро я не требую от тебя изменить их, мы договорились. Посему на таких условиях ты задаешь свои вопросы, а я отвечаю. Третий вопрос и третий ответ означают, что я все выполнил и больше ничего тебе не должен. Чего тебе еще? Мы не нуждаемся в ваших уловках; все эти лживые бумаги и жесты нам ни к чему. Они не делают достойными доверия тех, кто его недостоин.

Значит, он скрепил наш договор ответом на мой вопрос. Это попахивало жульничеством, но я решила не спорить. До завтра у меня оставался только один вопрос, хотя я нуждалась в тысяче ответов. Но я решила сначала выяснить самое главное:

— Что попросишь взамен, если отпустишь меня?

Король дико расхохотался:

— Чего я только не лишился ради тебя! Я отдал тебе руку, и корону, и достоинство — а ты просишь меня о большем?! Нет. Прими то, что уже получила от меня в обмен на свой дар. — Его глаза сузились до синих щелок и стали похожи на глубокие трещины в речном льду. — Остерегись

желать большего, смертная дева. Лишь своему дару ты обязана своим положением. Помни об этом, — холодно прошипел он.

И с этими словами он подхватил плащ, набросил его на плечи и, хлопнув дверью, устремился прочь из покоев.

Глава 11

Коз я люблю, потому что все про них знаю. Если сарай открыт или столбик расшатался, козы сбегут и станут есть зерно на поле. Если доить их и не беречься, они могут лягнуть. А если побить их палкой, они убегут. Если сильно побить, то будут убегать всякий раз, покуда не оголодают, и тогда их можно приманить едой. Коз я понимаю.

Я и папаню пытался понять. Я думал, может, если понять его, так он меньше будет драться. Но ничего у меня не получалось. И Ванду я тоже не особо понимал, она все время мне говорила, чтобы я проваливал. Сергей — вот он был со мной добрый, но не всегда. А когда он был недобрый, я тоже не мог понять отчего. Раньше я думал, это оттого, что я убил матушку, когда родился. Я спросил об этом Сергея, и он мне рассказал, что когда матушка умерла, мне уже три года минуло. Другой младенчик ее убил.

Я в тот день пошел к дереву и увидел там матушкину могилу и могилу того младенчика. Мне до слез жалко, что матушка умерла, я ей так и сказал. Она мне ответила, что и ей жалко. А еще

она мне велела сторониться лиха и слушать Ванду с Сергеем. Я и слушал их, сколько мог.

Но теперь Ванда с Сергеем ушли, а папаня лежал мертвый, и я остался совсем один, да еще вот козы со мной, и путь в город нам предстоял неблизкий. Я в городе-то бывал только однажды — когда Зимояр поймал Сергея. Я тогда нашел его и сперва решил, что на помощь мне позвать некого. Но потом подумал, что нет — наверное, надо хоть попробовать. А то мало ли, может, я чего просто не понимаю, ведь и раньше такое бывало. И я стал соображать, кого же мне позвать: папаню или Ванду. Папаня куда ближе, он в поле работает, а Ванда в городе и там до вечера пробудет. А до вечера еще много часов, да идти из города сколько, и все это время Сергей будет лежать один в лесу. Но я все равно никак не мог решиться, и тогда я кинулся к дереву и спросил совета у матушки. А матушка мне ответила: беги к Ванде. И я побежал. Вот тогда, значит, я и побывал в городе.

Быстро я идти не мог из-за коз, да и не хотелось мне идти быстро. Ванде нанова Мандельштам нравилась, она нам яйца иногда посылала, но я-то ведь ее не знал и не понимал. А ну как она меня к себе не пустит, куда я тогда денусь? К матушке

за советом мне, наверное, уже нельзя, ведь не зря же она дала мне тот орех — чтобы я его с собой унес. Вдруг панова Мандельштам не пустит меня в дом — и останусь я в городе один-одинешенек с четырьмя козами. Что я делать буду?

Но Ванда оказалась права. Когда я добрался до их дома, панова Мандельштам вышла и спросила:

— Стефан, откуда ты взялся?

Она так спросила, словно знала меня, а ведь я только однажды тут был и ни единым словом с ней не перемолвился. Только Ванда с ней разговаривала. Я подумал: а вдруг панова Мандельштам ведьма?

— Сергей заболел? Он не придет сегодня? И почему ты с козами?

Она очень много говорила и много вопросов мне задала, и я совсем запутался: на какой надо отвечать первым? И вместо ответа я сам ее спросил:

— А вы меня пустите к себе? — Потому что мне непременно надо было это узнать сию минуту. А ее расспросы могут и подождать. — И коз тоже?

Она умолкла, посмотрела на меня и произнесла:

— Конечно. Коз оставь на дворе, а сам проходи

в дом, попьешь чаю.

Я все сделал, как было велено, и вошел в дом, а там панова Мандельштам дала мне такого чаю, какого я сроду не пил, да еще хлеба с маслом, а когда я все съел, она мне дала еще кусок. Я и его съел, и она дала мне третий, и не просто с маслом, а с медом. Я так объелся, что живот стал тугой, как барабан.

Пока я ел, пришел панов Мандельштам. Я сперва малость перепугался, потому что Панова Мандельштам — это одно, а панов Мандельштам — может, он совсем другое. Панова Мандельштам — она мать. Я не очень-то много знаю про матерей, ведь моя-то лежит под белым деревом, но вроде бы мать — это всегда хорошо, и когда ты теряешь ее, то горюешь и сердишься, как Ванда с Сергеем. А вот когда папаня входил в дом, мне всегда хотелось удрать, как те козы. Но панов Мандельштам оказался вовсе не похож на папаню. Он не стал шуметь и драться. Он только поглядел на меня и спросил панову Мандельштам тихо-тихо, точно не хотел, чтобы я слышал:

— Ванда с ним?

Она покачала головой:

— Он привел коз. Что это значит, Йозеф? Неужто стряслась беда?

Он кивнул и зашептал ей что-то на ухо, я не разобрал что. Но я и так знал, какая беда стряслась: Ванда с Сергеем сбежали, потому что папаня лежал мертвый в доме. Панова Мандельштам скомкала в руке передник и прикрыла им рот, а потом заговорила сердито:

— Я не верю! Ни единому слову! Да чтобы наша Ванда!.. Этот Кайюс тот еще жулик, он всегда таким был. Накликал беду на бедную девочку… — Панов Мандельштам успокаивал ее, а она обернулась и сказала мне: — Стефан, в городе рассказывают страшные вещи. Будто бы Ванда и твой брат Сергей… Будто бы они убили вашего отца.

— Они убили, — ответил я, и они оба как уставятся на меня. Они переглянулись, а потом панов Мандельштам подошел ко мне, сел рядом за стол и сказал мне ласково, как я говорю с напуганными козами:

— Стефан, ты расскажешь нам, что случилось?

Я немного забоялся, потому что это ведь сколько слов надо сказать, а говорить я не мастер.

— Долго придется рассказывать, — объяснил я, но панов Мандельштам только кивнул, и я рассказал все как сумел. А они сидели молча, не перебивая меня, хотя говорил я долго. Панова

Мандельштам тоже присела, все так же прикрывая руками рот.

Когда я закончил, они еще помолчали, и панов Мандельштам сказал:

— Спасибо тебе, Стефан, что рассказал нам все. Хорошо, что Ванда отправила тебя к нам. Наш дом — твой дом, можешь оставаться сколько пожелаешь.

— А навсегда можно? — уточнил я. Потому что надо же было наверняка знать.

— Наш дом — твой дом, покуда наш дом остается нашим, — твердо ответил он. Панова Мандельштам всхлипывала рядом, но потом она утерла слезы, встала и дала мне еще хлеба с чаем.

* * *

Я провела ночь перед зеркалом, устроив себе постель из мехов, чтобы при первой опасности схватить их и юркнуть сквозь стекло. Спала я беспокойно, то и дело поднимая голову и прислушиваясь. Но за ночь никто не появился. Наконец небо посветлело, и зазвонили утренние колокола. Я встала, отодвинула кресло от дверной ручки и забарабанила в дверь. Мне открыли полусонные зевающие стражники — не те двое, что сопровождали меня сюда вчера вечером. Интересно, что

сталось со вчерашней стражей, подумала я. Наверняка ничего хорошего, коль скоро Мирнатиус решил, что я их подкупила.

— Я должна попасть на утреннюю молитву, — объявила я новым стражникам, стараясь, чтобы «я должна» прозвучало как можно повелительнее. — Покажете мне дорогу? Я не знаю дворца.

Пыл огненного демона будил во мне ответный молитвенный пыл. Дома я не отличалась особой набожностью, но стражники об этом не знали. Они отвели меня в небольшую часовню, где я потупила взгляд, преклонила колени и зашевелила губами, шепча молитву. В часовне был только священник да еще несколько старух из герцогского дворца: они косились на меня с одобрением. Их одобрение может потом сослужить мне хорошую службу. Сквозь деревянные стены веяло холодом, слишком сильным для этого времени года, однако я не возражала. Это ведь напоминало о зимнем царстве по ту сторону зеркала, о моем убежище. Холод спасал меня от огня.

Рядом со мной, в нише, стояла статуя святой Софии в цепях. Ее взор был обращен к небесам. За проповедь языческий царь заковал Софию в цепи и отсек ей голову. Но святая, проиграв сражение, выиграла войну: теперь ее оковы хранились как

священная реликвия в Корони; их выносили на коронациях и по другим торжественным случаям. С их помощью удалось поймать прежнюю царицу, мать Мирнатиуса, когда та пыталась ворожбой извести своего пасынка. Цепи святой Софии крепко сковали ведьму — царицу сожгли на костре, и ей не помог даже ее демон.

Значит, у Мирнатиуса есть серьезный резон не прибегать к своей силе прилюдно. Поэтому он не набросился на меня посреди ужина, поэтому не дотронулся до меня в санях. А еще ему неловко объяснять всем и каждому, что я сбежала. Это придавало мне немного храбрости, хотя храбриться, по большому счету, было не от чего. Мирнатиуса можно, наверное, кое-как сдерживать, однако его власть надо мною пугающе велика: он мой муж, он царь, и он колдун с огненным демоном в подручных, и этот демон жаждет заполучить меня. А у меня никакой власти нет и в помине. Я могу лишь сбежать в ледяной мир и встретить там чуть менее страшную смерть.

Однако весь день в часовне не просидишь. Служба закончилась. Мне пришлось подняться с колен и последовать за старухами обратно во дворец. Мы вошли в обеденный зал. Там Мирнатиус как раз допытывался у жены герцога, не видела

ли она его возлюбленную супругу — точно понятия не имея, куда я запропастилась. При этом он так сверлил взглядом хозяйку, будто хотел что-то вколотить ей в голову.

Вокруг меня суетливо гомонили женщины, слуги накрывали на стол к завтраку, и сам Азуолас вошел в зал. С ними со всеми мне было как-то спокойнее. Громко, через весь зал, я окликнула Мирнатиуса:

— Я ходила к утренней молитве, мой государь.

Он так и подскочил на месте. Обернулся и вперился в меня, словно воочию увидел призрака или своего демона.

— Куда ты подевалась ночью?! — выпалил он, позабыв, что кругом полно народу.

По крайней мере, он не призвал своего демона, а тот не вцепился в меня мертвой хваткой и не уволок, вопящую о помощи, прочь.

— Я дивно спала после вашего ухода, мой государь, — смиренно отозвалась я. — Надеюсь, и вы тоже.

Он смотрел на меня и на стражников, а те лишь одобрительно посмеиватись и явно ни о чем не подозревали. Все вокруг прятали понимающие улыбки: ох уж эти молодые! Мой супруг обвел взглядом зал, и когда он снова обратился ко мне, в

его глазах читалось недоверие. Разгром, учиненный в моей спальне, коснулся и моего приданого: сундук был разломан, платья изорваны. Но колдовство возродило их — и сейчас Мирнатиус смотрел на мою кружевную накидку с искусно выполненными витиеватыми узорами и узнавал в них плод своего чародейства. Царь определенно не знал, что и подумать.

Я собралась с духом и двинулась навстречу своему супругу. Когда я взяла его под руку, он закаменел и слегка отшатнулся, но я сделала вид, что не заметила.

— Умираю от голода, — заявила я. — Быть может, уже пора прервать наше воздержание?

Я ничуть не преувеличивала. Мирнатиус не дал мне толком попробовать свадебный ужин, а холод пробудил во мне аппетит. Усевшись за стол, я принялась уминать еду за двоих, в то время как мой супруг едва притронулся к пище. Время от времени он, прищурившись, поглядывал в мою сторону, как бы желая удостовериться, что я не исчезла.

— Мне пришло в голову, дорогая, что я, ведомый неутолимой страстью, чересчур поспешно увлек тебя из отчего дома, — наконец сказал Мирнатиус. — Ты, должно быть, тоскуешь по кому-нибудь

из своих домашних.

Не глядя на него, я звонко произнесла:

— Мой возлюбленный супруг, о ком я могу тосковать, когда вы рядом? Однако не скрою, я скучаю по своей старой няне, которая воспитывала меня со дня кончины моей матушки.

Мирнатиус уже открыл рот, дабы сообщить мне, что он как раз собирался за ней послать, но осекся. И заговорил после недолгого молчания, тщательно выбирая слова.

— Ну что ж, — сказал он. — Как только мы обустроимся в Корони, я тотчас же пошлю за ней.

Я выиграла для Магреты немного времени, дав Мирнатиусу понять, что хотела бы иметь ее подле себя. Супруга я благодарила с искренней сердечностью.

Вчерашний ночной снегопад задержал нас у герцога еще на день. Я всеми силами старалась избегать Мирнатиуса. Мой прежний законоучитель только диву бы дался, узнай он, до чего набожной я сделалась в браке. Жена герцога слегка удивилась, услышав, что я хотела бы снова помолиться после завтрака, но я объяснила ей, что моя мать умерла родами, а потому я молю Богородицу о заступничестве. Столь серьезное отношение к супружескому долгу жена герцога

могла только приветствовать.

Понятное дело, всех тревожило отсутствие наследника и даже намека на него. Тем более при хрупком сложении Мирнатиуса. За столом у моего отца гости качали головами и повторяли, что царю давно пора жениться. Мы не могли позволить себе борьбу за престол. Если бы могли, эта борьба разразилась бы семь лет назад, когда умерли прежний царь и его первенец, оставив по себе лишь двенадцатилетнего отрока неслыханной красоты. И над головой этого отрока коршунами взвились эрцгерцоги и князья, бросая друг на друга ревнивые взгляды.

Некоторые из них даже наведывались к моему отцу в Вышню в поисках поддержки. Я сидела за столом, уткнувшись в тарелку, и слушала, что говорит им отец. Гости никогда не спрашивали прямо, а отец никогда прямо не отвечал. Например, он мог протянуть гостю тарелку пирожных с вареньем из маленьких кислых ягод, какие собирают в Светии, и как бы невзначай обронить: «Торговцы из Светии на наши рынки нынче валом валят. И все жалуются на высокие пошлины». А на деле это означало, что светийский король собрал огромный флот и зарится на наш северный порт. Или, скажем, отец говорил что-то

вроде: «Я слышал, третий сын хана в прошлом месяце разграбил восточную часть Рьодны». При этом он имел в виду, что у великого хана семеро сыновей, и все они охотники до грабежа, все испытанные воины и у каждого под началом целое разбойничье войско.

В прошлом году мы сами отправились в гости — проведать князя Ульриха. Василисса и ее подружки-шептуньи поднялись из-за стола, довольно посматривая в мою сторону — я ведь не вышла ни лицом, ни статью и в соперницы им не годилась. Они ушли, а я осталась сидеть рядом с отцом. Ульрих, чью дочь царь все никак не брал в жены, хоть время давно приспело, рассуждал, как растут цены на соль, а он знай себе богатеет, да как его молодые рыцари ловко ездят верхом. В последний наш вечер у князя отец потянулся через стол, взял с блюда несколько лесных орехов и как бы вскользь заметил: «Зимояры зимой сожгли монастырь в дне пути от Вышни». Он щелкал орехи и выбирал ядра, а скорлупу разбрасывал по тарелке.

Вся эта знать понимала, на что намекает отец. Победа в борьбе за престол едва ли будет легкой и быстрой, а победивший окажется перед лицом чудовищ, грозящих извне, и врагов, притаивших-

ся внутри наших границ. И потому эрцгерцоги и князья предпочитали прислушиваться к словам моего отца. Один лишь эрцгерцог Дмитир мог надеяться, что завладеет троном без большого кровопролития: он был правителем восточных марок и пяти городов, и на службе у него состояла татарская конница. Однако даже он довольствовался положением регента, пока Мирнатиус не подрос достаточно, чтобы жениться на его дочке.

Расчет регента был прост: едва лишь наследник появится на свет, хрупкое здоровье царя, к всеобщему прискорбию, окажется сломлено недугом, и Дмитир станет регентом при собственном внуке. Все, казалось бы, к тому и шло, однако за три дня до свадьбы регент скоропостижно скончался от удара — точнее, от доброй порции ворожбы, как я сейчас догадываюсь, ведь и смерть прежнего царя с наследником тоже случилась очень уж ко времени. После похорон Мирнатиус объявил, будто горе от потери любимого регента слишком велико, чтобы предаваться веселью на свадьбе. Дочка Дмитира исчезла в каком-то монастыре, и больше о ней никто не слышал. А пять городов раздали пяти родичам бывшего регента.

С тех пор Мирнатиус правил единолично, и никто не помышлял о его свержении. Однако

большие люди из знати продолжали наведываться к моему отцу и приглашать его — в последнее время особенно часто. Четыре года минуло со времени несостоявшейся свадьбы, а Мирнатиус так и не женился ни на Василиссе, ни на другой девице, и, по слухам, постель его оставалась холодной. Один барон из Корони, засидевшись допоздна и будучи в изрядном подпитии, проговорился, что этак мы и побочных наследников не дождемся. Знать, конечно же, не догадывалась, что в советниках у Мирнатиуса огненный демон. Зато все догадывались, что, если царь вскорости не произведет на свет наследника, рано или поздно нам грозит схватка за престол. И находились такие, кто предпочел бы начать ее рано, а не поздно.

У моего отца имелись свои причины желать, чтобы царь поскорее вступил в брак. Иначе ему пришлось бы делать рискованный выбор со всеми вытекающими последствиями. Отец, как и многие из знати, отчетливо видел приближение войны, которая вряд ли увенчается победой. Герцог Азуолас оказался примерно в том же положении, что и мой отец: недостаточно силен, чтобы претендовать на престол, но недостаточно слаб, чтобы оставаться в стороне от борьбы. Потому в доме герцога все лишь радовались, что

я неустанно возношу молитвы о наследнике. Я спросила у женщин, какая еда повышает плодовитость, и они наперебой принялись давать советы, что попросить на кухне. К концу дня я насобирала целую корзину.

— Вам бы надо поправиться, душенька, — сказала мать герцога, поглаживая меня по щеке. Ее старания обеспечили мне не меньше чем полкорзины.

Корзину я поставила в спальне возле зеркала, а сама на глазах целой свиты женщин принялась обряжаться в свое серебро — будто бы к ужину. Надев корону, я тут же ее сняла и вслух пожаловалась на головную боль. Пожалуй, мне не стоит идти вниз, сказала я, лучше прилечь и отдохнуть, чтобы набраться сил к приходу супруга. Женщины согласно закивали и удалились, а я быстро натянула три шерстяных платья и меха, вернула на голову корону. Покончив с этим, я подхватила корзину и ступила в зеркало.

И очень вовремя: Мирнатиус, услышав, что я не спущусь к ужину, стрелой взвился вверх по лестнице. Наверняка он рассчитывал не спускать с меня глаз за едой, а после собственноручно уволочь в спальню. Но едва ключ щелкнул в замке, я была такова вместе с припасами. Теперь мне

ничто не грозило: я стояла на берегу реки с корзиной, полной устриц, черного деревенского хлеба и вишен. Мирнатиус же вломился в спальню и обнаружил, что я опять исчезла.

Он окинул взглядом пустую комнату и в бессильной ярости воздел руки. В этот раз припадка не случилось, но он прошелся по спальне, отдергивая занавески и покрывала, заглянул под кровать. Потом встал посреди комнаты, глядя в окно на заходящее солнце, стиснув зубы и кулаки. Последний закатный луч скользнул по его лицу, и внезапно его черты исказила безудержная ярость, неукротимый гнев, и я решила было, что он снова разнесет мне всю спальню.

Но он только просипел придушенным голосом:

— Дашь мне силу снова починить тут все?

Он прикрыл глаза, его пробила крупная дрожь, и внезапно огонь разразился неистовым треском. Мирнатиус рухнул на колени, опершись руками о пол. Его трясло; опустив голову, он ловил ртом воздух. Наконец, морщась, он сумел кое-как выпрямиться и произнес:

— Так она тебе за этим нужна? Потому что она ведьма?

— *Нет!* — прошипело пламя. — *Она из зимнего племени, глубока, как колодец, прохладная, све-*

жая. Я припаду к ней — и она долго не иссякнет! Дай мне ее! Найди ее!

— Что мне с ней делать-то прикажешь? — недоуменно спросил Мирнатиус. — Если она не ведьма, как ей удается исчезать? Стражу у двери она не подкупала, ни прошлой ночью, ни этой. Отсюда, кроме как через дверь, не выйти. Да и не войти, если на то пошло.

— *Не знаю, я не вижу,* — трескуче пробурчал огонь сам себе. — *А где старуха? Ты послал за старухой?*

— Нет, — опасливо признался царь. — Ирина сама попросила меня послать за ней. Может, это старуха обучила ее всем этим хитростям?

— *Пошли за старухой!* — полыхнул огонь. — *Доставь ее сюда! Нет Ирины — ну и пусть, я старухой обойдусь… Но неправда, не обойдусь! Она старая, и дряхлая, и иссякнет быстро! Дай мне Ирину!*

— А я, значит, потом объясняй всем, как это так случилось, что моя молодая жена и ее старая нянька умерли загадочной смертью одна за другой? — Царь нахмурился. — Что я людям скажу? Я же не могу сделать так, чтобы об Ирине и няньке все забыли!

И тут он в ужасе отпрянул, потому что огонь

с ревом вырвался из камина. В пламени обозначилось жуткое лицо: разверстый рот, глаза навыкате. Огненная волна вспучилась, плеснула через всю комнату и обрушилась на Мирнатиуса.

— *Дай мне ее!* — завизжало пламя ему в лицо и, обернувшись подобием огненной дубины, принялось охаживать его, валять по полу из стороны в сторону, как исполинский кот, которому вздумалось поиграть с мышкой. А потом пламя отпустило Мирнатиуса и втянулось назад в камин, в тлеющие головешки. Царь остался лежать на полу; его одежда обгорела и дымилась от огненных тумаков.

Огонь улегся в камине, что-то шипя и потрескивая. Мирнатиус скорчился на полу, прикрыв голову рукой. Когда огонь наконец затих в горячей золе, царь медленно пошевелился, кривясь от боли, словно его только что жестоко побили. Однако красота его не пострадала. Он встал, и одежда повисла на нем почерневшими лохмотьями; обгоревшие лоскуты пеплом осыпались с его кожи, но на самой коже не оставалось ни единого ожога. Видно, демону важно сохранить внешность Мирнатиуса. Царь немного постоял, пошатываясь, посмотрел на дверь, а потом по-

плелся к моей постели. Он свалился на нее — на мою постель! — и мигом заснул.

Я на своем берегу поплотнее обхватила себя руками. В этот раз мне было не так холодно, как прежде, — спасибо всем моим платьям и корзине с едой. Я-то боялась, что корзина вся промерзнет насквозь, но каждый раз стоило мне откусить кусочек — и меня согревало воспоминание о той или иной женщине, которая позаботилась обо мне. Я будто слышала ласковые голоса: они нашептывали мне свои советы и подбадривали. Но внутри у меня все равно разрастался ледяной ком. Утром Мирнатиус пошлет за Магретой, и за завтраком мне уже не помогут никакие хитрые уловки. Я не знала, как спасти ее и себя.

* * *

Король ушел, а я мерила шагами мою новую опочивальню, насмерть перепуганная и сердитая. Погнутый кубок стоял на столе точно в насмешку. Зимояр мог бы и не напоминать мне, я и так прекрасно знала, кто я и зачем я здесь. Теперь мне суждено вечно жить в плену у созданий с ледяными сердцами и пополнять сокровищницу их владыки. А стоит мне отказаться — и новая чаша с ядом не замедлит появиться на

моем столе.

Я беспокойно спала под шелковыми завесами, а они всю ночь шелестели и жутковато шептались у меня над головой. И наутро я сообразила, что не задала Зимояру чрезвычайно важный вопрос: как мне выйти из комнаты? Здесь не было ни единой двери. Я помнила, что как-то попала внутрь через стену, противоположную прозрачной, а Зимояр как-то через нее вышел. Но я ощупала всю стену, кусочек за кусочком, и не обнаружила ни одной щелочки. Значит, я осталась без еды и питья, и никто, похоже, не собирается меня кормить и поить.

Но раз уж Зимояр так охоч до золота, что женился на мне, вряд ли он намерен уморить меня голодом. Я, конечно, выторговала себе право задавать вопросы, зато в его власти держать меня подолгу взаперти, так что уязвлять меня ему особо незачем. Ну когда же наступит вечер? Я то и дело вскакивала и принималась расхаживать по спальне, потом уставала, усаживалась перед прозрачной стеной и смотрела на бескрайний лес. Но шли часы — или мне так казалось, — а свет снаружи оставался прежним. И только кружился легкий снежок; белые шапки на соснах за минувшую ночь отяжелели.

Я совсем проголодалась и страшно хотела пить. Тогда я взяла и осушила нетронутый Зимояров кубок. От этого голова у меня слегка закружилась, а внутри я сделалась вся холодная и гневная, и тут как раз появился король. Он вошел через дверь, которой мгновение назад просто не было. Я не сомневалась, вчера он выходил в другом месте. Короля сопровождали двое слуг. Они втащили внушительных размеров сундук и бухнули его возле моих ног. Внутри сундука что-то звякнуло. Они собрались откинуть крышку, но я решительно придавила ее ногой и скрестила руки на груди.

— Если уж поймал курочку, несущую золотые яйца, — начала я, испепеляя короля взглядом, — и если хочешь, чтобы она неслась исправно, так будь любезен, ухаживай за ней как положено. Ты хоть это-то понимаешь?

Слуги перепуганно вздрогнули, а король навис надо мною колючей ледяной громадой, весь сверкая от ярости; ледышки на его плечах ощетинились холодными стрелами, а на щеках его, словно на тесаном камне, проступили острые грани. Но я тоже сердито распрямила плечи и вскинула голову. Наконец Зимояр шагнул мимо меня к прозрачной стене. Он поглядел немного

на лес, стиснув кулаки, усмиряя гнев. Затем повернулся и ледяным тоном произнес:

— Да, понимаю. Если курочка желает чего-то в разумных пределах.

— Прямо сейчас я желаю поесть! — свирепо рыкнула я. — Вместе с тобой, чтобы мне прислуживали не хуже, чем тебе, как если бы я была твоей возлюбленной королевой, на которой ты до одури рад жениться. Уж постарайся, напряги воображение.

Он еще сердито посверкал глазами, но все же махнул слугам; те поклонились и стремительно вышли из комнаты. Вернулось их уже не двое, а целая толпа с горой еды. Они устроили нам настоящий пир, и, надо признать, выглядело все весьма впечатляюще: тарелки из серебра, кубки из прозрачных бриллиантов, снежно-белая скатерть и штук двадцать пять различных блюд — правда, все холодные. Пища по большей части была мне незнакома, но, к счастью, все оказалось съедобным. Пронзительно острая розовая рыба, ломтики белесого фрукта с бледной желто-зеленой кожурой, прозрачный студень с какими-то твердыми и солеными квадратиками внутри и что-то похожее на снег, но с запахом розы и сладкое на вкус. Мне показалось, я узнала

зеленый горошек, но, попробовав, я убедилась, что горошинки совсем крошечные и к тому же замороженные чуть ли до каменной твердости. А еще на столе была оленина на полоске соли — сырая, но нарезанная такими тоненькими ломтиками, что ее все равно можно было есть.

Мы покончили с трапезой, и слуги занялись посудой. Король подозвал двух женщин и приказал им отныне прислуживать мне. Судя по лицам, их это в восторг не привело, впрочем, и меня тоже. Мой супруг не соизволил назвать мне их имена, и я с трудом могла отличить своих служанок от всех прочих Зимояров. У одной волосы были чуть подлиннее, слева у нее висела тонкая косица с вплетенными хрустальными бусинками. А у второй под правым глазом виднелась небольшая белая родинка. Вот и все отличия. Волосы у обеих были серо-белые, а одежда серая, как у всех слуг.

Но на груди у каждой поблескивал ряд серебряных пуговиц. Я подошла к служанкам и, коснувшись всех их пуговиц, одной за другой, превратила серебряные пуговицы в сверкающе-золотые. Пока я это проделывала, слуги беспокойно переглядывались. Закончив, я холодно произнесла:

— Теперь каждому видно, что вы мои служан-

ки.

Вид у обеих девушек был скорее обреченный, да и король смотрел угрюмо. Так ему и надо, мстительно подумала я. С моей стороны это, конечно, мелочно — ну и пускай.

— Как мне позвать вас, если мне что-то понадобится? — спросила я служанок. Но они молчали, не сводя взгляда со своего короля. Ну разумеется, тут же догадалась я, он запретил им отвечать на мои вопросы, чтобы отвечать самому. Я прикусила губу и надменно спросила уже у него: — Ну так как?

Он довольно ухмыльнулся плотно сжатым ртом.

— Воспользуешься вот этим. — Он слегка кивнул той, что с родинкой, и она вручила мне маленький колокольчик. Затем король отпустил слуг. Когда мы остались одни, он сказал: — У тебя еще один вопрос.

У меня скопилась тысяча полезных вопросов. Тем более что, кроме моего мужа, никто больше не собирался мне ничего рассказывать. Я могла бы спросить, где мне помыться, где взять смену одежды, и много чего другого. Но вместо полезных вопросов сам собой у меня вырвался один бесполезный, тот, на который в глубине души я

страшилась услышать ответ:

— Как мне попасть назад в Вышню? Или домой?

— Попасть домой? Чтобы ты отправилась из моего королевства в солнечный мир? — По презрению, звучавшему в его голосе, было ясно, что проще попасть на луну. — Тебе не попасть домой — если только я не увезу тебя туда.

С этими словами он поднялся и вышел из спальни, а я задернула занавески, спасаясь от неизбывных сумерек, и кинулась на постель. Уткнувшись лицом в ладони, я стиснула зубы и выпустила наружу несколько жарких слезинок.

Наутро я позвонила в колокольчик, полная решимости. Мои служанки тотчас прибыли на зов. Я решила, что не стану их расспрашивать, а буду вместо этого раздавать указания. И это сработало: мне принесли серебряную ванну — огромную, изысканно украшенную. Я там помещалась во весь рост. Ванну опоясывал ледяной узор, и воду ближе к краю прихватило морозцем, но когда я осторожно погрузила в ванну руку, выяснилось, что вода ничуть не холодная. Опасливо морщась, я влезла в ванну, на всякий случай готовая завизжать, но визжать не пришлось. Зимояр определенно что-то сотворил со мной, когда вез

в свое королевство, и теперь здешний холод мне был нипочем.

Служанки принесли мне поесть и переодеться. Вся одежда была белая, с серебряной вышивкой, и я добросовестно перекрасила каждую ниточку в золото. Раз уж я с самого начала так себя поставила, то так и надо себя держать. Обе девушки прислуживали мне все утро, но ни одна не назвала своего имени. Однако растрачивать на это вопросы я не собиралась.

— Тебя я буду звать Флек, — объявила я той, что с родинкой. — А ты будешь Цоп,[2] — сказала я той, что с косичкой. — Если, правда, вы не хотите зваться как-нибудь иначе.

Флек настолько опешила, что едва не расплескала питье, которое наливала мне в бокал. Она бросила ошеломленный взгляд сначала на меня, потом на Цоп. Та тоже выглядела потрясенной. Я даже забеспокоилась: вдруг я их как-то всерьез обидела? Но обе девушки залились голубовато-серым румянцем.

— Это большая честь, — потупившись, пролепетала Флек.

И, похоже, она говорила правду. Имена я им

---

[2] Примечания: 2

«Флек» в переводе с идиш означает «родинка», а *«Цоп»* — «коса».

придумала не бог весть какие, но ведь я не очень-то и старалась, просто хотела обманом вызнать, как их зовут по-настоящему.

Так или иначе, результатом я осталась вполне довольна. Но вот я покончила с завтраком, и впереди меня ждал бесконечно долгий день с сундуком серебра в качестве единственного развлечения. Я безрадостно покосилась на сундук, но ничего лучшего в моем распоряжении не было. Да и вообще ничего не было. Король хотя бы выполнил мои требования. Мне не очень-то хотелось потакать его прихотям, особенно этой его страсти к золоту, однако выбор у меня был невелик. Пока я выполняю уговор, мне сохраняют жизнь. Как только я перестану его выполнять, меня просто выкинут через прозрачную стену и мое тело грянется о камни возле водопада.

— Высыпьте все на пол, — скрепя сердце велела я Флек и Цоп.

Девушки подчинились, без видимых усилий опрокинув сундук и извергнув из него поток серебра. Поставив пустой сундук на пол, они поклонились мне и ушли.

Я подняла одну монетку. В моем мире она, наверное, казалась бы совсем гладкой, но в загадочном бриллиантовом свете, что струился

сквозь хрусталь, проступали линии рисунка: с одной стороны — стройное белоснежное дерево, с другой — изображение хрустальной горы с серебряными воротами у подножия. Только водопада на монетке не было. В моей руке, повинуясь едва ощутимому движению воли, монета окрасилась золотом; теперь уже на моей ладони поблескивал масляно-золотой кружок.

И от этого я снова разозлилась. Или, вернее, попыталась разозлиться, сравнив солнечный свет, плененный в моей руке, с безысходными серыми сумерками снаружи. Я подхватывала серебро с пола горстями и сваливала его назад в сундук, наслаждаясь тем, как скачут вниз золотые монетки-солнышки. Это было совсем нетрудно, но я не спешила. Ведь стоит мне закончить — меня тут же будет ждать новый сундук.

Одолев примерно четверть сундука, я уселась возле прозрачной стены и окинула взглядом свое новое королевство. Снова начался снегопад. Одна лишь река перечеркивала сплошной ковер из леса — она вилась вдаль тонкой серебристо-черной змейкой под громоздкими льдинами. Но и реку вскоре замело снегом. Ни полей, ни дорог — ничего, привычного моему глазу. Небо нависало сверху тяжкой свинцовой тучей — без просвета,

без отдельных облаков. Сияющая гора была единственным ярким пятном; она словно вобрала в себя весь свет, рассеянный по снегу и льду, ревниво присвоила его и воздвигла свои невероятные склоны. Свет вспыхивал и угасал в хрустальных стенах тысячью изменчивых бликов, и, когда я прижимала пальцы к холодному хрусталю, свет радугой разбегался из-под моих рук.

— Где… Покажи мне, откуда берется еда, — приказала я Флек, когда та принесла мне полдник: незатейливое блюдо с разложенными по кругу тонкими кусочками рыбы и нежными ломтиками фруктов поверх них. На лице служанки мелькнуло замешательство. Тогда я подошла к хрустальной стене и махнула рукой в сторону леса. Флек беспокойно глянула на лес, но не подошла ко мне. Она помотала головой и указала строго вниз.

Я задумалась, вперив взгляд в тарелку.

— Отведи меня туда, откуда ты принесла рыбу, — велела я. У меня в голове уже зрел план побега. Я могла бы уплыть по реке вниз по склону. Но для начала нужно хотя бы выйти из спальни. В конце концов, я королева и имею право обозревать собственные владения.

Флек явно терзалась сомнениями, но все же

подошла к стене и отворила ее. При этом она как будто не проделала ничего особенного: не повернула никакого рычага и не произнесла заклинания. Просто прошла сквозь стену. И когда Флек обернулась ко мне, я вдруг увидела, что она стоит в сводчатом проходе, который словно был там всегда. Я последовала за ней по коридору. Это, верно, был прорубленный в горе ход: на гладких стенах я не различила ни одного стыка. Коридор круто забирал вниз. Флек вела меня очень нерешительно, то и дело посматривая по сторонам. Мы проходили мимо каких-то комнат, и я догадывалась, что это кухни, хотя никаких очагов и печей там не было. Там стояли длинные столы, и Зимояры-слуги в серых одеждах аккуратно орудовали ножами и готовили разные яства, извлекая из ящиков фрукты неброских оттенков, светло-серебристую рыбу и полоски темно-красного мяса.

Это зрелище меня почти радовало. Хотя бы что-то знакомое в этом чудном месте, хотя бы кто-то занят чем-то близким и понятным. Но Зимояры провожали меня изумленными взглядами и пристально смотрели на Флек, а та прятала глаза. Наверное, королеве не положено разгуливать там, где живут слуги, так что я, судя по всему,

устроила им тот еще цирк. Но я шагала следом за Флек, гордо подняв голову. Еще один поворот — и последняя кухня осталась позади. Теперь перед нами лежал длинный коридор без всяких дверей. Флек остановилась и обернулась, словно втайне надеясь, что я удовольствуюсь кухнями. Но коридор круто шел под откос, и меня разбирало любопытство, а потому я приказала:

— Ступай дальше.

И Флек развернулась и двинулась вперед.

Мы спускались ниже и ниже; свет в стенах мало-помалу тускнел и в конце концов превратился в одинокие мерцающие огоньки, гонявшиеся друг за дружкой. Мы точно углубились под землю, куда достигал не сам свет, а лишь его отражения. Путь оказался долгим. Несколько раз мы спускались по узким извилистым лестницам. И вдруг коридор закончился; еще один сводчатый проход — и Флек вывела меня в просторную пещеру. Ее стены щетинились кристаллами, а внизу узкая тропка огибала глубокое темное озеро.

Поверхность воды напоминала стекло — гладкая, безупречная. Но тут и там на глубину уходили сети, аккуратно расставленные вдоль стен. Несколько минут я присматривалась к недвижной глади, и вот в воде блеснул серебряный бок огром-

ной слепой рыбины. Она сверкнула в темноте и устремилась на дно. Я присела и потрогала воду. Даже теперь, когда я купалась в только что растаявшем льду, озеро показалось мне обжигающе холодным. От моего прикосновения по воде кругами побежала рябь. Только эти круги нарушали холодную незыблемость озера — крошечные волны добрались до другого берега, потом вернулись ко мне и одна за другой угасли.

Сколько таких вот озер таится в этих глубинах, сколько фруктовых садов плодоносит среди хрустальных стен? Видно, он простирается далеко, этот небывалый мир, уместившийся в твердыне бриллиантового света. Флек молча стояла рядом и ждала. Она сделала все, как я велела, но мне от этого пользы было мало. Бежать через это озеро невозможно — разве что встретить здесь другую смерть. И на вопросы мои она отвечать не станет. Я выпрямилась.

— Ну хорошо, — произнесла я. — А теперь отведи меня в мою опочивальню. Другой дорогой, — прибавила я быстро. Чем больше я увижу, тем лучше.

Флек снова заколебалась, встревожилась, но все же послушалась. Мы почему-то снова спускались, а не поднимались — ей как будто понадобилось

пройти еще немного вниз, чтобы выйти на другой путь. Ниже свет почти совсем пропал. Мы миновали еще одну пещеру, но сколько я ни вглядывалась, в темноте ничего не мелькало. Я шагнула в арку и заглянула туда, где полагалось быть озеру: пустой колодец из необработанного хрусталя обрывался глубоко вниз, на дне зияла огромная трещина; озеро, похоже, все вытекло. Я оглянулась на Флек: та стояла, опустив руки по швам, и отрешенно взирала на мертвое озеро.

Нам встретилось еще несколько таких пещер с пересохшими озерами. Наконец мы добрались до места, где пересекались несколько проходов, и Флек ретиво устремилась вверх по одному из коридоров. Похоже, она радовалась, что возвращается назад. Я уже начала жалеть, что заставила служанку увести меня так далеко: ноги ныли от нелегкого подъема, и я выбилась из сил задолго до того, как яркий свет вновь заиграл в стенах. А ведь нам еще было идти и идти. Мы с Флек пересекли еще одну пещеру — такую огромную, что в блеклом свете я едва могла различить ее стены. И внутри этой пещеры раскинулось поле, сплошь засаженное какими-то необычными мелкими грибочками бледно-лилового цвета. Шляпки покачивались на высоких, как у цветов, ножках.

Двое Зимояров-слуг собирали эти грибочки в корзины. Одежда у этих двоих была темнее, чем у их сородичей. На меня они даже не посмотрели, только бросили быстрый взгляд на Флек и снова вернулись к работе. Она тоже едва глянула в их сторону и тут же устремила взор вперед.

Из грибной пещеры мы вышли к высокой лестнице; она обвивалась вокруг хрустального столба и уходила куда-то высоко вверх. Свет делался ярче, это я видела, но больше ничего не менялось, а лестница, казалось, никогда не закончится.

— Если можешь, уведи нас с этой лестницы, — попросила я, совсем измучившись. Флек обернулась ко мне, слегка склонила голову, и после следующего поворота мы оказались на площадке.

Эта площадка возникла тут словно нарочно по моему заказу. Или она тут все же была? Впрочем, какая разница: главное, что этих кошмарных ступеней больше нет. Мы вошли в виноградник, который сперва показался мне очередной здешней диковиной, но я тут же сообразила, что этот виноградник мертв. Земля тут спеклась и потрескалась. Под иссохшими до самых корней виноградными плетями торчали тонкие подпорки из светлого ясеня. Кое-где на сухих

темно-серых лозах виднелись такого же цвета хрупкие листья; кое-где даже темнели сухие гроздья винограда. Флек быстрым шагом шла через мертвый виноградник, и я была только рада поскорее уйти отсюда. Уж очень виноградник этот напоминал кладбище.

Мы вскарабкались еще по трем лестницам — правда, ни одна из них не была такой ужасающе узкой. Теперь мы двигались по более светлому коридору, и подъем был не особенно крутой. Неожиданно мы очутились в сводчатом проходе прямо перед моей спальней. А я даже и не догадывалась, что мы уже настолько близко.

Я радовалась, что можно остановиться. Мне случалось проделывать долгие путешествия по дальним окрестным деревням и обратно, но дома, даже одолев много миль пешком, я так не уставала. Здесь-то приходилось карабкаться то вверх, то вниз внутри этой их махины. Но возвращение в спальню меня отнюдь не радовало. Ведь это всего лишь тюремная камера, а гора Зимояров — моя темница. Флек принесла по моему указанию стакан воды и поспешила откланяться, пока я не потребовала от нее еще какой-нибудь несуразицы и не вогнала ее в конфуз. Но что же делать: я ведь не знала, куда мы идем, и спросить

не могла. И предупредить меня служанки не могут. Я по неведению запросто могу приказать отвести меня в какое-то место, куда Флек и Цоп сами ходить избегают.

Флек ушла, и выход из комнаты пропал вместе с ней. Хотя для чего мне этот выход? Я уселась подле сундука и принялась рассеянно перебирать серебро, выпуская из рук золото. Я нарочно не спешила, трудилась монотонно, безотчетно. И когда я подобрала с пола последнюю пригоршню монет, вошла Цоп с подносом. Я подумала было позвать короля и заставать его отужинать со мной, но потом решила, что он, конечно, это испытание заслужил, а вот я нет. Поэтому я съела ужин в одиночестве, а Зимояр явился под конец моей трапезы.

Он сразу шагнул к сундуку и откинул крышку. И долго стоял, не говоря ни слова, только смотрел на блистающее как солнце золото, и оно горело рассветным блеском в его алчущих глазах и окрашивало его ледяные черты золотым. Я покончила с ужином, отодвинула поднос и подошла к нему.

— Служанки были паиньками и делали все, что я велела, — умильным голосом сообщила я. Пусть знает, что я и без него прекрасно управляюсь. Мне и одной тут живется неплохо.

Но он продолжал рассматривать золото и только обронил в ответ:

— Так им и надлежит вести себя. Вопрошай меня, — добавил он пренебрежительно.

Да ведь ему одной заботой меньше, запоздало догадалась я. Он может вообще обо мне не вспоминать до самого вечера. Я тут буду просиживать часы в своей спальне, стирая пальцы о серебро, служанки за мною присмотрят, а он явится к ужину, ответит на свои вопросы — и был таков. Неплохо же он устроился.

Я поджала губы.

— Что должна делать королева Зимояров? — высокомерно изрекла я, чуть поразмыслив. Не то чтобы я собиралась быть ему полезной, но все-таки мы — это то, что мы делаем. Скажем, выйди я за эрцгерцога с целой оравой слуг, даже тогда для меня нашлось бы занятие: управляться с домом, растить детей, когда они родятся, вышивать, ткать, привечать гостей. А что мне полагается делать здесь, я понятия не имела. Если мне мои новые обязанности придутся не по нраву, я бы хотела отвергнуть их сознательно, а не потому что я маленькая глупышка и не знаю здешних обычаев.

— Все зависит от даров, которыми она обладает,

из коих у тебя имеется лишь один, — ответил король. — Обращай серебро в золото.

— Если у меня не будет других дел, я совсем затоскую и брошу серебро, — возразила я. — Расскажи мне, как все заведено у других королев, чтобы я могла хотя бы попытаться.

— Попытаться? Ты попытаешься сотворить столетие зимы из летнего дня? Пробудить в земле новые снежные деревья? — с издевкой спросил он. — Ты одним движением руки исцелишь рану на лике горы? Если ты на все это способна, тогда ты истинная королева Зимояров. А если нет, так нечего предаваться пустым фантазиям.

Король говорил звенящим голосом почти нараспев. И что-то мне подсказывало, что он не просто насмехается. Вероятно, в его словах есть доля истины. Видимо, королевы Зимояров и вправду только тем и заняты, что превращают лето в зиму и взмахом руки залечивают трещины в склоне горы. И вместо такой вот ледяной ворожеи, могущественной чародейки королю досталась невзрачная смертная девица, от которой только и пользы что золотые реки, дабы услаждать его взор.

Он, разумеется, своей насмешкой хотел меня уязвить. Но я решила, что ничего у него не вый-

дет. Поэтому, когда он прекратил ухмыляться, я надменно бросила:

— Что ж, коль скоро я пока не научилась вызывать снегопад, удовольствуюсь тем, что могу. И мой второй вопрос: как мне узнать, что в мире смертных село солнце?

Он мрачно свел брови:

— Никак. Какая тебе разница, если тебя там нет?

— Я должна соблюдать шаббат, — пояснила я. — Он начнется сегодня с заходом солнца, и…

— Мне до этого нет дела, — перебил король, раздраженно пожав плечами.

— Если я без заката и рассвета потеряю счет дням и ночам и не буду знать, когда начался шаббат, тогда шаббат у меня будет ежедневно, — огрызнулась я. — Превращение серебра в золото — это работа. А в шаббат работать запрещено.

— Это уж как тебе заблагорассудится, — вкрадчиво произнес он, и я отчетливо расслышала в его голосе угрозу. Ну конечно — на что я сдалась королю без своего дара? Он от меня живо избавится.

Глядя ему прямо в глаза, я произнесла:

— Такова заповедь моего народа. В шаббат я не готовила себе поесть, когда была голодна. Я не

разводила огонь, когда замерзала. Я не принимала деньги, когда нуждалась. И я не нарушу эту заповедь ради тебя.

Это был чистой воды блеф: приставь он мне к горлу нож — я бы все нарушила как миленькая. Мой народ не делал шумихи вокруг смерти во имя веры — мы считали ее бессмысленной. Если речь шла о спасении жизни, включая собственную, шаббат позволялось нарушать. Но Зимояру об этом знать необязательно. Он свирепо глянул на меня, вышел из спальни и через несколько минут вернулся с круглым зеркальцем в серебряной оправе — оно было на цепочке вроде подвески. Король держал его в сложенных чашей ладонях и пристально вглядывался в него. И вот в зеркале вспыхнуло теплое закатное золото, так похожее на ту золотую гору, что поблескивала теперь в сундуке. Он покачал цепочку передо мной на вытянутой руке. Я словно видела через замочную скважину кусочек горизонта, полыхавшего вечерним пламенем, которое понемногу уступало место глубокой холодной синеве. Надвигалась ночь. Но стоило мне протянуть руку за зеркальцем, как Зимояр отдернул цепочку и равнодушно произнес:

— Нравится? Ну так спроси, можно ли его

взять.

— Можно мне взять зеркало? — прошипела я сквозь стиснутые зубы. Он протянул зеркало и уронил его мне в ладони так, чтобы не прикасаться ко мне. А после этого быстро развернулся и вышел прочь.

* * *

До Вышнинского тракта мы с Сергеем так и не добрались. Мы сперва двинулись в ту сторону через лес, но где-то через час из чащи донеслись голоса и собачий лай. Собак в деревне нынче осталось не много. В долгую зиму и собаки шли в пищу. Только лучших охотничьих псов не съели. И теперь эти псы шли по нашему следу. Мы остановились. Сергей подумал немного и сказал:

— Давай я… к ним выйду.

Если они поймают Сергея, тогда, наверное, они угомонятся. За мной одной они не погонятся, разве что немногие. И я смогу убежать. А если мы станем убегать от них вместе, то я устану быстрее. Сергей все же повыше меня и покрепче, да и в платье много по лесу не побегаешь. Но я представила, как Сергея вешают: как накидывают петлю ему на шею, как помост у него под ногами проваливается и как он дрыгает ногами

перед смертью. Я видела раз, как вешали вора, которого схватили на рынке. Покачав головой, я сказала Сергею:

— Нет.

И мы свернули в чащу вдвоем.

На какое-то время все стихло, а потом началось по новой. Вдали залаяла одна собака, потом вторая. Они приближались, и мы заторопились. Потом лай опять смолк, но мы уже устали и бежали не так быстро, и тут снова раздался лай — сначала с одной стороны, потом с другой. Нас окружали, как стадо коз, которых гонят в сарай. На земле еще кое-где лежал снег, и мы оставляли следы. И тут уж ничего нельзя было поделать.

Вдруг резко стемнело, хотя до заката было еще далеко. Нам казалось, что мы идем целую вечность, но это из-за того, что мы выбились из сил. Небо затянула огромная серая туча. В лицо нам ударил порыв ветра, и запахло снегом. Я еще удивилась: какой снег в эту пору, ведь почти июнь. Но снежинки кружились над нами — сначала редкие, а потом уже и не редкие. Мы стояли на прогалине, а лес вокруг нас весь заволокло белой пеленой.

Ни криков, ни лая больше не было слышно. Снег валил и валил — такой густой, такой сильный,

и ясно чувствовалось, что метель эта надолго. Все охотники постараются поскорее вернуться назад, в деревню. Мы поспешали как могли, хотя куда мы идем, даже не догадывались. Просто торопились уйти подальше. Старый слежавшийся снег оказался под свежим снегом, и теперь мы не видели, где скользко, где грязно, а где просто глубоко. Я упала, налетев коленом на заснеженный острый камень, и колено у меня саднило. Сергей споткнулся и проехался вперед на животе — встал весь мокрый и перемазанный. На голове у него наросла целая снежная шапка, которая делалась только больше и больше, пока мы шли.

Я была привычная ходить подолгу, но мы уже прошли куда больше, чем путь от нашего дома до дома Мирьем. И там-то я ходила по ровной дороге. Но мы все равно шли дальше. К тракту мы выйти даже и не пытались. Я не знала, в какой он стороне. Может, мы ходим по лесу кругами. Холод крался от пальцев вверх по рукам и ногам. Лапти у меня промокли, на одном несколько завязок порвались. Ноги совсем задубели и стали как неживые, но я даже неживой ногой чувствовала, что лапоть вот-вот свалится. Сергей несколько раз останавливался и дожидался, пока я все поправлю. Но в конце концов лапоть свалился

окончательно, я споткнулась и полетела в снег. И выронила горшок.

Искали мы его долго. Нам бы лучше двигаться дальше, но мы об этом даже думать не могли, пока не перерыли весь снег. Наконец я заметила ямку на верхушке одного сугроба и с самого его дна выкопала горшок. На нем была небольшая щербина сбоку. Мы оба уставились на этот несчастный горшок: ведь нам и варить-то в нем было нечего. И чего мы так с ним носимся? Надо идти вперед, мы оба это знали, хоть никто и не сказал ни слова. Сергей взял горшок, и мы поднялись, чтобы продолжить путь.

И тут я поглядела на сугроб. Мы, пока конались в нем, смели снег с верхушки. И там, под снегом, проступала стена. Невысокая, мне примерно по пояс, но настоящая каменная стена, которую кто-то когда-то построил. Не очень длинная. И по ту сторону стены метель была вроде не такая сильная. Там, правда, громоздился здоровенный сугроб, вдвое выше Сергея. То ли кусты так занесло, то ли деревья. Мы перелезли через стену и подошли поближе. И оказалось, что никакие это не кусты, а небольшая хижина — внизу из камня, а сверху из дерева. И стены, и окна увивал засохший плющ, а дверь так и вовсе спряталась

под мертвыми ветвями. Сухие листья крепко схватило морозом, а поверх корки льда еще присыпало снегом. Без труда обломав сухие плети, мы расчистили себе проход.

Мы ввалились в хижину, даже не разглядев толком, что там, за дверью. Все равно внутри было лучше, чем снаружи. Когда глаза привыкли к темноте, мы увидели стол, стул, деревянную кровать и печку. Перекладины на кровати и на стуле все прогнили, тюфяк тоже, но печка была добротная, целая. А рядом с печкой лежала охапка старых дров.

Я отломала несколько искрошившихся перекладин от кровати и надергала из тюфяка соломы на растопку, уселась возле печки и двумя палочками принялась высекать искру. Я знала, как это делается, потому что дома дрова, бывало, заканчивались и огонь гас, и нам приходилось заново его зажигать. Сергей поставил наш щербатый горшок и немного потопал ногами, согреваясь, а потом снова вышел наружу. Когда он вернулся, у меня уже теплился в печке огонек. У Сергея в руках была охапка мокрых дров и чудо: картошка.

— Там огород есть, — пояснил Сергей.

Картошины были совсем маленькие, но он накопал десяток, и есть их, кроме нас, похоже,

было некому.

Я подбрасывала в пламя старые поленья, пока огонь не разгорелся как следует. Мокрые дрова, которые принес Сергей, мы разложили на печи и возле нее, чтобы сохли. Картошку мы засунули в печь, в горшок набрали снега, растопили его и оставили воду закипать на огне. А сами уселись у печки. Когда вода вскипела, мы выпили кипятку, чтобы прогреться. Потом вскипятили еще воды, я разрезала полусырые картошины и положила их в горшок довариваться. Так у нас будет и картошка, и картофельная водица в придачу. Картошка варилась долго, но зато потом, когда она была готова, мы ее съели, обжигая языки, — горячую, дымящуюся и такую вкусную.

Все это время мы ни о чем не думали. И когда ели картошку, тоже не думали. Очень уж мы оголодали и озябли. Я привычная к голоду и холоду, но чтобы как нынче — такого еще не было. Нынче нам пришлось хуже, чем на исходе самой голодной зимы. Поэтому нам в голову ничего не шло, кроме как где бы согреться и как бы поесть. Но вот мы все съели и согрелись, и я вылила картофельный отвар из горшка в чашки. И тогда мне вспомнился папаня — как на лицо ему упала вся эта горячая каша. Меня всю озноб пробил, и в

этот раз вовсе не от холода.

И потом я задумалась. Не о папане — о нас с Сергеем. Нас не схватили и не повесили. Мы не замерзли насмерть в лесу. Вместо этого мы очутились здесь, в хижине, одни посреди леса, нам было тепло, нас согревала печка, для нас нашлась картошка. И где-то во всем этом был подвох.

Сергей тоже так думал.

— Никто здесь не живет, давно уже, — сказал он нарочно громко, будто проверяя, что никто нас не слышит.

Хорошо бы так оно и было. Но ясно — ни одна живая душа тут жить не станет. Лес — владение Зимояров. Никакая дорога сюда не ведет. Ни крестьянских домов тут нет, ни полей — ничего. Только опустевшая хижина в самой чаще, в этой хижине кто-то жил один-одинешенек. Наверняка это была ведьма. И кто ее знает, эту ведьму, — померла она или нет. Вдруг она еще вернется? Но все же я не стала спорить с Сергеем.

— Верно, — сказала я. — Кто бы тут ни жил, его теперь нет. Погляди хоть на кровать со стулом — сгнили давным-давно. Но мы с тобой все равно тут не останемся. — И Сергей согласно закивал.

Ночевать в ведьмином жилище было страшно, но куда-то еще идти — об этом и говорить нечего.

Мы сгребли золу в кучу и вскарабкались на печку, где потеплее. Надо бы нам сторожить по очереди, подумала я. Но сказать об этом Сергею не успела, потому что заснула.

Глава 12

Одна в своей комнате из хрусталя и льда, глядя на солнце, садившееся в зеркальце, я съела кусок принесенного Флек хлеба и отпила глоток вина. Свечу я зажечь не могла: я попросила ее принести, но Флек с Цоп только озадаченно моргнули. Я читала нараспев молитвы, и голос мой звучал совсем слабо без голосов отца и матери, бабушки и дедушки. Мне вспомнился мой последний вечер в Вышне — дом, полный народу, и как все радовались за Басю с Исааком. Завтра у Баси будет праздник, и с ней будет бабушка, и ее мать, и все двоюродные сестры и ее подружки. Последний шаббат перед свадьбой. Когда я ложилась в постель, горло у меня перехватило от слез.

Читать мне было нечего, говорить не с кем. Следующий день шаббата я провела, проговаривая вслух Тору — сколько помнила. Признаться, я никогда особо не увлекалась Торой. А вот отец по-настоящему ее любил. Мне кажется, он мечтал стать раввином, но родители у него были бедные, поэтому читал он неважно. Со словами и буквами он не очень-то ладил, зато считал бойко. Поэтому

родители и отдали его в ученики к заимодавцу. А тот заимодавец был знаком с пановом Мотелем, и как-то раз ученик заимодавца повстречал младшую дочку Панова Мошеля. Такова история моих родителей.

Отец каждый шаббат читал нам вслух, и мало-помалу буквы стали ему послушны. Но я, пока он читал, мыслями была вся в работе, которую пришлось отложить, или пыталась заглушить сосание под ложечкой, или, в лучшем случае, развлекалась придумыванием вопросов немыслимой трудности, чтобы отец как следует поломал голову. Однако воспоминания осели в сердце куда глубже, чем я предполагала. Я закрывала глаза — и в ушах звучал отцовский голос и наше ответное бормотание: я вдруг поняла, что кое-как могу восстановить в памяти тексты. Я была с Иосифом в фараоновой тюрьме, когда солнце село, шаббат закончился и пришел мой муж.

Я нарочно открыла глаза не сразу — пускай подождет. Но он почему-то молчал, и от любопытства я все же открыла глаза раньше, чем намеревалась. И увидела, что моего Зимояра как подменили. Прежде на лице у него читалось горькое смирение — теперь же он чуть ли не сиял от радости. Я только зубы стиснула. Откинувшись

на спинку кресла, я заметила:

— Что-то ты сегодня чересчур довольный.

— Река снова встала, — отозвался он, и сначала я не поняла, о чем это он. Поднявшись, я подошла к прозрачной стене. Трещину в склоне горы забили намертво горбатые льдины; слабый водопад иссяк. Даже внизу река превратилась в крепкую сверкающую дорогу; течение скрылось подо льдом. И снова густо падал снег и укутывал белым одеялом темный лес.

Не знаю уж, какая радость в том, что весь твой мир — сплошь снег и лед. Мне чудилось что-то зловещее, жуткое в этом бесстрастном белом сиянии, какой-то тут был злой умысел. Мне вспомнились наши долгие суровые зимы, и рожь, замерзшая в полях, и фруктовые деревья, зачахшие на корню. Зимояр приблизился ко мне, и я заглянула в счастливое, упоенное лицо. И медленно спросила:

— Когда в твоем мире идет снег, идет ли он в моем?

— В твоем мире? — Зимояр презрительно посмотрел на меня сверху вниз, будто осуждая мое нахальство. — Вы, смертные, говорите так, разводя огонь и воздвигая стены в надежде оградить себя от меня. В надежде забыть зиму, едва она

уйдет. Но на самом деле этот мир мой.

— Хорошо, — кивнула я. — Теперь он и мой тоже. — Король тут же помрачнел от столь безжалостного напоминания, кто его супруга. А я мысленно ухмыльнулась. — Но, если тебе угодно, я задам вопрос на иной лад: идет ли снег в солнечном мире сегодня, хотя нынче там весна?

— Да, — ответил он. — Новый снег рождается здесь, лишь когда снег идет в мире смертных. Я немало потрудился над этим снегопадом.

До меня не сразу дошла вся страшная правда. Я уставилась на короля невидящими глазами. Да, мы знали, что Зимояры являются зимой, что вьюги придают им сил, что владыки зимы мчатся к нам из морозного королевства, оседлав метель. Но мне никогда не приходило в голову — и никому не приходило, — что Зимояры творят зиму.

— Но в Литвасе… все перемерзнут или перемрут с голоду! — выдохнула я. — Ты же изведешь весь урожай, и…

Король даже не смотрел в мою сторону, давая тем самым понять, как мало его это заботит. Он обводил взглядом лес за окном, любуясь бескрайним белым покровом, объявшим его королевство. Мне же мерещились в этом белом раздолье лишь голод и смерть. Ясные глаза Зимояра сверкали

торжеством, словно только голода и смерти он и добивался. Я сжала кулаки.

— Ты, верно, гордишься собою, — процедила я сквозь сжатые зубы.

— Именно, — ответил он, оборачиваясь ко мне, и я спохватилась, что, наверное, он счел мои слова вопросом. — Гора не будет истекать кровью, пока зима упрочивает ее. И мне есть чем гордиться по праву: я исполнил обетование, хоть цена и была высока, и мои чаяния сбылись.

Выплатив мне сегодняшнюю дань, Зимояр развернулся и собрался было уходить, но вдруг застыл и посмотрел на меня.

— Однако до сего дня я поступал ненадлежаще, — резко произнес он. — Ты не властна ни над моим миром, ни над твоим, но ты являешь собой сосуд высокого волшебства, и мой долг чтить это в тебе. Отныне и впредь все, что ты пожелаешь для своего удобства, будет исполнено. Я приставлю к тебе более подобающих слуг — дам высокого происхождения.

Вот уж чего бы мне вовсе не хотелось: чтобы меня окружали эти высокомерные дворянки, которые будут ненавидеть меня и презирать — под стать моему супругу.

— Мне никого не нужно! — поспешно возра-

зила я. — Теперешние служанки вполне годятся. Если хочешь проявить доброту, лучше прикажи им отвечать на мои вопросы.

— Но я не хочу, — ответил он со слегка брезгливой гримасой, будто я предположила, что ему нравится что-нибудь гадкое. Например, пинать беззащитных зверушек. — Однако ты говоришь так, точно я наложил некий запрет. Ты сама выбрала ответы на вопросы в уплату, хотя вольна была просить что вздумается. Какие уста ответят на твой вопрос задаром, коль скоро ты так высоко ценишь ответы? И какая служанка дерзнет оспорить твою цену?

Когда он ушел, я только руками всплеснула от бессилия. Но хорошо, что он ушел. Видеть его счастливым совсем невыносимо. Уж лучше пусть досадует и злится. Я уселась возле прозрачной стены и смотрела на тяжелый снежный покров, который мой супруг набросил на мир. Мое зеркальце уже заволокло ночной тьмой, а я все сидела. Мне не жаль было герцога и горожан. Но я догадывалась, что ждет мой народ, когда погибнет урожай и голодные заемщики озвереют от отчаяния.

Я думала о родителях. Снег засыплет наш дом и придавит его к земле; холодная ненависть со-

мкнет вокруг него кольцо. Сумеют ли они бежать в Вышню, к дедушке? Да и поможет ли им это? Я оставила в банке целое состояние, моих денег достанет, чтобы купить проход на юг. Но они ведь ни за что не бросят меня. А лучше бы бросили — сейчас мне этого хотелось как никогда. Они не уедут за границу без меня. Даже если дедушка расскажет им, где я теперь, они не отступятся. Даже если я напишу им фальшиво благодушное письмо — мол, «я теперь королева, и я счастлива тут», — они не поверят. А если и поверят, то выйдет еще хуже, потому что я разобью им сердце. Ведь моя мать плакала, когда я сдернула меха с плеч женщины, еще недавно плевавшей ей вслед. Мать решит, что холод завладел мною и я бросила родителей ради престола кровожадного Зимояра — владыки, которому ничего не стоит заморозить весь мир, лишь бы его хрустальная твердыня оставалась нерушимой.

Наутро, когда Флек и Цоп убирали посуду после завтрака, я объявила им:

— Я хочу покататься.

Мне вдруг пришло в голову, что такое развлечение вполне пристало здешним знатным дамам. А для меня это все-таки возможность бежать. В этот раз я как будто не приказала ничего предо-

судительного: Флек, не колеблясь, кивнула и повела меня из спальни по головокружительной лестнице к той громадной сводчатой пещере в середине горы.

Спускаться вниз оказалось страшнее, чем подниматься. Теперь мне чудилось, что ступени совсем хрупкие. Они были как стеклянные, и через лестницу я видела глубоко вниз — намного глубже, чем мне хотелось бы. Я очень хорошо различала изящные белые деревья, посаженные безупречными кругами. В середине росли самые высокие, с довольно пышными кронами, в дальнем кругу на ветвях попадались лишь редкие листочки, а иные деревья и вовсе стояли голые.

Наконец мы одолели лестницу, и Флек повела меня через рощу по запутанному лабиринту тропок. Все тропки были ровные, накатанные, как замерзшая гладь пруда, и по обочинам выложены прозрачными камнями. Я не взялась бы отличить один поворот от другого, даже если бы целый день тут проблуждала. Нам встречались Зимояры более высоких сословий, в одежде светлее, чем у Флек; попадались даже одетые в молочно-белое и почти белоснежное. Они не таясь глазели на меня. Некоторые даже украдкой посмеивались при виде моих темных волос, темной кожи и

золотой одежды. Я надела корону: всем этим моим подданным нелишне будет напоминать, что перед ними королева.

Мы пересекли пещеру с рощей и на другой стороне вошли в новый коридор — на этот раз широкий, где и сани проехали бы, — а за ним раскинулся еще один луг, где олени пощипывали прозрачные цветы. Прямо посреди луга стояли сани. Ну да, подумала я, здесь-то их ни к чему ставить под крышу. Рядом с санями сидел тот же возничий, что доставил нас сюда; он держал несколько ремней из упряжи — наверное, что-то чинил, хотя никаких инструментов у него в руках я не заметила. Флек сказала ему, что я хочу покататься. Возничий, ни слова не говоря, поднялся, привел пару оленей и проворно впряг их в сани. И открыл для меня дверцу.

Это означало, что затея с побегом в санях провалилась, можно даже время не тратить. Но я все равно влезла внутрь. Возничий сказал что-то оленям, шевельнул поводья, и упряжка тронулась с места. Чуть накренившись, сани въехали в очередной коридор и легко заскользили по снежным дорожкам. Я вцепилась в бортик, чтобы не выпасть. Мне казалось, что сейчас мы мчимся намного быстрее, чем когда ехали из Вышни,

но, может, это оттого, что наш путь лежит вниз, через темный проход к серебряным воротам. Олени приглушенно цокали по гладкому льду, словно танцевали, и вот впереди темноту надломил слепящий свет, и ворота распахнулись, и мы вылетели на сияющий склон горы и понеслись к снежному лесу.

Я все цеплялась за бортик. Холодный ветер ударил мне в лицо, я глубоко вдохнула и вдруг ощутила радость — от движения, от того, что я больше не взаперти. Все-таки не зря я решила покататься.

— Балагула![3] — позвала я. Возничий сначала опешил, в точности как Флек и Цоп, и заозирался, будто желая удостовериться, что я обращаюсь к нему. — Я хочу поехать в Вышню. — Он недоуменно воззрился на меня, и я добавила: — В то место, куда ты приезжал за мной в день свадьбы.

Он содрогнулся, словно я попросила его доставить меня к вратам ада.

— В солнечный мир? В те края нам путь заказан. Разве только по велению короля и по королевской дороге.

И едва он это сказал, я вдруг поняла, что вокруг

---

[3] Примечания: 3

«Балагула» в переводе с идиш означает «извозчик» или «возница».

не видно белых деревьев, а под полозьями у нас не прежняя серебристо-белая дорога. Я оглянулась по сторонам. Хрустальная гора все так же сверкала позади нас, два санных следа, проложенных в глубоком снегу, тянулись за нами от самых серебряных ворот. И водопад — теперь уже застывший — был на месте, и блестящая полоска реки, бегущая к лесу. Только Зимоярова дорога будто сквозь землю провалилась. Передо мной высились обычные темные сосны — и белыми их делали только тяжелые снежные шапки.

Я откинулась в санях и задумалась. Балагула, не получив никакого приказа, гнал сани вперед. Никакой другой дороги тут не было, и ему пришлось свернуть на речной лед, чтобы проехать меж деревьев. Олени бежали по льду без всякого труда — наверное, когти на копытах им помогали.

Зимоярово королевство казалось нескончаемым лесом. Нам не попадалось по дороге никаких построек, и когда я, забывшись, спросила Балагулу, живет ли кто за пределами хрустальной горы, он не ответил, лишь повернулся, как бы намекая взглядом: спроси у короля. Мы ехали уже долго, а вокруг ничего не менялось. День, должно быть, шел к полудню, но чем дальше мы отъезжали от горы, тем плотнее сгущался сумрак; сплошь пас-

мурное небо впитывало в себя тусклую полумглу, в которой туманились снег и деревья.

Вдалеке замаячил просвет меж деревьями, стала видна совсем черная полоса, протянувшаяся вдоль горизонта. Олени замедлили бег, и Балагула покосился на меня через плечо. Он явно не хотел ехать дальше, так же как Флек не хотела спускаться в недра горы. Ноги у меня все еще ныли после той прогулки, и боль предостерегала меня. Но если я позволю слугам решать, что и как, о побеге можно забыть.

— Пора поворачивать? — произнесла я. Я нарочно задала вопрос, и сделала это немного злонамеренно, чтобы испытать Балагулу. Он помялся в нерешительности, но потом обернулся к упряжке и резко прикрикнул на оленей. И мы помчались дальше, вперед, к горизонту, и вскоре под ветвями настала кромешная тьма, я с трудом различала стволы деревьев на берегах. Мрак не рассеивали ни луна, ни звезды; кроны деревьев казались лишь чуть более глубокими тенями на фоне темного неба. Олени норовисто мотали головами — им здесь тоже не нравилось, а уж им-то без разницы было, кого они везут в санях и хочет ли их седок сбежать. Замерзшая река тянулась вдаль и терялась во мгле. И я сдалась.

— Ладно, поворачивай, — приказала я. Балагула развернул упряжку; на лице его читалось облегчение. Но я бросила взгляд назад и увидела их: на берегу реки стояли две призрачные фигуры. Двое людей, укутанных в меха. И одна из них была королева.

* * *

Холод все же загнал меня назад, в спальню. Когда я прошла через зеркало, Мирнатиус даже не пошевелился во сне. Я неслышно пробралась к камину и уселась греться у огня, то и дело настороженно поглядывая в сторону постели: не проснулся ли царь. Волшебная сила превратила кровать в оправу для его красоты. Даже распростертый на моем ложе в беспамятстве, он был подобен искусно выполненной скульптуре. Мирнатиус вздохнул, перевернулся во сне, что-то неразборчиво пробормотал себе под нос; обнаженная рука выпросталась из-под одеяла, губы чуть приоткрылись. Склоненная голова подчеркивала изящный изгиб шеи.

Мне положено лежать подле него в постели. Я робкая невеста, которая то ли страшится собственной неловкости, то ли слишком себялюбива. Неловкость и себялюбие — их вполне достаточ-

но, чтоб испытывать страх. Я всегда считала, что мне суждено жить с этим страхом и играть роль супруги лишь скрепя сердце. И принимать как вознаграждение тот безмерный почет, которым окружат меня за пределами спальни. Хотя такому-то красавцу супругу есть чем утолить несмелые девичьи чаяния. Женщины ради подобного готовы на многое — я слышала, как об этом шепчутся по углам. А мне, казалось бы, этакое счастье выпало задаром.

Однако в великолепной раковине вместо жемчужины сокрыта огненная нечисть, которая осушит меня точно кубок с добрым вином, выпьет до самого осадка на дне и отшвырнет в сторону. А потому мне приходится каждый вечер прибегать к уловке, чтобы выжить. Кто из них слуга, а кто господин, я не ведала. Но ведь это демон усадил Мирнатиуса на трон семь лет назад, это он питал его волшебной силой, и царь охотно и без возражений отплатит мною за столь ценные услуги. Разве что поворчит немного насчет тех хлопот, которые доставит ему заметание следов. Ему же придется куда-то девать обгоревшие лохмотья на полу или что там от меня останется.

Я побросала обрывки одежды Мирнатиуса в камин и ненадолго забылась беспокойным сном.

Едва рассвело, я вскочила, облачилась в ночную сорочку — якобы я проспала в ней всю ночь — и позвонила в колокольчик. На зов тут же примчались слуги. Мирнатиус начал просыпаться. Он дико огляделся по сторонам, разбуженный неожиданным шумом, но слуги уже успели войти в спальню. Я велела им приготовить ванну и принести нам завтрак, а одной девице приказала помочь мне одеться. Они подняли в спальне суматоху, и нам с Мирнатиусом остаться наедине теперь уже не грозило. Служанки вкрадчиво осведомились у моего супруга:

— Хорошо ли вам спалось, государь?

Он уставился на меня растерянно и негодующе. Но с нами в спальне было еще четыре человека.

— Очень хорошо, — через мгновение процедил он, не сводя с меня глаз. И в этом взгляде было все, что он хотел мне сказать. Теперь слуги растрезвонят всем и каждому, будто молодой царь оказался столь равнодушен к утехам супружеского ложа, что заснул в опочивальне своей жены и отлично выспался. И подобные слухи при дворе пойдут мне отнюдь не на пользу.

Что думают придворные, Мирнатиуса вряд ли беспокоило — он ведь запросто зачарует любого из них, вздумай они досадовать вслух. Просто он

предпочитал не злить их, а поддразнивать, дабы не растрачивать попусту полученную от демона волшебную силу. Но мне-то любая поддержка придется кстати, и ссориться с придворными в этом смысле весьма опрометчиво. Поэтому я проворно забралась к Мирнатиусу в постель — он слегка откачнулся, искоса глянув на меня, — и когда принесли поднос с завтраком, я налила ему чаю. Я еще раньше приметила, что он любит сладкий, поэтому щедро положила в чашку несколько ложек засахаренных вишен и протянула ему. Он нерешительно попробовал чай, словно опасаясь, что тот заколдованный.

Царь не мог мне ничего сказать при слугах, а они упорно толклись в спальне. Еще бы — не упускать же столь бесценного источника сплетен! Я не выставляла слуг за дверь, а сами они не уходили. Особенно любопытствовали молоденькие служанки. Мирнатиус после нападения демона лишился одежды, а простыни соскальзывали с обнаженных плеч и узкой груди. Поэтому девицы вовсю строили ему глазки, когда думали, что я не вижу, и под любым предлогом старались замешкаться у кровати. Усилия их были напрасны: Мирнатиус безотрывно смотрел на меня. Он осторожно брал еду из моих рук и на мою беспечную

болтовню отвечал что-то в том же духе. Наконец ванна была готова. Я поднялась и сказала:

— Я схожу на утреннюю молитву, пока вы купаетесь, государь.

Но в этот раз, когда я вышла из церкви, во дворе ждали запряженные сани. Все наше имущество уже погрузили. Мы с Мирнатиусом столкнулись в передней.

— Мы едем в Коронь, моя голубка, — прищурившись, сообщил он. И мне нечего было возразить: придется влезть в сани, и мы, сидя бок о бок, устремимся через темный лес, к царскому дворцу, где вокруг меня будет только царская стража и царская свита.

Я ушла к себе в спальню и там надела серебряное ожерелье, и все три шерстяных платья, и меха, а в руки взяла ларец с драгоценностями. Ничего необычного тут не было: мачеха тоже всегда так путешествовала — держа свои сокровища при себе. Никто ведь не догадывался, что в ларце у меня только корона, а все остальные драгоценности я спрятала в одежде, чтобы ларец стал полегче. Я втиснула его между собой и бортиком саней. Если придется, я соскочу на ходу вместе с ларцом и убегу в лес, а уж там разыщу какую-нибудь замерзшую реку или пруд и ускользну

сквозь лед как сквозь зеркало.

Сани тронулись. Демон пока сидел тихо, и я вспомнила, что при свете дня глаза царя ни разу не засветились голодным рубиновым огнем. Демон являлся лишь с наступлением темноты. Зато стоило нам отъехать подальше от герцогского дворца — а все женщины махали нам вслед платками, — как Мирнатиус прошипел своим человеческим голосом:

— И куда это ты пропадаешь по ночам, а?! Думаешь, я тебе и дальше разрешу от меня бегать?!

Что мне ему ответить? Надо ли намекнуть, что я все знаю? И я заговорила медленно, тщательно подбирая слова.

— Вы должны простить меня, любезный супруг, — произнесла я. — Я принесла вам обет верности, однако в спальню являлись не вы, а кто-то другой. Белки кидаются прочь, едва почуяв охотника.

Мирнатиус отпрянул и умолк. Он сидел напряженный и настороженно поглядывал на меня из своего угла саней. Внутри у него все клокотало. А я сидела в нарочито небрежной позе, откинувшись на подушки, и смотрела вперед. Сани стремительно рассекали белое безмолвие леса, над головами у нас мелькали тяжелые от снега

ветви, и я позволяла этому однообразному пейзажу успокаивать мою душу. Было холодно, но не так, как в моем зимнем ночном королевстве, и кольцо приятно холодило мне палец.

Так мы ехали долго, и наконец Мирнатиус резко спросил:

— А куда бегут белки, когда хотят спрятаться?

Это меня даже озадачило. Я ведь только что дала понять, что мне известно про демона и про то, что он собирается со мной сделать. И после этого царь ждет, что я выложу ему все как на духу, да и вообще пойду навстречу! Я ничего не ответила, и тогда Мирнатиус насупился словно капризный ребенок и свирепо прошипел мне в ухо:

— *А ну говори, где прячешься!*

Меня обдало жгучей колдовской волной. Но волну вобрало в себя мое кольцо, а мне жар не причинил вреда. И зачем он только переводит зазря свою силу? Ведь знает же, что не поможет. Я чуть не спросила его об этом, но догадалась сама. Слишком он привык полагаться на свое волшебство — и потому не привык думать. А вот я привыкла — и это была единственная ценность, полученная мною под отцовским кровом. Там никого не заботило, чего мне хочется и все ли у меня хорошо. Поэтому, если мне чего-то хотелось,

приходилось самой исхитряться, чтобы получить желаемое. Я прежде не задумывалась, насколько это ценное умение. Теперь же, когда желаемым сделалась сама моя жизнь, я с благодарностью вспоминала отчий дом.

Однако если так и сидеть молча, Мирнатиус быстро потеряет терпение. Он хмурился: внутри его уже бушевала черная буря. Пусть даже демон не явится до самого заката — царь может просто-напросто кликнуть стражу, и та живо заключит меня в темницу. Народ, конечно, примется роптать: как же так, молодую царицу — да сразу в тюрьму?! А уж отец мой наверняка сумеет обернуть недовольство народа себе на пользу. Однако, зная Мирнатиуса, я сомневалась, что все это заставит его одуматься.

Возможно, одуматься его заставлю я. Мирнатиус уже открыл было рот, чтобы разразиться криком, но я перебила его.

— Почему ты не женился на Василиссе четыре года назад? — резким тоном спросила я, отбросив показную угодливость.

Это возымело действие: неожиданный вопрос и внезапная фамильярность сбили Мирнатиуса с толку, поумерив его гнев.

— Что? — переспросил он, будто не понимая,

о чем это я.

— Дочь князя Ульриха, — напомнила я. — У него под началом десять тысяч человек, да еще соляная копь. Король Ньемска охотно примет его присягу, если тебя убьют. Надо было подумать об этом и обезвредить Ульриха, когда ты убирал с дороги эрцгерцога Дмитира. Так почему ты на ней не женился?

На лице Мирнатиуса досада боролась с растерянностью.

— Что это ты раскудахталась, как старые клуши из Совета?

— Не угодили тебе клуши, да? Небось чуть что — колдовством им рот затыкаешь? — фыркнула я, и досада на лице царя одержала верх. Однако это была уже не прежняя ярость, а обычное раздражение: похоже, ему то и дело докучают назиданиями насчет политики, и ему это порядком наскучило. — Между прочим, клуши-то не так глупы, как кажутся. Литвасу нужен наследник, и если у царя в ближайшее время не родится сын, его рано или поздно свергнут. А Ульрих не преминет это сделать собственноручно, раз уж ты ради меня отверг его доченьку. И, кстати, он поспешит, а то мало ли — родится царевич.

Мирнатиуса эти слова, судя по всему, задели.

— Никто меня не свергнет! — огрызнулся он.

— Да кто им помешает? — огрызнулась в ответ я. — Ульрих выдаст Василиссу за князя Казимира. Думаешь, они всем семейством приедут навестить гебя в Коронь, чтобы ты навел на них чары и отвратил их войско от стен города? Держи карман шире! Они будут в трех сотнях миль от тебя — как ты завладеешь их умами? Как не позволишь тысяче лучников изрешетить тебя на поле боя? Как совладаешь с десятью убийцами, что ворвутся к тебе в покои и пронзят тебя десятью мечами?

Судя по его взгляду, вопросы эти раньше не приходили ему в голову. Наверняка он считает, что все его советники — глупцы и нытики, и они знать не знают про его волшебный дар, а уж этот-то дар защитит от кого и от чего угодно. Но его демон не всемогущ — ведь, в конце концов, колдовство не спасло его мать от костра.

И, видимо, Мирнатиус, слушая меня, впервые задумался о том, что его сила имеет свои пределы. По крайней мере, насчет этого он спорить со мной не стал.

— А тебе-то какое дело?! — прорычал он. Неужто решил, что я искренне о нем пекусь? — Меня прикончат — так ты только рада будешь.

— Может, и буду — ровно до той минуты, пока вслед за тобой не прикончат меня, — отозвалась я. — Ульрих с Казимиром предпочли бы числить моего отца в союзниках, а не во врагах, однако они и без него обойдутся. Если они убьют тебя, мне не сносить головы — а то еще ненароком рожу наследника после гибели царя. Разумеется, — прибавила я, — это в том случае, если ты сам от меня не избавишься каким-нибудь неблаговидным способом. Вот тогда-то у всей компании будет чудный повод ополчиться против тебя. — Этот довод я попыталась произнести особенно веско.

Я одержала свою скромную победу. Мирнатиус задумчиво притих. Больше он не жег меня взглядом, а смотрел куда-то в сторону и хмурился, обдумывая только что услышанное. Определенно прежде размышлять над чем-то подобным ему не доводилось.

Мы провели в пути долгий студеный день. Несколько раз возчик останавливал сани, чтобы лошади отдохнули; дважды мы меняли упряжку на конюшнях у каких-то захолустных воевод, и тамошний народ нам наперебой кланялся. А я оба раза выбиралась из саней, прохаживалась по двору, любезно беседовала с хозяевами и

нахваливала их ребятишек, которых родители выталкивали вперед кланяться царице. Мирнатиус хочет предать меня забвению — а уж я постараюсь, чтобы меня запомнили. Царь держался отчужденно, только все поглядывал на меня из-под полуопущенных век. Вот и хорошо: пусть все думают, что я пылко любимая и желанная молодая жена.

Не темнело довольно долго: даже необычно для столь по-зимнему холодного и снежного дня. Впрочем, мне это только на руку. Однако когда сани подкатили к дворцу в Корони, закатное солнце уже зажгло рубиновые отблески в глазах Мирнатиуса. Стены щетинились силуэтами стражников, а на ступенях дворца я увидела Магрету; няня стискивала руки на груди — такая маленькая, старенькая в своем темном плаще. А по бокам от нее стояли стражники — видно, царь минувшим вечером приказал им во весь опор мчаться в Вышлю и до заката доставить старушку во дворец.

Я поднялась по ступеням, и Магрета порывисто обхватила меня, всхлипывая:

— Ох, душенька, душенька! Спасибо, что послала за мною, не забыла старуху!

Она говорила, и голос ее дрожал, а руки крепко

цеплялись за меня. Не такая уж она наивная, моя старая нянька: все-то она поняла. Догадалась, что и она и я — мы обе в смертельной опасности.

Я разыграла целое представление: ах, Магрета уже тут, до чего приятная неожиданность, ах, не знаю, как и благодарить моего ненаглядного супруга! Сделав над собой усилие, я поцеловала Мирнатиуса прямо на ступенях дворца, на глазах у стражи, тем самым огорошив его. Он-то думал, только он владеет этим оружием, и поэтому не отстранился, когда я прижала губы к его горячим губам, а потом отпрянула, словно бы смущенная собственной дерзостью. Затем я обернулась к Магрете и осведомилась у нее, хорошо ли с нею обходились всю дорогу. Магрета кивнула и сказала, что весь долгий путь от Вышни провела как у Боженьки за пазухой. Я обернулась к стражникам и поблагодарила их.

— Назовите ваши имена, я их запомню, — произнесла я, протягивая им руку с кольцом для поцелуя. Они оба неловко согнулись и, заикаясь, забормотали в ответ свои имена. Нет сомнений, им просто приказали отправиться в Вышню и привезти старуху, кто бы им что ни говорил, как бы старуха ни упиралась и ни голосила. Этих двоих послали за пленницей, а не за почетной

гостьей. И теперь они несмело склонялись передо мной: отчасти их заворожила колдовская сила кольца, но отчасти — сила иного рода. Я говорила с ними приветливо — едва ли Мирнатиус был настолько обходителен со слугами.

— Габриэлиус и Владас, — повторила я. — Спасибо, что позаботились о моей старой нянюшке. А теперь давайте-ка пройдем во дворец: вам после долгой дороги не повредит выпить горячего крупника на кухне.

Вмешаться и возразить Мирнатиус не мог — иначе он рисковал показаться мелочным самодуром. Однако ему, конечно же, не понравилось, что я бесцеремонно командую его людьми.

— Вы с нянькой обе ступайте в мои покои и там ждите меня, — холодным тоном распорядился царь, препровождая меня во дворец. — А вы, — он махнул двоим другим стражникам, что стояли у дверей, — отведите их наверх и оставайтесь с ними до моего прихода. — С этими словами он быстро зашагал в сторону большого зала.

Та самая ловушка, которой я опасалась. Пока мы поднимались по лестнице, я крепко держала Магрету за руку. Она так же крепко сжимала мою руку и даже не расспрашивала меня, добр ли ко мне мой супруг и счастлива ли я.

— Скажи, разве я сделала что-то не так, предложив стражникам выпить крупника? — обратилась я к одному из наших провожатых. — Или мой господин вовсе не одобряет выпивку?

— Что вы, нет, государыня, — откликнулся стражник, метнув на меня быстрый взгляд.

— Ах, — вздохнула я, притворяясь, что обескуражена переменчивостью своего супруга. — Должно быть, его тревожат государственные дела. Что ж, я постараюсь вечером отвлечь его от тяжких дум. Вероятно, мы поужинаем в моих покоях. Магрета, а ты расчешешь мне волосы и уложишь их заново.

Спальня размерами не уступала бальному залу в доме моего отца и являла собой нелепое зрелище — со всей этой позолотой и бессмысленной роскошью. Я так и пожирала широко раскрытыми глазами это буйное великолепие: громадную, с дюжину локтей высотой, фреску с изображением Евы, которую искушает змей — вот уж нечестно на это намекать, в моих-то обстоятельствах! — и кровать в просторном алькове. Такая кровать сама по себе сошла бы за спальню: золотые опоры, изукрашенные завитками и листьями, богатые завесы из дамаста — на темном шелке проступали нити более светлого оттенка. Окна вместо рам

были забраны дверными коробками, и каждое распахивалось на балкон изящной ковки. Деревья в саду свешивали на балконы ветви, нынче отяжелевшие от снега.

В спальне было четыре камина, почерневших от дыма; каждый полыхал во всю мощь даже сейчас, когда майский день еще только клонился к вечеру. Слуги и при мне продолжали подбрасывать в огонь дрова. Эти палаты подошли бы для герцога Сальвии или Лонжина — какого-нибудь края, куда зима заглядывает лишь мимоходом. Но здесь, в Литвасе, только безумец мог решиться выстроить подобные покои, и, глядя по сторонам, я все больше убеждалась, что безумец их и строил. Кое-где на стенах остались еле заметные трещины: Мирнатиус явно приказал сломать пол в верхних комнатах и стены в соседних, чтобы создать это причудливое помещение.

Но при всей своей нелепости спальня была красива: да, вычурная, неудобная, несуразная — однако ее создатель умудрился не перейти грань между пышностью и безвкусицей. Эта комната точно сошла со страниц сказки, и рисовала ее талантливая рука. Все здесь было слаженно, пригнанно, уместно. И поэтому — пусть с порядочной натяжкой — покои смотрелись впечатляюще.

Примерно как семь острых ножей, которые подбросил в воздух ловкий жонглер: стоит упасть одному — и все пропало. Наверное, всякий, кому довелось пожить в таких покоях, волей-неволей поддавался их диковинному очарованию. Даже стражники вертели головами во все стороны, позабыв, что должны выглядеть свирепо и неприступно.

Они ни слова не сказали, когда я взяла свой ларец и увела Магрету за купальную ширму. За ней горел еще один камин, согревая воздух вокруг поистине грандиозной ванны — тоже позолоченной и такой большой, что я могла там вытянуться во весь рост. Но что более важно: за ванной обнаружилось не менее грандиозное зеркало. Мирнатиус поставил его сюда, словно желая при выходе из ванны любоваться своей безупречной красотой.

Я окликнула стражников из-за ширмы и попросила их послать вниз за чаем, а тем временем Магрета, повинуясь моим быстрым жестам, помогала мне надеть ожерелье и корону. Нянька смотрела недоуменно, но послушно исполняла все, что я велела. Еще больше она удивилась, когда я набросила ей на плечи свою шубу и опустилась на колени, подбирая меховую полу,

раскинувшуюся возле огня. Я укутала нас с Магретой с головы до пят и вручила ей края шубы. Нянька сжала их в кулаках, но уже приоткрыла рот, сгорая от желания засыпать меня вопросами. Я прижала палец к губам и подтолкнула ее к зеркалу.

По ту сторону темнел лес под тяжелым снежным покровом. Неизвестно, получится ли у меня, смогу ли я провести Магрету с собой, но уповать мне больше не на что. Только я взяла няньку за руку, как в коридоре послышался шум приближающихся шагов, дверь с грохотом распахнулась, и демон голосом Мирнатиуса прошипел:

— *Где же Ирина, где моя радость?!*

Магрета тихонько вдохнула: я держала ее за руку, а она побледнела и, не сводя взгляда с зеркала, пыталась освободиться. Я схватила ее покрепче.

— Не отпускай меня, — шепотом приказала я, и нянька, бросив испуганный взгляд через плечо, быстро кивнула. Я обернулась к зеркалу и шагнула в него, увлекая Магрету на берег замерзшей реки.

Глава 13

Утром панов Мандельштам пришел, стряхнул снег с сапог и тихо сказал панове Мандельштам:

— Их не нашли. Снег пошел раньше.

Хорошо, что пошел этот снег. Может, конечно, и не очень-то хорошо: вдруг Ванда с Сергеем замерзли где-то до смерти. Но потом я решил, что снег — это все-таки лучше. Мне случалось работать на холоде в снегу, и меня тогда все время клонило в сон, а папаня давал мне подзатыльник и кричал: что, мол, окочуриться хочешь? Я окочуриться не хотел и потому просыпался. Но, выходит, замерзнуть до смерти — это просто как уснуть, совсем не больно и не страшно. Интересно, папане страшно было помирать? Страшно, наверное, а то не орал бы во всю глотку.

На завтрак панова Мандельштам дала мне две тарелки каши с молоком и положила туда несколько сухих черничин, да еще и коричневым сахаром сверху присыпала. Получилось очень сладко и вкусно, и я это все съел. Потом я пошел к козам, потому что Ванда же мне велела за ними ходить.

— Им тоже на завтрак надо чего-нибудь горячего — уж очень нынче холодно, — сказала Панова Мандельштам, и мы с ней вместе сварили большой горшок пойла из отрубей. Своим козам я от души подсунул добавки. Они такими тощими казались рядом с Мандельштамовыми козами, да к тому же те их то и дело бодали и кусали. Правда, теперь Мандельштамовы козы лишь радовались новым соседям: их-то уже постригли, а мои козы пока что стояли косматые, только очень уж грязные и все в репьях. Так что козы слопали свое пойло и все вместе сгрудились в сарае.

На дворе навалило полно снега. Я немного его пораскидывал в кучи, чтобы козам с курами добраться до зеленой травки. Мне покоя не давал орех в моем кармане. Может, надо его посадить? Хотя земля вся промерзшая… В общем, я никак не мог решиться и боялся: а ну как все испорчу? Поэтому я снова сунул орех в карман и отправился в дом. Панова Мандельштам дала мне три куска хлеба с маслом и вареньем, два яйца и еще морковки с изюмом. И это все тоже было очень вкусно.

До вечера еще было далеко, и я не знал, чем заняться. Панова Мандельштам уселась прясть, но я такого не умел. Панов Мандельштам читал

книгу, но такого я тоже не умел.

— А что мне делать? — спросил я у них.

— Может, пойдешь на улицу поиграть, Стефан? — предложила панова Мандельштам, но я и играть не умел, и к тому же панов Мандельштам сказал ей негромко:

— Другие дети…

Она поджала губы и покивала в ответ. Значит, они боялись, что другие мальчишки примутся меня изводить, потому что я будто бы помог убить своего отца. Ну или потому что я был как новая коза в сарае.

— А что Ванда делала, когда была у вас? — спросил я и тут же сам вспомнил: — Она долги собирала.

— Но ты-то еще маловат для этого, — покачала головой панова Мандельштам. — А сходи-ка лучше в лес по грибы. Знаешь, какие грибы съедобные?

— Ага, — кивнул я, и она вручила мне корзину.

Но в лесу нынче лежало столько снега, что эти грибы еще поди найди. Я вышел за калитку, поглядел на весь этот снег и никаких грибов не увидел. Лучше я пойду долги собирать, решил я. Ну и пускай я пока маловат. Если Мандельштамы долгов не собирают, и Ванда тоже, кому-то же

надо. А остаюсь только я. Хотя в доме кто-то еще жил, Ванда мне рассказывала. Только я почему-то никак не мог вспомнить кто. И от этого в голове у меня было чудно: ведь имена легко шли ко мне на память — стоило только позвать. Но сейчас-то ни в доме, ни в сарае точно никого не было, я же все обсмотрел. Найди я этого кого-то, я бы спросил у него, как его зовут, и больше не было бы так чудно в голове. Я даже в курятник заглянул — вдруг он туда залез? — но, кроме кур, никого не нашел.

Сейчас шла вторая неделя месяца, а вчера был базарный день. Значит, Ванда должна собирать долги в двух деревнях вниз по тележному тракту, на юго-восток от города. Имена у тамошних заемщиков были такие: Рыберник, Гурол, Гнедис, Провна, Цумил и Двури. Я эти имена повторял про себя всю дорогу, и в голове у меня они звучали как красивая песня. Дойдя до деревни, я принялся стучаться во все двери подряд и спрашивать, как зовут хозяев. И если в доме оказывался кто-то из моих заемщиков, я протягивал корзину. Они на меня смотрели, а потом клали в корзину что-нибудь. Панова Цумил ласково сказала мне:

— Бедное дитя! — И погладила меня по голове. — И тебя-то эти евреи к работе приставили.

— Да нет, — протянул я, но панова Цумил толь-

ко покачала головой и сунула мне в корзину несколько мотков пряжи. А потом она меня угостила такой сластью, называется печенье. Ванда как-то приносила печенье к нам домой — ей дала панова Мандельштам. Очень вкусно тогда было. Поэтому спорить с Пановой Цумил я не стал, а просто взял печенье и съел. И оно тоже оказалось очень вкусное. Я сказал ей спасибо и пошел дальше.

Я притащил Панове Мандельштам полную корзину и сказал:

— Может, не так уж я и маловат.

А она посмотрела на корзину и вдруг сильно опечалилась. Я никак не мог взять в толк почему, но панов Мандельштам очень ласково меня погладил по плечу и произнес:

— Стефан, мы должны были объяснить тебе все заранее. Когда собираешь долги, очень важно не ошибаться и вести правильный учет. Если ты очень постараешься, сможешь припомнить, к кому ты ходил и кто тебе что дал? Справишься?

— Ну да, — ответил я. — В этот день Ванда ходит к Рыберникам, Гуролам, Гнедисам, Провнам, Цумилам и Двурам. — А после я рассказал про каждую из вещей, кто мне ее дал. Я решил, что Панова Мандельштам все еще сердита, но она на-

кормила меня варениками с курицей под густым соусом с морковкой и картошкой, и мясо там было настоящее, а в придачу я выпил большую кружку чая с двумя ложками меда. Наверное, зря я на нее подумал, не так уж она и рассердилась.

* * *

Застревать надолго в этом домишке нам с Сергеем вовсе не хотелось, но и уйти мы не могли. Поутру мы проснулись и увидели, что на пороге все еще лежит снег, и на подоконниках тоже, и даже под ними намело высокие снежные горки. А в лесу было белым-бело, только темные стволы проглядывали; и все деревья низко согнулись. Они перед самой метелью только листочки выпустили, а теперь их пригибали к земле снежные шапки. И в какой стороне тракт, мы понятия не имели.

Мы обошли вокруг дома и много чего отыскали полезного. На огороде осталась картошка и морковка, а под навесом, где, видно, раньше коз держали, обнаружилась куча старой соломы, да еще кипа чесаной шерсти с меня высотой. Шерсть оказалась немытая и внизу вся заплесневела и перепачкалась, но сверху еще осталась вполне годная. На полке стояла корзина, а в углу — ло-

пата: самое то копать картошку. В доме на полке мы еще нашли сложенное одеяло.

Солнце припекало весь день, сделалось тепло, хоть раньше все и замело снегом. Снег начал быстро таять. Сергей пошел за растопкой, а я поставила вариться картошку с морковкой и уселась плести нам из соломы новые лапти. У меня ведь один лапоть слетел, а второй вот-вот развалится. Я и шерсть туда подкладывала, чтобы лапти вышли помягче, а то ведь хорошего лыка-то у нас не было. В шерсть набилось полно всяких репьев, крапивы и колючек. Я согрела воду и промыла ее, но расчесать мне ее было нечем. Я себе все руки исколола, и теперь они болели, пока я работала, но тут уж ничего не поделать: без лаптей мы далеко не уйдем.

Я как раз закончила с Сергеевыми лаптями к его возвращению. Он их примерил, и сели они не так уж плохо. Я подоткнула туда еще шерсти, и стало совсем хорошо. Мы съели картошку с морковкой. Я доделала свои лапти и смастерила ставни на окна. Сергей нашел в лесу птичье гнездо с яйцами; яйца были в бурую крапинку, так что нам не запрещалось их есть. Вот мы их и съели, и оказалось, что уже стемнело. И мы легли спать.

Утром мы наткнулись на зерновой ларь, рань-

ше заваленный снегом. А теперь он оттаял на солнце. Мы сунулись внутрь: ларь до половины был полон овса. Тут нам двоим надолго хватило бы. Мы с Сергеем переглянулись. Ведьма так и не пришла. А вдруг она вовсе не придет? Но как-то уж очень легко нам все в руки шло. И мне казалось, это не к добру.

— Надо нам все-таки пойти, — нехотя проговорила я. Меня и тянуло уйти, но что-то будто удерживало. А ну как мы дороги не отыщем? Сергей задрал голову и посмотрел на небо, и я тоже посмотрела. Солнце зашло за тучу, и начинался снег. Никуда мы нынче не пойдем.

Сергей сначала ничего не говорил. Он тоже приуныл порядком. Но потом все же предложил:

— Давай починим стул и кровать. Вдруг хозяева вернутся.

Это он дело говорит, подумала я. А то мы берем картошку с морковкой и овес, а еще шерсть — и все задаром, точно воры какие-то. Хозяева вернутся и будут на нас сердиты — и поделом нам. Но если мы что-то отдадим взамен — это другой разговор. Мы вроде как заплатим за то, что взяли.

Поэтому я взяла овса и в доме поставила его вариться, а тем временем мы занялись стулом. Сергей вышел под снег и отломал несколько ве-

ток от молодых деревьев, чтобы сделать сиденье. А я принялась оплетать эти ветки соломой и шерстью — как недавно плела лапти. Когда сиденье стало плотным, мы привязали его к стулу. Со стулом мы справились.

Теперь надо было сделать новую решетку для кровати — насчет самой-то кровати мы сначала даже и не думали. После еды Сергей отправился за растопкой, но почти сразу вернулся. Он раскопал под снегом небольшую поленницу — за домом, где стояла колода для дров. А в колоде торчал кем-то оставленный топор. Он заржавел, а топорище подгнило и стало занозистым, но Сергей камнем счистил ржавчину и нарубил веток, хоть топорище и царапало ему ладони. С топором мы могли починить всю кровать целиком.

Нам боязно было оставаться тут, но и уйти, не доделав работы, тоже было боязно. Мы будто обет какой-то дали, и теперь полагалось его исполнить. Да и к тому же снег никак не переставал. В общем, Сергей начал сколачивать раму для кровати, а я снова приступила к плетению.

Утром навалило еще немного снега, потом метель улеглась, а йотом началась по новой — и так до вечера, пока мы не отправились спать. Наутро за порогом лежал снег глубиной в локоть. Хоро-

шо хоть у нас была еда и в хижине было тепло. Сергей трудился над кроватью, а я сплела шесть ковриков из соломы — таких же, как сиденье на стул, только больших. Мы сложили их друг на дружку и скрепили соломой и чистой шерстью. Уж теперь-то мы можем, наверное, идти, подумала я. Весь день светило солнце, и снег таял. Мы с Сергеем договорились, что утром отправимся в путь.

Наутро мы вышли на огород прихватить еды в дорогу — и наткнулись на грядку с клубникой. Стебли все померзли, да и ягоды сделались твердые, но есть-то их все равно было можно. Я вернулась в дом поискать для них какую-нибудь посудину. Над печкой, в самом темном углу на полке, мне попалось несколько старых горшков. Раньше я их не замечала, хоть и заглядывала в этот угол, это я почти точно помнила. Один большой горшок был пустой — как раз для ягод. В другом горшке нашлось соли до самого верха, а в третьем залежалось немного меда, на вкус вполне съедобного.

И находка эта оказалась не к добру. Потому что рядом с самым большим горшком лежало старое деревянное веретено и вязальные спицы. А это означало, что работа наша еще не закончена.

Теперь нужно спрясть шерсть и связать из нее чехол, чтобы получился настоящий тюфяк, какой прежде лежал на кровати и весь сгнил. Я показала все это Сергею.

— А это долго? — мрачно спросил он. Я только головой покачала. Я не знала.

Весь день я провела за прядением, Сергей промывал для меня шерсть. Я спряла шесть куделей, но на тюфяк, наверное, надо больше. Сергей вышел и принес еще дров — в этот раз много, и я наварила большущий горшок каши — нарочно, чтобы завтра нам вообще из дома не выходить, а просто есть целый день из этого горшка. И мы снова устроились спать на печке.

— Ванда, — позвал меня Сергей утром. Он не сводил взгляда со стола. И я тоже посмотрела. Все вроде бы в полном порядке. Стол вытерт. Стул аккуратно задвинут под стол, чтобы не мешался под ногами. А мне-то казалось, мы его приставили вчера вечером к стене. Но может, мы позабыли, как убрали его на место. Хотя вряд ли.

— Давай поедим, — наконец просипела я.

Горшок с кашей, еще теплый, стоял в печи. Я сняла крышку — да так и застыла на месте. Вчера я сварила полный горшок. Горшок был очень большой, нам обоим этой каши хватило бы на

целый день. Но кто-то нашу кашу уже испробовал. Отъел из горшка нешуточную долю. И я бы охотно не поверила глазам или решила про себя, что, должно быть, это Сергей не вытерпел. Но дело в том, что из горшка торчала большая деревянная ложка. А я точь-в-точь такую и хотела. Искала вчера по всему дому — думала, вдруг где завалялась, — да так и не нашла.

* * *

Я закричала «Стой!», и Балагула остановил оленей. Он нехотя обернулся и посмотрел через плечо на две фигуры, стоящие на берегу. Взгляд у него был встревоженный.

— Лишь смертные приходят в то место, — торопливо прошептал он.

Но я-то знала, кто она, эта девушка в белых мехах со знакомой серебряной короной на голове — той самой короной, что сделала королевой меня. Эта была Ирина, дочь герцога. А раз она сумела отыскать путь сюда, значит, есть и обратный путь.

— Поезжай к ним или ответь мне, почему нам туда нельзя, — безжалостно приказала я. Балагула, поколебавшись, развернул сани и погнал оленей прямо к двум фигурам. На Ирине была

корона, на шее у нее поблескивало ожерелье, а на пальце кольцо, и ее дыхание не замерзало в ледяном воздухе. Она обнимала кого-то еще — старушку, укутанную в тяжелые меха. Но меха не спасали бедняжку: та отчаянно дрожала, и дыхание густой пеленой туманилось у нее над головой.

— Как вы сюда попали? — требовательно осведомилась я.

Ирина глядела на меня, не узнавая.

— Мы не хотели никуда вторгаться, — проговорила она. — Мы ищем убежище. Вы поможете нам? Моя няня совсем замерзла.

— Садитесь в сани, — велела я, хотя Балагулу всего передернуло, и протянула руку.

Ирина чуть помедлила, бросив взгляд на реку, однако подтолкнула свою спутницу к саням и сама влезла следом. Я сняла свой плащ и завернула в нее старушку как в одеяло. Она дрожала теперь еще сильнее, губы у нее посинели.

— Отвези нас в ближайший дом, — приказала я Балагуле.

Тот опять весь передернулся, но развернул оленей и повез нас прочь от берега в темную чащу. Слева от нас уже стояла глубокая ночь, справа небеса еще теплились бледными сумерками, точ-

но мы ехали вдоль самой границы тьмы. Ирина напоследок глянула на берег за нашей спиной и повернулась ко мне. Белоснежные меха и серебряная корона оттеняли ее длинные темные волосы, и снежинки, слетая с деревьев, сверкали на этих волосах словно крошечные бриллианты. Сумеречный отблеск падал из-за спины ей на лицо, и ее бледная кожа слегка светилась. Видно, у нее в роду есть Зимояры, вдруг осенило меня. Это ей, в ее сверкающей короне, впору занять мое место и воцариться в здешнем королевстве как у себя на родине.

— Как вы сюда попали? — снова спросила я Ирину.

Она пристально посмотрела на меня, нахмурилась и медленно произнесла:

— А ведь я тебя помню. Ты жена ювелира.

Ну конечно, откуда ей все знать. Никто ей не назвал наших имен: ни моего, ни Исаака. Потому что она-то герцогская дочка, а мы так, пустое место. И я с горечью подумала, что я пустым местом и осталась. Иринины бы слова да Богу в уши: мне и самой хотелось сейчас быть в Басином доме — или в своем собственном.

— Нет, — ответила я. — Я лишь принесла ювелиру серебро. Меня зовут Мирьем.

Балагула снова содрогнулся и бросил на меня полный ужаса взгляд. Ирина, задумчиво нахмурившись, едва заметно кивнула. И коснулась ожерелья у себя на шее:

— Здешнее серебро.

— Значит, вот оно как, — догадалась я. — Серебро привело тебя.

— Через зеркало, — подтвердила Ирина. — Оно спасло меня, то есть нас обеих… — Тут она наклонилась к старушке: — Магра! Магра! Только не спи!

— Иринушка, — пробормотала та. Глаза у нее были полузакрыты, и дрожать она перестала.

Сани резко встали: Балагула дернул поводья, и олени норовисто вскинули головы. Балагула смотрел куда-то вперед, спина и плечи у него будто закаменели. Мы подъехали к невысокой, почти засыпанной снегом ограде, и за ней я разглядела огород и слабый, такой знакомый огонек. Там, в доме, топили печку, и пламя поблескивало тепло и уютно. Судя по лицу Балагулы, в домике располагалось логово жутких злодеев, никак не меньше.

— Кто тут живет? — не подумав, спросила я. Балагула окинул меня страдальческим взором. Впрочем, нам без разницы, кто тут живет: ста-

рушка угасала на глазах.

— Помоги ей выбраться, — приказала я Балагуле. Тот с явной неохотой бросил поводья на сиденье и спрыгнул вниз. Он поднял Магру легко, словно та была малым ребенком; старушка почувствовала его прикосновение даже сквозь меха и одежду и негромко хныкнула.

Возничий с Магрой на руках шагал, едва касаясь снега, а мы с Ириной кое-как тащились следом, глубоко проваливаясь под наст и увязая в сугробах. Наконец мы пробрались к неглубокому снегу возле ограды. Перед нами был крошечный домишко, маленький даже для крестьянской хижины, почти весь занятый печкой. Зато оттуда пахло горячей кашей и сквозь тонкие зазоры в ставнях и двери виднелось весело полыхавшее пламя. Балагула замер на почтительном расстоянии от хижины, и его страх уже начал передаваться мне, но Ирина оказалась решительнее. Она подошла прямо к двери и без долгих раздумий толкнула ее. Дверка была совсем тощая — филенки, оплетенные соломой, такая годится разве что от ветра. Поэтому дверь со стуком свалилась на пол.

Через мгновение Ирина оглянулась на нас.

— Здесь никого нет, — сообщила она.

Я последовала за ней внутрь. Что хижина пуста — это было видно сразу. В единственной комнате стояла небольшая кровать с кучей соломы. Ирина застелила ее моим плащом, который я отдала Магре, а Балагула все так же нехотя вошел в дом, уложил старушку на постель и тут же отпрянул обратно к двери. Возле печи лежала горка дров. Открыв заслонку, я обнаружила, что на огне стоит горшок, полный свежей горячей каши.

— Надо дать ей немного, — предложила Ирина.

На полке мы отыскали деревянную миску и ложку. Ирина положила в миску порядочную порцию дымящейся каши и встала на колени возле кровати. Она протянула Магре ложку, а та, почувствовав вкусный запах, зашевелилась, приподнялась и начала понемногу есть. Балагулу передергивало при виде каждой съеденной ею ложки, точно на его глазах Магра сознательно поглощала яд. Он посмотрел на меня и задвигал губами, будто желая что-то сказать, но промолчал — как видно, опасаясь чего-нибудь похуже. Я тоже ждала, что вот-вот произойдет что-нибудь ужасное: я обшарила все углы — вдруг там кто-то прячется? — и, не найдя никого в доме, вышла на двор. Кто-то же должен тут быть — иначе почему

печь топится и греется еда? Но на снегу не было ни единого следа, кроме тех, что тянулись к нашим саням — это мы с Ириной прыгали по сугробам. Зимояр, конечно, следов бы не оставил, но…

— Это не зимоярский дом, — сказала я Балагуле, и я не спрашивала, а утверждала. Он не кивнул в ответ, но на лице его не возникло того удивления или растерянности, с какими обычно на меня смотрели Флек и Цоп, стоило мне ляпнуть что-то невпопад. Я еще раз пристально присмотрелась. Хижина стояла ровнехонько на границе, зажатая меж двух миров: половина огорода лежала в сумерках, половина — в глубокой ночи. — Пойду закрою дверь, — добавила я, подняв взгляд на Зимояра.

— Я подожду тут, — поспешно ответил он, и это вселило в меня надежду.

Я вошла в хижину, подняла с пола дверь, приладила ее на место, подождала чуть-чуть, а потом резко рванула на себя.

Но передо мной был все тот же пустой двор, только обеспокоенный Балагула ждал поодаль. Он ушел совсем далеко, за ограду. Разочарованная, я вернулась в хижину. Магра открыла глаза и держала Ирину за обе руки.

— Никто теперь тебя не обидит, Иринушка, —

шептала она. — Я молилась, чтобы никто тебя не обидел.

Ирина обернулась ко мне:

— Мы можем остаться тут?

— Не уверена, что здесь надежное убежище.

— Надежнее, чем наш прежний дом.

— Выходит, царь отказался на тебе жениться? — спросила я. Если это так, герцог, должно быть, страшно зол на нее: он явно не из тех, кто позволяет рушить свои планы.

— Не отказался, — покачала головой Ирина. — Я царица. До самой смерти. — Это прозвучало язвительно, словно задерживаться на этом свете она не рассчитывала. — Царь — злой колдун. В него вселился огненный демон, который жаждет поглотить меня.

Я расхохоталась — просто не смогла сдержаться. Это был не радостный смех, а горький.

— Значит, волшебное серебро нас обеих выдало за чудищ. Тебе досталось чудище огненное, а мне — ледяное. Может, познакомим их, а? Глядишь, тогда и овдовеем.

Я выпалила это с бухты-барахты, просто съехидничала, но Ирина задумчиво произнесла:

— Демон говорил, я надолго утолю его жажду. Он хочет меня, потому что я… холодная.

— Потому что в твоих жилах Зимоярова кровь и у тебя Зимоярово серебро, — так же задумчиво отозвалась я. Ирина кивнула. Я приникла к двери и посмотрела в щелку: Балагула стоял далеко от хижины. Слышать нас он не мог и подслушивать, кажется, не собирался. Я глубоко вдохнула и снова повернулась к Ирине: — Как считаешь, с демоном можно договориться? Скормить ему вместо тебя короля Зимояров?

* * *

Ирина показала мне, как Зимоярово серебро проводит ее туда и обратно. Мы вместе вышли на двор и за домом нашли большую лохань. На дне ее лежал снег, а мы налили туда горячей воды, и у нас получилась ванна, в которой мы отражались. Ирина посмотрелась в воду и сказала:

— Я вижу то самое место, из которого мы с Магрой попали сюда: спальню во дворце. А ты ее видишь?

Но я видела только блеклые отражения наших лиц, что плавали на поверхности воды. Ирина взяла меня за руку и сунула обе наши руки в воду. Моя рука намокла до запястья, а Иринина вышла из воды сухая, не обронив ни единой капли. Ирина покачала головой:

— Нет, тебя я перевести не смогу.

Как будто в обычном мире я перестала существовать. Как будто король Зимояров вырвал меня оттуда с корнем.

— Значит, придется как-то заставить его перевести меня, — хмуро заключила я.

Он ведь и сам так говорил: мне не попасть домой без него. Оставаться по эту сторону, когда мой любезный супруг встретит свою безвременную кончину, мне вовсе не хотелось. Зимояры едва ли примут меня как свою королеву. По крайней мере, пока я не научусь сама творить бесконечные зимы, или выдергивать из-под земли снежные деревья, или что там еще полагается делать здешним владычицам.

План мы придумали достаточно быстро: собственно, и придумывать-то было особенно нечего. Договориться о месте и времени и в надежде на чудо предпринять безумный бросок.

— Демон днем никогда не приходит, — сообщила мне Ирина. — Только ночью. Не знаю, почему так. Днем у него уже сколько раз был случай меня поймать. Вот сегодня, к примеру, я была одна… ну почти одна. — Она помолчала и прибавила задумчиво: — Когда мать царя приговорили к сожжению за ведовство, это все случилось днем.

Ее и схватили днем, и сожгли до захода солнца.

— Ночью так ночью, — кивнула я, а сама все размышляла: как бы заставить короля привезти меня домой? — Царь согласился бы вернуться в Вышню? — медленно проговорила я вслух. — Через три дня?

— Согласится он разве что меня прикончить, — мрачно пробурчала Ирина.

Мы договорились обо всем, и она осталась со своей нянькой, а я направилась к саням. Балагула ни о чем не спрашивал: ему не терпелось поскорее уехать. Весь обратный путь я ничего не видела. Голова у меня шла кругом, а в животе бурчало от страха и злости.

Конечно, мне было страшно. Я боялась в это ввязываться, боялась, что не получится, — и боялась, что получится. Наша затея сильно смахивает на убийство. Да что уж там: глядя правде в глаза, если мы преуспеем, это и будет самое что ни на есть убийство. Но ведь Зимояр сам считал вполне резонным меня убить. Никаких обетов я ему не давала. Даже непонятно, замужем ли я. Надо будет при случае спросить насчет этого у раввина. Если, конечно, мне еще доведется в жизни беседовать с раввином. Но замужем я или нет, наверняка любой раввин посоветует мне

брать пример с Юдифи и срубить Зимояру голову при первой возможности.[4] Потому что он враг не только мне, но и всему моему народу. Правда, все эти доводы никак не уменьшали моих трудностей — скорее наоборот.

Балагула остановил сани у подножия крутой лестницы, ведущей к моим покоям. Там на невысоком валуне сидела Цоп — судя по облегчению, мелькнувшему на ее лице, она уже успела вся известись. Я с трудом выкарабкалась из саней — тело у меня совсем затекло от долгой езды. Цоп повела меня наверх так поспешно, что я тут же запыхалась. Мне приходилось останавливаться, чтобы перевести дыхание, и Цоп, пока ждала меня, нетерпеливо покачивалась из стороны в сторону. Она все посматривала вниз, на белую рощу. Я проследила за ее взглядом: белые цветы медленно закрывались, видимо знаменуя приближение ночи. Король, вероятно, будет недоволен, если, явившись отвечать на мои во-

[4] Примечания: 4

Юдифь — библейская героиня, совершившая подвиг во имя спасения еврейского народа. В Книге Иудифи рассказывается, как праведная вдова Юдифь явилась в лагерь ассирийского военачальника Олоферна из осажденного его войском еврейского города. Юдифь очаровала Олоферна своей красотой и острым умом, и военачальник пригласил ее на трапезу. Когда сытый и опьяневший Олоферн заснул, Юдифь отрубила ему голову кинжалом. Вражеское воинство, оставшееся без полководца, бежало.

просы, он не застанет меня на месте. А вдруг он тогда решит, что раз пропустил вечер, то наш уговор больше не действует? Чего доброго, ему придет в голову исполнить свои супружеские обязанности. Размышляя об этом, я сколько могла ускоряла шаг.

Король ждал в моих покоях, скрестив руки на груди, весь пламенея белой яростью. Его острые скулы и глаза так и сверкали.

— Вопрошай! — прогремел он, едва я переступила порог: в зеркальце, которое он дал мне, солнце уже наполовину скрылось за горизонтом.

— Кто живет в доме на границе ночи? — выдохнула я. Другого убежища я Магрете предложить не могла, но все же хотелось бы верить, что я не оставила старушку на съедение неизвестно кому.

— Никто, — отрывисто произнес король. — Вопрошай.

— Но это неправда, — возразила я. Цоп, с поклонами пятившаяся прочь из покоев, вдруг дернулась, как кобылица, которую хлестнул невидимый кнут. Глаза Зимояра широко распахнулись от гнева; он сжал кулаки и подступил ко мне, будто намереваясь ударить. — Там каша грелась в печи! — выкрикнула я.

Он внезапно остановился и стиснул зубы. Однако через мгновение все же выдавил, завершая свой ответ:

— Насколько мне известно. — И повторил: — Вопрошай!

Я чуть было не спросила снова то же самое. Он весь сверкал от бешенства, белая кожа пошла радужными переливами. А мне вспомнилось, как Балагула подхватил Магрету — словно она не человек, а невесомый куль шерсти. А еще — как Флек и Цоп легко перевернули сундук, полный серебра. Если уж простые Зимояры обладают такой силищей, то на что способен их владыка? Лучше бы мне не заводиться, подумала я. Мне привычно захотелось съежиться и исчезнуть, ускользнуть от грозящей опасности. Я точно опять очутилась среди леса и на меня надвигался Олег с перекошенным лицом и сжатыми кулаками. Забиться бы сейчас куда-нибудь и взывать к милосердию. Страх жарким потоком струился вдоль моей спины.

Каждый раз это одно и то же. Тот же самый выбор: между одной большой смертью и тысячью маленьких смертей. Зимояр сверлил меня взглядом — свирепо, неистово. Но что толку его бояться? Вся его магия, все его могущество не

сотворят со мной ничего страшнее того, что сотворил бы Олег в лесу. И можно сколько угодно просить его о пощаде — он прислушается к моим мольбам не больше, чем к ним прислушался Олег. Когда холодные пальцы сомкнутся на моей шее, купить себе жизнь я не смогу. Мне остается лишь выкупать ее понемногу — день за днем, каждый вечер, как Шехерезада, смиренно упрашивать кровожадного супруга, чтобы он продлил мне жизнь до следующей ночи.

Такой договор не по мне. Я рискну и попытаюсь убить короля. Пускай меня почти наверняка ждет неудача. Но я не стану в страхе склоняться перед ним. Я расправила плечи и заглянула прямо в сияющие гневом глаза:

— Тогда вместо ответа мне причитается твое предположение. Например, кто построил этот дом.

— Причитается?! — Зимояр аж задохнулся от негодования. Все это время я краем глаза наблюдала, как Цоп медленно и осторожно, шажок за шажком, продвигается к выходу. Наконец она стремглав выскочила из покоев. — Причитается?!

Вдруг король неуловимым для глаза движением, как стрела, метнулся ко мне. Он сдавил

мне шею, уперев большой палец в углубление под подбородком и заставив меня запрокинуть голову. Я смотрела ему прямо в лицо.

— А я так понимаю, тебе причитаются лишь ответы еще на два вопроса. Разве нет? — вкрадчиво произнес он, обратив ко мне сверкающие глаза.

— Понимай как знаешь, — запальчиво просипела я, еле проталкивая слова через сдавленное горло.

— Еще раз спрашиваю тебя: ты уверена?! — пророкотал король.

В его голосе звучала неприкрытая угроза. Будто я дошла до какой-то черты, переступать которую не следовало. Но свой выбор я уже сделала. Я сделала его еще позапрошлой зимой, когда сидела у постели больной матери и слушала, как вместе с кашлем из нее исходит сама жизнь. Я его сделала, постояв на сотне обледенелых порогов и потребовав то, что мне причиталось. И я проглотила сгусток желчи, подкативший к горлу.

— Да, — произнесла я ледяным тоном, достойным любого владыки Зимояров.

Король исступленно зарычал и отпрянул от меня. Он размашисто прошагал на другой конец комнаты и замер там, повернувшись ко мне спиной и сжав кулаки.

— Как смеешь ты, — проговорил он в стену, не оборачиваясь ко мне, — как смеешь ты прекословить мне?! Кто дал тебе право говорить со мною на равных?!

— Ты сам, когда увенчал меня этой короной! — огрызнулась я. Руки у меня тряслись — то ли с перепугу, то ли от возбуждения. Но я сжала кулаки и уняла дрожь. — Я тебе не подданная и не служанка. А если ты хотел заиметь в жены пугливую овечку, так не на ту напал! Поищи еще кого-нибудь, кто обратит тебе серебро в золото!

Король даже зашипел от бессилия и ненависти. Несколько мгновений он стоял тяжело дыша, его плечи вздымались и опускались. Наконец он сказал:

— Могущественная колдунья устала от смертных, докучавших ей своими просьбами. И она выстроила дом на границе солнечного мира, чтобы, когда вздумается, прятаться от непрошеных посетителей. Однако она давным-давно ушла и с тех пор не возвращалась. Объявись столь могучая сила в моем королевстве, я знал бы об этом.

Я тяжело дышала, все еще взбешенная. Мне не казалось, что я одержала победу. Какая польза в этом знании? Все, что Зимояр сообщил мне, словно повисло в воздухе.

— Давным-давно — это когда? — вырвалось у меня.

— Будто мне есть дело до тех мгновений, которыми вы, мотыльки, в своем солнечном мире исчисляете ваши жизни! Я веду им счет лишь по нужде, — ответил он. — Смертные дети, рожденные в ту пору, давно умерли, а дети их детей состарились, — вот все, что я могу сказать. Еще один вопрос.

Что ж, этот ответ не так уж плох. По крайней мере, есть надежда, что всесильная колдунья не объявится в собственном покинутом жилище и не сожрет Магрету на ужин вместо съеденной каши. Хорошо бы узнать, кто же тогда топил печь и откуда взялся горшок с кашей, но нужно беречь вопросы. Один вопрос мне непременно нужно задать прямо сейчас.

— Я обещала своей кузине, что буду танцевать у нее на свадьбе, — сказала я. — Свадьба назначена через три дня.

Я хотела было продолжить, но король уже повернулся ко мне, и глаза его снова поблескивали. Зимояры просто помешаны на обещаниях и клятвах — понятное дело, король тут же решил, что наконец-то я в его руках. Что ж, теперь и правда все зависело от него, только совсем в другом

смысле.

— Тогда тебе придется просить меня о помощи, — елейно проговорил король с плохо скрываемым ликованием в голосе. — И надеяться на мою снисходительность.

— По доброте душевной ты мне помогать не станешь, — ответила я, довольно фыркнув себе под нос. — Ты дал мне ясно понять, что ценишь меня лишь за одно. Итак: сколько золота ты хочешь за поездку на Басину свадьбу?

Зимояр разочарованно нахмурился: видно, ожидал, что я паду ниц и буду униженно его упрашивать. Однако он был достаточно рассудителен, чтобы не поддаться досаде и не упустить своего.

— У меня три кладовые, полные серебряных монет, — отозвался он. — Одна больше другой. Преврати в золото все монеты до единой, и тогда я исполню твое желание. Но помни: ты должна работать быстро, ибо если не управишься ко времени, я не стану сопровождать тебя и ты сделаешься клятвопреступницей. — Последние слова он произнес торжествующе, словно бы уже занес топор над моей головой. Может, так и было. Я подозревала, что если я стану клятвопреступницей, плахи мне не миновать.

— Хорошо, — кивнула я.

— Что? — Зимояр дернулся и смятенно уставился на меня.

— Хорошо! — крикнула я. — Ты потребовал, чтобы я…

— Ну надо же, впервые в жизни ты не пыталась торговаться и… — Тут он внезапно осекся, его лицо снова засияло, и мне почудилась в его голосе еле уловимая горечь. — Мы договорились. Сверши сколько сумеешь к сроку.

— А велики ли твои кладовые? — настойчиво осведомилась я, но король без промедления удалился.

Я тоже не стала медлить. Я тотчас зазвонила в колокольчик, и в комнату боязливо пробралась Цоп. Служанка окинула меня быстрым взглядом в поисках следов удушения, избиения или еще не знаю какого наказания за мою неслыханную дерзость.

— Во дворце есть три кладовые с серебром, — сказала я. — Мне нужно попасть туда.

— Сейчас? — неуверенно спросила Цоп.

— Сейчас, — ответила я.

Глава 14

Мирьем ушла, и я вернулась в хижину. Магрета съежилась у печки, закутанная во всю одежду, в плащ и в меха. Я уговаривала ее прилечь, но она только качала головой. Кровать тут была одна, застеленная соломой, и Магрета твердила, что на такой постели ее старым косточкам жестко.

— Поспи лучше ты, душенька, — предложила мне няня. Магрета уже нашла себе занятие: веретено и клубок шерсти. Она не любила сидеть без дела. — Приляг и отдохни, а я тебе спою.

Кровать была узкая, жесткая и неудобная, но мне не доводилось спать толком с самой свадьбы, да и на старые косточки я пока не жаловалась. Под привычный скрипучий напев Магреты я крепко уснула. Проснулась я посреди ночи, но чувствовала себя бодрой и отдохнувшей. Магра подремывала на стуле. Я накинула шубу и вышла наружу.

Зыбкая граница между ночью и сумерками сместилась и больше не перечеркивала огород. По ту сторону ограды высился лес — дремучий, безмолвный, словно лишенный всякой жизни. В

густой тишине не было слышно ни птицы, ни зверя. Я обошла хижину, чтобы заглянуть в лохань. С Мирьем на пару мы подтащили ее к наружной стене печки, поэтому вода не промерзла до самого дна. Я разбила палкой тонкий ледок, и в темной воде возникли царские покои, залитые солнцем и блистающие всеми оттенками золота. Мирнатиус был на ногах и уже оделся. Он мерил спальню шагами, чуть прихрамывая, будто у него болела нога. Слуги накрывали ему завтрак, и все были какие-то поникшие, головы и плечи опущены. Наверняка они гадали, что сталось со мной, — уж не знаю даже, что они себе напридумывали.

Я опять вошла в хижину и поцеловала Магрету в щеку. Она все так же пряла у огня.

— Иринушка, не надо бы тебе возвращаться, — робко заговорила она, ухватив меня за руки. — До чего опасная она, эта затея ваша. Богомерзкая эта тварь твою душу поглотит.

— Мы тут не можем сидеть вечно, — возразила я.

— Так посидим, покуда он следить не перестанет, — настаивала Магрета. — А тогда уж вернемся назад и сбежим.

— От царя сбежим? Да ведь сколько народу во дворце — от всех не спрячешься! — Я покачала

головой. — А и сбежим — куда подадимся?

— К батюшке твоему… — начала было Магрета, но осеклась. Мой отец, может, и взялся бы мстить за мою смерть, однако прятать меня от мужа он не станет. Даже и не подумает.

Я не выдергивала рук; я размышляла.

— Если я исчезну прямо сейчас, не важно по какой причине, — проговорила я вслух, — войны не миновать. Отец отправится прямиком к Ульриху и Казимиру и призовет их к бою. А Мирнатиус с его демоном так запросто не сдадутся. Они спалят пол-Литваса. Им это раз плюнуть — что одному, что второму. Кто бы ни победил, наше царство превратится в развалины. А Зимояры погребут нас подо льдом.

— Душенька, ты сама-то поразмысли — твоя ли это забота? — не слишком уверенно ответила Магрета.

— А чья же еще? Я царица. — По сути, это означает, что я должна произвести на свет царевича, а в противном случае — сидеть тише воды ниже травы. Однако не многие царицы так поступали. И мне, как бы то ни было, это не грозит. — Я отправлюсь назад.

— А ну как демону этот Зимояров король и даром не нужен? — не сдавалась няня. — С этакой

нечистью разве пристало тебе уговариваться?

Я не стала спорить, а просто потихоньку высвободила руки и ласково попросила:

— Уложи мне заново волосы, Магрета.

Я сняла корону и уселась на пол спиной к няне, чтобы ей было удобнее. Она положила руки мне на плечи и подержала меня так чуть-чуть. А потом достала свой серебряный гребень и щетку из сумочки и приступила к работе. Старая няня касалась моих волос, легонько тянула меня за пряди, и это было таким родным, таким привычным. Едва Магрета закончила, я надела корону и шагнула в воду.

Слуги ушли. Мирнатиус сидел спиной к воде, и даже спина его выражала негодование. Время от времени он сердито отхлебывал из кубка; еда на блюдах так и осталась нетронутой. Я ступила в лохань с водой осторожно, с оглядкой, вышла из зеркала в золотой раме у Мирнатиуса за спиной и на цыпочках сделала несколько шагов к балкону — будто бы я только что впорхнула через окно.

— Утро доброе, муженек, — сказала я.

Он с грохотом развернул кресло, уронив кубок. Горячее вино липкой дымящейся лужей растеклось по полу.

По счастью, я была от него далеко. Если бы не

размеры этих вызывающе громадных покоев, мне бы несдобровать, но когда Мирнатиус домчался до меня, моя рука уже спокойно лежала на ручке балконной двери.

— Может, мне уйти навсегда? Посмотрим, что скажет тогда твой демон. Или ты готов все обсудить?

Он замер и выглянул с балкона. Ноги у меня были все в снегу, словно зимний ветер только что принес меня из ниоткуда и закинул в окно. И мне ничего не стоит снова взмыть на крыльях ветра.

— Что это ты собралась обсуждать? — свирепо огрызнулся он. — И почему ты вообще возвращаешься?

— Из-за податных списков моего отца, — пояснила я. Мне казалось, это должно расшевелить Мирнатиуса — именно его самого, царя, а не демона. Мирнатиус мне необходим как посредник; ему ведь вряд ли нравится, когда демон приходит в неистовство и избивает его. — Тебе известно, что с ними происходит? А что с твоими податями, ты знаешь? — прибавила я на всякий случай.

— Да уж со своими-то как-нибудь разберусь! — прорычал он. Значит, он представления не имеет, что творится с податями у моего отца, хотя вообще-то должен бы знать. — По-твоему, я должен

меньше брать с твоего батюшки, так?

— Твои податные списки — они ведь сокращаются, верно?! — рявкнула я в ответ. — Податных все меньше и меньше, да?

— Разумеется, их год от года все меньше. Я собирался увеличить подати, но Совет устроил вокруг этого такую шумиху… Да что ты заладила об этих податях?! — взорвался он. — Дураком меня выставляешь?!

— Нет, — ответила я. — А ты задумывался, почему податных все меньше? И почему Совет не дает тебе повышать подати?

— Да потому что!.. — заорал было он, но тут же примолк и медленно проговорил: — Потому что зимы с каждым годом все суровее.

Все-таки Мирнатиус не глуп. Он говорил, а сам не сводил взгляда с балкона, придавленного плотной шапкой снега. Несколько случайных снежинок, покружившись за моей спиной, уселись мне на шубу. Все это уже не казалось Мирнатиусу капризом природы. А ведь стоял первый июньский день. И, осознав, что летний снег больше не невидаль, царь призадумался. О неутихающих метелях, о загубленных на корню урожаях, об изголодавшихся крестьянах, о знати, учиняющей мятеж. И о том, как его соседи, не

ведающие голодных мук, приведут сюда своих сытых воинов и разнесут в пух и прах блистательный царский дворец прямо у него на глазах, а ему останется только отдаться поджидающему его ненасытному пламени. Я видела, как все эти мысли одна за другой проносятся у него в сознании. Ему сделалось страшно, и именно этого я добивалась.

— Это все Зимояры, — заметила я. — Зимояры длят наши зимы.

Эта мысль Мирнатиусу тоже не понравилась, но он хотя бы стал прислушиваться к моим словам. Он плюхнулся на один из своих расшитых золотом бархатных диванов, а я уселась напротив. Между нами стоял большой стол, и в его зеркальной поверхности темнело ночное небо и падал снег. В этот зеркальный квадрат я смогу нырнуть, если потребуется. Я отстранилась так, чтобы не было видно моего отражения, и в столешнице возник потолок, а между мной и царем мелькнул зеленый змей, обвивший яблоню. Мирнатиус откинулся назад и погрузился в мрачное молчание. Прикрыв ладонью рот, он выслушивал мое тщательно продуманное предложение.

На той стороне мы с Мирьем договорились: будет лучше, если она приведет короля Зимояров

сюда, а не наоборот. По эту сторону зеркала у меня все-таки было имя моего отца, была власть и царская корона на голове. Если нам повезет и наши чудища изведут друг друга, воины Мирнатиуса, лишившись военачальника, встанут под мои знамена. Да и у отца две тысячи войска — они тоже меня поддержат. Отцу, как и прежде, безразлично, чего хочу я, но сохранить мне жизнь определенно в его интересах.

Всеми этими подробностями с Мирнатиусом я, разумеется, делиться не стала. Зато рассказала, как Зимояры продлевают нам зимы, чтобы усилить свое королевство.

— Твоему демону я нужна из-за моей зимоярской крови, — заключила я. — Представь только, сколько ее в чистокровном Зимояре, тем более в короле! Если демон согласится, я приведу к тебе владыку Зимояров. Ты сохранишь свое царство и насытишь своего демона.

— С какой стати я должен тебе верить?

— А почему, ты думаешь, я все время возвращаюсь? Ты уже должен бы смекнуть, что я могу остаться там, и удержать меня тебе не под силу. Ты приставляешь ко мне все больше стражи и полагаешь, в этом есть прок? Если бы был — к чему мне рисковать собой и возвращаться?

Мирнатиус пренебрежительно махнул рукой:

— Да мне-то откуда знать, что у тебя на уме? Ну, заморозят нас Зимояры до смерти — тебе-то какая печаль? Ты сама, почитай, их роду-племени.

Это, кстати, меткое замечание: вот и Магрета сказала мне то же самое. И для нее ответа у меня не нашлось.

— Если деревья замерзнут, белки перемрут с голоду, — усмехнулась я.

— Белки! — Царь подозрительно уставился на меня. Я сказала про белок вроде бы и не всерьез, но почему-то слова, слетев с моих уст, вдруг обрели важный смысл.

— Да, белки! — настойчиво повторила я. И в этот раз я не шутила. — И крестьяне, и дети, и старые бабки, и все обычные люди, которых ты в глаза не видел, потому что для тебя они пустое место. Все те, кто умрет прежде тебя и твоего войска.

Я даже не знала, что побудило меня произнести все это. Наверное, гнев. Раньше я как будто вовсе не испытывала гнева. Он всегда казался мне бесполезным. Возмущаться, сердиться, негодовать — значит уподобляться собаке, кусающей свой хвост. Какой смысл злиться на отца, на мачеху, на непочтительных слуг? Иногда злятся на погоду,

или на камень, о который споткнулись, или на нож, которым порезали руку. Но разве погода, камень и нож в чем-то виноваты? Все это одинаково глупо. Гнев — это как огонь в камине, а у меня никогда не было дров, чтобы питать его. Не было до этой самой минуты.

Мирнатиус смотрел на меня точно капризный ребенок — как семь лет назад в саду, когда я велела ему оставить в покое мертвых белок. Да как только мне в голову пришло, что какие-то белки важнее его развлечений! Вспомнив это, я разозлилась еще больше, и мой голос аж зазвенел:

— Тебя что, правда волнуют мои резоны? Да хоть бы я и лгала — тебе от этого ни тепло ни холодно.

— Еще как тепло и холодно, если ты скрываешь правду, а ты ее скрываешь, — бросил он в ответ. — Ты мне так и не рассказала, как ты исчезаешь, и где скрываешься, и куда ты запихнула эту свою старушенцию. И что-то я не услышал подробностей насчет доставки сюда владыки Зимояров.

— И не услышишь, — отрезала я. — С чего мне доверять тебе? С тех пор как мы обменялись обетами, ты только и норовишь засунуть меня демону в пасть.

— Как будто меня кто-то спрашивал! Очень мне

надо было на тебе жениться. Он хотел этого — вот я и повел тебя под венец.

— Ну а я пошла под венец, потому что отец хотел усадить меня на трон. Можешь сколько угодно твердить, что тебя заставили, — тебя это никак не оправдывает.

— А ты сама-то — правда, что ли, затеваешь весь этот сыр-бор ради белок и чумазых мужиков? — Мирнатиус говорил насмешливо, но прятал от меня глаза. Он еще чуть-чуть подумал и сказал: — Ладно. Сегодня спрошу его, согласен ли он на короля Зимояров вместо тебя.

— Превосходно. А меж тем, — добавила я, — ты разошлешь приглашения на свадебные торжества, которые состоятся через три дня, всем своим герцогам и князьям. Будешь писать князю Ульриху — не забудь особо подчеркнуть, что царица непременно желает видеть свою дорогую подругу Василиссу. Я сделаю ее главной придворной дамой.

Мирнатиус недоуменно нахмурился:

— А это еще зачем?

— Мы не можем позволить ей выйти за Казимира, — напомнила я слегка раздраженно. Ну сколько раз ему повторять!

— Но если Казимир с Ульрихом нацелились

на мой трон, их вряд ли смутит, что дочь Ульриха — твоя придворная дама, — пожал плечами Мирнатиус.

— Их смутит, что сами они не связаны кровными узами, — пояснила я. — Лучше всего, если Ульрих будет связан кровными узами с тобой. Мы постараемся побыстрее выдать ее замуж. У тебя при дворе найдется какой-нибудь неженатый родственник? Желательно помоложе и посимпатичнее. Впрочем, не важно. — Я махнула рукой, видя растерянность Мирнатиуса. У него было две тетки, и у каждой больше десятка отпрысков. Я не всех их знала в лицо, но есть надежда, что среди них попадется какой-нибудь холостяк или подходящий вдовец. — Я сама кого-нибудь подберу. А ты сегодня представишь меня двору.

Мирнатиус хотел было заспорить, но лишь бросил тоскливый взгляд на сугроб на балконе и промолчал. Нет, все-таки он отнюдь не глуп. Насколько я могла судить, политика его мысли не занимала. Его скорее манили соблазны власти: богатство, роскошь, красота. Власть как деятельность его не привлекала, и всяческих амбиций он был начисто лишен.

Если бы он хоть немного задумывался о политике, он задал бы мне весьма животрепещущий

вопрос: а на ком мы собираемся женить Казимира? «На мне», — вот как я могла бы ответить. Мирнатиус и его демон встретят свою кончину во льду или на костре, или на худой конец сбегут, когда все откроется, и тогда мой не вполне состоявшийся брак наконец будет аннулирован.

Князь Казимир никогда мне особенно не нравился. Однажды он гостил у отца. Меня в ту пору он еще не замечал, поэтому вел себя при мне не лучшим образом. Усаживал к себе на колени служанку, тискал ее и хлопал по заду, да еще требовал, чтобы та улыбалась и делала вид, будто ей приятно. Правда, когда он уезжал спустя три дня, у девицы на шее красовалось золотое ожерелье, какое нипочем не купишь на жалованье служанки. Так что Казимир хотя бы оплатил ей причиненный ущерб. Он был примерно одних лет с моим отцом и казался человеком не особо скрытным и неглубоким. Однако князь был не дурак и жестокостью не отличался. А главное — я была уверена, что поглощать мою душу он не станет. Теперь и этого довольно, чтобы составить мое счастье в браке.

Мало-помалу я опутаю Литвас сетью и вплету в нее себя и Казимира. Казимир женится на царице, получит престол — и будет вполне удовлетворен.

Василисса выйдет за племянника прежнего царя — и так я воздвигну препятствие на пути Ульриха. Но Ульриху я нашепчу на ухо, что, дескать, пусть моя милая подруженька озаботится детьми тогда же, когда и я, и любимый внучок дедушки Ульриха в нужный час займет престол, уж это-то я обещаю. Тем самым я брошу кость и Ульриху, и родне Мирнатиуса. Теперь главное не промахнуться и устроить все как надо с Мирнатиусом и демоном. К счастью, мой супруг самостоятельно влез на лестницу, ведущую в пекло, и добрался по ней почти до конца. И мне оставалось просто слегка его подтолкнуть.

Но сначала пусть демон убьет короля Зимояров, иначе мне, спасительнице Литваса, нечего будет спасать. Я поднялась с дивана и задумчиво свела брови, словно бы меня только что озарила новая мысль.

— Погоди-ка, — вдруг сказала я. — Свадебные торжества пусть состоятся в доме моего отца. Будешь писать всем этим князьям и эрцгерцогам — вели им, чтобы приезжали в Вышню, а не сюда.

— С чего вдруг… А, какая разница, — пробормотал он, изящно помахав рукой — как будто пташка вспорхнула ввысь, взметнув кружевной

хвост-манжету. Я вздохнула с облегчением: у меня было заготовлено несколько объяснений, но каждое с изъяном. Хорошо, что получилось обойтись без них. Я не собиралась заранее сообщать Мирнатиусу, что король Зимояров через три дня явится в Вышню собственной персоной и будет пировать на другой свадьбе.

* * *

В понедельник днем я собрал долги и шел к дому Мандельштамов. По дороге мне попались двое городских мальчишек, они играли в лесу. Задираться они не стали, потому что я был больше их, но один мне вслед крикнул:

— Укокошил папашу, да? Ну и каково это?

Они не дождались, что я отвечу, и убежали. Но я весь остаток пути об этом думал. Не знаю, убил я отца или нет. Я ведь только хотел Ванду защитить от папаниной кочерги. Я не хотел, чтобы папаня об меня спотыкался. Но его угораздило споткнуться именно об меня, и он упал, и от этого-то, получается, и умер. Хотел я чего или не хотел — все вышло как вышло. В общем, не знаю.

Что я точно знал — так это про жизнь у панова и пановы Мандельштамов. Жилось мне у них очень хорошо. Я теперь никогда не ходил

голодным, ни капельки. Но даже если я сидел за столом, стоило мне подумать про Сергея с Вандой — и еда у меня в животе делалась как каменья. Вот бы мы вместе с Сергеем и Вандой могли все жить у Мандельштамов! Домик у них, правда, маловат, но мы с Сергеем и в сарае бы поспали. Только не поспим, потому что Сергей ударил нашего отца и тот умер.

И тогда я начинал гадать, как было бы лучше: мне одному жить у Мандельштамов или нам всем втроем жить с отцом? В конце концов я решил, что лучше с отцом, но всем вместе, и чтобы с Вандой и Сергеем ничего плохого не случилось. Хотя так, наверное, тоже не вышло бы: ведь будь отец жив, он выдал бы Ванду за Кайюсова сына. А если, например, я мог бы остаться у Мандельштамов или жить с Сергеем и Вандой, но не в таком хорошем месте? Что бы я выбрал? Я думал над этим долго-долго и наконец решил, что выбрал бы жить с Сергеем и Вандой. Надоели мне каменья в животе.

Орех с белого дерева я так и носил в кармане. Все хотел посадить его где-нибудь у Мандельштамов на дворе, но так и не осмелился. Я вытащил орех, поглядел на него, а потом вслух сказал:

— Матушка, я не могу посадить орех тут, потому

что Сергею с Вандой сюда никак не прийти. Я не буду его сажать, покуда не отыщется место, где мы все втроем сможем жить спокойно. — И убрал орех назад в карман.

Жалко, что мне его не посадить. Потому что матушка была бы вроде как рядом, а я по ней скучал. И все равно мне казалось, что я поступил правильно. Сергей с Вандой отдали орех мне, но матушка уж верно хотела бы, чтобы и они ее навещали.

Я принес корзину в дом. Пока панов Мандельштам тщательно все записывал, я спросил его:

— Что-нибудь говорят про Сергея с Вандой?

Он перестал писать и посмотрел на меня:

— Сегодня опять ходили их искать. Никого не нашли.

Я сперва порадовался. Но потом подумал и понял, что, может, это и плохо, что не нашли.

— Тогда я их найду, — сказал я. А как я найду их, если столько здоровых взрослых мужиков не справились?

Панов Мандельштам погладил меня по макушке.

— Будем надеяться, они пошлют тебе весточку, когда будут в безопасности, — улыбнулся он.

Но произнес он это слишком уж по-доброму,

так с козой говорят, если надо ее подманить, чтобы привязать. Нет, панов Мандельштам меня привязывать не собирался. Он просто хотел удержать меня в хорошем теплом месте, чтобы я не замерз насмерть в каком-нибудь сугробе. Но если остаться в хорошем теплом месте, я не увижу Сергея с Вандой. И я помотал головой:

— Они не пошлют весточку. Если ее послать, здесь все тут же прознают, где они, и кинутся вдогонку. И их поймают.

Панов Мандельштам не стал со мной спорить, он только посмотрел на панову Мандельштам, а та перестала прясть и тоже посмотрела на него. Значит, я прав, иначе они бы мне что-нибудь ответили.

— Сергей с Вандой собирались в Вышню. Они хотели попросить у кого-то работу, — сказал я. Я помнил, что Ванда говорила о чьем-то дедушке, и я не знал о чьем, вот что было чудно. Зато имя дедушки я сразу вспомнил. — У панова Мотеля.

— Это мой отец, — вздохнула панова Мандельштам. — Через три дня Басина свадьба, — обратилась она к панову Мандельштаму. Мы могли бы поехать и… — Тут она почему-то умолкла и озадаченно сдвинула брови. — И… — повторила она. Она встала и давай ходить по комнате и руки

стискивать. Потом вдруг застыла возле очага и посмотрела на полку с резными деревянными куколками. — Мирьем сейчас там, — вдруг сказала она. — Мирьем поехала к моему отцу.

Она так это имя произнесла, словно через стену протолкнула. Панов Мандельштам вскочил, перо полетело на пол, а сам он побледнел как полотно. Я хотел было спросить их, что стряслось-то, но едва я открыл рот, как имя вылетело у меня из памяти. Панова Мандельштам протянула руку к мужу:

— Йозеф, давно ли… — Она опять замолчала, и лицо у нее сделалось такое, что я даже перепугался. Мне сразу вспомнилось, как отец кричал на полу перед смертью.

— Пойду найму возчика, — сказал панов Мандельштам.

Уже вечерело, но он все равно надел кафтан, точно и впрямь собрался куда-то на ночь глядя. Панова Мандельштам бросилась к их потайному кувшину на полке над очагом, отсчитала оттуда шесть серебряных монет и сложила в кошель. И протянула его панову Мандельштаму. Тот взял кошель и вышел за порог.

Как только он ушел, Панова Мандельштам схватила сумку и побежала в спальню собираться.

Это хорошо, что мы едем искать Сергея с Вандой, думал я, только спешка эта мне не очень-то нравилась. Панова Мандельштам будто боялась, что если не будет торопиться, то случится что-то страшное. Она присела возле сундука и принялась вытаскивать оттуда одежду. Я ей помогал: раскрывал сумку всякий раз, когда требовалось что-то туда положить. Но вдруг она перестала доставать вещи. Она сидела на корточках и смотрела на что-то в сундуке. Там лежали платья — слишком тесные для нее — и пара маленьких черных башмаков. Башмаки были ношеные и с заплатками, но все равно еще вполне ничего. Панова Мандельштам коснулась их, и рука у нее дрожала.

— Это ваши? — спросил я.

Она ничего не ответила, только покачала головой. Сложила в сумку еще несколько вещей и закрыла сундук. Я думал, мы уже все, но Панова Мандельштам так и стояла на коленях возле сундука, а руки положила на крышку. А потом вдруг снова ее откинула. Вытащила те башмаки и протянула мне. Я их примерил. Они оказались немного велики, но зато такие мягкие. У меня никогда прежде не было кожаных башмаков.

— А давай-ка еще пару носков, — предложила

панова Мандельштам и дала мне носки из сундука — вязаные, толстые. И тоже маленькие. С этими носками башмаки пришлись мне точно впору. Ногам было тепло, даже когда я пошел на двор кормить коз. Я прямо по снегу расхаживал и не мерз.

— А пока нас не будет, кто кур с козами покормит? — спросил я, когда мы вернулись в дом.

— Схожу к панове Гавелите, попрошу ее, — ответила панова Мандельштам.

Она оделась, накинула платок, прихватила несколько пенни из кувшина и ушла. Панова Гавелите не пригласила ее войти. Стояла, скрестив руки на груди, будто стену воздвигла между собой и Пановой Мандельштам. Так и продержала ее на пороге. И стену убрала, только когда Панова Мандельштам дала ей пенни. Панова Гавелите деньги взяла и тут же отпрянула назад, в дом. И дверью хлопнула перед носом у пановы Мандельштам.

Панова Манелыптам пришла вся измученная, словно целый день провела в дороге или в поле трудилась. Но она ничего не сказала. Достала корзину и сложила туда еды на дорогу. Потом помешала угли в очаге и забросала их золой. Огонь потух, и очаг стал темным и холодным. Тут как

раз и сани подоспели, и панов Мандельштам в них уже сидел. Он вышел, взял корзину и сумку с одеждой и помог Панове Мандельштам сесть в сани. Я уселся рядом, и он набросил на нас два плаща на меху и несколько толстых одеял. Потом панов Мандельштам запер дом и калитку и тоже сел в сани сбоку от меня.

Возчик был тощий парень, наверное, Сергею ровесник. Жупан ему, видно, достался отцовский, да и под жупаном еще была пара одежек, так что он казался больше, чем есть. Он поцокал своим лошадкам, сани качнулись, и мы поехали. Дорога вела нас через город. Там было полным-полно народу. Наверное, все уже закончили работать. В поле сейчас особо делать нечего, пока снег не сошел. А в конце дороги стоял огромный домище со здоровенной трубой и еще с вывеской. На вывеске была нарисована большая дымящаяся чашка крупника. Из дома вышли несколько человек и заступили нам дорогу.

— Если ты, еврей, станешь укрывать убийц от суда, — сказали они Панову Мандельштаму, — мы все узнаем.

— Мы едем в Вышню на свадьбу, — негромко ответила им панова Мандельштам.

Один из мужчин хмыкнул и глянул на нашего

возчика.

— Ты ведь Олегов парнишка, верно? Алгис? — спросил он. Возчик кивнул. — Ты езжай с евреями. Да приглядывай за ними в оба. Понял? — И Алгис опять кивнул.

Я посмотрел на огромный дом. В дверях стоял Кайюс. Он скрестил руки на груди и голову высоко поднял, вроде как чем-то загордился. Чем это, интересно? Я уставился на него, и он это заметил. Нахмурился и грудь выпячивать перестал. А потом и вовсе развернулся и исчез в доме. Алгис взял поводья, и лошадки снова побежали вперед. Мы за его спиной сидели тихо как мыши. Мы и раньше сидели молча, но теперь это было другое молчание, нехорошее. Мы ехали в открытых санях, но мне все чудилось, будто нас где-то заперли с Алгисом. Город закончился, и по обочинам мимо нас замелькали деревья. А я смотрел на них, и они сливались в две сплошные стены, отгораживая нас от всего на свете.

* * *

Я уже догадывалась, что меня ждет, пока Цоп вела меня вниз по ступеням. И все равно я опешила, когда распахнулись двери первой, самой маленькой, кладовой. Она оказалась втрое больше

банка моего дедушки; сундуки, ларцы и мешки с серебром громоздились вдоль каждой стены до самого потолка. Помрачнев, я прошагала по тропинке между залежами серебра во вторую кладовую. Та была втрое больше первой; серебро хранилось в открытых шкафах и на деревянных полках и лежало грудами на полу, и здесь тоже были оставлены узкие проходы.

В третью кладовую вели отдельные двери из белого дерева — тяжеленные, окованные серебром. По ту сторону дверей простирался бескрайний зал, который, должно быть, вырубали в утробе горы тысячу лет, никак не меньше. По всему залу раскинулись холмы из мешков и сверкающих монет, и каждый холм был выше моего роста. Посередине кладовую пересекала река; сияющая ледяная дорога змеилась через зал из одной темной арки в другую, пробив себе извилистый путь от белой рощи через недра горы к водопаду. Здесь у меня целый день уйдет на один сундук. Сколько же волшебства нужно, чтобы обратить все это богатство в золото! И сколько времени! Ни того ни другого у меня точно столько не было.

Цоп стояла рядом, искоса посматривая на меня.

— Сходи принеси мне чего-нибудь поесть и по-

пить, — угрюмо распорядилась я и направилась в первую кладовую.

Позади у меня был долгий день, и мне очень хотелось лечь в постель. Но вместо этого я высыпала серебро из мешков, сгребла полную горсть серебра и выпустила его из рук уже золотом. Я попробовала запустить руки в мешок и обратить все его содержимое разом, но получилось не очень хорошо: что-то я непременно пропускала, и, высыпав готовое золото, я обнаружила, что десятка полтора монет остались серебряными. Так мне не обратить в золото все до единой монеты, а король снесет мне голову с плеч за какую-нибудь монетку, закатившуюся в угол. Зимояр меня поймает на самой крошечной оплошности — в этом я ничуть не сомневалась. Быстрее выйдет, если сразу все делать правильно, чтобы не пришлось потом дотошно проверять каждую монетку.

Вернулась Цоп с едой и питьем, а я одолела лишь несколько мешков. Я быстро проглотила еду. На глаза мне попалась покрывавшая поднос салфетка. Я расстелила ее на полу, высыпала на нее полмешка — монеты легли ровным слоем, каждую было видно. После нескольких попыток я освоила новый способ: едва касаясь, я проводила по монетам рукой. Выходило не очень быстро,

да и необращенные монетки оставались, но я приноровилась двигать рукой ровно и уверенно, сосредоточив волю на серебре, и тогда оно повиновалось мне.

— Принеси мне темную скатерть, самую большую, какую найдешь, — велела я Цоп.

Когда скатерть была доставлена, я принялась вываливать на нее серебро. На скатерти помещалось содержимое двух-трех мешков или сундуков: после каждого захода я выдергивала скатерть из-под новенького золота и расстилала поверх него.

Как ни смешно звучит, занятие это оказалось смертельно скучным. Я черпала волшебство ведрами и выплескивала его наружу, обращая серебро в блестящее золото касанием пальцев — и очень скоро волшебство истаяло. Лучше бы мне превращать хотя бы часть серебра в птиц или хоть поджигать. В моих действиях больше не было чуда; так бывает со словом, которое произносишь много раз подряд — и мало-помалу слово становится бессмыслицей. Я устала, тело у меня занемело, ноги и пальцы ныли, но я работала и работала. Я восседала на золоте и соскальзывала с золотого склона, чтобы подбавить себе серебра, а опустошенные, точно лишенные душ, мешки и

опрокинутые сундуки горой вздымались в углу, и гора эта все росла. Счет времени я потеряла. И вот наконец я вывалила последний сундук в первой кладовой и превратила в золото последние монеты. Я прошлась по кладовой и осмотрела все полки, все уголки в поисках завалявшейся серебряной монетки. И второй раз прошлась, и третий. Но ничего не нашла. Несколько мгновений я постояла в оцепенении, не зная, что делать, а потом улеглась на гору золота, будто какой-то диковинный дракон. И не заметила, как заснула.

Я пробудилась как от толчка. Надо мной возвышался владыка Зимояров, обозревающий свои новообретенные сокровища. Он зачерпнул горсть сверкающих золотых монет и разглядывал их с жадным блеском в глазах. Я с перепугу тут же вскочила; ноги у меня разъезжались на сыпучей золотой горе. А вот Зимояр стоял на ней как на гладком полу. Он даже подал мне руку и помог как следует встать на ноги. Правда, он вряд ли поступил так по доброте — просто не хотел, чтобы я кувыркалась у его ног.

— Который час? — выдохнула я.

Он словно не услышал. Раз не отвечает на вопрос, значит, по крайней мере, еще не настал вечер. Я не потеряла целый день. Спала я, видимо,

недолго: глаза у меня по-прежнему зудели, и в них как будто песка насыпали. Я глубоко вдохнула. Король двинулся с осмотром вдоль кладовой, заглядывая в сундуки и мешки. Прежнюю пригоршню он так и не выпускал из рук.

— Ну что? — окликнула я его. — Если я что-то пропустила, скажи сразу.

— Нет, — ответил он и раскрыл ладони. Монеты со звоном упали на золото, покрывавшее пол. — Ты обратила все монеты до единой в первой кладовой. Однако остались еще две.

Король говорил почти любезно и даже слегка склонил передо мною голову, что меня уж совсем озадачило. Он ушел, а я так и смотрела ему в спину, от изумления лишившись дара речи. Затем, опомнившись, я кое-как съехала с золотой горы вниз и помчалась в свои покои.

В зеркальце на моей постели рассветное небо лучилось золотом и пурпуром. Я безнадежно плюхнулась на кровать и уставилась на зеркальце. Целая — или почти целая — ночь ушла у меня лишь на самую малую из кладовых. Если снова не спать, может, со второй я и управлюсь к сроку, но к третьей даже подступиться не успею.

Может, все-таки сбежать? До хижины в лесу я, положим доберусь… Хотя что мне с того? Из

королевства-то мне все равно никуда не деться. И все же я не ринулась сломя голову вниз по лестнице. Вместо этого я позвонила в колокольчик и приказала Цоп с Флек принести мне завтрак, словно ничто на белом свете меня не заботило, словно исполинский серебряный меч не занесли над моей головой. То, что супруг мой так любезен, свидетельствует лишь об одном: если я не справлюсь, меня ждет смерть. Цоп и Флек то и дело украдкой переглядывались, очевидно гадая, не рехнулась ли я. А к чему мне теперь надрываться? Ну, останется королю от меня золотая гора повыше нынешней — и что? Ведь от смерти меня это не спасет. Закон Зимояров, похоже, беспощаден к любым ошибкам и промахам. Тот, кто не выполняет данного слова, наносит урон миру. И ради восполнения урона его из этого мира попросту убирают.

Я уже приготовилась опрокинуть второй бокал вина — была не была, напьюсь напоследок, в конце-то концов! — но рука моя застыла в воздухе. Я поставила бокал на место, поднялась на ноги и сказала Цоп и Флек:

— Пойдете со мной в кладовые. И пошлите за Балагулой, чтобы ждал нас там. Пусть возьмет самые большие сани, какие есть, и едет туда.

Цоп недоверчиво уставилась на меня:

— Прямо в кладовую?

— Вот именно, — подтвердила я. — Река ведь замерзла, так? Вот и скажите ему, чтобы гнал упряжку от белой рощи по льду в кладовую.

Олени вели себя настороженно. Упряжка, появившаяся из темной арки, старательно прокладывала себе путь меж высоких холмов, сложенных из серебра. Балагула слез с облучка и вел оленей в поводу. Флек, Цоп и Балагула насторожились еще больше, чем олени, когда я изложила суть дела. Я нарочно не стала спрашивать, а только сказала им, что надо делать.

— И куда… и куда нам надо это везти? — нерешительно уточнила Цоп.

Я ткнула пальцем с темное жерло коридора, что вел на другую сторону горы:

— Отгоняйте сани туда и там разгружайте. Да следите, чтобы места оставалось довольно.

— И просто… оставить? — переспросила Флек. — Посреди коридора?

— Полагаете, кто-то его оттуда украдет? — холодно вопросила я.

Они все вздрогнули и отвели глаза, чтобы я ни о чем не догадалась по их лицам. Сохранность сокровищ меня волновала меньше всего. А вол-

новало меня то, что я обещала обратить в золото каждую монету, которая хранилась внутри кладовых. Теперь же в кладовых монет поубавится, и случится это очень быстро. И если моему муженьку не по нраву, что его серебро валяется где попало, так пусть везет его назад. После того, как я закончу.

Балагула, помедлив несколько мгновений, подхватил по три мешка в каждую руку и бухнул их в сани. Олени в испуге прижали уши. Флек и Цоп еще чуть-чуть постояли и принялись помогать.

Удостоверившись, что вся троица исправно трудится, я развернулась и направилась во вторую кладовую колдовать со своей темной скатертью. Сегодня работа казалась мне еще утомительнее, чем вчера. У меня ныла каждая косточка, но при этом не так хотелось спать, и поэтому мне было и больнее, и тоскливее. Но я работала и работала, серебро обращалось и обращалось в золото, и я ссыпала его в проходы между холмами из серебра. Я даже на еду и питье не делала перерыва. Зеркальце висело у меня на шее, и солнце немилосердно быстро совершало свой путь по небосклону. Бессчетные сундуки с серебром покоились на полках в шести шкафах. Полуденный блеск уже начал гаснуть, а я добралась только

до половины первого шкафа. Ко второму я приступила, когда горизонт на краю зеркальца уже затеплился закатом. Первый из трех моих дней подошел к концу.

Спустя несколько минут появился мой супруг, верный своему неумолимому распорядку. Он зачерпнул горсть золота с порога и пропустил монеты сквозь пальцы, а сам тем временем пристально изучал, как у меня идут дела. Поджав губы, он покачал головой, словно бы опечаленный тем, сколько еще мне осталось.

— А в котором часу свадьба? — спросил он.

Я трудилась очень сосредоточенно. Выяснилось, что если как следует собраться с мыслями, можно пробить слой монет вдвое толще прежнего. Вопрос Зимояра меня сбил. Я с тяжелым вздохом откинулась назад.

— Я обещала, что буду танцевать на свадьбе, а музыканты будут играть до полуночи, — сухо ответила я. — Значит, времени у меня до полуночи.

Я, конечно, храбрилась, но сама-то понимала, что времени у меня кот наплакал: два дня и две ночи, чтобы прокопать ложкой гору насквозь.

— Ты еще не закончила здесь, а тебя ждет третья кладовая, — сказал он с горечью. Как будто

это не он сам придумал для меня непосильную задачу! Хорошо, что двери закрыты и он не видит, что творится в третьей его сокровищнице. — Что ж, обрати сколько сумеешь к своему роковому часу. — Я уставилась на него во все глаза. Если бы я не надеялась преуспеть, я остановилась бы прямо в тот миг.

Он, точно не заметив моего взгляда, холодно произнес:

— Задавай свои вопросы.

Сейчас мне не ответы нужны, а время. Можно спросить его, что мне грозит, если я не справлюсь. Но, сказать по правде, мне не очень-то хотелось это знать, да и без этого было чего опасаться.

— Не знаешь ли ты способа ускорить мою работу? — спросила я без особой надежды. Но все-таки о магии ему известно куда больше, чем мне.

— Ты можешь делать свою работу как делаешь, и никак иначе, — ответил король. При этом он покосился на меня чуть ли не с подозрением: видно, вопрос показался ему слишком уж нелепым. Королю не верилось, что я и впрямь его задала. — Откуда мне это знать, если не знаешь ты?

Я бессильно тряхнула головой и потерла лоб тыльной стороной ладони.

— Что за пределами твоего королевства? Что

там, где кончается свет?

— Тьма, — сказал Зимояр.

— Уж это я и сама вижу! — досадливо бросила я.

— Зачем тогда спрашиваешь? — В его голосе прозвучала ответная досада.

— Потому что хочу знать, что таится во тьме!

Он нетерпеливо махнул рукой:

— Мое королевство! Мой народ и наша глубинная мощь, что делает гору крепче. В вашем мире смертных сменялись столетия и поколения, а мы возводили наши сияющие стены. Мы вырвали у тьмы нашу твердыню, и отныне нам навеки даровано жить среди зимы. Или ты думаешь, что все это так легко устроено и ты можешь, играючи, пересечь границу моего королевства и вернуться назад? — Он обвел взглядом кладовую, полную серебра, и добавил с внезапной грустью: — Возможно, ты сожалеешь о данном второпях, как заведено у смертных, обетовании и теперь ищешь способ сбежать, нарушив клятву в моем королевстве? И не надейся отыскать дорогу во владения гномов. Не надейся, что там тебя ждет приют вместо возмездия.

Зимояр презрительно ухмыльнулся, словно пристыдив меня за мысли о побеге. Конечно, я

бы рванула в бега и глазом не моргнув, но эти владения гномов для меня все равно что луна. Где их искать, неизвестно, и неизвестно — тут король, по всей видимости, прав, — какой прием мне там окажут. Получается, мне больше не о чем спрашивать Зимояра. Нравы и обычаи его королевства меня отныне не интересуют — ведь я не собираюсь тут задерживаться. Единственное, что меня пока интересует, — это как побыстрее покончить с работой.

— Ты можешь мне как-то помочь со всем этим? — спросила я.

Он снова махнул рукой:

— Нет, насколько я могу судить. А если бы и мог, не стал бы нарушать наш уговор. Ты по неразумию слишком высоко вознесла свой дар, и я не считаю, что теперь ты вольна откупиться.

Он развернулся и вышел вон. А я оглядела зловещие горы из серебра и подумала, что, наверное, он прав.

Глава 15

Ирина ушла, а в этом домишке так холодно, и чудится, будто белые деревья за окнами придвинулись ближе, будто они тянутся сюда белыми ветвями. Я закуталась поплотнее в меха, подтащила стул поближе к огню и уселась поесть еще каши. Мои хворые косточки ныли. Только шевельнусь — они так и скрипят друг о дружку в суставах. Чуть двину рукой или ногой — и мне уже неможется. Но всего хуже было сидеть тут одной посреди лютой зимы. Я подбросила в печку еще полено и поворошила огонь — от холодной мглы за стенами это не спасет, зато вроде как рядом кто-то есть. Некуда тут податься бедной старушке, бедной усталой старушке. «Не ходи в лес, а то утащат тебя Зимояры и увезут в свое королевство», — говорила мне матушка, когда я была девочкой. А нынче что? Затаилась я в этом самом их королевстве словно мышка. А ну как огонь погаснет или каша вся выйдет? Хорошо хоть дров припасено в ящике возле печи.

Чудной кто-то тут хозяйничал. Пока Ирина беседовала с той девицей-еврейкой, я нашла

клубнику и мед, соль и овес. А в придачу к ним шесть клубков грубой пряжи — неровной такой, комковатой, как плохо сваренная каша. Да еще старое веретено, нынче такие уже не в ходу. Пряжа цеплялась за пальцы, но сама шерсть была добротной, только не прочесана и спрядена небрежно. Точно пряха очень спешила закончить работу. От моей госпожи герцогини мне за такое попало бы тростью по костяшкам. Теперь-то Галина герцогиня, и пряжа ее не слишком заботит, не то что Иринину мать. Та садилась прясть, и из рук ее текла белая нить, и поблескивала — ни дать ни взять алебастр. А Иринина мать сидит себе, да смотрит в окно, да напевает тихонько. И никогда даже не взглянет на чужую пряжу. Но прежде их обеих я служила герцогине.

Та давным-давно схоронилась в монастыре; я слышала, что ее уже десять лет как на свете нет, Господь да призрит на нее оком своим. В последний раз я ее видела в страшный день, когда Иринин отец разрушил городскую стену. Та битва его сделала герцогом, а отца нынешнего царя усадила на престол. Мы, женщины, сбились в кучку и глядели из дворца на дым сражения. А потом дым этот повалил над городом. Герцогиня отвернулась от окна и сказала нам: «Идемте».

Нас было шесть незамужних девиц, и она отвела нас в подземелье, в небольшую комнатку в самой глубине. Дверь в той комнате была будто из того же камня, что и стена. И герцогиня заперла нас там. С тех пор я ее не видела.

Холодно там было, темно и тесно. Примерно как сейчас в этой лесной хижинке в ледяных тисках зимы. Мы жались друг к дружке, дрожали и плакали. Но нас они все равно нашли, вражеские воины. Да что там нас — они тогда весь дворец перерыли. До всего добрались: до драгоценностей, до мебели, даже до той милой маленькой арфы, на которой играла госпожа Аня, пока ее не унесла лихорадка. Я видела обломки — кто-то грохнул арфой о стену. Воины разбежались по дворцу, как прожорливые муравьи, что ни единой крошки в доме не упустят.

Когда они вломились в нашу комнатку, было уже совсем поздно. Они уже порядком умаялись, да и не много их осталось: их товарищи уже по большей части улеглись спать. Они бы, может, нас и не нашли. Но к тому времени мы уже отчаялись: думали, что сидим тут не первые сутки, хотя и прошло-то всего несколько часов. Одна из нас вдруг вся затряслась и как давай твердить, что, мол, никто нас не выпустит и мы тут

замурованы на веки вечные. И мы с нею заодно перепугались. Поэтому, заслышав за дверью чьи-то голоса, мы как давай кричать во все горло: «Помогите! Помогите!» Воины отперли дверь, а мы так и поп***а***дали им на руки — плачущие, еле живые. Они с нами обошлись по-доброму, дали воды, когда мы попросили. Их хорунжий отвел нас к своему господину и доложил, что нас кто-то запер в подземелье.

Эрдивилас, тогда еще барон Эрдивилас, расположился в герцогском кабинете как у себя дома. Уже повсюду валялись его бумаги, его люди сновали туда-сюда. Хотя, как по мне, большой разницы не было. Впрочем, я и потом-то бывала в кабинете всего раз-другой. Герцог за мной не посылал — не такая уж я была красотка. Но и не такая образина, чтобы герцогиня отправляла со мною записки супругу. Новый герцог глядел суровее, чем прежний. Однако он посмотрел на нас и сказал: «Оно и к лучшему. Отведи их на женскую половину да прикажи мужчинам не трогать их. Ни к чему нам быть извергами». А нам он велел: «Займитесь чем-нибудь полезным». Я очень старалась быть полезной. И раз уж я больше ничего не умела, то взялась за веретено. В покоях прежней госпожи осталось много шер-

сти. Я много клубков тонкой нити тогда спряла, хорошо, на совесть. В городе тем временем все полыхало, а когда немного улеглось, новый герцог оставил меня при хозяйстве, видно решив, что польза от меня есть. Бесполезных-то он при себе не держал.

Я благодарна была ему за это. И воинам, что освободили нас из подземелья, хоть они и враги. Ни мужа, ни приданого у меня не было, да и подружек тоже. Матушка моя была женою бедного рыцаря, который все свое скромное имение проиграл да прозакладывал евреям. Мой отец выхлопотал матушке место при герцогском дворце, а сам уехал в крестовый поход и сгинул. Матушка вскоре тоже скончалась — от той же лихорадки, что и Аня, в ту же зиму. Герцогиня из жалости оставила меня при себе. Она горевала о маленькой Ане, а я была несколькими годами моложе. Но к той поре, когда Эрдивилас брал город штурмом, я уже выросла. А герцогиня укрылась у святых сестер еще до того, как нас выпустили из подземелья.

У меня никого не осталось. Я сидела на женской половине и пряла себе. Так прошли годы. Руки у меня стали болеть, если я работала слишком много, да и глаза уже не годились для искусной

вышивки. Когда Сильвия, мать Ирины, принесла мертвого мальчика и сама умерла, все женщины исправно плакали. А я не стала. Я прокралась в детскую, где спала малышка. Никто ее не любил, да и мать ее не любили — верно, оттого, что обе они ни в чьей любви не нуждались. Крошка росла совсем тихой. Она не унаследовала диковинных глаз матери, и все же в ее взгляде сквозила нездешняя задумчивость. Когда я вошла, Ирина сидела в кроватке: верно, ее разбудили вопли плакальщиц. Сама девочка не плакала. Только подняла на меня свои темные глаза, и мне стало не по себе. Я уселась рядышком и стала петь ей и всячески успокаивать. Когда Эрдивилас вошел в детскую, он увидел, что за малышкой уже приглядывают. И велел мне делать это и дальше.

Я была только рада снова заполучить теплое местечко. Но герцог вышел, а Ирина все смотрела на меня так задумчиво, точно понимала, зачем я здесь. Разумеется, я вскоре полюбила ее. Мне ведь некого больше было любить. Пусть она не моя, но мне дозволили взять ее взаймы. Не знаю, что она ко мне чувствовала. Иногда глядишь на других ребятишек — так те со всех ног бегут навстречу нянюшкам и матерям, ручки раскинут, смеются, обнимаются, целуются. А она нет. Я себе

внушала, что такая уж она уродилась и любовь у нее на свой лад — тихая, холодная, как только выпавший снег. И все же до конца я сама в это не верила. До того самого дня, когда явились посланцы от царя, чтобы доставить меня к ней и тем самым погубить ее. Тогда-то я и поняла все про ее любовь. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Она поспала немного на кровати, здесь, в хижинке. А я сидела у печи и пела ей, моей девочке, как раньше. И теперь я знаю, что она моя, а не просто взятая взаймы. Клубки, что я нашла тут, были смотаны неплотно, и я сумела их размотать даже своими негнущимися пальцами с набухшими суставами. И у меня при себе был серебряный гребень и щетка — все, что мать Ирины оставила дочери. Я расчесывала шерсть, и пряла ее заново, и сматывала. А после каждого нового клубка я подбрасывала полено в очаг. Так я и просидела за пряжей, пока Ирина не проснулась.

Отправилась она к нему, к ведьминому отродью, к черному супостату, что крадется тенью по дворцу и прячет дьявольскую личину за неземной красотой. А ну как он не станет ее слушать? Ну как обидит? Однако что толку мне беспокоиться — от моих волнений ни прибудет, ни убудет. Я

ведь ничего тут не смогу изменить. Всю-то жизнь меня носило туда-сюда, словно речным потоком, а теперь вышвырнуло на незнакомый берег. И что мне делать? Любила я мою Иринушку, хранила ее сколько могла — да только не под силу мне уберечь ее от мужчин и от демонов. Я заплела ей косы, надела ей на голову корону и отпустила с богом. А когда она ушла, я занялась чем могла — сидела ждала, пряла, пока руки не начинали неметь, и тогда я опускала их на колени и прикрывала ненадолго глаза.

Проснулась я внезапно: последнее полено хрустнуло в печке. Снаружи доносились шаги, а я спросонья не могла сообразить, где я и почему так холодно. Шаги делались ближе и ближе — и вот Ирина открыла дверь. В первый миг я ее не признала — такая она была чужая. Стояла в дверях вся серебряная, с этой тяжелой короной на голове, а зима за ее спиной ярилась пуще прежнего, и она была точно частью зимы. Я так и оцепенела со страху. Но тут же поняла, что лицо-то ее, Ирининo. И меня отпустило. Она вошла, закрыла дверь и вдруг стала внимательно ее разглядывать.

— Это ты сделала, Магра? — спросила она.

— Что сделала? — растерялась я.

— Да дверь же, — объяснила Ирина. — Она сно-

ва висит как надо.

Я никак не могла уразуметь: а раныие-то что с ней было не так?

— Я только пряла, — ответила я. Я хотела показать ей шерсть, да как назло запамятовала, куда же засунула все эти клубки. На столе их почему-то не оказалось. Ну да и бог с ними. Главное — вот она, моя девочка, я держу ее за руки, а руки-то у нее совсем ледяные. И она принесла мне целую корзину всякой снеди.

— Все ли хорошо, душенька? Не обидел он тебя?

Сейчас, в это мгновение, ей ничто не грозит. А что такое наша жизнь, если не одни сплошные мгновения?

* * *

Мы с Сергеем молча вытаращились на горшок с кашей. Потом оглядели все вокруг. Я вдруг вспомнила, что убирала шерсть на полку вместе с веретеном и вязальными спицами. А сейчас моя пряжа лежала кучей на столе. То есть это я так сперва подумала — «моя пряжа». Никакая она не моя. Она была смотана в клубки, и когда я взяла один в руки, то увидела, что и нить другая — гладкая, мягкая и гораздо тоньше. А рядом еще лежал

серебряный гребень — до того красивый, самой царице впору расчесываться. И с картинкой — два рогатых оленя тянут сани по снежному лесу.

Я поискала свою пряжу на полке, но ее там не оказалось. А тонкая пряжа была того же цвета. Я еще раз внимательно поглядела: и сама шерсть была та же. Только спрядена по-другому. Кто-то мне словно показывал: вот как надо.

Сергей заглянул в дровяной ящик. Он наполовину опустел. Мы переглянулись. Ночью сильно похолодало, так что один из нас мог бы слезть с печки и подбросить дров в огонь. Но я с печи не слезала. И, судя по лицу Сергея, он тоже. Тогда Сергей сказал:

— Схожу, может, добуду белку или кролика. Заодно и дров принесу.

Сергей намыл мне шерсти с избытком, у меня еще много оставалось. Я прежде никогда не пряла такой тонкой нити, как эта, но теперь я старалась. Я долго-долго расчесывала шерсть серебряным гребнем, аккуратно, чтобы не поломать зубцы. И когда я наконец уселась за пряжу, то вспомнила, как учила меня матушка. Она мне наказывала натягивать потуже. «Попробуй-ка сейчас побыстрее, Ванда», — говорила она. А я все позабыла. Как матушка умерла, я перестала следить, чтобы пря-

жа была мягкая и тонкая. В доме все равно лучше меня никто не спрядет. Я посмотрела на свою юбку — связана грубо, и шерсть вся комковатая. Матушка, бывало, носила большие мотки пряжи к соседке через три дома — у той был ткацкий станок. И возвращалась с готовым полотном. Но мою-то пряжу ткачиха в работу бы не взяла. Вот и приходилось вязать одежду самой.

С одной-единственной куделью я возилась долго, наверное, больше часа. Только я закончила — тут и Сергей вернулся. Принес кролика, серо-коричневого. Пока брат свежевал его, я приготовила еще каши. Я все положила в горшок — и мясо, и кости, да еще картошки с морковкой добавила, чтобы жаркое вышло наваристое. В этот раз я целый горшок в печь поставила, нам с Сергеем вдвоем столько не съесть. И Сергей это видел, но промолчал, и я промолчала, и думали мы об одном: кто бы ни прял нашу шерсть, кто бы ни ел из нашего горшка, пусть он лучше ест кашу. А то кто его знает, чем ему захочется полакомиться, если каши не будет.

Я решила, что начну вязать, пока каша готовится. Надо бы прикинуть, сколько мне придется вязать, подумала я, чтобы лишнего не прясть. Я вывязала ряд на двойную ширину постели — все

время прикладывала и измеряла — и так пошла вязать дальше. Работа у меня не спорилась. Я вязала на совесть, чтобы петли были ровные и не слишком свободные. Но привычки к старанию у меня не было. Все время отвлекалась и делала большие петли. А то, наоборот, в одном месте затянула и не заметила. Провязала уже три ряда и только тогда сообразила, что уж больно туго спицы в петли проходят. Я сперва решила, что уж с этого-то места буду внимательнее, но последний ряд у меня вышел такой плотный, что я совсем измучилась и продвигалась еле-еле. Наконец я плюнула, распустила три последних ряда и связала то место, где ошиблась, заново.

Связав первый клубок, я остановилась поглядеть, что выходит. Получился кусок примерно с мою ладонь. Пряжа была так хорошо спрядена и скручена, что шерсти ушло больше, чем я ожидала. Я измерила длину постели ладонями — насчитала десять. У меня еще пять клубков и одна кудель, что я вычесала сегодня. Значит, если спрясть еще три таких кудели, должно хватить. Я аккуратно сложила вязанье и убрала на полку, а сама снова уселась прясть.

Пряла я до самого вечера. В доме делалось все холоднее. Возле двери и окон, там, где в щели

проникал студеный воздух, клубились облачка пара. Мороз потихоньку расползался по дому. Сергей мне помогать не мог, поэтому он занялся дверьми — смастерил для них деревянные петли. Под навесом отыскалась маленькая ржавая пила и гвозди — и он принялся за работу. К порогу и косякам с внутренней стороны он прибил еще несколько деревяшек, чтобы дверь плотнее прилегала и ветер не задувал. И с окнами он сделал то же самое. А еще законопатил все щели глиной и соломой. Холод снаружи больше не шел в дом, и теперь стало тепло и уютно. А от печки и горшка с кашей так славно пахло. До чего необычно быть в теплом месте и с едой. И еще необычнее, что я стала к этому привыкать. К такому привыкаешь быстро.

Я закончила прясть, и мы сделали перерыв на ужин.

— Наверное, я дня за три управлюсь, — сообщила я, пока мы уплетали кашу. Но добрую долю мы оставили в горшке.

— А сколько мы уже здесь? — спросил Сергей.

Я отложила ложку и принялась считать в уме. Начала я с базарного дня. Вот я продала передники на рынке. Это было утром, потом я пошла домой, и там меня поджидал Кайюс. Даже в

мыслях я постаралась поменьше на этом задерживаться. Но это все был один день. Потом мы убежали в лес и долго там плутали, до самой ночи. А потом мы нашли нашу хижину. Получается, мы нашли ее в тот же день. Хотя кажется, что уже в другой. Но на самом деле в тот же.

— Понедельник, — наконец промолвила я. — Сегодня понедельник. Значит, мы тут пять дней.

Я сказала это, и мы оба притихли над своими мисками. Непохоже, что прошло пять дней. Не целых пять дней, а всего пять дней. Нам-то казалось, что мы тут чуть ли не всю жизнь.

И Сергей сказал:

— Может, про нас уже знают в Вышне. Послали туда весточку.

Я перестала есть и подняла на него взгляд. Он это, должно быть, к тому, что не надо нам вовсе отсюда уходить. Лучше бы нам тут насовсем остаться.

— По такому снегопаду кто туда доберется? — медленно проговорила я.

Мне и самой не хотелось уходить. Но было боязно: все-таки тут вещи появляются сами по себе, и кто-то прядет мою шерсть, и ест нашу кашу, и жжет наши дрова. Наверное, оставаться тут дольше резона нет. По дороге мы замерзли

бы насмерть, вот и остались. Тогда идти никак было нельзя. И еду мы по-честному отработали: стул починили и кровать скоро починим. Двери с окнами уплотнили. Но дом-то не наш, и мы не вправе тут поселиться. Не мы этот дом строили. Мы не знаем кто. И спросить не у кого, можно ли нам тут пожить. Может, нам бы и разрешили, да как узнаешь?

— Еще три дня нам все равно тут торчать, — заключил Сергей. — Глядишь, к тому времени и снег подтает.

— Ладно, там посмотрим, — отозвалась я. — Может, я с вязанием быстрее управлюсь.

Мы убрали со стола, и я пошла к полке, где оставила вязание. Только вязания там больше не было. Вместо него на полке лежало полкаравая свежего хлеба, а под тонкой красивой салфеткой еще немного ветчины, и головка сыра, и кусок масла — и от всего отрезано было лишь по чуть-чуть. Там стояла коробка с чаем и даже банка вишен в сиропе — Мирьем как-то покупала такую на рынке. И там была корзина, куда поместилась бы вся эта снедь.

Я так долго пялилась на это изобилие, что Сергей даже забеспокоился и тоже подошел. Мы не знали, что и думать. Поверить-то в такое невоз-

можно. Но вся эта еда — она тут, перед нами, и не скажешь, что ее нет. Кто-то как будто приходил в дом и оставил еду на полке — но ведь не было этого. Мы бы увидели — мы же не спали.

Конечно, нам страшно хотелось отведать этих чудесных кушаний. Я помнила вкус этой вишни — густой сироп, приправленный ароматами лета. Но мы не решились. Овес и мед — это куда ни шло, а тут нам было совсем страшно. Такая еда даже к этому дому не подходила. И в конце концов, мы только встали из-за стола, еще не проголодались.

— Оставим на потом, — предложила я, подумав. — Сейчас-то мы сытые.

Сергей кивнул. Он взял топор и со словами «Пойду дров наколю» вышел на двор, хотя уже стемнело. Но дрова нам были нужны. Мы ни полешка не подбросили в огонь, а ящик почти опустел.

Вязание мое лежало на постели. Оно показалось мне каким-то чужим. Я развернула его: кусок был такой же, какой связала я, только кто-то распустил его и связал заново. И теперь тут был узор. Красивый вьющийся стебель с цветами — выпуклый рисунок, он нащупывался пальцами. Я ничего подобного прежде не видывала: такую работу разве что на рынке продавали, да и то не

настолько тонкую.

Я распустила чуточку, чтобы понять, как делается узор, но каждый ряд был связан как-то по-особому, и петли тоже все различались — такое ввек не упомнишь. Понятное дело, тут без волшебства не обошлось. Я вытащила из печки палочку с обгоревшим концом и принялась сама творить волшебство. То волшебство, которому обучила меня Мирьем. Я начала с первого ряда: сосчитала, сколько там петель, и записала. Если петля была лицевая, я ставила пометку над ней, а если изнаночная — то под ней. И еще делала всякие пометки: если петли собирались вместе или если появлялись добавочные петли в ряду. Я писала цифры мелко, как если бы заполняла книгу Мирьем. Я насчитала тридцать рядов — все разные — и подобралась к началу.

Когда я закончила, весь узор раскинулся передо мною на полу, обращенный в цифры. В цифрах он выглядел совсем не так. И я не до конца верила, что сумею сделать из цифирного узора шерстяной. Но я вспомнила, как эти закорючки в книге Мирьем обращались в серебро и золото. А потому я взялась за спицы и начала новый ряд. На узор я вовсе не смотрела. Я решила, что буду верить только цифрам. И я им поверила, и пошла за ними

следом, и когда я связала тридцать рядов, то остановилась посмотреть. Оказалось, что все на месте — и стебли, и листья, такие же красивые, и это я сама сделала. У меня получилось волшебство.

Вернулся Сергей, потопал ногами у порога. Все плечи у него были запорошены снегом. Он свалил в ящик охапку дров, но ящик наполнился только до половины.

— Пойду еще принесу, — сказал Сергей. — Опять снег повалил.

* * *

Я весь день просидел втиснутый между пановом и Пановой Мандельштамами, и на мне были навалены сверху всякие одеяла и шубы, но я все равно мерз сильнее и сильнее. Наверное, это оттого, что Алгис следит за нами, думал я. Хотя так-то это неправда. Просто чем ближе к вечеру, тем больше холодало и свинцовые тучи делались все гуще. Мы уже полдороги до Вышни проехали, и тут начался снег. Сначала маленький снежок, а потом как повалило — мы уже и лошадиных голов впереди не различали. Так мы проехали сколько-то времени, и панова Мандельштам вдруг говорит негромко:

— Надо бы нам остановиться в ближайшей

деревне и заночевать там. Здесь должно быть недалеко.

Но мы ехали и ехали, а дома все не показывались.

— Алгис, — наконец не выдержал панов Мандельштам, — а ты уверен, что не сбился с дороги?

Алгис сгорбился в своих одежках и повернулся к нам. Он ничего не ответил, но глядел совсем перепуганно. Он уже понял, что заблудился. Мы проезжали одно место, где дорога изгибалась, и лошади вдруг свернули и проехали между двумя деревьями. А те деревья росли вовсе не по обеим обочинам. Они просто торчали немного в стороне. Но дорогу и кусты уже замело снегом, вот Алгис и не заметил. Просто ехал как ехал, и все. А теперь мы заблудились в лесу. Лес был огромный, а вдалеке от дороги и от реки никто не селился. Потому что построишь дом поодаль от берега — и тебя убьют Зимояры.

Лошадки бежали уже не прытко. Они устали и еле тащились. Ноги у них вязли, приходилось каждый раз выдергивать копыта из снега. Так они долго не протянут.

— И что нам делать? — спросил я.

Алгис уже отвернулся и сидел, согнувшись над

поводьями. Панов Мандельштам сказал ему в спину:

— Не волнуйся, Стефан. Мы сейчас встанем где не так ветрено, укроем лошадей одеялами, дадим им зерна и травы нарвем. А сами постоим между ними под одеялами. Так мы согреемся, а там и солнце взойдет. Как только рассветет, мы сумеем понять, где мы. Уверен, ты найдешь нам хорошее место, Алгис.

Алгис опять ничего не ответил, но вскоре потянул вожжи и остановил сани возле очень большого дерева. Сперва-то мы не сообразили, что заехали в лес, а сейчас это стало хорошо видно: деревья здесь были куда выше, чем у дороги. Росли бы такие деревья у опушки — их бы давно уже срубили и пустили в дело. А отсюда уж больно тащить далеко. Наше дерево в толщину было примерно с лошадь, а в стволе у него зияло прогнившее дупло — вроде как небольшое укрытие для нас.

Мы с Пановой Мандельштам приняли поводья, а панов Мандельштам с Алгисом протоптали тропинку к дереву и построили снежную стену вокруг прогалины. Лошади — они ведь куда больше коз. Я их немножко побаивался, но надо же было держать поводья. Лошадки стояли смирно,

не прыгали, как козы, — верно, оттого, что очень устали. Наконец мы отвели лошадей на прогалину, забрали из саней все одеяла и набросили лошадкам на спины. Панов Мандельштам взял из саней поклажу и сгрузил ее в дупло. А потом помог Панове Мандельштам выбраться из саней, пройти по снегу и сесть на наши сумки.

Панов Мандельштам выпрямился и поглядел на Алгиса — а тот стоит возле саней, весь пришибленный. И говорит чуть ли не шепотом:

— Я забыл бадью наполнить.

Это он о той бадье, в которой зерно. Так что лошадок кормить нечем.

Панов Мандельштам долго ничего не говорил. Очень долго. И наконец он произнес:

— Нам повезло, что это поздний снег. Зелень только-только припорошило. Надо поискать под снегом и нарвать лошадям травы.

Голос у панова Мандельштама звучал как и прежде, по-доброму, только мне показалось, что внутри он уже не добрый. Поэтому он и молчал так долго. Наверное, сильно распереживался. И я распереживался тоже. Я копался в снегу изо всех сил. Панова Мандельштам дала мне башмаки, и я мог раскидывать снег ногами. Но здесь, под сенью большого дерева, я находил все больше

сухие сосновые иглы, а не траву.

Мы все разбрелись кто куда.

— Смотри не теряй из виду большое дерево, — наказал мне панов Мандельштам. — А то снег заметет твои следы и дороги назад не найдешь. Сделал десять шагов — остановись и погляди по сторонам.

Большое дерево было таким большим, что можно было отойти далеко и все равно его видеть. Но я отсчитывал каждые десять шагов, пока не отыскал место, где проглядывало небо. Там раньше росло огромное дерево, но теперь оно было мертвое, упало и лежало как заснеженная гора. И вышла дырка среди деревьев. Я принялся раскидывать снег башмаками и отломанной веткой — там-то и оказалась трава. Она уже чуть живая была, но все-таки не вся пожухла, и к тому же осталась еще сухая трава, прошлогодняя. Я рвал ту, до которой сумел дотянуться. Получалось не очень-то много, но если ты голодный, то любой крошке рад. С людьми это так, да скорее всего и с лошадьми тоже. Я набрал полные руки травы и пошел назад. С лошадьми осталась Панова Мандельштам. Она их гладила по мордам и тихонько им пела. Но лошадки совсем повесили головы. Панова Мандельштам их хоть напоила. Я не сразу

догадался, откуда она воду взяла, а потом увидел, что ее всю трясет. Значит, она набрала снега в ведро и согрела его в своих объятиях. Вот так и получилась вода.

Я поделил траву поровну между двумя лошадками. Но они с земли есть не стали, тогда панова Мандельштам подняла траву и покормила их с рук. Они принялись есть и все сжевали очень быстро. Панов Мандельштам с Алгисом тоже вернулись. Травы они не принесли, зато Алгис притащил веток на растопку. Правда, ветки были мокрые, от таких огонь вряд ли займется.

— Там еще есть трава, — сообщил я.

— Я с ним схожу, — сказал Алгис панову Мандельштаму. Алгис так и не решался поднять взгляд. Ему небось было стыдно: завез нас невесть куда, да еще и забыл бадью наполнить. А сейчас пытается вину загладить. По мне, так пускай бы помучился. И мне не хотелось с ним идти. Но сказать-то об этом я не мог, поэтому пришлось нам вдвоем идти на ту прогалину. Алгис раскинул свой жупан на снегу, и мы набросали на него целую кучу травы. Алгис понес траву к лошадям, а я остался искать еще. Он отнес траву и вернулся мне помогать.

С Алгисом дело шло быстрее, он ведь был выше

и сильнее меня. Но лучше бы вместо Алгиса мне помогали Сергей с Вандой. Они оба еще выше Алгиса и сильнее, и они бы надергали еще больше травы, и уж точно не забыли бы наполнить бадью. Разве только зерна бы не нашли. А будь у них зерно, они бы про бадью непременно вспомнили. И следить за нами не стали бы.

Я вовсе не хотел быть добрым к Алгису. Вдруг мы из-за него все перемерзнем насмерть? А если не мы, так лошади — бедняги так уработались, а им еще и еды не дали. Мы тогда застрянем посреди леса, без лошадей-то. А если мы отсюда никуда не уедем, получится, что мы вроде как тут поселились. И тогда за нами явятся Зимояры. Я не любил думать про то, что тот Зимояр сотворил с Сергеем. Но иногда ночью мне об этом думалось. И сейчас тоже.

Наконец мы с Алгисом повыдергали всю траву на прогалине. Мы все еще разметывали снег, но под ним оказывались только те места, где траву мы уже собрали. И тогда мы пошли назад. Лошадки сжевали всю траву, но так и стояли понурые, потому что не наелись. Да еще замерзли — огня-то не было. Панов Мандельштам и так и этак пытался — но хоть бы одна искорка вылетела. Оно и понятно: растопка-то вся отсыревшая. Хорошо

хоть для нас еда нашлась: панова Мандельштам уложила нам с собой целую корзину. Она бы тоже не забыла про бадью с зерном. Но она и Алгису еды дала, и даже много — большую порцию, как панову Мандельштаму.

Мы поели, и тут одна из лошадей тяжко вздохнула и опустилась на землю. Земля была холодная, но лошадка никак не могла подняться — так ослабела. Панов Мандельштам и Алгис пытались ее поднять, да все без толку. Панова Мандельштам держала вторую лошадь, чтобы и она не легла, но та постояла немного — и тоже опустилась. Шеи у лошадок совсем пригнулись к земле. Я подумал, что, наверное, они скоро умрут. А мы даже если и не умрем, то окажемся посреди леса одни-одинешеньки. Как Сергей с Вандой, только мы не такие крепкие, как они. Они меня нарочно с собой не взяли: они могут долго идти по лесу, а я не могу. Хотя кто их знает. Может, они остались где-то в чаще и уснули навеки в снегу. Как и мы скоро уснем.

Я ничего не мог поделать. Мне росту не хватало, даже чтобы потянуть вожжи и поднять лошадок. Все остальные тоже уже отчаялись. Панова Мандельштам усадила меня рядом с собой, чтобы я приткнулся к лошадиному боку. Мы укрылись

одеялами и меховым плащом. Лошадиное тело защищало нас от ветра. И дерево нас защищало. Мы так толком и не согрелись, но больше уж ничего сделать было нельзя. Я засунул руки в карманы и прижался к панове Мандельштам. Орех так и лежал у меня в кармане, и я стиснул его покрепче.

* * *

Король Зимояров ушел, а я отправилась в большую кладовую проверить, как там продвигается работа. Больших надежд я не питала — очень уж много там хранилось серебра. Была лишь крошечная искорка надежды — чуть светлее, чем черное отчаяние. Но хотя бы не упущу возможности позлить муженька до того, как он от меня избавится.

Однако Цоп, Флек и Балагула сделали куда больше, чем я ожидала. Выбрасывать деньги — совсем не то, что копить. К тому же зимоярская сила была им серьезным подспорьем. Они уже проделали большую прогалину посреди кладовой, и сани опять стояли наполовину полные. Слуги опорожнили почти все мешки, остались только монеты, лежащие в куче. Правда, и куча была немаленькая. Все трое выпрямились,

когда я вошла, и воззрились на меня. Вид у них был измученный, несмотря на волшебную силу. Выбрасывая мужнино серебро, я никаких угрызений совести не испытывала. Но слуги — другое дело. Их мне придется нещадно гонять в хвост и в гриву — и так, если доживу, до самого конца. Эту ночь, и следующий день, и еще одну ночь, и еще один день — и вечер до самого последнего часа, что мне удастся выкроить перед танцами. Благо Бася девушка городская. А это значит, что свадьба рано не начнется. Всю ночь без сна и отдыха: кому — веселье до упаду, кому — тяжкий труд. И веселье выпадет не мне. Только кого это заботит?

— Мне нужно поесть и попить, — сказала я слугам. — И себе принесите что-нибудь. И если мне суждено дожить до конца всего этого, — прибавила я, — я обращу в золото все то серебро, которым вы владеете и которое сумеете одолжить. Это будет моя благодарность за ваши труды.

Все трое застыли как вкопанные. Через мгновение они нерешительно переглянулись: она правда это сказала? И наконец Цоп не выдержала:

— Мы же слуги.

— Я хотела бы, чтобы вы помогали мне не

только поэтому, — осторожно произнесла я. Не сработало. Они по-прежнему смотрели недоверчиво, словно я пригласила их на прогулку по комнате, полной змей. Флек сплела пальцы перед собой и уткнулась в них взглядом.

И вдруг Балагула произнес:

— Воздающая, — это прозвучало как имя, — хоть тебе и неведомо, что ты творишь, я принимаю данное тобою обетование. И взамен вверяю себя тебе, если ты принимаешь обетование, данное мною.

Он прижал кулак к ключице и поклонился. Цоп сглотнула комок в горле и выговорила:

— Равно и я. — И тоже согнулась в поклоне.

И покосилась на Флек. Та стояла с несчастным и растерянным видом. Однако через мгновение и Флек еле слышно пролепетала:

— Равно и я. — И, прижав ладони к груди, поклонилась.

Что ж, Балагула прав: я не ведаю, что творю. Но я только что сотворила нечто важное, и оно, безусловно, того стоило.

— Я принимаю данное вами обетование, — ответила я.

Флек опрометью кинулась за едой, а Цоп с Балагулой тем временем принялись с удвоенной

силой опорожнять мешки, как будто от этого зависела их жизнь тоже, а не только моя. А впрочем, возможно, так оно и было. По-моему, золото того не стоит, но слуги явно были уверены в обратном. А раз так, то мне грех жаловаться.

— Нужно сменить упряжку, — сказал мне Балагула, когда Флек вернулась с едой и я присоединилась к слугам для трапезы в большой кладовой. Я кивнула. Мы все с жадностью набросились на пищу, я отпила немного холодной воды и вернулась к себе во вторую кладовую.

Наверное, я за эту ночь задремала разок-другой, но ненадолго. Я начала было клевать носом, но, дернувшись, почти сразу проснулась: в соседней кладовой простучали копыта — значит, еще одни сани, полные серебра, отправились в коридор. В глазах у меня кололо и щипало, спина и плечи затекли, но я провела рукой над монетами, рассыпанными по скатерти, и опорожнила ее.

Слишком медленно тянулись часы — слишком стремительно они пролетали. Время превратилось в пытку, и я хотела лишь одного: чтобы все закончилось. Когда в моем зеркальце зарделся рассвет, сердце мое забилось чаще. Работа теперь шла быстрее: я изобрела способ обращать разом двойной слой серебра. Я уже вовсю трудилась над

третьим шкафом. Но оставалось еще три, и, если я хочу преуспеть, мне нельзя сбавлять скорость. И все же иногда приходилось есть и пить. Цоп принесла мне блюдо с едой и чашку с водой. Руки у меня так дрожали, что я едва не расплескала воду. Я судорожно проглотила все, даже не ощутив вкуса. И вернулась к своей нескончаемой каторге.

Король явился, когда в моем зеркальце растаял свет заката. Я уселась на корточки и вытерла лоб рукой. Лоб у меня был сухой, хотя мне казалось, что я должна обливаться потом. Зимояр окинул кладовую угрюмым взором, прикидывая, сколько мне еще осталось. Я почти закончила четвертый шкаф, но оставались только ночь и день, и пока неизвестно, сколько я провожусь с кошмарной третьей кладовой.

— Что значит, по-вашему, преподнести кому-то дар? — спросила я. Мне не терпелось узнать, что же я сотворила со своими слугами.

Зимояр нахмурился:

— Дар? Нечто, дающееся безвозмездно? — Судя по его голосу, это было что-то сродни убийству.

Я задумалась, как бы мне поточнее описать то, что я сделала:

— То, что дается в благодарность за услугу, ко-

торую я и так вправе потребовать.

Он смотрел все так же презрительно:

— Лишь недостойный помышляет о подобном. Все должно возмещаться.

Он-то использовал мой дар совершенно безвозмездно и в ус не дул, пока я его носом не ткнула. Но я не стала об этом напоминать.

— Ты давал мне разные вещи и услуги безвозмездно, — сказала я.

Серебристые глаза расширились.

— Я давал лишь принадлежащее тебе по праву либо исполнял твои веления, и ничего более, — поспешно произнес он, словно опасаясь, как бы я не оскорбилась в лучших чувствах. И прибавил: — Ты моя супруга; ты же не думаешь, что я хотел сделать тебя верительницей.

Значит, за дар нужно платить, и платить вот этим самым…

— Что такое верительница?

Он молчал, в очередной раз пораженный моим вопиющим невежеством в таких простых вещах.

— Тот, кто вверяет себя другому. Тот, чья судьба связана с судьбой другого неразрывными узами, — проговорил он очень отчетливо, точно объясняя что-то несмышленому ребенку.

— Этого мне недостаточно, — резко бросила я.

Он досадливо всплеснул руками:

— Тот, чья судьба связана с судьбой другого! Если господин возносится — возносятся и его верители, если господин низвергается, низвергаются и его верители; если господин запятнал себя — его верители тоже запятнаны, и смыть позор они могут только собственной кровью.

Я в ужасе вытаращилась на мужа. Выходит, Балагула, Флек и Цоп тоже ставят свои жизни на кон вместе со мной. Я-то думала: я не справлюсь — мне и расплачиваться, но теперь неудача грозит смертью не только мне. И тем хуже, что прозвучало это из уст самого короля. «Запятнаны» — как будто речь шла об испорченном полотне, спасти которое можно лишь выкрасив его целиком в багровый цвет крови. Надо вытянуть из него еще какие-то подробности — вдруг я все-таки чего-то не поняла. И я отчаянно просипела, еле шевеля онемевшим языком:

— Не могу вообразить, чтобы кто-то по доброй воле согласился на такое.

Зимояр скрестил руки на груди.

— Если воображение тебя подводит, это не значит, что вопрос остался без ответа.

Я сжала губы. Что ж, справедливо. Нельзя прямо так в лоб, нужно обдумать вопрос как следует.

— Ну хорошо. Что побуждает вас соглашаться на подобные узы или отвергать их?

— Соглашаются, конечно же, те, кто жаждет возвыситься, — не раздумывая, ответил он. — Занять более высокое положение. Веритель лишь на одно сословие отстоит от господина. Дети верителя наследуют и узы, и сословие, но дети его детей получают по наследству только сословие. В каком бы положении ни пребывал веритель на момент рождения внуков, внуки получают его сословие по праву. Отвергают узы те, кто и так высокого сословия. Или те, кто подозревает, что господин, предлагающий узы, потерпит неудачу. Только глупец отважится связать себя за столь сомнительную плату. — Король замолчал, явно довольный тем, как он повернул беседу, но тут же насторожился. — Отчего такой интерес к верителям? — осведомился он.

— А я должна отвечать на твои вопросы? — протянула я самым что ни на есть елейным голосом, стараясь, чтобы это прозвучало как вопрос. Он открыл рот, потом снова сжал губы, раздраженно глянул на меня и вышел, не сказав ни слова. Бесплатные ответы мне не полагались.

Он ушел, а я какое-то время сидела в молчании, не возвращаясь к работе. Я не ведала, на

что обрекала Балагулу, Цоп и Флек, а теперь ведаю. Я внушала себе, что после драки кулаками не машут, поздно что-то менять. Я ведь только предложила — в конце концов, они сами решили согласиться. Они-то, в отличие от меня, понимали, на что идут.

И я никак не могла отделаться от мыслей о кругах — о сословных кругах, что я видела во время свадебной церемонии. Слуги в серых одеждах стояли в самых дальних кругах, опустив головы. Я не просто обещала им богатство — я вдруг вымостила им золотую дорожку, что вела от самого дальнего круга к самому ближнему, к высшей знати. Я для них как фея с отравленным яблочком в одной руке и заветным желанием в другой. Кто откажется от такого, даже рискуя расстаться с жизнью? И тут меня прошиб холодный пот: Флек почти отказалась. Балагула и Цоп хоть и боялись, но согласились быстро, а Флек колебалась.

Лучше мне не знать почему. Лучше об этом не думать. Спросить ее я не могу. Я пыталась оправдаться этим, но руки у меня так тряслись, что, когда я запустила их в серебро, оно не стало золотом. Наконец я поднялась на ноги и распахнула двери в большую кладовую — в кладовую, где Балагула, Цоп и Флек торопливо сваливали

серебро в сани. Прежде острые, грани у них на лицах округлились от усталости, а льдистые голубые глаза туманились, как овеянное дыханием стекло на морозе. Они опустошили уже почти половину кладовой. Для меня еще есть надежда: надежда выжать все возможное из их силы, из их мужества. Они остановились и посмотрели на меня. А мне не хотелось говорить. Не хотелось тратить силы, подыскивая слова.

И все же я сумела выдавить:

— Если у вас есть дети, скажите мне, сколько их.

Цоп и Балагула молча повернулись к Флек. А та прятала от меня глаза.

— У меня есть дочка, только одна, — еле слышно прошептала она. И, отвернувшись, снова принялась за работу, а серебро звонко сыпалось с ее лопаты как смертоносный сверкающий дождь.

Глава 16

Просыпаться я не хотел, но во сне матушка звала меня, словно бубенчик звенел, и я открыл глаза. Лошадей всех засыпало снегом; снег лежал во всех ямках на меховом плаще, которым укрыла нас панова Мандельштам. Остальные еще крепко спали. Я сперва подумал, что надо, наверное, всех разбудить, но снегопад так и не утих, и было очень холодно, и я решил, что, может, мы и до утра-то не доживем. Поэтому ни к чему их будить, а то проснутся и испугаются. Я же испугался. Но тут я услышал звук. Тот самый звон, который меня разбудил. И звенело где-то совсем неподалеку.

Я еще минуту посидел и выбрался из-под мехового плаща. Стужа стояла жуткая, я мигом весь продрог, но пошел туда, где звенело. Вскоре я различил, что это топор. Кто-то рубит дрова. Я остановился. Кто это взялся дрова рубить тут, в самой чаще, да еще в снегопад? Чудно как-то. Но если кто-то рубит дрова, то уж, надо думать, на растопку. А если так, может, он и нас пустит посидеть у своего огня. И тогда мы не умрем.

Поэтому я шел на звенящий стук. Стук делался все громче, и я увидел парня, который рубил дрова. Я даже принял его за Сергея — но откуда тут Сергей, просто парень на него похожий. И все-таки я позвал:

— Сергей!

Парень обернулся — и оказалось, что это и вправду Сергей. И я кинулся к нему. Я сперва испугался, что мы все умерли и попали на небеса. Как нам обещал священник в церкви. Папаня нас водил в церковь, только очень редко, когда священника встречал в городе. Но ведь на небесах-то вроде не положено мерзнуть и хотеть есть? Хоть бы только мы не очутились в аду за то, что убили папаню!

— А ты не мертвый? — на всякий случай спросил я.

— Да нет, я живой! — сказал Сергей. — А ты-то откуда взялся?

Я взял его за руку, и отвел к большому дереву, и показал всех, кто там спал. И ткнул пальцем в сторону Алгиса.

— А он соглядатай, — пояснил я. — Мужики в городе ему велели сказать, если вдруг мы вас встретим.

Сергей чуть помолчал и пожал плечами. Я так

понял, он не хотел бросать Алгиса одного на верную погибель, хоть тот и следил за нами, и бадью наполнить забыл, и вообще завез нас в чащу. Но не завези он нас в чащу, мы бы не нашли Сергея. Ладно, может, я и перестану злиться на Алгиса.

Мы разбудили Мандельштамов и Алгиса. Они увидели Сергея и очень удивились, но и обрадовались тоже, а вот Алгис порядком струхнул. Сергей пошел проверить, что с лошадьми. Одна лошадка умерла. Вторая никак не желала вставать, но Сергей схватил ее под мышки и стал поднимать, а Алгис тянул за поводья, а мы с пановом и пановой Мандельштамами тоже помогали, подпихивали лошадь снизу. И наконец она встала.

Сергей провел нас через лес к тому месту, где он рубил дрова, но пошел дальше. Через несколько шагов я заметил маленький огонек. Мы, как его увидели, сразу ускорили шаг, даже лошадка. И мы пришли к маленькому домику с трубой и большим навесом. Под навесом лежала куча соломы. Сергей завел туда лошадь, и она сразу захрустела соломой.

— В доме еще овес есть, — сказал Сергей. — Вы проходите.

Ванда была в доме. Она открыла дверь, потому что услышала голоса. Панова Мандельштам

радостно вскрикнула — и ну ее обнимать. И расцеловала в обе щеки. Ванда не знала, что ей делать, но она тоже радовалась, я заметил.

— Заходите, — пригласила она.

Мы зашли в дом. Там было тепло и вкусно пахло кашей. Стул здесь стоял только один, да чурбак, чтобы сидеть. И еще постель, а на печи соломенный тюфяк. Панову Мандельштам усадили на стул возле печи, и Ванда укутала ее большим одеялом. Панов Мандельштам уселся на чурбак рядом с ней. Алгис съежился на полу у огня. А мне Ванда велела залезать на печь.

— Я чаю согрею, — сказала Ванда, и я еще удивился: откуда у нее тут чай? Да и что это за домик такой? Я успел подумать, что горячий чаек сейчас самое то, но заснул прежде, чем чай вскипел. И проспал как убитый до самого утра. А под утро проснулся оттого, что деревом скребли по дереву, и на меня вдруг холодом повеяло. Я спросонья поднял голову. Панов и панова Мандельштамы спали рядом со мной. А Ванда с Сергеем прикорнули на полу у печки.

Разбудил меня скрип притворенной двери. Алгис вышел из дому и затопал по снегу. Я чуть было снова не заснул, но опомнился и позвал Сергея. Только было уже поздно. Сергей выскочил

наружу, но Алгис уже был таков. И лошадь прихватил. Сергей накормил лошадку овсом, растер ей ноги, дал ей напиться теплой воды, и к утру лошадке сильно полегчало. Это крепкая лошадь, сильная — чтобы в сани запрягать. Одного Алгиса она на спине запросто увезет. И поскачет быстро. А то, может, и сама к дому дорогу отыщет. И тогда Алгис расскажет всем в городе, где мы.

— Надо торопиться в Вышню, пока не сошел снег, — сказала панова Мандельштам, когда мы все уселись за столом. Ванда сделала чаю, в печке стояла каша на всех нас, чтобы поесть на дорожку. Сергей и панов Мандельштам притащили еще чурбаков вместо стульев. — Еда у нас есть, теплая одежда тоже. Выйдем на дорогу, попросим кого-нибудь подвезти нас. В квартале никто на нас не донесет, а в банке у нас деньги. Мы подкупим всех кого надо, чтобы с вас сняли обвинение. Мой отец знает, к кому пойти.

— Только я должна закончить с постелью, — ответила Ванда. Она показала нам большое одеяло, которое вязала, и я увидел наконец, что это вовсе не одеяло, а чехол для тюфяка. Очень красивый. С таким искусным рисунком из листьев.

Даже панова Мандельштам восхитилась.

— Ванда, до чего же дивная работа! — сказала

она, потрогав вязанье. — Возьми ее с собой.

Но Ванда лишь помотала головой:

— Мы должны постель доделать.

Она так это сказала, что не поспоришь. Должны, и все тут. Не знаю почему. Я посмотрел на постель и на чехол.

— Но ведь уже почти готово, да? — спросил я. — Гляди, он уже почти как постель.

Ванда подняла свое одеяло. Оно было длиннее ее роста. Она вытянула руки вверх сколько могла, а одеяло все еще почти доставало до пола. Потом она сложила вязание. И почему-то посмотрела испуганно.

— Верно, — сказала она. — Теперь я закончу быстро.

— Ванда… — начал было панов Мандельштам. Он, видно, хотел спросить о чем-то, но Ванда затрясла головой совсем отчаянно, потому что ни в какую не хотела говорить. И панов Мандельштам сдался: он хоть и был большой охотник до слов, но понял, что словами тут делу не поможешь.

— Как тебе угодно, Ванда, — чуть подумав, произнесла панова Мандельштам. — Делай что считаешь нужным, а я приготовлю кашу.

Ванда быстро сшила две стороны чехла и набила внутрь целую кучу шерсти. А после зашила

отверстие и уложила готовый тюфяк на кровать. Кровать очень славно смотрелась. А мы с пановом Мандельштамом меж тем помогали Сергею прибраться во дворе и под навесом. И ящик с дровами мы снова наполнили. За ночь он опустел. Чудно, что этой печке надо так много дров. Понятно, почему Сергей рубил их ночью в чаще. Потому что иначе мы бы без дров остались. Панова Мандельштам попросила меня принести ей длинную палку. Она привязала к палке пучок соломы и подмела в доме.

Каша поспела, и мы поели. Потом вышли на двор с мисками — это были всего-то деревяшки, которые Сергей срезал с дерева, — и снегом их отмыли дочиста. Миски мы убрали на полку в доме. Ванда поставила вариться еще горшок каши, хоть мы и собрались уходить. Она закрыла дверцу в печке, и мы огляделись вокруг. Домик мы оставляли чистым и уютным. Он по величине был почти как наш прежний дом. Только здесь мне нравилось больше. Здесь и доски пригнаны лучше, и печка покрепче, и крыша понадежнее. Мне было жалко отсюда уходить, и, кажется, Сергею с Вандой тоже.

— Спасибо за приют, — сказала Ванда дому, будто тот был человеком. Она подхватила корзину и

вышла наружу. А мы вышли следом.

* * *

Мы работали в обеих кладовых не покладая рук, прерываясь разве что на глоток воды. Нас подгоняло приближение рокового часа, общего для всех четверых. Я уже придвинулась достаточно близко к двери и слышала, как позвякивает и шуршит серебро на лопатах. Меня так и подмывало сходить и проверить, как идут дела у слуг, но я себе не позволяла. Минуты текли сквозь пальцы подобно серебряным монетам. Когда утренние лучи расцветили мое зеркальце, у меня перед глазами все плыло; стоило мне поднять взгляд на серебро — голова кружилась. Приходилось с усилием возвращать себя к работе. Оставался еще один шкаф, и внутри меня отчаянный голос умолял в безумном порыве вывалить содержимое всех сундуков и обратить весь остаток разом. Я на миг прикрыла глаза и свела ладони. И продолжила работу.

Я даже не стала прерываться на завтрак. И я была признательна своему супругу, что он не явился с утренней проверкой, — если тут вообще можно вести речь о признательности. Все тело у меня ломило, точно меня и впрямь поколотили.

Но страх подстегивал меня. Я все время представляла, как они сделают то, что им полагается сделать. Вложат нож в ручку маленькой девочке и велят ей перерезать себе горло? Или они сами ее убьют? Или заставят Флек это сделать? Я знала, что не будет никакого снисхождения, никакой милости. Милость нельзя возместить, если ты мертв.

Я в своей кладовой опустошала сундук за сундуком и обращала их содержимое. И наконец я управилась с последним: теперь все серебро до единой монетки было золотом. Я скинула со скатерти последнюю горку и, шатаясь, поднялась на ноги. В моем зеркальце небесная синева начала тускнеть: солнце клонилось к закату. Времени у меня еще примерно час. Волоча за собой скатерть, я распахнула дверь в третью кладовую.

Она почти полностью опустела. Сани стояли у дальнего прохода, почти полные. Флек с Цоп разгребали остатки в углу на ближнем берегу реки; Балагула трудился на другом берегу. Я подбежала к служанкам.

— Ступайте помогите ему! — велела я Флек и Цоп.

У них не было сил даже кивнуть. Обе девушки послушно присоединились к Балагуле. Я расстe-

лила скатерть, сгребла на нее серебро голыми руками и обратила его. И осталась лишь маленькая горка, нелепая в этой громадной пещере — жалкие остатки, которые соскребаешь со стенок горшка, когда весь мед уже съеден. Но горшок все же был немаленький, и даже эти жалкие остатки нужно превратить в золото.

Мои руки дрожали, когда я обращала последние монеты. Балагула увез в коридор груженые сани, и пока он ездил, Флек и Цоп перекидали лопатами все оставшееся серебро на берег, чтобы загрузить побыстрее, когда вернется Балагула. Я предоставила им завершить работу, а сама пошла обыскивать кладовую: не завалялась ли где-нибудь в уголке монетка, не блеснет ли ненароком забытое серебро? В зеркальце уже почти стемнело.

Но слуги поработали на совесть. Лишь на одной маленькой полочке, торчащей из стены, я отыскала одну-единственную монету. Оленьи копыта процокали по льду: Балагула увозил в коридор последний невысокий холмик серебра. Коридор был уже плотно завален, и Балагуле пришлось немного сдать назад, чтобы кое-как высыпать на лед то, что было в санях. Флек и Цоп медленно приблизились. Я подняла последнюю монетку,

зажав ее между большим и указательным пальцем, и золото растеклось по обеим ее сторонам. В этот миг створки дверей распахнулись и вошел мой супруг.

На лице короля застыло мрачное напряженное выражение. Однако при виде опустевшей кладовой его лицо мгновенно изменилось. Он так и замер с открытым ртом. Я вся дрожала от слабости и возбуждения, но нашла в себе силы расправить плечи и надменно просипеть:

— Вот. Я обратила все до единой монеты в твоих кладовых в золото.

Он дернул головой и уставился на меня. Я ожидала, что он примется бушевать, а он вместо этого смотрел чуть ли не растерянно, словно не зная, что и подумать обо всем этом и обо мне. Король медленно обвел взглядом забитый серебром коридор, сани, понурого Балагулу, держащего под уздцы оленей, Флек и Цоп, качавшихся от усталости, как тоненькие ивы на порывистом ветру, и снова посмотрел на меня. Он прошагал через кладовую ко мне, взял у меня из пальцев последнюю монетку и сломал ее голыми руками.

— Это все равно золото! — запротестовала я.

— Конечно, — бесцветным голосом отозвался король. Он стоял в полузабытьи, стоял долго.

Наконец он очнулся, поднял голову и положил золотые половинки на полочку. А потом церемонно отвесил мне учтивый поклон. — Задание, что я дал тебе, исполнено. Я отвезу тебя в солнечный мир, как обещал, дабы ты могла танцевать на свадьбе у своей кузины. А теперь вопрошай, моя госпожа.

Его церемонность сбила меня с толку: я-то приготовилась к очередному сражению. Поэтому я молча заморгала на него невидящими глазами. Ни один вопрос не шел мне в голову. И, чуть-чуть подумав, я спросила:

— Есть у меня время принять ванну?

Проплутав три дня и три ночи почти безвылазно меж серебряных гор, я перемазалась с головы до пят.

— Готовься сколько пожелаешь. У тебя столько времени, сколько тебе потребуется, — отозвался король. Ответ мне показался каким-то туманным, ну да если мой супруг так говорит, значит, и я спорить не стану. — Вопрошай еще дважды.

Покосившись на Флек, Цоп и Балагулу, я сказала:

— Я обещала обратить их серебро в золото в награду за помощь. Они приняли мое обетование, я приняла их. Значит, они мои верители?

— Да, — подтвердил король и слегка склонил голову, обернувшись ко всей троице.

Похоже, он не ощутил ни малейшего неудобства по этому поводу. Экая невидаль: вчера последние слуги — сегодня высшая знать. Правда, слуги не чувствовали себя так вольготно: они принялись отвешивать низкие поклоны, да так и застыли в неловких полусогнутых позах. И наконец Флек, выпрямившись, вдруг осознала, что все закончилось, что мы справились. Она дернулась будто марионетка, огляделась вокруг и закрыла лицо руками, заглушая вскрик — то ли надрывный, то ли радостный.

Я и сама была бы не прочь сесть и разрыдаться.

— У меня есть время обратить их серебро сейчас? — спросила я. Я же не собиралась сюда возвращаться.

— На этот вопрос ты уже получила ответ, — сказал король. — Вопрошай еще.

Прямо досада берет: в кои веки приходится вымучивать вопросы!

— Почему так? Почему это одно и то же: принять ванну и обратить их серебро?

Он нахмурился.

— Ты исполнила все честь по чести, исполню

все и я, — провозгласил он. — Я своей рукой остановлю бег времени, если потребуется, дабы ты не испытывала в нем недостатка. Ступай же и готовься сколько пожелаешь, а после дай мне знать, как будешь готова. И мы отправимся в путь.

Он еще раз оглядел пустую кладовую. Я же пыталась вникнуть в его слова. И, вникнув, запоздало рассвирепела:

— Ты, значит, и так мог доставить меня на свадьбу вовремя!

Правда, в дверях уже никого не было, и я прокричала свое обвинение в пустоту. А та ответила мне таким же равнодушным молчанием, каким, наверное, ответил бы и мой супруг.

Я все смотрела вслед ушедшему королю, и вдруг Цоп нерешительно произнесла:

— Но он не мог.

— Что? — переспросила я.

Цоп обвела кладовую рукой:

— Ты проделала великий труд. Теперь он сможет проделать столь же великий труд взамен. Высокое волшебство всегда имеет цену.

— Да мы половину его сокровищ выкинули вон! Какой же это великий труд? — сердито бросила я.

— Ты обязалась исполнить неисполнимое и

проложила дорогу к совершению невозможного, — пояснила Цоп.

— Ну да, — вздохнула я и только тут спохватилась. — Да ведь ты мне ответила! Дважды!

Цоп как будто даже немного опешила.

— Я твоя верительница, Воздающая, — произнесла она. — Больше нет нужды в договорах со мной.

— Значит, вы будете отвечать на мои вопросы? — уточнила я, пытаясь уразуметь, что происходит. Все трое разом кивнули. Надо же, а мне, как назло, и спросить нечего. Точнее, спросить-то мне есть что, но вряд ли стоит об этом заговаривать при нынешних обстоятельствах: например, как убить короля Зимояров, каким он владеет волшебством, одолеет ли он демона. Вместо всего этого я объявила: — Ну что ж, раз время в моей власти, я очень хочу принять ванну. А перед отъездом я обращу ваше серебро в золото.

* * *

Я написала письма князю Ульриху и князю Казимиру, а Мирнатиус подписал их. И даже нехотя отвел меня вниз на ужин и усадил за свой стол. Правда, тут ему потребовались некоторые дополнительные приготовления.

— Ты это же самое носила два дня назад, — сердито буркнул Мирнатиус, когда я вышла из алькова, где переодевалась. У меня на миг остановилось сердце. Неужели он наконец заметил серебро Зимояров? Но я тут же поняла, что он имеет в виду мое бледно-серое платье — лучшее произведение мастериц моей мачехи. Да, я его уже надевала, и надену еще, причем без всяких раздумий. Даже эрцгерцогиня не может себе позволить ежедневно менять платья.

Но Мирнатиус, как видно, моего мнения не разделял. Он желал видеть меня каждый божий день в новом одеянии. Прихоть, наверняка приводившая в ужас советников, что следили за его счетами. Представляю, как бесится царь, расходуя волшебство на умиротворение этих нытиков. Разумеется, Мирнатиус ждет, что и я стану играть по его правилам.

— Ты бы все же справился насчет податных списков, — сухо обронила я.

Мирнатиус тем временем дотошно копался в моем сундуке с приданым. Его ждало разочарование: он обнаружил только три — всего три! — приличных платья, да и те для царицы уже порядком поношенные.

Он выпрямился, пристально посмотрел на ме-

ня и положил руки мне на плечи. И из-под его ладоней хлынули складки зеленого бархата и нежно-голубой парчи: словно цветастая бабочка вдруг выпорхнула из кокона. Концы широких рукавов с серебряными кистями негромко стукнули об пол. Царь сам сегодня облачился в нежно-голубой наряд и плащ с темно-зеленым подбоем. Так что мы спустились к придворным, одетые в тон. И все же Мирнатиус не до конца удовлетворился моей внешностью.

— Хотя бы волосы у тебя красивые, — проворчал он, оглядывая мои замысловато уложенные на затылке косы. Он, похоже, опасался, что придворные засмеют его выбор.

Я не бывала в Корони уже четыре года, но за отцовским столом частенько бранили столичные нравы, поэтому я знала, чего ожидать. Мирнатиус, насколько сумел, превратил царский двор в свое отражение. Заправилами при дворе были главы самых знатных семейств Литваса, обладатели собственных дворцов в столице. Однако блеск и великолепие царским чертогам придавали скорее не они, а разодетые в пух и прах придворные и разномастные приживалы, которых царь охотно терпел в своем доме. Половина дам носили наряды с открытыми плечами и без воротников

— это при том, что на окнах лежали шапки снега толщиной в пол-локтя. Мужчины, подражая царю, предпочитали шелка и бархат, совершенно неуместные, если приходится скакать верхом. И ведь все эти люди не обладали волшебным даром и не умели перекраивать одежду одним взмахом руки. Они хищно косились друг на друга, ревниво выискивая недостатки. Право, избранницу Мирнатиуса можно было бы лишь пожалеть, даже будь она редкостной красоткой.

Но серебро Зимояров поумерило придирчивость двора. Мы вышли в зал, и поначалу придворные смотрели на меня с насмешливым прищуром, потом озадаченно, а потом все как один воззрились на меня, потерянные, изумленные, и позабыли, что им надлежит вести светскую беседу. Иные мужчины не сводили с меня алчного звериного взгляда, даже когда говорили с Мирнатиусом. После того как четвертый придворный сверзился с помоста, где стоял трон, из-за того что слишком усердно таращился на меня, Мирнатиус обернул ко мне недоуменное лицо.

— Ты зачаровала их, что ли? — требовательно спросил он, когда между придворными возникла пауза. Двое желторотых юнцов примерно одного

ранга взахлеб спорили с распорядителем, кто из них первым предстанет перед царицей.

Я не собиралась делиться с ним секретом своей привлекательности. Подавшись к нему с заговорщицким видом, я прошептала:

— Моя матушка была волшебница. И перед смертью она преподнесла мне три чудесных дара. — Мирнатиус тоже подался ко мне и слушал. — Первый — ум, второй — красота. А третий состоит в том, что глупцы не замечают ни того ни другого.

Он вспыхнул.

— При дворе глупцов полно, — огрызнулся он. — Так что третий дар у тебя с подвохом.

Я пожала плечами:

— И что с того? Ты и сам хорош. Ведьмы и колдуны всегда безобразны перед смертью, когда их сила на исходе, правда? Впрочем, полагаю, они такие и есть в жизни, просто прячут уродство под чарами.

Мирнатиус распахнул глаза:

— Я ничего не прячу!

Но, думая, что я отвернулась, он исподтишка ощупал лицо кончиками пальцев, точно испугался, что под прекрасными чертами прячется мерзкий тролль. Ну, хотя бы отвлекся от меня и

моих чар — и на том спасибо.

— Которые из этих мужчин с тобой в родстве? — осведомилась я, чтобы он опять не задумался о чарах.

Он неохотно показал мне с полдюжины кузенов. По большей части кузены удались в породу прежнего царя: рослые, с косматыми бородами и грязными сапожищами. И придворным этикетом эти детины определенно тяготились. Они все, конечно, годами превосходили Мирнатиуса — тот был отпрыском от второй жены. Но среди кузенов я все же разглядела одного расфуфыренного юношу с претензией на светский шик. Он топтался рядом с матерью, теткой Мирнатиуса, — дремавшей у камина старухой в пышном парчовом одеянии. Все ясно: любимчик, маменькина отрада на склоне лет. Юноша хоть и не обладал красотой Мирнатиуса, но, судя по всему, взял своего царя и родича за образец для подражания. К тому же он вышел ростом и был плечист.

— Вон тот женат?

— Ильяс? Понятия не имею.

Но, к чести Мирнатиуса, он сподобился встать и подвести меня к тетушке для знакомства. А тетушка мигом восполнила пробел в его познаниях.

— Так кто ваш отец? — громко осведомилась она. — Эрдивилас… Эрдивилас… как его?.. Ах да, герцог Вышни. — Тетушка оглядела меня с некоторым сомнением: что, даже не эрцгерцог? Но после секундного раздумья покачала головой и сказала Мирнатиусу: — Недурно, недурно. Тебе давно пришла пора жениться. Может, и этот образумится. Старуха-мать хоть бы повеселилась на его свадьбе, — прибавила она, ткнув надутого Ильяса в бок закостеневшим от перстней пальцем.

Ильяс, неподвластный чарам серебра, холодно коснулся губами моей руки. Откуда этот холод, мне сразу стало ясно, когда он поднял взгляд на Мирнатиуса. Тот, казалось, увлеченно изучал наряд своего кузена: с интересом разглядывал широкие цветные вставки, расшитые павлинами с крошечными глазками из драгоценных камней.

— Чудесный узор, — одобрил Мирнатиус. Ильяс обрадованно поклонился, а мне послал взгляд, исполненный жгучей и непримиримой ревности.

— Хотя бы этот тебе предан, — заметила я, когда мы уселись на троны.

В моих устах это, разумеется, было не самой лестной характеристикой. А вот тетушка с ее рас-

четливым взглядом очень даже отвечала моим планам. Вся мало-мальски влиятельная знать отворачивалась от нее: а ведь она была матерью чуть ли не половины кузенов, на которых указал мне Мирнатиус. Ильяса, возможно, падение царя опечалит, зато его маменька будет радешенька пристроить сыночка в постель к Василиссе — хоть вряд ли ему там понравится. Полагаю, продвижение сына будет достаточной платой за низвержение племянника.

— С чего ты взяла? — уныло спросил Мирнатиус. — Тут без интереса никакая преданность и пяти минут не тянется.

— Ну, у него-то интерес имеется, — сухо усмехнулась я.

Я думала, Мирнатиус оскорбится, но он лишь раздраженно закатил глаза.

— У этих всегда один интерес, — фыркнул он.

Это прозвучало как-то необычно, но спустя мгновение я вдруг вспомнила, что частенько слышала похожие слова — правда, только от женщин и почти всегда от служанок. От двух молоденьких горничных, которые болтали, начищая серебро в шкафу возле черной лестницы, — для меня это был самый быстрый путь попасть на чердак, поэтому я и подслушала их разговор. От другой

нянюшки, что разговорилась с Магретой на балу, — у той была хорошенькая дочка, а отец девочки не мог похвастаться большим влиянием. Мирнатиус произнес эти слова с обидой, которая плохо вязалась с его короной. Как будто и ему приходилось выдерживать эти хищные взгляды и все время быть настороже.

Его мать казнили за ведовство, когда он был ребенком; его брат был еще жив — весьма многообещающий юноша, с точки зрения двора. Я его смутно помнила: такой же дюжий детина, как и эти дородные мужланы, что разбрелись по бальному залу. Мирнатиуса тогда не принимали в расчет — для придворных он оставался всего лишь красавчиком-мальчуганом, сыном сожженной ведьмы. Вдруг чрезвычайно ко времени откуда ни возьмись налетела лихорадка — и вот многообещающий наследник и его отец мертвы, а красавчик-мальчуган уже на троне. Возможно, союз с демоном понадобился Мирнатиусу не только по причине его алчности.

Если так, мне его даже жаль. Но совсем чуть-чуть. Его отец, его брат, эрцгерцог Дмитир — их всех демон попросту сожрал на закуску. Мирнатиус купил их смерть, свою корону, свой мир. И он купил все это, заплатив жизнями тысяч без-

вестных людей, которых годами поглощал демон с тех самых пор, как Мирнатиус позволил ему вползти себе в горло и поселиться у себя внутри. Я ничуть не сомневалась: я не первая жертва, которую царь бросит в камин на растерзание буйному чудищу, что изнемогает от неутолимого голода и негасимой жажды.

В зале еще вовсю танцевали, но я поднялась с трона. Небо затянуто облаками, и наверняка не скажешь, когда начнется закат. Я не желаю быть скормленной демону. И, кроме того, с Мирнатиусом уговор у меня есть, а с демоном пока нет. Я не доверяла ни тому ни другому.

— Я хочу повстречаться со слугами перед сном, — объявила я Мирнатиусу. — Или ты снова запрешь меня в спальне?

— А, да, иди конечно, — коротко отозвался он, едва отвлекшись от бокала с вином. Он смотрел не на меня, а куда-то мимо, в огромные бессмысленные окна бального зала: за ними опять мягко кружились снежинки и ложились на стылую землю.

В кухнях я распорядилась приготовить мне корзину с едой. Слуги слегка растерялись, но все исполнили. Взяв корзину, я направилась в сторону приемных залов; один из них пустовал.

Среди бархатных диванов стояла одинокая арфа в ожидании своего часа. На стене висело зеркало с золотой раме. В нем я видела низенькую ограду, высокие деревья — то самое место, из которого я вернулась во дворец. И, повесив корзину на руку, я шагнула к маленькой лесной хижине.

Снег перестал, по крайней мере сейчас он не шел, но за время моего отсутствия его успело навалить — как и в Литвасе. Сугробы уже подбирались к стенам хижины. Под ногой у меня хрустнуло: видно, на снегу успел намерзнуть ледок. Я постояла немного на безлюдном дворе, на границе сумерек, что разрезала дом пополам, и, повинуясь внезапному порыву, отломила кусочек хлеба из корзины и раскрошила его на снегу. Здесь ведь тоже есть всякая живность, и наверняка с едой у нее так же туго, как у белок в Литвасе.

Когда я вошла, Магрета спала; глубокие морщины залегли на старом лице, и в волосах серебрилась седина. Она сложила руки на коленях, словно кто-то взял у нее вязание. Огонь в печке почти догорел, но хорошо хоть дровяной ящик полон. Я подбросила в печь полено и поворошила золу, и Магрета пробормотала:

— Темно еще. Поспи еще, Иринушка.

Она так говорила, когда я была совсем малень-

кой, просыпалась ни свет ни заря и нипочем не желала возвращаться в постель. Тогда и Магрете приходилось вставать. Она журила меня за то, что сижу у огня, и сама бралась согреть чай и нарезать сыр с ветчиной. Она всегда боялась подпускать меня к огню. И боялась, что я порежусь ножом.

Я легла в кровать и продремала до рассвета, поглядывая сквозь сон на привычно мелькавшие в отсветах печки Магретины спицы — как в детстве, в той комнатушке под самой крышей, где я выросла и где зимой всегда было холодно, а летом душно. Зимоярская стужа овеивала хижину, расползалась по ней — в точности так же она проскальзывала в оконные щели и растекалась по карнизам в доме моего отца. И зимоярская стужа была мне милее блеска царских хором.

Глава 17

Моя дражайшая царица после ужина снова как сквозь землю провалилась. Канула куда-то между кухнями и моей спальней. Я уже ничему не удивляюсь. Да, признаться, и не возражаю. Несколько лет я выслушивал нуднейшие назидания на тему важности брака и выбора невесты. И вот полюбуйтесь: все старичье из Совета наперебой рассыпается в поздравлениях по поводу женитьбы на девице без роду без племени, без приданого, и вообще без единого признака той идеальной невесты, о которой они мне неумолчно твердили. А придворные юнцы им вторят и тоже рассыпаются в поздравлениях. Ах-ах, государь, молодая царица неслыханно прекрасна! Это о такой-то бледной немочи! О такой-то тощей оглобле!

Даже самый проверенный циник маркиз Рейно — а я не глядя поставил бы тысячу злотеков, что уж он-то сказанет в своей подчеркнуто вежливой манере какую-нибудь гадость про мою невестушку, — так вот, даже маркиз уже ближе к ночи подошел к трону и холодно промолвил, что я сделал весьма разумный и весьма неожиданный

выбор. А потом заозирался и поинтересовался, где же царица, таким нарочито равнодушным тоном, что сразу стало ясно: он умирает от желания взглянуть на нее еще раз. Просто возмутительно.

Хватит с меня и того, что я не могу выкинуть из головы эту байку про матушкины дары. Все думаю, правду сказала Ирина или нет. То, что дураки слепы к ее красоте — это, пожалуй, больше смахивает на проклятие, чем на дар, если учесть, сколько дураков среди знати. Хотя я сам имел случай убедиться: на матерей в смысле даров не всегда стоит полагаться, что бы там ни говорилось в сказках и песнях. Или же я прав и этот дар действительно вывернутый наизнанку.

Но моя тетушка Фелиция — ее-то дурой никак не назовешь. И запросто с панталыку не собьешь: сколько я на нее чар потратил, страшно подумать. И сегодня перед уходом она подковыляла ко мне — заставила Ильяса поддерживать ее под руку — и смиренно так говорит: «Что ж, ты женился, как женятся почти все: выбрал себе прелестную мордашку. Так позаботься теперь, чтобы женитьба пошла тебе впрок. До конца следующего года уж порадуй нас крестинами». А ведь Ильяс-то пытается просочиться в мою спальню еще с тех лет, когда он с трудом представлял себе, что в спальне

делают. Сколько кошмарных стихов написано им в мою честь — уму непостижимо! Пока тетушка читала мне нотацию, бедняга весь измаялся. Я уж думал, расплачется.

Я бы с радостью встал и заорал им всем в лицо, что жена моя никакая не писаная красавица, что она даже не смазливая, что она вообще уродина. Что она даже разговаривать по-человечески не умеет: то бранится, то изрекает какие-то мрачные пророчества, то изводит нравоучениями. А мне от этого всего и деваться-то некуда. И они все редкие болваны, если считают, будто у меня настолько плохой вкус, что я влюбился без памяти в унылую, занудную кикимору с постной рожей. Я бы с удовольствием им все это высказал. Но не буду. Потому что иначе придется объяснять, зачем же я выбрал такую супругу. Если я скажу: «Так велел мой демон», то рискую быть непонятым, даже имея корону на голове. Знал бы я, во что ввязываюсь, уж попытался бы отвертеться.

Обычно, если мой друг хочет есть, все решается одним махом. Я затыкаю нос и затаиваюсь, пока не стихнут крики, а после заметаю следы, напускаю туману и отправляю куда потребуется кошель с золотом для возмещения ущерба. Я уже не раз имел с ним серьезный разговор о том, что

некоторых все же лучше не трогать: скажем, знать или тех, у кого маленькие дети. Правда, толку от этого всегда мало. Все потому, что мой друг не особо разборчив. Но чаще всего я совершаю глупость: например, поощрительно улыбаюсь какой-нибудь юной горничной или стройному слуге. И готово дело: я могу не сомневаться, что через несколько ночей тело горничной или слуги с вытаращенными пустыми глазами обнаружится в моей постели. «Отчего же вы не женились на княжне Василиссе?» И правда: отчего? А мой друг находит особую усладу в том, чтобы ошеломлять наивных дурачков и дурочек, которые тешат себя надеждой на приятный вечер и чудное утро. Я просто боюсь того часа, когда Ильяс отыщет дорогу в мою спальню. Тетушка уж наверное не обрадуется. А что до Ульриховой дочки — то если бы советникам удалось отправить нас с нею к алтарю при отсутствии возражений с ее стороны, эти возражения у нее вскоре бы появились.

Но нежная невинная Ирина не из таких. Огненными страшилками ее так запросто не проймешь. А я-то еще опасался, что она не поладит с двором. Да она готова глазом не моргнув заключить сделку с демоном! Такая женщина какому-то там маркизу Рейно д'Эстену не по зубам. Как, впро-

чем, и ее собственному супругу.

Я довольно живо воображаю свое безотрадное будущее. С Ириной я связан навеки. Мой окаянный демон наверняка ухватится за ее предложение руками и ногами. Тетя Фелиция с восторгом женит Ильяса на богатой княжне. Двор уже признал Ирину завораживающей и неотразимой. А советники будут до небес превозносить мою женушку — ведь она готова внимать их стенаниям насчет податей. Раньше им самим приходилось терзать меня бесконечными назиданиями, а теперь этим займется Ирина. И царицу-то я не смогу выгнать вон. И все от мала до велика будут обожать ее. Так же, как все от мала до велика не выносят меня.

И, кстати, пять минут назад она уведомила меня, что ожидает от меня исполнения супружеского долга. Она собирается произвести на свет одного-двух младенчиков, чем лишь усилит всеобщие восторги. А уж после этого я ничуть не удивлюсь, если в одно прекрасное утро обнаружу нож, торчащий в моей спине. Есть во всем этом какая-то мрачная неизбежность. Моя жизнь — это череда чудовищ; одно за другим они рвут меня на части, потакая своим прихотям. Стоит мне приспособиться к одному чудовищу — как

неизбежно появляется следующее.

И прямо сейчас одно из моих чудовищ меня поджидает. Солнце в окнах бального зала начало путь к горизонту. Я уже выпил полбутылки бренди, а остаток прихватил с собой в свои покои. Ума не приложу, что на сей раз выдумали слуги по поводу Ирины. Да и не моя это забота. Ирина сама эти слухи распустила — вот пусть она и беспокоится.

Хотя — и это, пожалуй, неприятная мысль — слухи-то в конце концов пойдут и обо мне. Я окажусь нелюдем, который держит несчастную безвинную супругу взаперти в каком-нибудь чулане. А если я откажу ей в пресловутых супружеских ласках, когда она решит, что час для них настал, то прослыву жалким слабаком, неспособным подарить дитя женщине, которую все считают первой красавицей на свете.

До своих покоев я добрался уже изрядно навеселе и в довершение залпом опустошил бутылку. Только я успел покончить с бренди, как под затылком зашевелился демон. Он выбрался и точно марионетку вздернул меня на ноги.

— *Где она?* — Это мой язык, моя гортань издавали шипение, а тем временем демон, порыскав в моей памяти, быстро обнаружил, что Ирина

вновь сбежала. И тогда он зашелся яростным криком, выплеснулся из меня наружу и огненным хлыстом обвил мое тело. — *Зачем ты отпустил ее?!* — рявкнул демон, но не стал дожидаться ответа. Он протолкнул мне в горло сгусток пламени, чтобы мои вопли не сотрясали воздух, повалил на пол и принялся неистово охаживать огненными бичами. Каждый удар обжигал мне кожу нестерпимой болью. Поделать тут ничего нельзя, остается только терпеть. К счастью, в этот раз он швырнул меня на спину: я однажды подметил, что если обводить взглядом бесконечный золотой узор, петляющий по всему потолку, то это почему-то помогает. Демон сегодня был в ударе: я пять раз прошел глазами весь узор, и только тогда он понемногу начал утихать. Наконец он сердито отшвырнул меня к камину. А сам неуклюже заполз туда и влился в потрескивающий огонь. — *Что еще за договор?* — прошипел он.

Значит, он уже выудил это у меня из головы. Что не помешало ему достойно завершить избиение.

От невыносимой боли я едва мог двинуться; в горле у меня першило, словно я наглотался битого стекла. Но, разумеется, ничего по-настоящему плохого со мной не случилось. Демон при любых

обстоятельствах строго блюдет букву нашего договора: красота, корона и власть. Изукрась он меня с головы до ног ожогами — это было бы не по правилам. Однако с годами демон поднаторел в искусстве насаждать и удерживать во мне боль без ущерба для тела.

— Король Зимояров вместо нее, — пояснил я почти будничным тоном.

Мне больших усилий стоило подавить дрожь в голосе. Демон падок до слез и страданий, поэтому моих слез и страданий он не получит. Еще не хватало, чтобы он решил продолжить веселье. Я за годы уже успел свыкнуться с ролью забавной игрушки. Нащупал узкую тропинку между угодливостью, которую он обожает, и неповиновением, которое приводит его в бешенство. В последний раз демон удосужился избить меня почти год назад — до выхода на сцену дражайшей Ирины. Но теперь-то есть кому его злить. А если он на кого-то зол, то под горячую руку обычно попадаю именно я, и тут уж ничего не попишешь.

Так что дразнить демона мне совсем не хотелось. Но предложение Ирины возымело действие: демон выскользнул из камина и свернулся вокруг меня, как мурлычущий кот. Язычки пламени время от времени лизали мне кожу, но демон больше

не стремился причинить мне боль. Ничто не прикрывало меня от жгучих огненных пальцев: оставив нетронутым тело, демон превратил в клочья мою одежду. Ирина весьма не одобрительно фыркнула, когда я не позволил ей надеть одно и то же платье дважды. Она бы лучше раздала побольше милостыни бедным или прикормила каких-нибудь монахов-дармоедов. Очень вяжется с той праведной ахинеей, которую она несла. На самом деле я не жалея сил внушал всем, что царь никогда не появится в одном и том же наряде. А то чего доброго кто-нибудь начнет выпытывать: ах, государь, а где же ваши любимые штаны? А где те дивные сапоги для верховой езды, что были на вас три дня назад? Нет уж, увольте. Пусть обо мне судачат, будто я неисправимый мот — все лучше, чем чародей. И моя супруга должна полностью мне соответствовать.

— *Как?..* — дохнул мне в ухо демон. Огненные когти вцепились мне в плечо, и спину опять пронизала острая боль. Я стиснул зубы, чтобы не закричать: демон отстанет, если не давать ему повода. — *Как она отдаст его мне?*

— Подробностей она не рассказала, — выдавил я. — Сказала только, что он умеет продлевать зиму.

Демон издал приглушенный рык и отпрянул от меня, оставляя на ковре дымящиеся следы по пути к камину. Я прикрыл глаза и несколько раз вдохнул и выпрямился.

— Она частенько лжет, однако где-то же она прячется, — сказал я. — И две метели в июне — это все-таки что-то из ряда вон.

— *Да-да,* — прокряхтел демон себе под нос, лениво пожевывая полено. — *Королевство свое спрятал он надежно, мне нельзя там бывать, а Ирине можно… Но сможет ли она привести его сюда?*

Иринины убедительные объяснения я пропустил мимо ушей. И ни на миг не поверил, что она действует в моих интересах. Однако надо признать: кое-какие ее доводы и впрямь блестяще продуманы.

— Попытка не пытка, — заметил я. — Если у нее ничего не выйдет, мы ничего не теряем. А если выйдет… думаешь, ты справишься с ним?

Он разразился трескучим смехом, плюясь искрами.

— *Уж я утолю свою жажду, напьюсь вдоволь,* — пробормотал он себе под нос. — *Только пусть поторопится! Цепь нужна из серебра, чтоб его пленила, да кольцо из огня, чтоб иссякла сила…*

Приведи его! — прошипел он, обращаясь уже ко мне. — *Приведи его и подготовь как должно!*

— Она требует, чтобы ты дал ей слово, — ответил я.

Поразительно, до чего охотно Ирина верит посулам бесовского отродья — при ее-то уме и благочестии. Хотя она ведь верно рассудила: вот я, скажем, заключил сделку с демоном, чтобы воссесть на престол, — и пожалуйста, престол мой, а с ним и все радости царской власти. Правда, я бы на ее месте поостерегся: мой пример та еще наука.

— *Да-да,* — откликнулся демон. — *Быть ей царицей в короне из золота. Все, что она пожелает, я дам ей. Только пусть приведет его ко мне!*

Ну что ж, мне остается только поздравить себя. Как я и предполагал: до конца дней своих я накрепко прикован к дражайшей неотразимой Ирине. Со всеми вытекающими последствиями.

* * *

За вязанием ночь пролетела незаметно, а под утро Ирина ушла назад, к демону. Как она ушла, я разгладила шерсть ладонями, и пальцы у меня вдруг задрожали, чего не было, пока я вязала. Я сделала узор из цветов и гибких стеблей — вышло

покрывало на свадебное ложе. И мне отчего-то казалось, что едва я смыкала веки, как цветы и стебли принимались расти сами, быстрее, чем в моих руках. Я вздремнула немного у огня, а тяжкий шерстяной покров давил мне на колени. Но дверь опять распахнулась, и Иринина рука легла мне на плечо. Лицо у нее было такое закаменевшее, что я поначалу с испугу даже отшатнулась, но потом признала ее:

— Напугала ты меня, Иринушка. Что, уже снова ночь?

— Нет, — ответила она. — Мы договорились. Он не тронет меня, если получит короля Зимояров. Идем. Мы едем в Вышлю прямо сейчас. Нам нужно быть там через два дня.

Вязание я оставила на постели. Может, кто-нибудь забредет в эту хижину, так оно и пригодится еще. С Ириной спорить я не стала. Она была сейчас вылитый отец, хоть и не ведала об этом. Потому я сразу поняла, что спорить бесполезно. Ее отец так же глядел, когда стоял в кабинете прежнего герцога. И когда вел Ирину под венец. Он себе избрал путь, и никто его с того пути не свернет — это у него на лице читалось. Вот и у Ирины такое же лицо было.

Хорошо хоть не придется больше мерзнуть,

подумала я, снова очутившись во дворце, в безмолвных покоях с блестящими зеркалами и золотой арфой, играть на которой было некому. Но на окнах лежал снег, а в камине не горел огонь, и нечем мне было согреть озябшие руки. Во дворце все носились как полоумные; слуги сновали по залам и, лишь завидев Ирину, останавливались и кланялись. А она каждого выспрашивала, как его зовут, и когда слуга или служанка уходили, трижды повторяла имя. Ее отец тоже так делал, когда к нему в войско поступали новые люди. Но Ирине выпало тягаться с демоном и бесом: какой ей прок в этих судомойках да лакеях?

Я прошла следом за Ириной во двор: королевская упряжка уже стояла готовая — величавые сани, не иначе как нынче утром расписанные золотом и белилами. И царь был тут же — в черных мехах с золотыми кистями и перчатках из красной шерсти с черной меховой оторочкой. Чванливый юнец — как он таращится на мою девочку, а мне не под силу больше беречь ее.

«Магра, царь — колдун», — сказала она однажды. Ей минуло тогда девять лет от роду, а волосы у нее уже были как полноводная темная река — так и текли под серебряным гребнем. Мы сидели с ней у огня в той комнатушке, во дворце

прежнего царя. «Царь — колдун». И так спокойно она это произнесла, словно не боялась накликать лиха. Словно ей все равно, кому этакое говорить: придворным за праздничным столом или старой нянюшке, что помогает ей выбраться из ванны. А ведь она и была-то всего-навсего дочкой герцога, молодая жена которого уже ходила на сносях.

Я тогда шлепнула ее по щеке щеткой для волос и строго-настрого наказала не болтать о таких вещах. Но вышло только хуже. Она потерла щеку, на которой уже таял румянец, и настойчиво, будто это и впрямь ей было важно, сказала: «Но это же правда. — И прибавила: — Он подбрасывает мне мертвых белок».

С тех пор все время, пока мы гостили в Корони, я не пускала Ирину в сад, хоть щеки у нее совсем побледнели, она сделалась вялая и тосковала, день-деньской сидя дома и помогая мне прясть. Клубками пряжи я задабривала девчушку, что скребла у нас полы, и та сообщала мне, когда царь выходил из-за стола. У нашей девчушки была сестра, двумя годами старше, и ей уже доверяли прислуживать за столом. За тонко сработанную пряжу эта самая девица, унося царскую тарелку, не ленилась сбегать по ступенькам на этаж выше и крикнуть младшей сестренке. А уж та

стремглав неслась к нам на чердак с вестями, и, только дождавшись ее, я вела Ирину вниз поесть остывшей еды перед тем, как уберут со стола.

И так семь недель, семь нескончаемых недель. А ведь царь всегда выходил к столу поздно и любил засиживаться. Каждое утро, пока мы, голодные и озябшие, дожидались нашей вестницы, я расчесывала Ирине волосы. Каждый вечер я, чтобы занять Ирину, заставляла ее чесать шерсть и давать мне чесаные кудели. Так мы коротали время, пока нам не говорили, что можно наконец спуститься и утолить голод тем, что осталось.

Однажды утром она вдруг вскочила с кресла, такая тоненькая, бледная, и подбежала к окну. Подул студеный ветер, и ударил первый мороз. «Скоро настанет зима, выпусти меня!» — крикнула она и расплакалась. Сердце мое тогда сжалось. Но я-то уже не была маленькой девочкой, которой страшно остаться навеки взаперти. Я-то понимала, что спасение наше — за запертой дверью, да только не век той двери быть запертой. Я не выпустила Ирину. Но в тот же вечер от ее отца явился слуга; он досадовал, что пришлось карабкаться по лестнице под самую крышу: он искал нас в обеденном зале и не нашел. Нелюбезным тоном слуга сообщил нам, что дорога уже

хорошо подмерзла и утром мы выезжаем. Как мы уехали из царского дворца, я возблагодарила всех святых.

Семь лет я купила для нее за те семь недель терпения: не так уж мало. Но теперь он так люто глядит на мою девочку, и мне кажется, что семь лет — это сущий пустяк. Прошли они, эти семь лет, пролетели, я и глазом моргнуть не успела. И нынче мне уж не спрятать ее за запертой дверью. Есть кое-кто посильнее меня, и он запросто ту дверь откроет.

Царь протянул Ирине руку в перчатке, и мою руку она выпустила.

— Садись в сани со стражей, Магра, — шепнула на мне. — Стражники за тобой присмотрят.

Стражники были молодые парни, простые, грубоватые вояки. Но Ирина правду сказала: я седая старуха, а моя госпожа их царица. Потому они помогли мне сесть в сани, набросили на меня одеяла, а под ноги мне подоткнули грелку и ласково называли бабулей и нянюшкой. А так им до меня и дела не было. Они друг с дружкой судачили про то, где в Вышне лучше выпить, да ворчали, что герцог небось на хорошую жратву не расщедрится. А когда им казалось, что я задремала и не слышу, они тут же принимались языками чесать

о девчонках — то об одной, то о другой.

Парни все посмеивались да подшучивали над своим товарищем. Был у них один — рослый, усатый и лицом пригожий, по такому уж наверняка красавицы сохнут. Ребята о девушках болтают, а он сидит и помалкивает. Один стражник засмеялся и говорит:

— Э-э, братцы, вы Тимура не трожьте. Знаю я, кто его зазноба. Пропал парень в царицыном ларчике с украшениями.

И все посмеялись шутке, но недолго, и больше дразнить его не стали. Я села прямо, зевнула, чтобы они и впрямь думали, будто я спала, и посмотрела на того парня. В глазах у него была мука, точно его настигла стрела. Он глядел вперед, за спину возчика, на белые сани, что бежали впереди. И мне с моего места тоже были видны Иринины темные волосы под белой меховой шапкой.

* * *

Всю дорогу Мирнатиус просидел с унылой миной и со мной заговаривал только по необходимости. Когда я сказала ему, что нужно немедленно отправляться в Вышню, он отрывисто бросил:

— Как тебе угодно. — И прибавил: — Так когда

он предстанет перед нами во плоти, этот твой Зимояр? Полагаю, ты не рассчитываешь на наше ангельское терпение.

— Завтра вечером, в Вышне, — сказала я.

Он скривился, но промолчал. В санях он усадил меня рядом и по пути смотрел куда угодно, только не на меня, пока мы не остановились передохнуть в одном дворянском доме. Все домочадцы высыпали во двор и принялись кланяться. К нам вышел и сам хозяин — седовласый горделивый князь Габриэлиус. Он сражался бок о бок с прежним царем и считал, что его внучке пришлась бы впору царицына корона. Оттого при виде меня лицо у князя сделалось неприязненное и оскорбленное, однако от его холодности в считаные мгновения не осталось и следа. Он сжимал мою руку дольше, чем того требовали приличия, и смотрел на меня во все глаза, а потом негромко промолвил:

— Моя госпожа. — И отвесил чересчур низкий поклон.

Во время ужина Мирнатиус бросал на меня взгляды, полные злого отчаяния. Он, кажется, никак не мог взять в толк, что же во мне все находят, и это выводило его из себя.

— Нет, на ночлег мы не останемся, — весьма

неучтиво прорычал он князю и чуть ли не силком утащил меня в сани, будучи, судя по всему, вне себя от ревности.

Он плюхнулся в угол, стиснув зубы, рявкнул возчику, чтобы погонял, и по дороге то и дело неохотно бросал на меня внезапные взгляды. Будто надеялся застать мою неуловимую красоту врасплох.

Не прошло и часа, как посреди леса Мирнатиус вдруг приказал возчику встать и велел слуге принести ему рисовальные принадлежности — красивый ящик из инкрустированного дерева с позолотой. Ящик раскладывался в маленький мольберт, а внутри хранился альбом из тонких листов бумаги. Царь взмахом руки приказал возчику трогаться и раскрыл альбом. Он листал страницы, и я краем глаза видела чертежи и орнаменты; на меня смотрели лица — иногда красивые, иногда знакомые, из числа блистательных придворных. Но на одной странице мелькнуло совсем другое лицо — незнакомое, зловещее. Даже и не лицо, подумала я, когда Мирнатиус перевернул страницу, скорее смутные тени, какие-то обрывки, клочья дыма. Но и этого было достаточно, чтобы внутри шевельнулся страх.

Он раскрыл альбом на чистом листе ближе к

концу.

— Сиди смирно и смотри на меня, — приказал он.

Я подчинилась без возражений, мне самой стало любопытно: будут ли действовать чары на мужчин, глядящих на мой портрет? Мирнатиус рисовал уверенной рукой, чаще поглядывая на мое лицо, чем в альбом; на бумагу ложились быстрые штрихи, и мое лицо на глазах обретало очертания. Даже бег саней ему не мешал. Закончив, он резким движением вырвал лист из альбома и протянул мне.

— И что они все видят? — пытливо осведомился он.

Я взяла рисунок и впервые увидела себя в короне. В рисунке было больше меня настоящей, чем в зеркальном отражении. Мирнатиус не стал злобствовать, но и льстить мне не стал; он собрал вместе отдельные черты, и неведомым образом у него получилась я: тонкие губы, худое лицо, густые брови, отцовский продолговатый нос, только не сломанный в двух местах, один глаз чуть выше другого. Ожерелье он изобразил небрежным штрихом в выемке шеи. На плече покоилась сложенная вдвое коса — гладкая, блестящая, так и тянет потрогать. Заурядное

некрасивое лицо, всего-то несколько росчерков на бумаге. И все же это было мое лицо, которое ни с чьим другим не спутаешь.

— Они видят меня, — ответила я и протянула рисунок назад.

Он не взял. Он не сводил с меня взгляда, и закатное солнце сверкало рубинами в его глазах. А потом он подался ко мне и заговорил, и голос его струился как дым.

— Да, Ирина, тебя они и видят — нежную, холодную как лед, — вкрадчиво и страшно зашептали уста Мирнатиуса. — *Ты сдержишь слово? Приведи ко мне зимнего короля — и станешь летней королевой.*

Мои пальцы тискали и мяли листок бумаги, но я сумела придать голосу твердость.

— Я приведу короля Зимояров, и он будет в твоей полной власти, — произнесла я. — А ты поклянешься не трогать меня, отныне и вовеки, а равно и тех, кто мне дорог.

— Да, да, да, — зашипел демон, похоже, с трудом сдерживая нетерпение. — *Тебе я дарую красоту, и власть, и богатство, все вместе. А в придачу — золотую корону и высокий замок. Я дам тебе все, что пожелаешь, только приведи его поскорее…*

— Я не приму от тебя ни даров, ни обещаний.

У меня уже есть и корона, и замок, — ответила я. — Я приведу его к тебе ради Литваса, чтобы наконец закончилась зима. Что я пожелаю, я сама себе добуду, а ты лишь отступись от меня и моих близких.

Ему это не понравилось. По лицу Мирнатиуса скользнула тень из альбома, всполох ужаса. Он нахмурился, а я изо всех сил удерживалась, чтобы не отпрянуть назад.

— *Но то, что я дам тебе, ты получишь не даром, а в уплату,* — заискивающе протянул демон. — *Хочешь вечную молодость? Хочешь искру волшебства в твоих руках? Хочешь туманить мужчинам разум и подчинять их своей воле?*

— Нет, нет и снова нет, — отчеканила я. — Значит, ты отказываешься?

Демон издал злобное шипение и свернулся в неудобной позе на полу саней. Он обвил руками ноги Мирнатиуса и приподнял их, покачивая головой вверх-вниз — словно пламя лизало ветку.

— *Но она приведет его… Приведет его мне…* — бормотал он. Вскинул на меня рубиновый взгляд и прошипел: — *Согласен! Согласен! Но если ты не приведешь его, я славно попирую тобою и твоими близкими!*

— Станешь грозить мне — я уйду и заберу всех

своих во владения Зимояров. — Разумеется, это я только бахвалилась. — А ты будешь сохнуть с голоду среди нескончаемой зимы, пока пища твоя не истощится и твое пламя не задохнется в золе и головешках. Завтра вечером ты получишь короля Зимояров. А теперь убирайся и не появляйся до этих пор. Тебя я жалую еще меньше, чем его, — я кивнула на царя, — а это говорит само за себя.

Демон зашипел на меня. Но, возможно, ему было все равно, или он меня тоже не особо жаловал. Поэтому он съежился и гаснущей искрой скользнул назад в Мирнатиуса. Рубиновый отблеск исчез, и Мирнатиус, тяжело дыша, с закрытыми глазами откинулся на подушки. Переведя дух, он повернул лицо ко мне.

— Ты ему отказала, — чуть ли не сердито заметил он.

Я пожала плечами:

— Принимать дары от демонов? Я пока еще в своем уме. Ты думал, откуда проистекает его могущество? Такое даром никому не достается.

Он рассмеялся, немного визгливо и резко.

— Да, фокус в том, чтобы кто-то платил за тебя, — произнес он и закричал на возчика: — Эй, Кошик! Найди нам место, где переночевать! — С этими словами он снова повалился на подушки.

Ему некогда было толком продумать нашу поездку, поскольку мы умчались из дома князя второпях. А сама я произносила напыщенные речи, беседуя с его демоном, и мне тоже было не до того. На ночлег мы могли рассчитывать только в одном месте — в доме скромного воеводы, который ни в какое сравнение не шел с палатами князя Габриэлиуса. В итоге воевода пожертвовал царю с царицей собственную спальню и постель с балдахином. Все остальные кое-как втиснулись в его дом. Опять сильно похолодало, пришлось лошадей и скотину загнать под крышу; снаружи ночевать было холодно, а в конюшнях и так было не повернуться. Поэтому несколько слуг остались ночевать на полу в спальне, вместе с нами. И сбежать у меня не получилось. Демон, правда, нас покинул, зато мой супруг остался.

Моя первая брачная ночь слишком долго повергала меня в неизгладимый и нездоровый ужас. Поэтому я и думать забыла, что существуют вполне заурядные опасности. Например, оказаться в одной постели с неизвестным мужчиной. Я внушала себе, что, к счастью, супруг не очень-то жаждет мною обладать, а уж одну ночь бок о бок мы как-нибудь потерпим. Слуги принялись раздевать Мирнатиуса, и тут он заметил, что я

никуда не делась. Он бросил на постель взгляд, полный тоскливой обреченности. Слуги задули свечи, мы улеглись, каждый на своей стороне, и застыли будто неживые. Холод расползался повсюду, и его не сдерживали ни толстые стены, ни огонь в камине. Наконец Мирнатиус издал сердитый вздох и повернулся ко мне, сжав зубы, как осужденный, поднимающийся на эшафот.

Я отстранила его, легонько упершись руками ему в грудь, и уставилась на него в тусклом красноватом свете. Мое сердце колотилось как бешеное.

— Ну, возлюбленная моя супруга, — горько промолвил он: преувеличенно громко и с подчеркнутой нежностью, в расчете на публику.

И я поняла, что он все-таки решился исполнить супружеский долг. Я совсем перестала соображать, побелела как полотно. Там, за балдахином, нас подслушивают четверо слуг. Если я скажу ему «нет» или «не сейчас», тогда… Его рука скомкала подол моей сорочки и потянула вверх; его пальцы пробежали по моей коже.

И я подскочила, невольно задрожав, на щеках вспыхнул болезненный румянец. Громким голосом я томно протянула:

— О, любимый мой! — А сама пихнула сто в

грудь со всей силы.

Мирнатиус такого не ожидал. Он опирался на руки и теперь повалился навзничь. Усевшись, он обратил ко мне злющее лицо — а ведь только что вел себя как приговоренный перед казнью. Я наклонилась к нему и яростно прошептала:

— Скачи на постели!

Мирнатиус опешил. И я, чтобы показать ему, сама заерзала на кровати. Старое дерево звучно заскрипело. Он нерешительно присоединился ко мне. Я испустила на потеху публике негромкий стон, и тогда Мирнатиус схватил подушку, зарылся в нее лицом и зашелся от хохота. Я даже слегка испугалась, не вселился ли в него опять демон.

И вдруг смех сменился рыданиями, такими сдавленными, что даже я, сидя рядом с Мирнатиусом под балдахином, еле-еле их слышала — разве что всхлипы в перерывах между приступами слез. Если слуги в спальне что-то и различат, то вряд ли заподозрят неладное: резкие прерывистые вдохи вполне в духе нашего спектакля. А больше ничего.

Я сидела неподвижно, как деревянная кукла. Я не знала, что делать. Мне не хотелось ничего чувствовать по этому поводу. Сначала я про себя презрительно поморщилась: фу, как некрасиво,

разревелся прямо при мне. Ждет, что я его пожалею. Но при мне так никто никогда не плакал. Мне бывало страшно, и обидно, и грустно, но у меня внутри никогда не было столько слез. Он напоит меня своими слезами, если скормит демону. Ведь, возможно, демон мало-помалу пожирает и его.

Ты сам виноват, вот что я бы сказала ему. И говорила — только мысленно, снова и снова, сидя возле него и глядя на его тело, измученное, бессильно обмякающее, как снег под солнцем. И все-таки, вопреки собственной воле, я жалела его, точно он наколдовал во мне эту мою жалость. Я под сорочкой подтянула колени к подбородку и крепко стиснула их руками. Буду удерживать свою жалость, пока он не заснет. Я рискнула заглянуть ему через плечо: глаза у него были безжизненные, потухшие, но больше не светились кроваво-алым светом. Он закрыл глаза и уткнулся лицом в подушку.

Глава 18

Я переживала, что Стефану и матери Мирьем тяжко придется — ведь, как мы вышли из хижины, весь путь лежал по снегу. Однако снег порядком подмерз, и мы не проваливались. Только Сергей провалился — раз и другой, — но мы быстро обтрясли снег с его одежды, так что он не успел растаять и Сергей не замерз. И шагали мы совсем недолго. Может, всего каких-то полчаса у нас ушло на все про все, даже на отряхивание Сергея. И вдруг Сергей говорит:

— Кажется, вон дорога.

И правда: мы вышли из-под деревьев, а там река, накрепко замерзшая, и вдоль нее бежит дорога со следами полозьев.

Весь день нам попадались дома и деревни, стоящие вдоль дороги. Чем дальше, тем чаще: мать Мирьем сказала, это оттого, что мы уже близко к Вышне. А я все ломала голову: выходит, наша хижина была в двух шагах от домов. Мы вроде бы забрели в такую даль от дороги, в самую глушь. Мы прожили там несколько дней и не слышали голосов, да и Сергей никого не повстречал, когда

ходил в лес за растопкой. Но вот же они — дома и деревни. Я немного забоялась при виде людей, но до нас никому дела не было. Как стемнело, отец Мирьем велел нам подождать у обочины, а сам пошел в ближайший крестьянский дом. Вернулся он с корзиной, полной еды, и сказал, что дал денег хозяевам. А те позволили нам переночевать у них в стойле со скотиной. Наутро мы поднялись и отправились в Вышню — и оказалось, что идти всего несколько часов.

Я-то думала, Вышня — как наш город, только больше. А она была совсем другая. Больше походила на дом. Мы видели только стену: куда ни глянь — всюду одна стена из красного кирпича. Высокая — выше, чем глаза видят, и даже еще выше. И без окошек. Только у самой вершины стены были оконца, очень узенькие: в такое разве что пол-лица поместится. Одним глазом заглянуть можно, а двумя уже никак. Дорога вела к воротам — единственному проходу в стене. В те ворота легко прошла бы груженная шерстью упряжка из четырех лошадей — такие они были широченные.

И к стене так просто не подойдешь. Вдоль нее тянулся широкий ров. Его хоть и завалило снегом, но все равно было видно, потому что снег в нем

лежал ниже. А на дне рва понатыкали разных палок: обрубили ветки с больших деревьев да стесали им концы, чтобы острые были. Кажется, там, в городе, пришлый народ не очень-то жаловали.

Однако у ворот дожидалась целая толпа пришлого народу. Я столько отродясь не видывала. Они все выстроились вдоль дороги — что твои куры. Когда мы подошли ближе к стене и к этой очереди, я подалась к Сергею, а Стефан схватил мою ладонь, крепко стиснул ее и примолк. Я наклонилась совсем низко к нему, только тогда он прошептал мне в самое ухо:

— А нам нельзя вернуться в тот домик?

Но родители Мирьем вели себя как ни в чем не бывало.

— Сегодня придется долго ждать, — сказала мать Мирьем. — Какая-то важная особа нагрянула с визитом к герцогу. Видите, никого не пускают, держат ворота для процессии.

— Говорят, это царь приезжает, — заметила женщина, что стояла в очереди впереди нас.

На ней было добротное шерстяное платье, коричневое, расшитое по подолу, на голове красная шаль, а в руках корзина. Рядом стоял ее сын — молчаливый, высокий парень с локонами на висках, как у панова Мандельштама. Значит, эти

двое тоже евреи.

— Царь! — так и ахнула мать Мирьем.

Та женщина кивнула:

— Он на той неделе взял в жены герцогову дочку. И уже тут как тут — в гости к тестю. Надеюсь, это не дурной знак.

— Бедняжка, должно быть, стосковалась по дому, — вздохнула мать Мирьем. — А сколько ей лет?

— Чтобы замуж — так в самый раз, — усмехнулась женщина. — Сестра показала мне ее в прошлом году, она как раз прохаживалась со слугами. Не сказать что красавица, но рассказывают, царь влюбился с первого взгляда.

— Что ж, сердечные пути неисповедимы, — покивала панова Мандельштам.

Я ни разу не слышала, чтобы мать Мирьем с кем-то так беседовала. Я сперва решила, что они с этой женщиной знакомы, но панова Мандельштам вдруг возьми да и спроси:

— Так у вас, значит, родня в городе?

— У меня там сестра с мужем, — ответила женщина. — У нас-то хозяйство в Хомске. А вы сами откуда?

— А мы из Пависа, — сказала мать Мирьем, — день пути отсюда. Приехали на свадьбу к моей

племяннице Басе.

Женщина радостно вскрикнула и схватила панову Мандельштам за плечи.

— Значит, и к моему племяннику Исааку! — воскликнула она.

И они тут же расцеловались в обе щеки, обнялись и принялись перебирать незнакомые мне имена. Вот и готово дело — подружились. Я все диву давалась: и как они умудрились оказаться рядом в очереди?! Прямо чудеса какие-то.

Мы уже долго ждали. Кажется, что стоять легче, чем идти, а на самом деле нет. У той женщины оказалась еда в корзине, и она настаивала, чтобы мы угостились. И в моей корзине еще тоже кое-что осталось — мы выложили свою еду и тоже разделили между всеми. Мы смели снег с камней побольше и с пней на обочине, чтобы было куда присесть, хоть ненадолго.

Пока мы ели, земля под нами загудела, а потом издалека донесся слабый звон колокольцев. Из городских ворот вышли люди и стали расталкивать народ к обочине. Дойдя до нас, они нам строгими голосами велели встать и чтобы мы готовились кланяться. У них и мечи висели на поясе — настоящие, никакие не игрушки. Мы встали и стояли порядочно, пока колокольцы

наконец не зазвонили громче. И так все громче и громче — и вот они звенели уже рядом. Показались черные кони в красно-золотой упряжи, а за ними длинные низкие сани с размашистыми резными загогулинами и изукрашенные золотом. А в санях сидела девушка с серебряной короной на голове. Они промчались мимо, мы и опомниться не успели. Большие сани проскочили в ворота, даже не замедляя хода, и исчезли где-то в городе-доме.

— Царица! Царица! — кричал народ. А мы позабыли, что надо кланяться, и поклонились слишком поздно, но это ничего — там дальше еще ехали сани: с тюками и ящиками, и людей в них сидело видимо-невидимо, хватило бы на целую деревню. И все они катились следом за царем, словно царь — это не один человек, а сразу много. Все эти люди как будто и были царь.

Наконец вся процессия проехала, весь царь целиком очутился в городе, и нас тоже начали пропускать за ворота. Мы так долго ждали лишь затем, чтобы царю не пришлось ждать. За нашей спиной очередь выстроилась еще длиннее, чем впереди. Но даже теперь, простояв на дороге несколько часов, мы еще добрых полчаса тащились до ворот. Я так извелась от этого ожидания,

что мне уже было ни до чего: лишь бы пройти в ворота. А Стефан брел медленно-медленно, и народ сзади стал наступать нам на пятки и ворчать. Стефан посмотрел на ворота и спросил:

— А вдруг мы не сможем выбраться?

Я не знала, что ему сказать. Когда мы подошли к воротам, я увидела, что люди не просто так проходят в город. Стража с мечами выспрашивает у каждого, куда он идет да по какому вопросу, и все записывает. Мне вдруг сделалось страшно. А ну как они примутся допытываться, кто мы и откуда и что у нас за дела в городе? Что мы тогда ответим?

Но панова Мандельштам взяла меня за руку — в другую вцепился Стефан — и чуть слышно говорит мне:

— Просто молчи.

Когда подошла наша очередь, панов Мандельштам что-то шепнул стражнику с мечом и сунул ему серебряную монету. Тогда стражник сказал:

— Ладно, ладно. — И махнул рукой: проходите, мол.

Я почувствовала такое облегчение, что сначала даже думать ни о чем не могла: просто шла себе, и все. Шутка ли: я ведь в большом городе. Городская стена оказалась толстенная: войдя в

ворота, мы сделали, наверное, шагов двадцать, прежде чем выйти наружу. Пока мы шли, шум делался все громче и громче. И вот мы вышли по ту сторону стены и снова увидели небо. Кругом куда ни глянь высились разные здания, будто город проглотил их, да и нас заодно вместе со всеми людьми.

Стефан встал как вкопанный, заткнул уши — и ни с места. Я до него дотронулась, а он весь трясется как осиновый лист. Панова Мандельштам ему говорит:

— Пойдем, там дальше улицы потише, будет не так шумно.

А он ни в какую. Тогда Сергей говорит:

— Давай-ка, Стефан, я тебя понесу на закорках.

Он Стефана на закорках не носил уже очень давно, с тех пор как Стефан был совсем малышом. А теперь Стефан уже подрос, и его ноги в подаренных Пановой Мандельштам ботинках болтались чуть не у самой земли и задевали Сергея. Стефан уткнул лицо Сергею в спину и не смотрел по сторонам.

Идти было нелегко. Здесь тоже нападало снега, но его разгребли в стороны, чтобы люди могли пройти посередине — получились две высокие снежные стены вдоль улицы. И к каждой двери

расчистили широкий проход. Но снег ведь шел до вчерашнего дня, а улицы здесь были узкие, и сугробы по обочинам выросли выше нас, и все равно где-то снег толком не убрали, а где-то просто некуда его было сваливать. Вот и приходилось ковылять по кое-как чищенным улицам, по грязному снегу, и скользить по льду. Дома тут громоздились впритык один к другому и были такие огромные, что казалось, будто они нависают над нами и смотрят сверху на улицы. И всюду люди. Ни единого безлюдного закутка.

Мы шли за Пановой Мандельштам. Она-то, похоже, знала, куда идти. Ума не приложу, как она не плутала. Мне бы в жизни не отличить один поворот от другого. Но она шагала очень уверенно, ничуть не сомневаясь и без раздумий. И, видно, она вела нас правильным путем, потому что вскоре мы пришли к еще одной стене, и там тоже стояли двое стражников с мечами. Панов Мандельштам сунул и им монету, и они пропустили нас в ворота. Я решила, что мы выходим из города, но город за стеной продолжался. Только в этой его части все вокруг были евреями.

Кроме Мирьем и ее семьи да той женщины с сыном в очереди, я и евреев-то не встречала. А теперь я только их и видела. До чего удивитель-

но. Наверное, когда Мирьем попала к Зимоярам в королевство, она примерно так же себя чувствовала. Вдруг, как по волшебству, все кругом делаются похожими друг на дружку, а ты совсем не как они. Хотя для Мирьем это, должно быть, немного по-другому. В нашем-то городе она тоже ни на кого не похожа. Так что ей такое уже не в диковинку.

Я раздумывала про Мирьем: каково ей приходится? И тут меня осенило: а ведь панова Мандельштам сюда приехала из-за Мирьем! Я так и застыла на месте. Как же это я не удосужилась расспросить Мандельштамов! Надо же было хоть вызнать, зачем им надо в Вышню. Я так радовалась, когда мы повстречались в лесу с ними и со Стефаном, что для вопросов у меня в голове и места не осталось. Все заполнилось радостью. Но, конечно же, они поэтому и приехали. Они ищут Мирьем. А ее тут нет.

Я снова зашагала следом за Пановой Мандельштам. А то не ровён час отстанем, нам с Сергеем и Стефаном ни за что дорогу не найти. Как выбраться из города, я не знала. Он точно дом с тысячью комнат, и все двери как две капли воды похожи.

Мы миновали большой шумный рынок, где толпа народу что-то покупала и продавала, и

свернули на улицу, которая после рыночного гвалта казалась тихой. Правда, после леса и здесь было шумно. Но йотом стало тише — когда появились высокие просторные дома с большими стеклянными окнами. Тут снег лежал аккуратными кучками, а к дверям с заснеженной мостовой вели лестницы. Наконец мы пришли к большому дому с аркой и внутренним двором. Там стояли кони, и люди суетливо что-то таскали туда-сюда.

Мать Мирьем остановилась у порога этого дома. Она держала панова Мандельштама за руку, а он поднял взгляд на дверь, и я догадалась, что не хочется ему идти внутрь. Но они вместе поднялись по ступеням, а панова Мандельштам обернулась к нам и кивком подозвала нас: мол, давайте и вы следом. И мы тоже поднялись по лестнице и вошли. Там нас встретила женщина.

— Рахиль! — воскликнула она. В волосах у этой женщины были седые, серебряные и совсем белые пряди. Лицом она немного напоминала панову Мандельштам. Они с пановой Мандельштам целовались, и я поняла, что, наверное, это бабушка Мирьем. Просто у матери Мирьем тоже есть мать, и она еще жива. — И Йозеф! Сколько лет, сколько зим! Входите же, входите, раздевайтесь! — прибавила бабушка Мирьем, расцеловывая панова

Мандельштама в обе щеки.

Только бы панова Мандельштам не стала с порога расспрашивать о Мирьем, думала я. Но она не стала. Из кухни вышли еще женщины, и началась трескотня: все здоровались и тут же принимались болтать. И разговаривали они как-то непонятно. Я сперва решила, что они просто тараторят слишком быстро. Но прислушалась и уловила незнакомые слова, которые мешались со знакомыми. И мне внезапно захотелось уйти, вернуться в наш домик в лесу. Я сидела за столом у Пановы Мандельштам, я ела с тарелки Мирьем и втайне, ни на что не надеясь, мечтала занять ее место. Но теперь-то я поняла, что мне его не занять: слишком мало я знаю про это самое место. Я только часть его видела, далеко не все. В этом доме тоже место Мирьем, а для меня здесь места нет.

Если бы знать, куда идти, я бы сразу ушла. Сергей стоял рядом, Стефан сполз с его спины и прижался ко мне, уткнулся мне в бок и натянул себе на лицо мой передник. Они бы тоже ушли вместе со мной. Но мы в городе совсем ничего не знали. И тут я услышала свое имя: панова Мандельштам отвела свою мать в сторонку и что-то ей нашептывала обо мне, обо всех нас, а

та слушала, тревожилась и все поглядывала на нас. Я гадала, о чем же они говорят и что ее так встревожило. Вдруг бабушка Мирьем сейчас скажет, чтобы мы убирались и духу нашего чтобы не было в ее доме? И даже переночевать не пустит. Она нас и знать не знает — а тут с нами сразу неприятности на ее голову.

Но бабушка Мирьем не стала нас прогонять. Она что-то сказала панове Мандельштам, и та подошла к нам с ободряющей, но немного робкой улыбкой. Этой своей улыбкой она как бы говорила, что все будет хорошо, мол, не переживайте, а сама словно бы не очень в это верила. Мы пошли следом за матерью Мирьем куда-то в глубину дома. Там была лестница наверх, и мы прошли через просторный коридор с ковром. В конце тоже оказалась лестница, и мы еще поднялись, а лестница все не заканчивалась — деревянные ступеньки вели в небольшой коридорчик, уже без ковра, с обычным дощатым полом. В коридорчике оказалось только две двери, да еще в потолке имелась дверца, и оттуда свешивалась веревка. Панова Мандельштам открыла левую дверь, и мы очутились в комнате примерно с нашу лесную хижину. Что значит городской дом: карабкаешься-карабкаешься вверх по лестницам,

долезаешь до самого верха, а там — на тебе! — еще один дом. А ведь город весь из таких домов — их тут великое множество, и один нипочем не отличить от другого.

Напротив двери в этой комнате было окно. Стефан вырвал у меня руку и с криком кинулся к окну. Я думала, это он распереживался, а он вдруг возьми и скажи:

— Мы птицы! Ванда, Сергей, поглядите: мы птицы!

Я даже немного заробела, но подошла к нему и глянула через стекло. Стефан правду говорил: мы теперь как птицы. Мы так высоко забрались, что смотрели на крыши других домов и на улицы сверху вниз. Отсюда я видела рынок — совсем крошечный, если положишь руку на стекло, он весь уместится под ладонью. И большую городскую стену я тоже видела — только из окна не очень-то она была большая. Стена вилась вокруг города будто тонкая красная змейка с заснеженной спиной, а по другую сторону высился лес, и все деревья слились в одну темную громаду под тяжелым снежным одеялом — даже глаза заболели глядеть. На крышах всех домов белел снег, а вот улицы были черные, грязные, но с такой верхотуры и они казались вполне ничего.

— Входите, посидите тут, передохните, — пригласила мать Мирьем.

Я так увлеклась окном, что о самой комнате и позабыла. А тут стояли три кровати — настоящие кровати, деревянные, с тюфяками, одеялами и подушками. Огонь в маленьком камине не горел, но и без того в комнате было тепло. Перед окном стоял столик, а рядом стул и еще два стула возле камина. На всех стульях лежали подушки, только самую малость потертые.

— Вы, должно быть, проголодались. Я велю принести сюда еды. Мне совестно, что вас устроили так высоко, в людской: но все спальни внизу уже заняты гостями. Завтра с утра, после свадьбы, кто-нибудь уедет, и тогда станет посвободнее.

Мы не знали, что и сказать, а потому промолчали. Панова Мандельштам ушла, а мы все расселись каждый на свою кровать и переглянулись через всю комнату. Я знала, что дедушка Мирьем богатый, но до сих пор не представляла, как это: быть богатым. А это значит, что такая комната с кроватями, и столом, и стульями, и стеклом в окне — это вроде как невзрачная каморка, в которую и людей-то поселить стыдно. Я только сейчас сообразила, какая наша комната громадная: мы сидели, и между нами было еще

много пустого места. Это место никто не использовал ни под готовку, ни под здоровенную кучу дров. Тут по стенам не стояли никакие горшки, топоры и метлы. Зато над моей постелью висела маленькая картинка: кто-то нарисовал город за окном, только это была весенняя картинка, с зелеными деревьями и летающими птичками.

Вскоре вернулась панова Мандельштам, а с нею девчонка в платке — молодая, рослая, крепкая. В руках она держала поднос со всякой снедью. Она поставила поднос на стол, поклонилась панове Мандельштам и ушла. Я поглядела ей вслед и подумала: это же я должна быть на ее месте. Я должна тут все носить и подавать. Но мое место в этом доме уже заняли.

Стефан с Сергеем сразу накинулись на еду, а мне кусок в горло не шел. Я тоже проголодалась, но только поглядела на еду — и у меня в животе все скрутило. И я сказала панове Мандельштам:

— Вам тут от нас никакого проку. — И хотела даже прибавить «Лучше мы пойдем», но не стала: ведь нам некуда идти, разве только обернуться птицами и упорхнуть.

Панова Мандельштам очень удивилась.

— Ванда! — воскликнула она. — Да что ты такое говоришь? Это ты-то, золотая наша помощница!

Нет, вы послушайте ее только, а? От нее никакого проку! — И она взяла мое лицо в руки и легонько встряхнула. — Ты добрая девочка, и сердце у тебя доброе. Ты столько трудилась и ни разу ни на что не пожаловалась. С тех пор как ты вошла в наш дом, я никаких забот не знала. Я только подумаю о чем-нибудь, глядь — а оно уже готово. Я лежала больная, но ты все делала за меня, и я поправилась. И ты ни о чем не просила. Ты брала только то, что мы тебе давали. Так что уж позволь мне давать тебе и впредь.

— Вы мне давали больше, чем у меня было! — сказала я. Потому что она все не так сказала, и я расстроилась. Выходит, я работала у них, потому что я добрая, а не потому что хотела серебра или чтобы от меня отстали дома.

— Значит, у тебя было мало, а у меня — больше чем нужно, — ответила она. — Шшш, моя милая. У тебя нет матушки, но дай я скажу тебе, что она бы сказала. Послушай. Стефан рассказал нам, что случилось у вас дома. Бывают люди, у которых внутри живут волки, и этим волкам только и надо, что набить брюхо. Вот они и пожирают всех вокруг. Волк жил в вашем доме, и ты провела с ним рядом всю свою жизнь. Но вы здесь, ты и твои братья, и волк не сожрал вас и не поселился

у вас внутри. Вы сумели прогнать волка, потому что давали пищу друг другу. Ведь мы только это и можем делать для близких. И только так мы справимся с волками. Если под моим кровом есть для вас пища, я только рада этому, рада от всего сердца. И надеюсь, пища для вас найдется у меня всегда. Шшш, не плачь. — И она утерла большими пальцами слезы, что катились у меня по щекам, но они все равно катились и катились. — Я знаю, что ты натерпелась страху. Но нынче у нас будет свадьба. Настало нам время возрадоваться. Сегодня в этом доме никто не грустит. Договорились? А сейчас садись и поешь с братьями. Передохните немного. Если ты сама хочешь, если не слишком устала, спускайся после вниз и помоги мне. Работы еще довольно, но все это приятные хлопоты. Мы подготовим балдахин для жениха и невесты, накроем на стол, а потом все вместе попируем и потанцуем. И никакой волк нам не страшен. А уж завтра мы подумаем обо всем остальном.

Я кивнула и ничего не сказала. Потому что не могла ничего сказать. Панова Мандельштам улыбнулась и снова вытерла мне щеки, но слезы все текли ручьем, и она сдалась: вытащила из юбки носовой платок и вручила мне. И погладила меня по щеке. Сергей со Стефаном сидели за сто-

лом и вовсю глазели на еду. А там чего только не было: и суп, и хлеб, и яйца. Я села рядом с ними, и Стефан сказал:

— Оказывается, когда ты еду приносила, это было волшебство. Я-то думал, обычная еда.

И вдруг я, сама того не ожидая, протянула одну руку Сергею, вторую — Стефану, и мы все взялись за руки и держались крепко-крепко. Я и мои братья — мы сидели втроем вокруг полученной в дар пищи, и рядом с нами не было никаких волков.

* * *

Наутро Мирнатиус ни свет ни заря отдернул балдахин и принялся гонять слуг по дому. Я еще даже сесть в постели не успела. Слуги принесли нам на подносе горячий чай, теплый хлеб с маслом и вареньем и тарелку с нарезанной ветчиной и сыром. Хозяева от чистого сердца разделили с нами самую вкусную свою еду, которая, впрочем, мало отличалась от крестьянской. Мирнатиус поморщился и едва отщипнул кусочек. Я заставила себя поесть, потупившись и силясь не смотреть на его сорочку с роскошной вышивкой, на его руки и рот. Мои щеки горели огнем — обе щеки, а не только обращенная к Мирнатиусу. Я помнила, как он прикасался к моей коже, и кольцо не могло

пригасить этот жар.

Мирнатиус затребовал ванну, и мне пришлось это вытерпеть: купальню водрузили перед камином, и две девицы-служанки прислуживали ему, а я старалась не смотреть, как их руки скользят вдоль его тела. Вопреки собственной воле я испытывала что-то вроде ревности. Я не его ревновала, а волнение, что он невзначай пробудил во мне; трепет, который должен был рождать во мне другой мужчина — тот, кому я позволю коснуться себя. Тот, кто стал бы моим настоящим мужем. Лучше бы эта сладкая дрожь оказалась нежданным даром. Лучше бы мне смотреть на своего купающегося супруга, и заливаться румянцем, и радоваться этому. Я бы хотела, чтобы все было так. Но вместо этого я принуждала себя отводить взгляд, потому что если сбудется мною задуманное, я отправлю его туда же, куда и короля Зимояров, и похороню там их обоих, а сама стану женой человека, годящегося мне в отцы.

В спальню, отважно преодолев робость, прокралась Магрета со своими гребнем и щеткой, чтобы заняться моими волосами. Ее руки на моих плечах задавали безмолвный вопрос, на который у меня не было ответа. Однажды она поведала мне, совсем коротко, скупыми фразами,

как это бывает между мужчиной и женщиной. До чего несусветная глупость, решила я тогда по малолетству и без колебаний дала слово, что не разрешу ни одному мужчине это делать, пока мы не поженимся. «Да тебе и не пристало оставаться наедине с мужчиной, душенька», — запоздало прибавила Магрета, поглаживая мои волосы. Она повторяла чей-то наказ, который сама слышала давным-давно; наказ, к которому она прислушалась и которому подчинилась.

Миновало еще несколько лет, я подросла и стала понимать, что означает замужество для дочери герцога и почему мне не дадут оставаться наедине с мужчиной. Потому что если долго пробыть с мужчиной один на один, можно на что-то решиться. А мне не положено ни на что решаться до той самой поры, когда мне уже не придется ничего решать. Магрета снова и снова рассказывала мне, что меня ждет, всячески успокаивая. С этим просто надо смириться, говорила она, да не такое уж это и мучение: всего-то несколько минут, и не очень больно, да и то только в первый раз. Но я уже выросла и Магретиным словам не особенно верила. Она меня обманывала, сама не ведая, в чем кроется обман. Наверняка больно будет каждый раз, и боль будет нестерпимая, и длиться это

будет целую вечность. В общем, меня ждет целый набор всяческих пакостей. И я даже выпытывала у нее: мол, а ты-то откуда знаешь? А она розовела, конфузилась и бормотала: «Так ведь о таком все знают, Иринушка, все знают». То есть сама она не знала ничегошеньки.

Но кое о чем еще она не рассказала мне — о том самом, из-за чего заставила меня дать слово. И если сама она изнывала от подобных желаний — как она их унимала? Как избывала голод, чем глушила гибельные семена? Ее пальцы медленно скользили по моим волосам, а я сидела, сложив руки на коленях, и на моем серебряном кольце мелькали янтарные отсветы пламени — как и на коже моего супруга, по которой струилась вода.

Мирнатиус вышел из ванны и стоял перед большим камином, а девицы-служанки суетились вокруг него, вытирали насухо мягкой тканью. Чересчур усердно — чего я столь же усердно старалась не замечать. Они обе были прехорошенькие, их выбрали, чтобы они услаждали царский взор. Но царь только нетерпеливо повел плечами, словно конь, отгоняющий мух, и коротко бросил:

— Одеваться.

Тут же возле царя возникли камердинеры, которые шуганули девиц, а те поспешно отпря-

нули прочь. Камердинеры аккуратно, слой за слоем, разложили перед Мирнатиусом его шелка и бархат — мой отец так же тщательно раскладывал доспехи, — а он то и дело отпускал колкие замечания насчет вон той складки или вон той затяжки.

Я уже стояла одетая. Мирнатиус отпустил слуг. Они поклонились ему и обернулись ко мне: Магрета как раз водрузила корону на мои заново уложенные косы. Слуги мгновение взирали на меня молча, а потом склонились еще ниже, чем перед царем. Девицы присели в глубоком реверансе и потихоньку выскользнули из спальни: в одной руке у каждой — рука подружки, в другой — корзинка с тряпицами для вытирания и мылом. На бегу они завистливо перешептывались. Мирнатиус проводил их взглядом, еле сдерживая раздражение, и выдернул из рисовального ящика, стоящего у стены, свой альбом. Даже не присев, он небрежно несколькими резкими штрихами набросал мое лицо и вцепился в одного из камердинеров: тот не успел уйти, поскольку опорожнял купальню и носился туда-сюда с ведрами.

— Вот, погляди! Красиво? — рявкнул Мирнатиус, сунув слуге рисунок.

Тот, разумеется, не на шутку струхнул. Он

уставился на картинку, гадая, какой ответ будет угоден царю. Посмотрев, он спросил:

— Это царица? — Он перевел взгляд на меня, потом на рисунок, а потом беспомощно воззрился на Мирнатиуса.

— Так как? — рыкнул тот. — Красиво или нет?

— Красиво, — полувопросительно пролепетал он, совсем отчаявшись.

Мирнатиус скрипнул зубами:

— Почему? Что тут красивого? Посмотри и не мычи, а скажи толком. Скажи, что думаешь, а не что я, по-твоему, хочу услышать!

Насмерть перепуганный слуга проглотил комок в горле и пробормотал все так же полувопросительно:

— Лицо красивое…

— Красивое? — повторил Мирнатиус.

— Красивое… да-да, очень красивое, — протараторил камердинер, когда Мирнатиус угрожающе придвинулся к нему. — Но какой из меня судья, государь! Не велите казнить! — Он замер в глубоком поклоне.

— Оставь его, — наконец вмешалась я, сжалившись над беднягой. — Спроси лучше воеводу.

Мирнатиус сердито свел брови, однако махнул слуге, чтобы тот уходил. И на пороге сунул

рисунок в руки воеводе, пока вся наша свита рассаживалась по большим саням и санкам поменьше. Воевода с женой взяли рисунок, и она, коснувшись бумаги кончиками пальцев, тихо проговорила:

— До чего красиво, государь.

— Но почему?! — Мирнатиус резко обернулся к ней. — Что здесь красивого? Какие черты особенно хороши?

Она подняла на царя удивленный взгляд, потом снова посмотрела на мой портрет:

— Что ж… В особенности, пожалуй, никакие, государь. Но я гляжу на него — и мне чудится, будто я гляжу на царицу. — Она внезапно улыбнулась. — Возможно, я вижу лишь то, что видите вы, государь, — негромко и сердечно прибавила она. Взбешенный Мирнатиус развернулся и ринулся в сани, оставив листок бумаги в руках у хозяйки.

За день он в бессильной ярости нарисовал меня раз десять, если не больше: один портрет за другим, и так и этак, со всех сторон, с каких только он мог меня видеть. Я не возражала. Я невольно вспоминала его беззвучные слезы. Альбом наполнялся рисунками, Мирнатиус тыкал их под нос всем без разбору слугам. Мы въехали в Вышню сразу после полудня, и сани замерли

у отцовского порога. Полозья еще скользили по снегу, а Мирнатиус уже выпрыгнул из саней. Он даже не стал здороваться: просто вручил альбом моему отцу и, срываясь на крик, выпалил:

— Ну как?!

Отец внимательно рассматривал рисунки, медленно переворачивая страницы огрубелым большим пальцем. И выражение лица у него было какое-то непривычное. Слуга помог мне выбраться из саней; мне навстречу с распростертыми объятиями уже спешила моя мачеха Галина. Мы расцеловались. Отец долго разглядывал последний набросок, где я смотрю на заснеженные деревья: изгиб саней едва намечен, видна только часть моего лица — ресницы, уголок рта, линия прически. Наконец он произнес:

— Здесь она похожа на свою мать.

Он внезапно сунул альбом в руки Мирнатиусу и обернулся, чтобы поцеловать меня. Его губы были сжаты в плотную линию.

В отцовском доме мне ни разу не доводилось ночевать в самых больших покоях. Я лишь несколько раз осмелилась сунуть туда нос — это у меня было что-то вроде дерзкой игры, — да и то лишь когда в покоях не жили именитые гости и Магрета позволяла мне взглянуть одним глазком.

Большие покои мне всегда казались грандиозными, неприступными. Подоконники здесь были из резного камня, и единственный балкон кичливо выдавался вперед, открывая вид на реку и лес. «Здесь жила прежняя герцогиня», — как-то поведала мне Магрета. На стенах висели гобелены: Магрета помогала с их починкой, а мое шитье не сочли достаточно искусным, и меня к ним не допустили. По кровати были раскиданы бархатные подушки: я немножко вышивала на двух из них. А еще у кровати были забавные когтистые лапы вместо ножек — мне они всегда очень нравились. На гербе у прежнего герцога красовался медведь, поэтому тут осталось еще пять-шесть предметов мебели с такими вот резными лапами.

Но теперь покои вдруг показались мне маленькими, едва ли не тесными, и слишком жаркими после изысканной красоты царских хором. Слуги втаскивали наши вещи и хлопотали возле меня, а я стояла на балконе, и холодный ветер приятно овевал мне лицо. Уже перевалило за полдень, и солнце начало свой путь к горизонту. Появилась Магрета, она ворчала на слуг, тащивших мой сундук с платьями. Магрета вышла ко мне на балкон и встала рядом молча, стиснув мои руки в своих.

В какой-то миг все слуги вышли, мы остались

одни, и я прошептала ей:

— Отправь кого-нибудь, чтобы узнал, где дом панова Мошеля. Это где-то в еврейском квартале. Нынче вечером мы поедем туда на свадьбу, и возчик должен знать дорогу. И подыщи какой-нибудь подарок.

— Ох, душенька, — испуганно охнула она. Приложила мою руку к своей щеке и поцеловала. И ушла выполнять что приказано.

Вошел стражник — один из тех, что сопровождали нас от дворца. Он не был прислугой; однако для мельтешащих вокруг меня слуг я была по-прежнему герцогская дочка, а для него — царица. И когда я обернулась к нему, он низко поклонился и замер на месте в ожидании.

— Ступай к моему отцу, скажи, я хочу видеть его, — велела я.

— Будет исполнено, государыня, — пробасил он: словно прогудела низкая струна. И удалился.

Явился мой отец. Он остановился в дверях, меряя меня своим обычным пытливым взглядом, проверяя, чего я стою. Я обернулась к нему, гордо выпрямив плечи, и он, обождав мгновение, прошагал через покои и встал рядом со мной на балконе.

— Год нынче будет неурожайный, — промол-

вила я.

— Верно, — согласился он. — Вся рожь полегла в поле.

— Прости, что приходится вводить тебя в расход, но нам нужно справить тут свадьбу, — сказала я. — Мы выдадим княжну Василиссу за Ильяса, кузена Мирнатиуса.

Отец умолк и долго сверлил меня взглядом исподлобья.

— Как-нибудь сдюжим, — медленно произнес он наконец. — И когда их ждать?

— С часу на час, — ответила я. Мы переглянулись, и я догадалась, что отец все понял.

Он задумчиво потер подбородок:

— Отец Идорос будет готов к приезду князя Ульриха. Он будет ждать в своей часовне, я об этом позабочусь. Дом переполнен, но мы с твоей матерью уступим свою спальню. Галина устроится наверху со своими женщинами, а я перебьюсь по соседству, у твоего кузена Дариуса. И пускай кто-нибудь из домочадцев твоего мужа переночует с нами, чтобы освободить место.

Я кивнула. Можно не волноваться: Ульрихову ненаглядную доченьку чин чином подсунут новому женишку.

Отец пристально вглядывался в мое лицо.

— А князь Казимир тоже приедет? — чуть погодя спросил он.

— Боюсь, не сразу. Возможно, завтра, — отозвалась я. — Мы отправили к нему гонца, но у того что-то не заладилось. С лошадью беда приключилась.

Отец глянул на комнату. Слуги по-прежнему сновали туда-сюда, но рядом с балконом никого не было.

— Здоров ли государь?

— В целом здоров. Однако у него… нервное расстройство, — немного сухо произнесла я. — Полагаю, досталось ему в наследство от матери.

Отец помолчал и сурово свел брови:

— Так ему это чинит… неудобства?

— Пожалуй, так, — кивнула я.

Он снова замолчал, а потом сказал:

— Я поговорю с Казимиром, когда он приедет. Он неглуп. Разумный человек и доблестный воин.

— Я рада, что он тебе по нраву.

Отец вдруг погладил меня по щеке, и я от неожиданности даже вздрогнула.

— Я горжусь тобою, Ирина, — с жаром прошептал он и отнял руку. — Вы с супругом спуститесь нынче к ужину?

Я задумчиво качнула головой:

— Нынче нет. — Я словно на миг онемела. Слова давались мне с трудом. Я прежде и не задумывалась, хочу ли, чтобы отец мною гордился. Это всегда казалось мне чем-то недостижимым. А оказывается, мне это было так важно. Я с усилием выдавила: — Я еще кое-что должна сказать. Одну… вещь.

Отец всмотрелся в мое лицо:

— Говори же.

Я чуть помедлила, ожидая, пока уйдут все слуги.

— Зиму творят Зимояры. Они хотят заморозить всех нас. — Отец весь окостенел. Он невольно потянулся к серебряным цепочкам, свисающим с моей короны. — Их король добивается, чтобы все лето шел снег.

Отец неотрывно буравил меня взглядом:

— Но зачем?!

Я покачала головой:

— Не знаю. Но его можно остановить.

И пока не появились слуги, я торопливо, в скупых фразах изложила ему весь план. Беседуя о политике, я легко произнесу тысячу слов: ни одно из них не выдаст меня посторонним ушам, зато отец поймет все, что нужно, и в этом я могу не

сомневаться. Однако сейчас я толковала о зимних королях и огненных демонах. Они проскальзывали в нашей речи так же, как проскальзывали в нашем мире — зло, не ведающее границ. Я говорила быстро — не только из-за того, что боялась быть услышанной, но и из-за того, что хотела поскорее покончить с этим разговором и с этой историей. Она казалась такой небывальщиной рядом с неумолимой правдивостью каменных стен, солнечных лучей на заснеженных перилах и замышляемого убийства.

Отец слушал не перебивая. Когда я закончила, он сказал:

— На южной оконечности города, возле еврейского квартала, есть башня. Мы ее разрушили, когда брали приступом город. Стену мы потом отстроили заново, а подвал и фундамент башни, выдающиеся наружу, сохранили. Вместе с двумя самыми близкими друзьями мы прокопали к башне подземный ход от самого дворца. Город тогда еще не восстановили после пожара. — Я медленно кивнула. Значит, он проделал тайный ход из города на случай осады — не в пример прежнему герцогу. — Раз в год, — продолжил отец, — я спускаюсь в подземный ход и проверяю, все ли в порядке. Нынче вечером я пройду тай-

ным ходом и буду ждать тебя там, за городской стеной. Ты припасла цепь?

— Да, цепь у меня в ларце. И дюжина свечей для огненного кольца.

Отец кивнул. Опять вошли слуги, и мы оба умолкли. Отец не вымолвил ни слова, пока слуги выкладывали из двух сундуков богатые наряды: бархат, и шелк, и парчу. Он наблюдал за слугами, но мысли его витали где-то далеко. Я почти видела, как в уме он терпеливо, сосредоточенно распутывает безнадежно спутанную нить — бесконечную, узловатую.

— О чем ты думаешь? — спросила я, когда слуги наконец удалились.

Он отозвался не сразу:

— Люди живут здесь с незапамятных времен, Ирина. У моего прапрадеда было хозяйство неподалеку от города. Зимояры правили лесом, они были жадны до золота, они налетали, оседлав метели, чтобы добыть его. Но никогда они не вставали на пути у весны. — Отец не сводил с меня ясных холодных глаз, и я знала, что он предупреждает меня, говоря: — Хорошо бы знать, что произошло.

* * *

Как только меня усадили в ванну, я тут же заснула. Ну и что — я ведь могу спать сколько душе угодно, коль скоро время мне подвластно. В полудреме мне привиделось: я стою на пороге большого зала в доме моего дедушки, но зал пустой и огни не горят, а Зимояр глумливо шепчет мне: «Ты перепутала день».

Я дернулась во сне и проснулась; сердце стучало как шальное. Я смотрела спросонья на стену спальни: стена больше не была прозрачной, она сделалась сплошь белой. Я неуклюже выкарабкалась из ванны, завернулась в простыню и проковыляла к стене-окну. Стена осталась прежней — это мир за ней убедился. Снег настолько густо укрыл собою лес, что даже ближние сосны целиком оказались под белыми шапками до самых острых верхушек. Ни единой зеленой иголочки не торчало наружу. Под снежным покровом исчезла и река, а небо казалось теперь почти жемчужным.

Я озирала белый простор и, невольно стискивая в кулаках концы простыни, думала про весь этот снег, который, должно быть, завалил и мой дом, и Вышню. Мои раздумья прервал нерешительный

голос служанки:

— Не желает ли госпожа одеваться?

Флек, Цоп и Балагулы тут уже не было; отныне им не пристало выполнять работу прислуги. Но прежде чем оставить меня, они все как следует устроили. Балагула отправился к своим бывшим товарищам сказать, чтобы готовили сани для нашей поездки. Вместо Флек и Цоп возникла целая толпа служанок, которые повиновались мне с невиданным прежде почтением и расторопностью. Видно, слушок уже пронесся по всему королевству, и мои подвиги возвысили меня в их глазах.

Служанки принесли мне платье из тяжелого белого шелка, плащ из парчи, расшитой серебром, высокий ворот из серебряного кружева и украшение из прозрачных камней мне на плечи. Все это увенчала золотая корона — с этим нарядом смотрелась она довольно нелепо. Но стоило мне глянуть в зеркало и заметить эту неуместность, как золотые струи потекли по платью, по каждой серебряной нити, и достигли вышитого подола. Женщины вокруг меня отпрянули от платья и отвели взгляды от моего лица.

Я сама буду нелепо смотреться на Басиной свадьбе — как кукла, вопреки здравому смыслу

разодетая в кричаще дорогое платье. Но я не приказала служанкам принести другую одежду. Я везу гостем на свадьбу короля Зимояров; я собираюсь убить его посреди свадебных торжеств — признаться, наряды заботили меня в последнюю очередь. Если мне повезет пережить эту ночь и если платье вдруг уцелеет, я продам его какой-нибудь знатной девице для приданого. В солнечном мире я, наверное, лишусь дара превращать серебро в золото, однако одно мое убранство сделает меня богатой женщиной до конца моих дней.

Поэтому я высоко вскинула голову в тяжелой короне, и ее бремя придало мне сил. Я проскользнула к входу в свою спальню, где меня уже поджидали Цоп и Балагула. Каждый держал в руках по ларчику с серебром: большей частью мелкие серебряные побрякушки, пара чашек, вилки, ножи, тарелки из разных наборов и сервизов, а меж ними рассыпано немного монет. Мои бывшие слуги уже успели переменить платье и теперь были в одежде бледного оттенка слоновой кости. Цоп перешила золотые пуговицы с прежнего наряда на новый. Остальные слуги косились на них, но исправно кланялись.

Последней пришла Флек, тоже в светлом одея-

нии и тоже с ларчиком. С ней рядом шла маленькая девочка. Прежде я не видела детей Зимояров: с виду девочка казалась еще диковиннее здешних взрослых. Тоненькая, хрупкая, как сосулька, и почти такая же прозрачная; глаз различал под ее кожей темно-синие тени и прожилки. А сама кожа была будто тонкий чистый ледок. Взрослые Зимояры рядом с ней казались заснеженными холмами, а она была как хрустальная сердцевина горы, которую снегу только предстояло укрыть. Девочка воззрилась на меня с безмолвным любопытством.

— Воздающая, вот моя дочь, отныне она тоже твоя верительница, — негромко произнесла Флек и коснулась плеча дочери. Та отвесила мне тщательно заученный поклон. У девочки в руках было серебро — маленькое тонкое ожерельице, простенькое украшение, которое она явно не захотела класть в материнский ларец. И этого ожерельица я коснулась первым.

Еле заметное движение моей воли — и безделушка вспыхнула золотом по всей длине. Девочка тихонько ахнула, точно звякнул бубенчик. И мне показалось, что сейчас я сотворила больше волшебства, чем когда набила золотом две кладовые. Я медленно повернулась к Флек и дотронулась

до горки серебра в ее ларце. Все его содержимое окрасилось золотым — столь же быстро и легко. Словно мой дар каким-то чудесным образом сделался сильнее. Словно сейчас я могла пойти и обратить в золото серебро всех трех кладовых, не прибегая к хитрости. Я обратила серебро Цоп и Балагулы: они даже не удивлялись тому, как запросто я это проделываю. Закончив, я спросила:

— Прилично ли мне поблагодарить вас — или это считается чем-то предосудительным?

Трое взрослых Зимояров переглянулись, и Цоп заговорила немного обреченным голосом:

— Госпожа, мы примем все, что ты пожелаешь нам дать. Но, как мы слышали, в солнечном мире смертные благодарят, когда бессильны воздать за что-то должным образом. Однако ты дала нам столько, что мы можем предложить взамен лишь собственные жизни. Ты своими устами нарекла нас, ты возвысила нас, ты наполнила наши руки золотом. Что такое благодарность в сравнении с этим?

Я и не подозревала, что данные мною имена — это прямо уж какой-то особый дар. Однако когда Цоп все это сказала, я поневоле задумалась: а и правда, что такое благодарность? Кроме того, что это просто вежливые слова? Мне понадобилось

время, чтобы собраться с мыслями: все-таки я еще толком не проснулась и по-прежнему плохо соображала, голова была как куль, набитый шерстью.

— Благодарить — это как брать взаймы, — наконец вымолвила я, почему-то вспомнив о дедушке. — Подарки, благодарности — это когда… Когда мы принимаем что-то, что нам дают, а потом благодарим, то есть возвращаем, когда потребуется, как можем. Если мы благодарим, мы сами решаем, как и сколько мы воздадим. Тут, конечно, легко обмануть и не отдать долга, но бывает так, что из благодарности мы получаем и воздаем сторицей. Потому-то я и благодарю вас, — поспешно прибавила я, — за то, что вы были готовы пожертвовать всем, чтобы помочь мне. Пусть вы и рассчитывали на вознаграждение, я не забуду того, как вы рисковали собой. И я с радостью сделаю для вас все, что в моих силах.

Они во все глаза смотрели на меня, а Флек, положив руку на голову дочки, сказала:

— Госпожа, не сочти мою просьбу чрезмерной: не дашь ли ты моей дочери истинное имя? — Я слегка опешила, и вид у меня, вероятно, был соответствующий. Поэтому Флек опустила взгляд. — Тот, кто произвел ее на свет, не пожелал

обременять себя, когда она родилась. Он оставил ее без имени, — тихо объяснила она. — Теперь, стоит мне попросить, он исполнит мою просьбу, но будет вправе взамен требовать моей руки. А я больше не хочу давать ему свое согласие.

Неизвестно, какие у Зимояров законы насчет брака. Зато известно, как я отнеслась бы к мужчине, который произвел дитя на свет и не пожелал признать его. Я бы тоже не жаждала заполучить такого в мужья.

— Конечно. А как мне это сделать? — спросила я. Флек объяснила, я протянула руку малышке, и мы вместе с ней отошли в дальний конец спальни. Там я прошептала ей прямо в ухо:

— Тебя зовут Ребекка бат Флек.[5]

Думаю, любой Зимояр изрядно поломает голову над таким затейливым именем.

Девчушка просияла с головы до пят, словно внутри у нее сверкнула искорка. Она со всех ног кинулась к матери и восторженно выпалила:

— Мама, мама, у меня есть имя! Можно я тебе скажу?

Флек опустилась возле дочки на колени, обвила ее руками и поцеловала.

---

[5] Примечания: 5
На идиш это означает «Ребекка, дочь Флек».

— Пусть твое имя поживет эту ночь только в твоем сердечке, — ответила она. — А завтра ты мне его скажешь. Хорошо, снежиночка?

Они радовались, и я радовалась за них. В тот миг мне казалось, что все-таки они получили свое справедливое воздаяние за те кошмарные день и ночь, которые они пережили вместе со мной. Даже если я их больше никогда не увижу, пусть у них все будет хорошо. Меня немного грызла совесть: ведь неизвестно, что с ними станется, если мой замысел осуществится и трон Зимояров опустеет. Хочется верить, в худшем случае их разжалуют в чуть менее титулованные особы. Однако как бы то ни было, я обязана рискнуть ради своего народа. Иначе ему грозит быть погребенным под снегом, который непрестанно валит за моим окном.

Я набрала в легкие побольше воздуха и объявила:

— Я готова.

Почти в то же мгновение хрустальная стена разошлась, и появился мой супруг, которого я вознамерилась убить. Разумеется, это дело правое, но мне все равно было не по себе. Я не отваживалась поднять глаза на короля. Раньше я старалась не смотреть на него, потому что он

был такой страшный и необычный, как ожившая сверкающая льдина. Но сейчас я отводила взгляд по другой причине. Сейчас король стал казаться мне живым. Я подержала за руку ледяную статуэтку девочки — я нарекла дитя, а ведь это что-то да значит. Вот передо мной Флек, Цоп и Балагула, и золото в ларцах возле их ног бросает теплый отсвет на их льдистые лица. Это лица моих друзей — друзей, которые помогли мне, и помогли бы еще не раз по первой просьбе. В здешних краях не принято рассуждать о доброте — но что с того? Мои бывшие слуги о доброте не рассуждали, они просто явили ее. По мне, так второе предпочтительнее первого.

И я вдруг поняла, что в чертах мужа вижу не только лед. Он не стал мне другом, нет — он по-прежнему был чудовищем, острой льдиной, готовой вспороть мою утробу и излить из меня золото, пока мой мир гибнет под снегом. Но сегодня это чудовище насытилось: я сама вспорола себе утробу, я забила доверху золотом две кладовые. Королю важно не уронить себя перед лицом моих свершений. Поэтому он разоделся в пух и прах под стать мне самой — так, будто и впрямь для него выдался торжественный случай. И поклонился чрезвычайно любезно, точно перед ним

стояла настоящая его возлюбленная королева.

— Идем же, моя госпожа, веди нас на свадьбу, — произнес он неожиданно учтиво. И это именно сейчас, когда мне хотелось, чтобы он вел себя злобно и враждебно. А впрочем, чему тут удивляться: когда он поступал по-моему просто так, без уговора?

В последний раз я взглянула на своих друзей, кивнула им, попрощалась и вышла следом за королем. Мы вместе спустились во двор. Сани, заваленные белыми мехами без единого пятнышка, уже дожидались нас. Мне было так тяжело и неудобно в платье и в короне, что пришлось вцепиться обеими руками в бортик. Я хотела подтянуться, но Зимояр подхватил меня за талию и легко поднял. А потом сам уселся рядом.

Возчик дернул поводья, и олени побежали вперед, а вокруг нас засверкала гора. Лицо мне обдувало сильным, мягким ветром, не слишком холодным. Мы пронеслись через серебряные ворота в большой мир: только полозья поскрипывали на снегу да гулко цокали оленьи копыта. За считаные минуты мы домчались до опушки леса. Упряжка неслась, оставляя на свежем снегу едва заметный след; мимо мелькали наполовину утонувшие в снегу деревья — они казались

необычно низенькими.

Я пристально наблюдала за Зимояром. Должен же он проговорить какое-нибудь заклинание или как-то еще поколдовать, открывая дорогу в солнечный мир. Но вместо колдовства он обернулся и вперил в меня пытливый взгляд, словно гадая: а вдруг я внезапно извергну поток небывалого волшебства? И ни с того ни с сего произнес:

— Сегодня я не отвечаю на вопросы.

— Как это? — осведомилась я сиплым от беспокойства голосом. А вдруг он меня раскусил? Наверняка он знает, что я задумала, и везет меня не на свадьбу, а на казнь. Но в следующее мгновение я догадалась, о чем он. — У нас же договор!

— Мы договорились лишь о твоем праве. О моем праве речи не шло. Теперь я вижу, что заключил нечестный договор… — Король осекся и, отвернувшись, устремил взгляд вперед. — Поэтому ты потребовала лишь ответы на глупые вопросы? В знак презрения к нанесенному мною оскорблению?

Он умолк и, прежде чем я успела возразить, рассмеялся. Будто целый хор бубенцов зазвенел — и приглушенный звон разнесся далеко над снежной далью. Я даже не представляла, что он умеет смеяться. Я так и застыла с полуоткрытым

ртом, то ли озадаченная, то ли взбешенная, а он резко повернулся ко мне, схватил мою руку и поцеловал ее. И касание его губ было как дыхание на морозном стекле.

Я так опешила, что даже не сразу нашлась что ответить. И даже руку не выдернула. А он пылко проговорил:

— Сегодня я заглажу свою вину, моя госпожа. Я покажу тебе, что научился ценить тебя по достоинству. Я усвоил урок, и другого мне не потребуется. — Он широко махнул рукой над занесенным снегом белым простором.

К чему это он? Я растерянно моргнула. Вокруг глазу не за что было зацепиться, кроме безбрежной белой равнины. Вековая зима внезапно нагрянула посреди летнего дня, когда Зимоярам положено сидеть тише воды ниже травы в своей хрустальной горе и терпеливо дожидаться холодов. Прежде Зимоярам не удавалось так долго сдерживать весну.

У меня вдруг перехватило горло, и я прохрипела:

— Так это не ты сотворил зиму?

— Нет, моя госпожа, — произнес он.

Он смотрел восторженно и самодовольно, будто только что откопал в грязи бесценное сокровище.

Чистое золото, до которого так охочи Зимояры. Чем чаще совершали Зимояры свои набеги, чем больше они грабили нас, отнимая золото, тем свирепее становились зимы. А теперь… Теперь-то две огромные кладовые стояли полные сияющего солнечным светом золота; летнее солнце попало в ледяные серебряные силки и обернулось золотом, которое король Зимояров сокрыл за своими стенами. А мой мир вот-вот окажется сокрыт за снежной стеной.

Он улыбнулся мне, все еще не выпуская мою руку, потом повернулся к возчику и крикнул ему в спину:

— Погоняй!

Сани накренились, и вот мы уже мчались по королевской дороге, как назвал ее Балагула, или по Зимояровой дороге, знакомой мне с детских лет по серебристым проблескам среди темных деревьев. Дорога бежала вдаль, словно она всегда тут была, и тянулась далеко за нашей спиной насколько хватало глаз — бесконечный сводчатый коридор под белыми кронами. Диковинные неземные деревья росли по обочинам. Их ветви были усыпаны замерзшими каплями и белыми листьями. Гладкая дорога отливала туманной голубизной. Сани неслись мимо, и вдруг в ноздри

мне ударил запах свежей хвои и смолы — отчаянный призыв к жизни. Небо, проступавшее сквозь белый ветвистый полог, начало меняться: с одной стороны серый понемногу уступал синеве, а с другой — золотому и рыжему. Вечернее летнее солнце сияло над зимним лесом. Мы покинули королевство Зимояров и вернулись в мой мир.

Король по-прежнему держал меня за руку. Я нарочно не стала отнимать ее, памятуя о Юдифи и о том, как она сладким голосом нела Олоферну, убаюкивая его в шатре, и о том, что ей пришлось вынести. Я тоже вынесу. От гнева я вся изнутри заледенела. Пусть думает, что завоевал меня. Пусть думает, что покорил мое сердце одним движением руки. Пусть думает, что я способна предать свой народ, чтобы воссесть возле него на престоле. Если ему так надо, пускай держит меня за руку сколько влезет — это будет справедливым воздаянием за поднесенный им дар, за дар, который я наконец-то могу назвать желанным. И дар этот заключается в том, что последние сомнения оставили меня. Я готова его убить.

Глава 19

Среди слуг были такие, кто время от времени наведывался в еврейский квартал.

Например, Пальмира, горничная Галины: когда ей надо было купить драгоценностей, она ходила по прилавкам еврейских ювелиров. В прежние дни Пальмира не часто до меня снисходила; если и заговаривала со мною, так не скрывая досады. Конечно, ведь госпожа моя была нежеланной дочкой герцога от покойной жены. Мы, слуги, танцуем те же танцы, что и господа: только не в бальных залах, а в кухнях да коридорах. Но нынче-то я была служанкой царицы, и, видно, не простой служанкой — иначе не стала бы моя госпожа за мною особо посылать. Поэтому, когда я постучалась у порога герцогининой гардеробной, Пальмира вскочила мне навстречу, отложила драгоценности, которые чистила, подошла, расцеловала меня в щеки, спросила, не утомилась ли я с дороги, и радушно усадила в свое кресло, стоящее у стены, смежной с господской опочивальней, где с другой стороны горел камин. И отправила младшую горничную принести чаю.

Я была только рада присесть у теплой стены и попить чайку. Ох, как же я устала!

— Банкир? — спросила Пальмира, когда я назвала ей имя «Мошель». — Я-то сама не знаю, где он живет, но дворецкий знает. **У**ла, — обратилась она к девочке, — ступай принеси нам сладкого хвороста и вишен, а потом пойди скажи панову Нолиусу, что любезная Магрета тут, да спроси, не согласится ли он с нами почаевничать. Негоже любезной Магрете сразу пускаться в домашние хлопоты после такой-то дороги.

Снова эти танцы: Пальмира про себя ликует, что ей удалось залучить самого дворецкого. Не будь тут меня, он бы, разумеется, не стал благоволить горничной. Но я тут, и теплая стена греет мне спину, и слишком я стара для этих танцулек. Буду сидеть себе, да потягивать чаек, да похрустывать сладким хворостом. А придет панов Нолиус — скажу ему спасибо за то, что нашел время прийти и попить с нами чаю.

— Панов Мошель проживает в четвертом доме на Варенковой улице, — холодно и натянуто сообщил дворецкий, когда я названа ему имя. — Ее величество желают получить займ? Буду рад служить им чем смогу.

— Займ? Царица? — растерялась я.

Ирина сказала, что ей нужен человек в еврейском квартале. Я сразу тогда подумала о заимодавцах, что сидят за своими узкими прилавками и глядят через маленькие круглые очки на кольцо твоей матери, а потом дают тебе за него денег. Впрочем, разве это деньги? Так, сущая малость, а для тебя-то это кольцо много чего значит, но деньги тебе нужны позарез. Потому что одна девчонка, из тех, с кем ты сидела запертая в темной комнате, сбегала на свидание с молодцом, который нас выпустил. И теперь ей нужен доктор, который в ночную пору кроме как за серебро не придет. Вот такие у них дела, у этих заимодавцев в еврейском квартале. И герцогам с царицами там искать нечего.

Нолиусу понравилось, что я, верно, не все знаю. Может, я и царицына служанка, но все равно я глупая старуха, у которой в голове труха. То ли дело он, панов Нолиус, дворецкий, доверенное лицо герцога. Его немного отпустило, и, потянувшись к тарелке за хворостом, он с очень важным видом объяснил:

— Дело в том, что у Панова Мошеля банк. Он человек состоятельный и весьма почтенный. Он помогал с займами на восстановление городской стены после войны. Проявил большое благора-

зумие. Его светлость герцог принимал его у себя по разным делам восемь раз. И всегда распоряжались, чтобы панову Мотелю оказывали всяческое уважение. Панов Мошель никогда не торгуется. Он всегда приходит пешком, не в повозке, а женщины в его семье одеты скромно, и живет он не на широкую ногу.

Городскую стену отстраивали заново воины, так я всегда думала, а деньги тут вроде бы и ни при чем. Но конечно же, за стену нужно было платить: за камень и раствор, за еду и одежду для строителей. Но даже если и так, то мне казалось, деньги приходят из какой-то огромной кладовой за семью печатями, из сундука, полного золота, герцогского или царского. Я и думать не думала, что деньги дает неприметный человек, просто одетый и обходящийся без повозки.

Нолиус наклонился ко мне, намекая, что сообщает нечто очень секретное, ведомое лишь человеку его высокого положения, и со значением прибавил:

— Ему дали понять, что, если он обратится, двери для него всегда открыты. — Он выпрямился и пожал плечами, одновременно разведя руками. — Но панов Мошель отказался, и его светлость был только рад. Я слышал, как герцог

сказал: «Свои дела я охотнее вверю довольному, нежели голодному. Чтобы рисковать, мне хватит и поля боя». Я бы непременно рекомендовал панова Мотеля, если ее величество желает уладить некие финансовые вопросы.

— Нет-нет, — покачала я головой. — Здесь другой вопрос, скорее женский. Внучка Панова Мотеля однажды преподнесла царице дар. И царица желает отблагодарить ее по случаю ее свадьбы. Она просила меня подыскать невесте подарок.

Нолиус уставился на меня озадаченно, потом переглянулся с Пальмирой. Они оба, конечно, решили, что я все напутала. Что ж, в каком-то смысле так и было. Но дело-то не в этом. Пускай будет вот такая история. Пускай им кажется, что старуха несет нелепицу.

— Тот дар она преподнесла царице еще до ее замужества, — прибавила я, чтобы мой рассказ не выглядел полной околесицей.

— Ах да, — весьма деликатно отозвалась Пальмира.

И она, и Нолиус явно решили, что дальше расспрашивать неприлично. Если начать вспоминать о старых деньках, то придется вспомнить, как неласковы они были со мной, случись нам

повстречаться где-нибудь в доме. Мы с Ириной делили меж собой две стылые комнатушки под самой крышей, где не пристало жить герцогской дочке. В те времена Ирина порадовалась бы любому подарку — хоть бы и от внучки еврейского заимодавца. Молодец внучка, оказалась мудрее этих двоих: посеяла семена благодарности загодя и дождалась цветочков.

— Несомненно, это должно быть нечто памятное, — твердо сказал дворецкий: отныне все, кто делал добро царице, должны вознаграждаться, а кто причинял ей зло — наказываться. — Драгоценности, разумеется, тут не годятся, и деньги тоже. Может быть, что-то для дома…

— А давайте испросим совета у Эдиты, — предложила Пальмира.

Эдита — это домоправительница. Нолиус, уязвленный нашим обществом, охотно согласился: с Эдитой хоть кто-то здесь будет ему ровней. Через несколько минут домоправительница явилась. Она принялась жевать вишни и расспрашивать меня о царском дворце.

— По стариковским меркам очень уж там зябко, — поведала я. — Всюду окна, да такие громадные! Вдвое выше вот этой стены. — И я махнула рукой, показывая. — А стены-то в тамош-

ней спальне что в бальном зале. Шесть каминов горят, а без них не заметишь, как окоченеешь. И все-то там золотое: и рамы у окон, и ножки у столов, и ванна — всё-всё. Целых шесть женщин прибирают одну комнату.

Они все счастливо вздохнули, и Эдита сказала Нолиусу:

— Не завидую я тем, кому выпало вести такой дом! Столько хлопот!

Дворецкий серьезно покивал в ответ, хотя оба внутри так и бурлили от черной зависти, что эти хлопоты не им достались. Но и у них в ведении дом немаленький, они-то хорошо понимают, каково это, — и тем утешаются.

До чего глупо все это было — но в то же время не так уж глупо: у всех у нас появился повод отвлечься от дел и посидеть вчетвером за чашкой чая в теплой комнате, где за моей спиной горел камин. Никому из нас такого не положено: только плохие слуги лентяйничают и пренебрегают своими обязанностями, а герцогиня плохих слуг не держит. Эдита отпила еще глоток из своей чашки и задумчиво спросила меня:

— А что вы скажете о той самой скатерти, любезная Магрета? Помните, подарок на свадьбу воеводской дочери? Свадьбы тогда не случилось.

А скатерть-то дивная.

Конечно, я помнила — да и как не помнить? Воевода сражался вместе с герцогом, и тот хотел отблагодарить его. В доме все были заняты по горло — и герцогиня, и ее женщины. А я год от года брала все меньше и меньше рукоделия. Ирина же подрастала. Ох, говорила я, мне ведь еще Ирину обшивать — когда мне все успеть?! И я с охами и вздохами просила прощения, но работу, которую поручала мне Эдита, выполняла чуть медленнее, чем полагалось. Поэтому Эдита и давала мне поменьше. Но в том году Ирине минуло четырнадцать, и Эдита приказала поднять в наши комнатушки несколько корзин шелка-сырца. Улыбаясь, она сказала, что приспел срок Ирине обучиться рукоделию: вот вы ее и обучите, любезная Магрета. И на все про все у вас месяц.

Так что работа, какой я пыталась избежать, ко мне вернулась. Я пряла шелк в одиночку, ночью, пока моя девочка спала, — в глазах у меня кололо, пальцы зудели. По Ирине к тому времени видно было, что она не красавица: лицо худое, бледное, нос острый. Если заставить ее щуриться над пряжей да горбатиться ночами без сна у камина — совсем уродиной станет, так я рассудила. Может, жених у нее будет не из лучших, но уж хоть

какой-нибудь дом для нее отыщется. Скажем, возьмет ее в жены человек постарше годами, который уже на красоту эту не смотрит. И будет у нее спаленка не под самой крышей, а сама она станет хозяйкой в своем доме. А там, глядишь, и для меня уголок найдется. Если дитя родится, я буду сидеть себе и качать колыбельку и шить только маленькие одежки.

Я спряла шелк, а потом самыми тонкими иглами вышила стебли и цветы с герцогского герба. Как будет у воеводской дочки какое-нибудь торжество, думала я, застелит она стол скатертью, а та ей напомнит, кто покровитель ее семейства и кто преподнес ей такой царский подарок. Только ничего этого не произошло. Вместо торжества случилась лихорадка. Воеводская дочка не дожила до свадьбы, а ее жених взял за себя другую девицу без всяких знатных покровителей. И все мои часы, проведенные за работой, все нытье и зуд — все это было обернуто бумагой и запрятано в герцогинин шкаф. Вдруг кому-то еще придется делать подарок.

— Если только вы готовы ею пожертвовать, то я бы ее взяла, — ответила я. — Благодарю вас, Эдита.

Это была любезность с ее стороны — любезность

сродни извинению. В свое время ей недостало мудрости помочь мне со скатертью — тогда сейчас это была бы наша общая работа. В следующий раз, когда герцогине понадобится вручить кому-то памятный дар, у Эдиты уже не будет в запасе обернутой в бумагу скатерти. Придется домоправительнице суетиться и добывать подарок — а лишней пары рук в комнатушках под крышей у нее больше нет. Зато Ирина явится на свадьбу не с пустыми руками. Эта скатерть Ирине нужна. Ведь я не позволила ей увянуть до срока от тяжкой работы, и оттого отец не оставил ее наверху как лишнюю пару рук, чтобы она пряла и шила для жен своих братьев. Нет, отец возложил корону на ее блестящие темные волосы, которые я расчесывала. И отец отдал ее в жены демону.

— Ох, ну конечно, вы же столько намучились с этой скатертью, — вздохнула Эдита.

Она поняла, что извинения приняты, и ей явно полегчало. Им всем троим полегчало. Мне уже не в радость были их танцульки, не мне хотелось величаться, оттого что теперь моя госпожа — царица. Они улыбались, понимая, что я не собираюсь взыскивать с них старые долги — уж очень это хлопотно, а я нынче стара для всего этого. Ох, мне бы вскарабкаться к себе в комнатушки

под самую крышу, придвинуть к огню тяжелое кресло да опять запереть дверь. Но нынче уже так не выйдет.

Мы допили чай, и Эдита принесла мне скатерть, а Нолиус нарисовал, как проехать к дому панова Мотеля, и я все это унесла наверх. Герцог с Ириной стояли на балконе. Два лица, обращенных друг к другу, были что темные тени на сером небе; словно сотканные из одной нити, они смотрелись один в другого как в зеркало. Ирина ростом удалась в герцога, и нос у нее был отцовский. Я, пригнув шею, поспешила укрыться в уголке и сидела там несколько минут, пока герцог не ушел.

Ирина вошла с балкона в спальню и разложила на постели скатерть.

— Спасибо, Магра, — рассеянно проговорила она.

Она раскрыла свой деревянный ларчик. Там на дне лежала серебряная цепь и дюжина коротеньких толстых свечек. Поверх них Ирина уложила скатерть. Она касалась ее руками, но отстраненно, не задумываясь, сколько труда и времени было потрачено, чтобы соединить шелковую нить и ткань. Но ей ни к чему об этом думать — ни тогда, ни сейчас. Тогда я дала ей поспать, и сейчас пусть лучше ее мысли занимают короны

и демоны. Иначе те сживут ее со свету.

Она захлопнула ларец: в покои вошел царь в окружении слуг. Он холодно глянул на Ирину.

— Тебе что, надеть больше нечего? — брезгливо осведомился он и, упав в кресло, вытянул ноги — сперва одну, потом другую. Слуги стащили с него сапоги. Царь поднялся, встал посреди комнаты — и так стоял не шевелясь. А слуги суетились вокруг него, снимая плащ, пояс, рубаху, штаны — все, что на нем было.

— У нас есть синее платье, — прошептала я Ирине на ухо.

То синее платье шила для нее я. В свадебной суматохе о нем позабыли: закончить его вовремя, чтобы положить в сундук с приданым, я не успевала, да и не годилось оно для царицы. Я его шила для Ирининых ужинов с отцом — оно оттенило бы ее толстую косу и немного сгладило бы бледность. Но Ирина умчалась в царских санях, а с нею и сундук с приданым; я же осталась одна-одинешенька в стылых комнатушках. Я знала, что скоро ко мне подселят других горничных, и все думала: хоть бы меня-то отсюда не переселяли. Я достала недошитое синее платье и вновь принялась за него. Вот закончу его, рассуждала я, отнесу его вниз Пальмире, чтобы герцогиня

его видела. Дескать, и от меня ей польза есть. Поэтому платье я дошила.

Ирина согласно кивнула. Сама я за платьем не пошла. Я вышла из покоев, кликнула девчонку-горничную и велела ей принести платье из холодных комнатушек. Она ослушаться не посмела: ну как же, я теперь была важная птица, целый час гоняла чаи с Пальмирой, Нолиусом и Эдитой. Я вернулась в покои: Ирина у балконной двери глядела на лес, а царь, весь голый, стоял у камина. Ему подавали то рубаху, то камзол из сундуков и коробок, что громоздились как небольшая крепость. А он отмахивался: мол, то не так и это не этак. На нас он не обращал ровным счетом никакого внимания. И не в том дело, что мы были всего-навсего слуги. Ни Галине, ни герцогу не пришло бы в голову торчать столько времени перед зеркалом в чем мать родила, копаясь в гардеробе. Им-то небось стыдно бы стало, они бы чем-то прикрылись. А этот своей наготы нисколько не стыдится. Ему, видно, ничего не стоит выйти прямо так из покоев и предстать перед кем угодно. Хоть голым, хоть одетым — ему все одно. Одежда ему, похоже, лишь для того, чтобы тешить свою красоту. А если ни один наряд царю не приглянется — что ж, царь и так хорош.

И пусть все кругом стыдливо прячут глаза и притворяются, что царь не голый.

Однако для Ирины я раздвинула ширму, сделала ей укромный уголок в покоях. Горничная принесла синее платье, и мы с нею вдвоем помогли Ирине облачиться. Закончив, мы убрали ширму. Царь наконец сподобился одеться. На нем был алый бархатный плащ, красный камзол с серебряной вышивкой; слуги обували его в нарядные туфли, расшитые вдоль швов сверкающими рубинами. Царь повернулся, неодобрительно оглядел Ирину и приказал:

— Все вон.

И мне пришлось уйти. Я оглянулась на нее у самых дверей, однако напуганной она мне не показалась. Она уверенно смотрела в глаза своему мужу — моя тихая, холодная девочка с бесстрастным лицом.

Немного погодя царь с царицей вышли. И платье совсем изменилось. Оно стало просторнее, будто бы скроено пошире, и синий цвет перетекал от глубокого оттенка у талии к бледно-серому на подоле, а из-под него топорщились пышные нижние юбки, и по каждому подолу вилась серебряная вышивка с рубинами, которые подмигивали мне, словно намекая: нас-то не ты

пришила! В руках Ирина держала свой ларец. Длинные рукава сделались газовыми, как летняя вуаль, и вдоль витиеватых узоров, что испещряли рукава, тоже рассыпались алые камешки. Точно капли крови, брызнувшей с алого царского плаща. Платье это шилось так же, как вышивалась скатерть — тяжким трудом да моими хворями. Я-то знала, сколько вложила и того и другого. И знала, чего стоит то платье, в которое царь облачил Ирину. И лучше бы мне не знать, чем за этот наряд будет уплачено.

* * *

Ванда с Сергеем ушли вниз помогать со свадьбой. Они и меня спросили, не хочу ли я с ними, но я сказал, что нет. Там уж очень все шумное и народу много. Я и не думал, что в целом мире наберется столько народу. Поэтому я сказал им: «Ой, нет-нет-нет», — и они неволить меня не стали. Но солнце начало клониться к горизонту, и мне сделалось не по себе одному в комнате. Я ведь сидел тут один-одинешенек, даже коз тут не было, и Ванда с Сергеем куда-то запропастились. А ну как они снова ушли? Вдруг кто-нибудь кинулся их искать, вот они и удрали? И наверху в доме ни одной души не было. Я открыл окно,

высунулся наружу и поглядел вниз. Там ходило много народу и лошади стояли. Но внизу уже совсем стемнело, и хотя в окно еще светило солнце, я ни одного лица не мог различить. Сергея и Ванды я не увидел. Там вроде мелькнула какая-то женщина с золотистыми волосами, но кто ее знает — может, это и не Ванда вовсе.

Я засунулся назад. В доме сделалось так шумно и многолюдно, что хоть плачь. Я и окно закрыл, но не помогло. От камина шел шум и от дверей. И все громче, громче, а потом музыка заиграла. Громкая такая музыка, и гости пустились в пляс. У меня эта музыка аж в ногах отдавалась, не только в ушах. Я сел на кровать, уткнулся лицом в колени и заткнул уши. И даже так я ее чувствовал, эту музыку, — как от нее весь дом ходуном ходит.

И так все время. Снаружи стало темно, и я уже по правде испугался. Потому что не могут же Ванда с Сергеем по доброй воле торчать посреди этого грохота. А значит, с ними приключилась беда. Я притиснул лицо к коленкам, а руками обхватил голову. И тут в дверь постучали. Я не сказал «войдите», а то руки бы пришлось отнимать от головы. Но в дверь все равно вошли. Это оказалась панова Мандельштам.

— Стефан, как ты тут? — спросила она.

То есть она правда пришла узнать, как я тут, но и еще зачем-то кроме этого. Она еще о чем-то думала. Но я ей не ответил и головы от колен не поднял, и только тогда она и впрямь забеспокоилась, как я тут. И тогда она подошла к столу, взяла ту свечу, что оставила нам, и оторвала от нее пару больших кусков воска. Она подула на воск, чтобы остыл, и сказала:

— Вот, Стефан, заткни уши воском.

Я решил, что она дело предлагает, на чуть-чуть отнял руки и схватил воск. Он все еще был мягкий и теплый. Я затолкал его в ухо, и он там утрамбовался как надо. Когда воск остыл, оказалось, что в этом ухе музыка уже не так громыхает. В теле она еще отдается, но хотя бы я ее слышу меньше. Я очень обрадовался и быстро запихнул комок воска во второе ухо. И это тоже помогло.

Панова Мандельштам положила руку мне на затылок и погладила меня по голове. Мне это понравилось. Но она уже задумалась о чем-то своем. Она все озиралась, будто искала кого-то и тревожилась.

— А Ванда с Сергеем как? — спросил я, вспомнив, что я ведь тоже тревожился. Просто я очень обрадовался, что музыка поутихла, и сперва позабыл о своих тревогах.

— Все хорошо, они там, внизу, — сказала Панова Мандельштам. Голос ее звучал чудно из-за воска, но я разбирал, что она говорит.

У меня, значит, все наладилось, и тревожиться стало не о чем. А она по-прежнему тревожилась. Поэтому я спросил ее:

— А что вы ищете?

Она постояла, озираясь, и обернулась ко мне:

— Надо же, я забыла. До чего глупо, верно? — Панова Мандельштам улыбалась, но не по-настоящему. Так не улыбаются. — Хочешь, пойдем вниз, поешь миндального печенья?

Я слыхом не слыхивал про такие печенья, но раз уж все терпят этот грохот, чтобы его поесть, значит, оно вкусное. Жалко только, что Панова Мандельштам не нашла, что она там забыла. И я ей ничем не пригодился.

— Ладно, — ответил я. — Попробую.

Она протянула мне руку, и я взялся за нее, и мы вместе спустились вниз. Шум стал громче, но не сильно, я боялся, что будет хуже. Почему-то чем ближе мы подходили, тем меньше музыка дробила мне зубы. Я теперь уже слышал не грохот, а саму музыку, и гости пели, только слов я из-за воска не различал. Голоса у них были счастливые. Панова Мандельштам привела меня в большую

комнату: большую и полную мужчин. Я сперва перепугался, потому что многие из тех мужчин раскраснелись и громко галдели, и от них несло выпивкой. Но они были не злые. Они улыбались, и хохотали, и танцевали все вместе, держась за руки. Они вроде как водили хоровод, только у них не очень-то получалось — места не хватало, они толкались и все время налетали друг на друга, но им это даже нравилось. Я вспомнила, как мы наверху держались за руки с Вандой и Сергеем, — вот и у них, наверное, что-то похожее. Сергей тоже был в кругу, а в середине круга плясал молодой парень, и все по очереди выходили в середину и отплясывали с ним.

Мы пошли в соседнюю комнату, и там танцевали женщины. В середине круга плясала девушка в красном платье с блестящими серебряными узорами. У нее была вуаль — длинная, до самого пола. Девушка смеялась. Она была прямо писаная красавица. Панова Мандельштам отвела меня к столу возле стены. Там стояли пустые стулья, а на столе была тарелка с печеньями — такими сладкими, такими воздушными, будто кто-то запек облако. Панова Мандельштам подсунула мне эту тарелку и еще другую еду, очень много еды: толстые шматы мягкого мяса — я такого и

не пробовал, а панова Мандельштам сказала, это говядина, — и жареного цыпленка, и рыбу, и картошку, и морковку, и вареники, и еще какие-то маленькие зеленые овощи, и ломтище золотистого сладкого хлеба. Я уселся на стул и как давай есть: и ел, и ел, и ел. Все вокруг были довольные, и я тоже, а панова Мандельштам нет. Она сидела рядом и все посматривала по сторонам — искала что-то только ей ведомое. Только этого чего-то тут не было. К ней подходили люди, заводили разговоры, и она ненадолго отвлекалась и забывала, что ищет что-то. Но человек уходил, она снова вспоминала и опять принималась смотреть по сторонам.

— А где Ванда? — спросил я.

— Ванда на кухне, милый, помогает носить еду, — ответила панова Мандельштам и показала мне, и я увидел Ванду. Только она-то не Ванду искала. Она глядела на невесту и старалась улыбаться, но улыбка то и дело гасла.

Тут все разом захлопали в ладоши, и в комнату вошли мужчины во главе с женихом. Все повскакивали и давай раздвигать стулья к стенам, а женщины подвинули свой хоровод, чтобы мужчины тоже поместились. Один мужчина взял пустой стул и поставил в середину муж-

ского хоровода, и на него сел жених. Женщина взяла другой пустой стул и поставила в середину женского хоровода — на него села невеста. Мне интересно было, что случится дальше, но ничего не случилось. Все вдруг застыли как вкопанные. Потому что раздался стук в дверь.

В комнате все шумели. Пели, и смеялись, и разговаривали, чуть ли не крича: ведь будешь тихо говорить — никто тебя не услышит. Да еще и музыка играла. Но стук в дверь оказался громче. Он прозвучал так громко, так властно, что восковые пробки выскочили у меня из ушей и свалились на пол. Но теперь я мог обойтись и без них: в доме больше никто не шумел. Никто не разговаривал, и музыка стихла.

В той стене, что выходила на двор, были большие двери. Оттуда-то и доносился стук. Неведомый гость подождал немного и постучал еще. От этого стука весь дом так и затрясся — совсем как от музыки. Стук отдавался во всем. У меня в руках и ногах он тоже отдавался, и мне стало страшно.

И вдруг панова Мандельштам вскочила и кинулась к двери, расталкивая всех, и панов Мандельштам тоже побежал туда из мужского хоровода, и они оба вцепились в дверные ручки и распахнули двери. Мне хотелось спрятать

куда-нибудь лицо, но тогда я навоображаю себе чего-нибудь почище того, что стоит за дверью.

Но нет, ничего почище быть не может. Потому что за дверью был Зимояр.

Сергей с Вандой стояли рядом. Они, верно, подошли, когда раздался этот стук, и мы были все вместе. Сергей положил руку на спинку моего стула. Он такой высокий, что все видит поверх голов. Я слышал, как он глубоко вдохнул. Значит, и ему страшно. Мне тоже страшно. Всем страшно.

Ведь там стоял Зимояр. Вернее, два Зимояра, оба в коронах: король и королева. Они держались за руки. Король был высокий, как Сергей. Королева невысокая, но зато корона у нее была такая громадная, что почти равняла ее ростом с королем. Золотая корона, а платье белое с золотом. Зимояры встали на пороге, и никто шевельнуться не мог.

Из толпы гостей вышел человек. Совсем старик, седовласый, с седой бородой. Он встал перед Зимояром и говорит:

— Я Аарон Мошель. Это мой дом. Зачем ты явился?

Зимояр отпрянул, когда старик назвал свое имя, и пристально на него поглядел. Я испугался, что Зимояр сейчас что-нибудь старику сделает.

Вдруг он протянет руку, коснется старика, и тот повалится замертво и будет лежать бездыханный на полу, как Сергей тогда в лесу — без жизни внутри. Но вместо этого всего Зимояр ответил:

— Мы явились по приглашению и во исполнение обетования, данного моей госпожой. Она обещала, что будет танцевать на свадьбе у своей кузины.

Голос его звучал как треск обледенелого дерева. Он поглядел на свою королеву, и тут панова Мандельштам вскрикнула, и королева обернулась на ее вскрик. Оказалось, она вовсе не из Зимоярова племени. Обычная девушка, просто в короне, и она плакала, и панова Мандельштам тоже плакала, и я сообразил, что это же, верно, ее дочка. Я вспомнил наконец: у Пановы Мандельштам была дочка. И эту дочку звали Мирьем.

Никто больше не проронил ни слова. И наконец старик панов Мошель сказал:

— Тогда проходите, будьте добрыми гостями и разделите с нами веселье.

«Ой, нет-нет-нет», — подумал я опять, но тут же был не мой дом, а панова Мотеля. Поэтому Зимояр вошел рука об руку с Мирьем. Они уселись на два пустых стула, повернутые прямо к хороводу. Но даже и тогда никто не осмелился заговорить

или двинуться с места. Однако панов Мошель развернулся к музыкантам.

— Это же свадьба! Играйте! Играйте хору![6] — пылко выкрикнул он.

Музыканты вступили, сначала нерешительно, но панов Мошель принялся хлопать в ладоши и повернулся к остальным гостям: мол, глядите, как я хлопаю! И понемногу все тоже стали прихлопывать в такт и притопывать. Они все точно состязались с Зимояром и своим шумом хотели перекрыть его стук.

Но такой стук ничем не перекроешь. Мы ведь всего-навсего люди. И все же музыканты стали наяривать бойчее, и все как давай петь — громче, громче, — и песня разрасталась, все поднимались со стульев, чтобы встать в общий круг. Гости опять взялись за руки и пустились в пляс — все, даже ребятишки меньше меня повскакивали и ринулась в хоровод. Даже совсем дряхлые старики поднялись — они по большей части просто хлопали. Но все остальные снова встали в два хоровода: мужской и женский. Жених и невеста оба стояли посередине этих хороводов; все танцующие как будто их защищали.

---

[6] Примечания: 6

Хора — еврейский танец, название его сродни русскому слову «хоровод».

Весь народ из хоровода разом сошелся к середине с поднятыми руками, а потом все отхлынули назад. Все танцевали, кроме нас с Вандой и Сергеем. Мы затаились, напуганные, и смотрели. А по ту сторону хороводов сидели король Зимояров и Мирьем, и они тоже просто смотрели, как все танцуют. Король так и держал ее руку. В хороводе кружились мимо нас какие-то люди, которых я не знал, а панова Мандельштам прокружилась рядом и выпустила руку своей соседки. И схватила за руку Ванду.

Панов Мандельштам приближался к нам. Но мне танцевать вовсе не хотелось. Мне хотелось забиться под стол и чтоб меня никто не видел. Но панова Мандельштам нас просила. Она хотела, чтобы мы тоже водили эти хороводы, а я боялся и не хотел. Однако Ванда встала и пошла танцевать, но нельзя же, чтобы она танцевала одна, поэтому, когда панов Мандельштам протянул руку, я за нее ухватился и дал руку Сергею, и мы с ним тоже пустились в пляс.

Теперь в доме все танцевали, кроме Зимояра и Мирьем. Но хоровод кружился, и панова Мандельштам протянула руку Мирьем. Это она, по-моему, зря, ни к чему нам танцевать бок о бок с Зимояром и его королевой, пусть даже она дочка

пановы Мандельштам. Но та протянула руку, и Мирьем за нее ухватилась и позволила втащить себя в круг. А король Зимояров все держал ее за руку. Поэтому он волей-неволей тоже поднялся и встал в круг.

И когда Зимояр начал танцевать, случилось что-то чудное. У нас прежде было два хоровода, но почему-то вдруг сделался один, и там кружились все мы, и я держал за руку Ванду, хоть я и не отпускал панова Мандельштама. Мы кружились, и старики, что прежде не танцевали, тоже вдруг оказались рядом со всеми, и совсем малышня, хоть ей и росту не хватало дотянуться до рук взрослых.

Раньше мы все жались и толкались, а теперь стало просторно. Мы танцевали не в доме. Над головой у нас был вовсе не потолок. Мы очутились снаружи, а вокруг нас высились белые деревья, как матушкино дерево, а вместо потолка над нами нависал огромный серый небесный свод, и непонятно было: день сейчас или ночь. Я так растанцевался, что даже забыл бояться и мерзнуть. Я не знал, как надо танцевать, и петь не умел, но это почему-то сделалось не важно, ведь все вокруг мне помогали, тянули меня куда надо. Важно было только то, что мы решились

встать в этот круг.

Жених с невестой все сидели на своих стульях посреди хоровода. Они крепко-крепко держались за руки. Мы протанцевали к ним, а потом обратно, и несколько мужчин вышли из круга, но танцевать не перестали. Они вступили в середину, нагнулись, взяли стулья прямо с невестой и женихом и подняли их. И пошли с этими стульями по кругу, то поднимая их, то опуская. И все это с песней. Это была громкая песня, большая, больше, чем Зимояров стук в дверь. Такая большая, что меня она всего пронизывала, но это меня нисколько не пугало, не как тот прежний шум и гам. Мне, наоборот, даже нравилось, что песня у меня внутри. Будто мое сердце билось в такт с нею, и у меня дыхание перехватывало, но мне было так хорошо. Все вокруг танцевало с нами. И деревья тоже, их ветви качались, а листья словно подпевали нам.

Мы кружились, быстрее и быстрее, но я не уставал. Мужчины, что несли стулья, — те уставали, но их тут же сменяли другие, и жениха с невестой не переставали носить по кругу. Даже Сергей один раз нес стул, я видел, как он покинул хоровод, а после вернулся. Мы кружились, и нам не хотелось останавливаться. Мы все танцева-

ли и танцевали под серым небом, и, наверное, танцевали бы до скончания веков, но небо вдруг начало темнеть.

Оно не так темнело, как на закате. Скорее как когда развиднеется в пасмурную зимнюю ночь. Облака расходились — мало-помалу, сперва в одном месте, потом в другом, — и каждое оставляло после себя черный кусок неба. Небо понемногу и вовсе расчистилось — большое ясное ночное небо. Мы танцевали под звездами, только не весенние это были звезды, а зимние, яркие, блещущие на чистом небе. А снег вокруг нас и листья белых деревьев сверкали им в ответ. Мы перестали танцевать, остановились и стали смотреть на звезды. И вот мы больше не снаружи, мы опять в доме, и все смеются и хлопают — потому что мы сумели спеть песню. Ни Зимояр, ни зима нам не помешали ее спеть.

И тут раздался звон, такой, что оглохнуть можно — все равно как церковный колокол прозвонил бы совсем рядом, прямо за дверью. И мы перестали смеяться. Это был колокол, возвещавший полночь. День пришел к концу, а с ним и песня. Музыка стихла. Свадьба закончилась, а Зимояр никак не уходил. Он не помешал нашей песне, но песня не прогнала его. Он стоял посреди

комнаты и держал Мирьем за руку.

И он сказал ей:

— Идем, моя госпожа, танцы закончились.

Пока он говорил, все понемногу пятились от него подальше. Мы с Сергеем тоже хотели отойти потихоньку, но, когда мы попытались, Ванда не дала. Ванда схватила нас за руки, а сама ни с места.

Панова Мандельштам держала Мирьем за другую руку, крепко так держала и тоже как к полу приросла. Вцепилась в Мирьем и не отпускала, а панов Мандельштам держался за нее, и сама-то Мирьем не спешила вырывать у матери руку. Зимояр поглядел на них и нахмурился; от этого все его лицо и лоб стали как ледышки — острые, сверкающие. И он сказал:

— Отпустите ее, смертные, отпустите. Лишь одну ночь она выторговала у меня, чтобы потанцевать. Не удерживайте ее. Отныне она моя госпожа и больше не связана с солнечным миром.

Но панов Мандельштам не отпустил, и Панова Мандельштам тоже. Она глядела прямо на Зимояра — лицо у нее было белое, измученное — и ни слова не вымолвила в ответ, только головой легонько качнула. Король поднял руку, и Мирьем

закричала:

— Нет!

Он попытался вырвать руку Мирьем у пановы Мандельштам, но та не отпускала, и тут большие двери снова распахнулись, да с таким грохотом, что все, кто стоял рядом, так и подпрыгнули или кинулись прочь. Створки со всей мочи ударили в стены.

На пороге стояли еще одни король и королева. Корона была только у королевы, но я и так догадался, что рядом с нею король — потому что это были царь и царица, которые пронеслись мимо нас в санях, пока мы топтались у ворот. Царь оглядел комнату, заметил Зимояра и громко расхохотался — как поленья в огне затрещали. А Зимояр сразу присмирел.

— *Ирина, Ирина,* — произнес царь, — *ты сдержала слово, и он здесь! Подай мне цепь!*

Царица раскрыла ларец, вынула серебряную цепь и протянула царю, а тот шагнул в комнату, ухмыляясь во весь рог. Никто не заступил ему дорогу. Мы все отшатнулись подальше и прилепились к стенам.

И вдруг Зимояр говорит, да так гневно:

— Полагаешь, меня так легко поймать, иссушитель?! Прежде нам встречаться не доводилось,

однако мне ведомо твое имя: Чернобог!

И Зимояр вдруг как прыгнет вперед и как схватит цепь обеими руками посередине. И вся цепь вдруг обросла ледышками, будто тут снежная буря пронеслась, и лед пополз вверх по рукам царя, по плечам. Царь завопил и выпустил цепь. Зимояр со всей силы швырнул ее на пол, а потом хлопнул царя тыльной стороной кисти.

Папаня иногда меня так шлепал, и Ванду тоже, и Сергея. Папаня рослый был, сильный, но таким шлепком он только с ног меня сбивал, и все. А Зимояров удар отшвырнул царя как тряпичную куклу. Царя подкинуло вверх, и он грянулся наземь да еще проехался по полу и с размаху врезался в сцену, и сверху повалились инструменты с жалостным звоном и гудением.

Я решил, что царь убился — от такого-то удара. Когда папаня брался за кочергу, чтобы отлупить Ванду, я всякий раз боялся, что он ее той кочергой убьет до смерти. Но даже кочергой так не врежешь, чтоб человек летел через всю комнату. Однако царь вовсе даже не убился. Я бы на его месте лежал себе смирно и подумывал, куда бы смыться, чтобы еще раз не наподдали. Но царь вместо этого поднялся на ноги. Он стоял не совсем прямо, и ноги его выписывали чудные кренделя,

изо рта у него текла кровь, и зубы все были красные. Он зашипел на Зимояра, и когда он шипел, кровь у него на губах дымилась и горела. И глаза у него полыхали багровым.

— Спасайтесь! — вдруг закричала царица. — Бегите все, живо! Прочь из дома!

Все словно разом расколдовались. Народ заспешил прочь: кто-то побежал в соседнюю комнату, где недавно танцевали мужчины, кто-то — в кухню. Жених с невестой рука об руку тоже выскочили в кухонную дверь. Детей подхватывали на руки, стариков поддерживали. Все торопились уйти.

Нам бы тоже пора, решил я про себя, но Ванда никак не уходила. Мирьем все уговаривала панову Мандельштам спасаться вместе со всеми, а та не соглашалась. Она держала Мирьем обеими руками и не отпускала.

— Отец, прошу тебя! Мама, он вас убьет! — кричала Мирьем.

— Лучше мы умрем! — кричала панова Мандельштам.

— Это ты беги, ты спасайся! — вторил ей панов Мандельштам. Он все пытался обнять дочку.

Но Мирьем помотала головой, повернулась к нам и крикнула:

— Ванда! Ванда, помоги мне!

Ванда кинулась к ней, ну и нам с Сергеем деваться было некуда. Мирьем подтолкнула мать к Ванде и сказала:

— Прошу тебя, уведи ее!

— Нет! — ответила панова Мандельштам и вцепилась в руку Мирьем еще крепче.

Я видел, что Ванда растерялась. Она хотела сделать, как хочет Мирьем, и как хочет панова Мандельштам тоже. Ей очень надо было выполнить и то и это, поэтому уйти она не могла, а значит, и я не мог — ведь не брошу же я их с Сергеем.

Пока они все спорили, царь с Зимояром сражались. Но царь сражался не как положено царям. Я думал, у царя непременно должен быть меч. Сергей рассказывал мне истории о рыцарях, которые убивали чудищ. Он их слышал от матушки. А однажды настоящий рыцарь проезжал по нашей дороге. Я тогда пас коз и заметил его издали. Меч он при мне не доставал, но я все-таки прошел за ним следом сколько смог. Я порядочно шел, потому что рыцарь тащился еле-еле. У него был меч и доспехи, да еще двое пареньков вели сменную лошадь, да еще рядом шел навьюченный мул. Так я и узнал, каков из себя рыцарь. С тех пор я,

бывало, сражался мечом, когда пас коз, — только не всамделишным мечом, конечно, а обычной палкой, которая была будто бы меч.

Вот я и думал, что царь — он как рыцарь, только доспех у него побогаче и меч побольше. А у этого царя вовсе не было никакого доспеха. На царе был алый бархатный плащ — ну да, богатый, но уже порванный, мокрый и подпаленный. И меча у царя не было. Он сражался голыми руками и все пытался словить Зимояра, а тот ускользал. Уж не знаю, как это у Зимояра получалось: ведь кажется — вот он, прямо тут стоит, царь хвать руками — а Зимояра и след простыл. А если царю под руку подворачивался стул или стол, или он дотрагивался до пола, начинало пахнуть костром. Царь отнимет руку — а на дереве жженое пятно, как ладонь. На его лицо я не мог долго смотреть: мне начинало казаться, что эта его горящая ладонь у меня прямо на сердце или в голове.

Да и не царь он никакой. Чернобог, вот он кто. Так его назвал Зимояр, и это прозвание какого-то чудища, вроде самого Зимояра. Плохо будет, если Зимояр победит, но и если Чернобог победит — тоже. Хорошо бы они тут дрались до скончания времен, ну или хотя бы чтобы мы все успели убежать. Но, кажется, Зимояр брал верх. Чернобог

тоже чудище, но он внутри человека. Каждый раз, как Чернобог промахивался, Зимояр наносил ему удар, и царь уже с головы до пят залился кровью. Лицо у него сделалось жуткое, припухшее, и я вспомнил горячую кашу на папанином лице. Я не хотел смотреть на это лицо, но закрыть глаза не решался. Вдруг я глаза закрою, а Зимояр победит, пока я не смотрю. И тогда он убьет панову Мандельштам и панова Мандельштама. Не хочу я на это смотреть, но открыть глаза и увидеть, что они убитые, тоже не хочу. Не знаю, действует ли на него мое смотрение, но я решил, что буду смотреть.

Царица обогнула поле битвы и подбежала к Мирьем.

— Серебряная цепь! — крикнула она. — Нужна цепь, чтобы пленить его!

Панов Мандельштам подобрал серебряную цепь, что лежала на полу. Цепь распалась на две половинки — слишком короткие, чтобы охватить Зимояра. Но царица сняла с шеи ожерелье — оно было серебряное, и блестело, и напоминало снежинки, что кружатся за окном. Царица продела один конец в одну половинку цепи, второй — в другую. Она застегнула ожерелье — и снова получилась целехонькая цепь. И эту цепь взял панов

Мандельштам.

Царь с шипением наступал на Зимояра, хотя лицо у него было все в крови, да и не только лицо. Пальцы у него как-то нелепо покорежились, и ноги прогибались будто сломанные ветки, но он все равно тянулся к Зимояру. Зимояр метнулся в сторону — ну чисто муха. Ловишь ее, бывало, ловишь, разожмешь кулак — а она опять над ухом жужжит. Только Зимояр-то был посмекалистее мухи. Он стоял возле камина. Они начали сражаться на середине большой комнаты, но понемногу продвигались к стене. Пока шел бой, Зимояр так и сяк старался заманить царя поближе к камину. Он нарочно так делал. Потому что, когда они оказались у самого камина и царь опять промахнулся, Зимояр сам его схватил.

От рук Зимояра так и повалил дым. Судя по его лицу, ему было больно. Но царя он не выпустил и швырнул его в камин со словами:

— Здесь твое место, Чернобог, тут и оставайся! Именем твоим заклинаю тебя!

Царь взревел страшным голосом. У него рот был открыт и глаза — и там бушевало пламя. Тело царя обмякло. Трескучий голос прохрипел:

— *Вставай! Вставай!*

Царь будто говорил сам с собой, но сам себя

не слушал. Он не встал. Так и остался лежать в камине, весь неподвижный.

Зимояр стоял, сцепив руки, и глядел на камин: не восстанет ли оттуда его недруг. И тут панов Мандельштам подбежал к нему и набросил на него цепь.

Только я этого уже не видел. Когда он побежал, я перестал смотреть. Я подумал: ну вот, сейчас Зимояр наверняка его убьет, не хочу я этого видеть. Поэтому я опустил голову и закрылся руками. А потом панова Мандельштам вскрикнула:

— Йозеф!

А Мирьем сказала:

— Нет!

Я не смог удержаться и посмотрел. Панов Мандельштам лежал и не двигался. Я перепугался, что он мертвый, но он пошевелился: значит, не мертвый. Вот только цепь-то все еще не на Зимояре. Она валялась на полу, далеко от него. Панова Мандельштам подбежала к панову Мандельштаму и склонилась над ним. А Мирьем подбежала к Зимояру, встала напротив него, да как грянет свою корону об пол! И как крикнет:

— Не смей их трогать! Иначе я с тобой не пойду! Я лучше умру! Клянусь!

Зимояр замахнулся на панова Мандельштама,

но, услышав эти слова, остановился. Без большой охоты остановился и от этого рассвирепел.

— Мне до этого как до летнего дождя! — рявкнул он на Мирьем. — Он приступил ко мне с цепью, дабы сковать меня! Разве мне не надлежит воздать ему?!

— Ты сам первый начал! — заорала на него Мирьем. — Ты пришел и меня похитил!

Зимояр все еще злился, но через миг он что-то проворчал и опустил руку.

— Ну что ж, прекрасно! — огрызнулся он. Вроде как ему это все не по нраву, но так и быть, не станет он возиться и убивать панова Мандельштама. Он протянул Мирьем руку. — Идем же! Час уже поздний, время твое вышло. Отныне я не намерен сопровождать тебя, чтобы сносить подобные оскорбления. Эти слабые ручонки еще силятся отнять тебя у меня!

Свободной рукой он махнул в сторону двери, и она отворилась. И за дверью оказался вовсе не двор, а тот самый лес, где мы танцевали, только без звезд. Небо затянуло серым. У дверей поджидали сани, запряженные чудищами.

Мирьем не хотела идти с ним. Я бы тоже не хотел, понятно. Поэтому я ее жалел и все-таки думал, что пусть она уйдет. Пусть бы она взяла

своего Зимояра за руку, и тогда он заберет только ее и больше не вернется. Чернобог зачах в камине, Зимояр отправится восвояси, и, получается, все мы спасены. Панов Мандельштам и панова Мандельштам не умрут. Ну пускай же, пускай Мирьем уйдет с Зимояром!

Она смотрела на отца с матерью. Я видел, как она смотрит, и мне легчало и легчало. Потому что она вот-вот уйдет, это было ясно. Жалко ее, потому что она плачет. Окажись я на ее месте, каково бы мне пришлось? Если бы панова Мандельштам была мне матерью и мне пришлось бы бросить ее и идти с Зимояром? И от этих мыслей в животе у меня все сводило. Но я все-таки втихомолку радовался. И боялся, что Мирьем передумает. Она не передумала. Только поглядела на родителей в последний раз и повернулась к Зимояру. И со слезами на глазах шагнула к нему.

— Нет! — закричала панова Мандельштам. Она уже не держала Мирьем за руку, она держала на коленях голову панова Мандельштама. Она протянула руку и позвала: — Мирьем! Мирьем!

Зимояр сердито фыркнул.

— Нелепое дерзание! — прошипел он Панове Мандельштам. — Вы стремитесь замкнуть ее узы! Этой ночью я одержал победу, и иссушитель

повержен! Отныне я затворяю белую дорогу на годы жизни смертного, пока не умрут все, кто знал имя моей госпожи. Не останется вам даже обрывков воспоминаний, дабы неповадно вам было залучать ее к себе.

И он опять потянулся, схватил Мирьем за руку и потащил ее к двери. Я обрадовался, что наконец они уходят, и даже позабыл бояться и не смотреть. И не заметил, что делает Ванда. Зато потом я увидел, что она набрасывает на Зимояра цепь.

Он уже один раз избавился от цепи у меня на глазах. И сейчас он почти проделал то же самое. Он изогнулся, чтобы скинуть цепь, но в этот раз Мирьем взяла и шлепнулась на пол. А он же за руку ее держал — и оттого споткнулся немного. Ванда тут же этим воспользовалась: быстро сдернула цепь пониже и обвила ею Зимояра. Поэтому, когда он выпрямился, оказалось, что он опутан цепью. Тут он разозлился не на шутку, лицо аж налилось белым светом. Руку Мирьем он так и не выпустил, но другой рукой ухватился за цепь и дернул со всей силы.

Ванда чуть не свалилась, но тут подоспел Сергей. Он подскочил к ней и тоже схватился за цепь. Сергей держал один конец, Ванда другой, оба уперлись ногами в пол, как будто пень корчевали.

Только этот пень вовсю оттягивал цепь на себя и, похоже, был посильнее своих корчевателей. Я так и обмирал от страха, просто себя не помнил, но подумал, что это же как в том танце, и выкарабкался из-под стола, и побежал, и вцепился в узел на переднике Ванды и в Сергеев потрепанный веревочный поясок. И мы втроем замкнули круг.

Когда я все это сделал, Зимояр издал надрывный треск — как речной лед на исходе зимы. У меня от этого треска даже уши заболели — до того он получился страшный. Но я все равно держался за Ванду и Сергея, и тогда Зимояр перестал трещать. Он топнул ногой и свирепо гаркнул Ванде:

— Ну что же, ты замкнула меня в узы! Освободи меня и проси чего пожелаешь!

Мы все стояли рядом, и Ванда сказала:

— Отпусти Мирьем и уходи!

Мирьем все сидела на полу, пыталась вырвать свою руку, но король не отпускал.

Зимояр так весь и засверкал на Ванду:

— Нет! Ты пленила меня серебром, но в руках твоих нет силы, чтобы удержать меня. Я не отдам свою госпожу!

И он снова навалился на цепь, пытаясь сбросить наши руки. Но теперь его держали не только мы втроем: панов Мандельштам кое-как поднял-

ся, подошел и ухватился за цепь вместе с Вандой, а панова Мандельштам — с Сергеем. И оба они для крепкости еще сцепили руки за моей спиной. Мы все впятером тянули здорово, и все-таки Зимояр чуть не перетянул нас. Но в конце концов он сдался. И взъярился пуще прежнего.

— Разомкни узы и проси чего пожелаешь, только не этого! Проси чего-нибудь другого, — прорычал он. — Или страшись того, что грядет, когда силы твои иссякнут!

Но Ванда помотала головой и повторила:

— Отпусти Мирьем!

Он опять разразился этим своим скрипучим треском:

— Никогда! Я не оставлю мою королеву, мою золотую госпожу! Однажды я уже явил глупость, дважды этому не бывать!

И он снова стал вырываться, да с такой силой, что мы все поехали по полу и чуть не попадали. Мы же не сможем его держать вечно, думал я. У Ванды и у Сергея руки уже соскальзывали с цепи. Они оба цеплялись пальцами за звенья, но у них руки потели, и с каждым рывком цепь проскакивала на одно звено. А Ванде с Сергеем никак не перехватить ее повыше, потому что Зимояр тут же вырвется.

Но мы потянули из последних сил, и он перестал сопротивляться. И трижды тяжело вздохнул. Три больших облака пара сорвались с его губ. Он стоял, такой высокий, и вдруг стал обрастать льдом. Лед расползался от его хрустальных граней тоненьким слоем, совсем прозрачным, а на первый слой ложился второй, и третий, и лед делался острым, колким и дышал стужей мне в лицо. Сергей с Вандой тоже отклонялись от льда, а он подбирался по цепи к их рукам.

Зимояр не стал больше скрипеть на Ванду. Он заговорил вкрадчиво, мягко — как будто пушистый снег валил, и валил, и вот наконец закончился, и ты выходишь на двор, а кругом все такое тихое-тихое.

— Отпусти меня, смертная, не упрямься, — сказал он. — Проси о любой милости, я все исполню. Только пожелай — я одарю тебя драгоценностями или эликсиром долголетия. Я даже верну вам весну, и это будет справедливое воздаяние за твою стойкость. Ты зашла слишком далеко, ты возжелала недостижимого, попросив меня отдать вам мою королеву. Не испытывай меня больше, иначе я впущу зиму в ваши тела и брошу ваши сердца коченеть на снегу, окропленном вашей кровью. Не подвластны тебе высокие силы, нет у

тебя подлинного волшебного дара. А одна лишь любовь не даст тебе могущества, чтобы совладать со мною!

Он говорил, и я понимал, что это правда. Мы все понимали. Мирьем поднялась на ноги и перестала вырывать у него руку. И негромко произнесла:

— Ванда.

Это она так говорила, чтобы мы отпустили Зимояра.

Но Ванда посмотрела на Мирьем и сказала:

— Нет.

Точно такое «нет» она сказала тогда отцу в нашем доме, когда отец хотел сожрать ее живьем.

Я в тот день не собирался говорить ему «нет». Я ему вообще до этого не перечил. Потому что начнешь перечить — он изобьет нас. Он нас так и так бил, но если бы мы упрямились, нам доставалось бы еще сильнее. Я поэтому и не говорил ему «нет»: он ведь всегда мог сделать нам еще хуже, чем уже сделал. Когда Ванда сказала ему «нет», то и я вслед за ней, но не потому, что я так решил, а оно как-то само сказалось. Хотя теперь мне кажется, что не совсем просто так. Потому что если бы он без конца бил Ванду этой кочергой и забил бы ее до смерти у меня на глазах — вот

это было бы хуже. Если бы он это сделал, то пусть бы и меня забил до смерти: все лучше, чем так стоять и смотреть.

И сейчас Ванда сказала «нет», потому что Зимояр не мог сделать ей хуже. Я сперва не знал, как насчет меня, но подумал про панову Мандельштам и панова Мандельштама. Если я отпущу, то и им придется отпустить, они же держатся за меня. Пусть я лучше буду мертвый. Это лучше, чем отпустить и потом смотреть панове Мандельштам в глаза.

Но Зимояр-то правду говорил. С папаней все же было по-другому: там вошел Сергей, который сильнее его, и толкнул его в огонь. А тут-то Сергей уже и так из сил выбивался. Никто из нас не сравнится с Зимояром ни ростом, ни мощью. Значит, мы все будем мертвые. И ничего тут не поделать, кроме как отпустить. А отпускать никто не собирался.

И тут раздался хриплый, дикий, злобный голос:

— Цепь нужна из серебра, чтоб его пленила, да кольцо из огня, чтоб иссякла сила!

И вокруг нас вспыхнули двенадцать громадных свечей. Я обернулся на голос: пока мы боролись с Зимояром, царь, оказывается, поднимался на

ноги, а царица расставляла все эти свечи. Расставила и поспешила к царю — помочь ему. Она его поддерживала, а он говорил эти слова своим израненным ртом, и на губах у него пузырилась кровь. Царь протянул руку: рука у него тряслась, и пальцы жутко торчали вкривь и вкось, но один палец был обычный, прямой. Им-то царь и ткнул в сторону свечей, и они загорелись жарким высоким пламенем, почти таким же высоким, как сами свечи.

Зимояр в кругу захрипел, будто бы задыхаясь, его ледяной панцирь раскололся на крупные обломки, и те просыпались на пол с тоненьким звоном. Зимояр весь побелел. А царь громко расхохотался — только вовсе не царь, а на самом деле Чернобог, чудище. Страшный у него был смех — как треск горящих поленьев. Он кое-как выкарабкался из камина — и вдруг перекореженные пальцы сами собой распрямились. Он сделал еще шаг — и вывихнутое плечо встало на место, а потом и переломанный нос. Царь подходил ближе и ближе, и с каждым шагом что-то в его облике налаживалось, и наконец его лицо обрело прежнюю красоту. Но лицо у него наладилось, а сам-то он нет. И он приближался к нам.

Царь покрутил рукой в воздухе, и цепь вырва-

лась из пальцев у Ванды и Сергея и туго оплела Зимояра, притиснув ему руки к бокам. Мирьем выдернула наконец свою руку и отпрянула от короля. Мы все вместе торопливо отступили подальше от Чернобога. Но тому было не до нас. Он стоял перед Зимояром и ухмылялся. Крайнее звено на левом конце цепи лязгнуло как челюсть и сомкнулось вокруг дальнего звена на правом конце. А висящий край правого конца захлестнулся на левый конец. Теперь Зимояр был скован крепко-накрепко.

— Попался, попатся! — пропел Чернобог.

Он коснулся Зимоярова лица и провел пальцем вниз по щеке до самого горла. От лица Зимояра валил пар, и ему было больно. Чернобог прикрыл глаза и еле слышно потрескивал довольным голосом — только радовался-то он чему-то очень плохому. Мне бы сейчас воску, чтобы заткнуть уши, да только мои пробки где-то затерялись. Я вцепился как клещами в Вандину руку, Сергей встал впереди нас, а Мирьем с отцом и матерью тесно прижались друг к дружке.

— Скажи же, — зашептал Чернобог Зимояру, — скажи же мне свое имя. — И он опять коснулся Зимояра.

Тот весь содрогнулся, но ответил:

— Никогда.

Чернобог сердито, трескуче зашипел и впечатал ладонь Зимояру прямо в грудь. Вокруг его руки сгустилось белое облако и обвило их обоих. Зимояр не сдержался и вскрикнул.

— Имя, назови мне имя, — шипел Чернобог. — Ты в узах, ты в плену. Ты весь в моей власти! Назови мне свое имя! Твоими узами заклинаю тебя!

Зимояр прикрыл жуткие глаза и задрожал в своей цепи. Лицо у него сделалось совсем напряженное, сильнее натянулось на острые ледяные грани, а те сделались еще острее. Дышал он так, словно у него только на это сил и хватало и он больше ни о чем и думать не мог. Но потом он вроде бы немного пришел в себя и смог не только дышать. Он открыл глаза и заговорил слабым голосом:

— Ты не пленил меня, Чернобог. В твоих руках мои оковы, однако я не сдался на твою милость. Ни рука твоя, ни хитрость не ввергли меня в узы. Твоя победа не оплачена, она лживая, поддельная. И я не дам тебе ничего.

Чернобог издал шипящий рык и развернулся к нам — вернее, к царице.

— Ирина, Ирина, чего душа твоя изволит? Лю-

бой дар назначь, и ты его получишь. Да не один, а два, а то и три! Прими воздаяние из моих рук и вверь его мне по-настоящему!

Но царица покачала головой.

— Нет, — ответила она. — Я привела его к тебе, как обещала. Больше я обещаний не давала. Я ничего от тебя не приму. Я свершила это ради Литваса, а не из корысти. Разве он не в узах? Разве ты не в силах прервать зиму?

Чернобог и вовсе разозлился. Он беспокойно закружил вокруг Зимояра, бормоча что-то себе под нос, шипя и потрескивая. Но он не сказал «нет».

— Что ни день, я буду упиваться тобою, — прошипел он Зимояру, вертясь вокруг него. Чернобог приложил ладонь к лицу Зимояра и провел пальцами по его щеке, оставляя дымящиеся рубцы. — Сладостным, прохладным будет каждый глоток. Каждый прожжет тебя до костей. Долго ли ты сумеешь противиться мне?

— Всегда, — прошептал Зимояр. — Упивайся мною хоть до скончания времен, я не отворю врата в мое королевство. Я ничего не отдам тебе по доброй воле. Ты получишь от меня лишь краденое.

— Я все украду! — взвился Чернобог. — Ты в плену и скован крепко-накрепко. Я украду все

белые плоды твоих деревьев и иссушу их все. Я выпью до дна всех твоих слуг и твою корону, я сокрушу твою гору!

— И даже тогда, — ответил Зимояр, — даже тогда я не уступлю тебе. Мой народ вступит в пламя, сохранив имена надежно укрытыми в сердце. Ты не получишь ни их имен, ни моего имени.

Чернобог яростно взревел и схватил Зимояра обеими ладонями за лицо. Тот закричал прежним своим криком, только страшнее. Папаня кричал похоже, когда на лицо ему вывалилась горячая каша, и я уткнулся лицом Ванде в юбку и закрыл уши, но все равно все слышал, даже когда Ванда тоже закрыла мне уши ладонями и прижала их. Когда Зимояр перестал кричать, меня всего так и колотило. Зимояр стоял на коленях, опутанный цепью. Чернобог нависал над ним, и с его пальцев капало. Он поднес руку к губам, высунул язык и облизал пальцы досуха.

— О, до чего блаженный вкус, до чего долгая прохлада! — промурлыкал он. — Зимний король, король льда и стужи, я буду пить тебя, покуда ты не умалишься так, что хрустнешь льдинкой у меня на зубах. Что проку тогда будет от твоего имени? Лучше назови мне его сейчас и отправляйся в пламя, пока не утратил величия!

Зимояр опять весь содрогнулся и сказал почти шепотом:

— Нет.

И это было такое же «нет», как наше «нет» до этого. Зимояр будто бы говорил Чернобогу: что ни сотвори со мной — отдать тебе имя будет еще хуже.

Чернобог разочарованно захрустел.

— Тогда быть тебе в оковах из серебра и в оковах из пламени, пока не передумаешь! Зовите их! — завизжал он. — Зовите их, пусть уведут его и спрячут!

И тут Чернобог покачнулся и едва не упал. Он пошел по комнате, спотыкаясь, роняя стулья, хватаясь за них, и наконец ухватился за тот, который устоял. Чернобог вцепился в спинку стула, и тот не падал, хотя Чернобог дрожал и повесил голову. Царица вдруг бросилась к нему через всю комнату, а он поглядел на нее самым обычным взглядом, как один человек смотрит на другого. Значит, это уже был не Чернобог. И через мгновение он сказал совсем тихо:

— Стража.

Голос у него оказался на диво красивый, как музыка, хотя он и говорил-то еле слышно.

Царь повернулся и махнул рукой на дверь, как

он раньше махал на свечи. Только сейчас рука у него была прямая, здоровая и без единого изъяна. Двери распахнулись. Сани с чудищами куда-то исчезли. За дверями оказался просто пустой двор.

— Стража! — уже громко произнес царь, и на двор вбежали несколько человек. Вот у них-то имелись и мечи, и доспехи, но, увидев Зимояра, они перепугались. Встали как вкопанные и вылупились. И давай делать знаки от нечисти.

Царь уже поднял руку, чтобы махнуть страже, как он до того махал на дверь и свечи, но царица ни с того ни с сего ухватила его за руку и опустила ее.

— Не страшитесь! — велела она стражникам. А они все разом обернулись к ней. — Это владыка Зимояров, который наложил на наши земли проклятье долгих зим. И теперь, с Божьей помощью, он схвачен. Мы должны держать его под замком, и тогда в Литвас вернется весна. Вы все богобоязненные люди, не так ли? С Божьим благословением берите каждый по свече и держите свечи вокруг него! И нам нужна веревка, чтобы привязать к его оковам и вести его.

Вид у стражников был перепуганный, но один из них, с большими усами и очень рослый, такой же рослый, как Сергей, ответил царице:

— Государыня, я дерзну сделать это ради вас.

И он пошел на двор, принес оттуда веревку, подошел прямо к Зимояру и привязал ее к цепи. Он отступил, морщась, и я заметил, что кончики пальцев у него совсем белые, вроде как обмороженные. Но он держал в руках эту самую веревку, а другие стражники тоже подошли помочь ему и вместе потянули. Зимояр поднялся на ноги, чтобы они не тащили его волоком. Оставшиеся стражники тоже подошли и взяли свечи.

Но когда они потянули за веревку, он не сразу им подчинился. Сперва он обернулся и поглядел на Мирьем. Она стояла с отцом и матерью и смотрела на него во все глаза. Родители крепко прижимали ее к себе, но лицо у нее по-прежнему было встревоженное, измученное. Она будто все равно боялась, хоть Зимояр и был в оковах. Но Зимояр не стал на нее нападать. Вместо этого он заговорил даже с каким-то удивлением в голосе:

— Госпожа моя, я не чаял, что ты воздашь мне, когда я взял тебя из дома без твоего дозволения и дорожил лишь твоим даром. Но ты ответила мне достойно. Это справедливое воздаяние: трижды оскорбленная, ты назначила цену за себя. И цена эта выше, чем моя жизнь, и мое королевство, и все его жители. Ты отправляешь мой народ в

пекло, однако я не стану взыскивать с тебя долга. Все по справедливости.

Он поклонился ей очень низко, развернулся и пошел за стражами, куда они вели его. А Мирьем прижала ладони ко лбу и всхлипнула, точно вот-вот заплачет, и сказала:

— Что я наделала?! Что же мне делать?!

Глава 20

Я совершенно не удивился, узнав, что батюшка моей возлюбленной царицы, оказывается, приберег тайное подземельице за городской стеной и спрятал его под травой и ворохом соломы. Все блестяще продумано и заранее тщательно подготовлено — чего-то в этом духе я уже невольно ожидал от своей ненаглядной: сразу видна папочкина школа.

В стене, рядом с еврейским кварталом, был проход — узкая дверца в конце переулка, втиснутая между двумя домами. Как раз неподалеку от дома, где проходила свадьба. Ирина вела нас туда, за ней следовал молчаливый, будто высеченный из соляной глыбы Зимояр в окружении стражи, и я замыкал процессию. Вид у нас, надо думать, был восхитительный. Ни дать ни взять парад чернокнижников. У меня в животе демон, то есть Чернобог — вот счастье, наконец-то я могу звать своего наездника по имени: приятно познакомиться, — клубился вокруг себя самого и довольно урчал. Хорошо, что хоть час был поздний и на улицах попадались только пропойцы

да попрошайки.

Возле стены Ирина откинула в сторону завесу из плюща и отперла дверь ключом из сумочки. По ее указанию половина стражников опасливо прошли друг за дружкой внутрь, держа свечи вокруг нашего безмолвного пленника, а следом за ними рослый красавчик — тот самый удалец с веревкой. Он дернул веревку и втянул Зимояра внутрь. Тот даже не сопротивлялся, хотя при его-то силище вряд ли его можно было куда-то втянуть против воли. У меня до сих пор все тело свербело и болело в тех местах, где по мне погуляли Зимояровы кулаки. Зимояр словно лупил молотом по наковальне, а я лежал на этой наковальне раскаленным куском железа, который надо было расквасить в блин.

Но демон все гнал меня в бой, яростно хватал моими разбитыми руками воздух, а тем временем сломанные ребра протыкали мне легкие, и бедренные кости трескались, и ноги подгибались как тряпичные, и раздробленная челюсть болталась, и зубы сыпались из нее как галька. Я рисковал превратиться в кровавую кашу, но, уверен, даже тогда демон размазал бы меня по полу, чтобы я облепил Зимояровы сапоги. Когда Зимояр наконец впихнул меня в камин и велел

Чернобогу сидеть там, я, право, чуть не пустил слезу от счастья и благодарности. Пустил бы, если бы он оказал мне милость и последним ударом раскроил мне череп. Чтобы уж прекратить эти мучения.

Но он просто оставил меня там. И тут появляется ненаглядная Ирина и заключает меня в утешительные объятия. Смех, да и только. Хотела бы утешить — перерезала бы мне горло, и дело с концом. Но я был ей нужен — и ей тоже: ну как же, всем-то я нужен, я такой неисчерпаемо полезный. Так что она присела возле меня и говорит: «Кольцо из огня. Свечи зажечь сумеешь?»

Мне казалось, я в ответ то ли зарыдал, то ли засмеялся — если мое горло вообще способно было издавать звуки. В этом месте мое сознание затуманилось. Но Ирина встряхнула меня за плечи и с чувством промолвила: «Не одолеешь его — будешь вечно тут валяться!»

И я пришел в чувство при мысли о столь чудовищной, беспросветной судьбе.

Я-то считал, что мне ведом жребий пострашнее смерти: о несказанная, нелепейшая наивность! Мое тело было изувечено, но не настолько, чтобы я умер, а лишь настолько, чтобы коптиться тут среди углей и золы. Я так и вообразил себе: стоит

кому-нибудь увидеть мои жалкие останки в камине — и из дома все разбегутся, да и из соседних домов тоже. Они накрепко заколотят окна и двери, а то еще гляди решат сжечь дом, и я окажусь погребен под горелыми балками. Так и останусь под ними, а демон будет завывать у меня в ушах и мало-помалу иссушать меня, потому что больше пожирать ему нечего и некого.

Вот поэтому я и поднялся, с грехом пополам просипев заклинание — ручеек волшебства, что влил в меня демон, ошметок мяса, брошенный преданному псу. И я захватил в плен короля Зимояров ради моей возлюбленной царицы и возлюбленного повелителя. И получил награду: вот он я, целехонький! Могу дышать, не извергая горлом кровавых фонтанов! Могу стоять, и ходить, и видеть обоими глазами — о, какое неслыханное счастье! Беда лишь в том, что своей участи я не избежал. Просто отсрочил ее на какое-то время. Судьба поджидала меня, чтобы настичь рано или поздно. Чернобог никогда не отпустит меня, даже умереть не позволит. С какой стати? Он и не должен. Я вписан в свой контракт весь, с головы до пяток. И в этом контракте никаких оговорок, никаких мелких буковок. Я могу изменить только то, что мог изменить всегда — то

есть ничего. Ничего, кроме как время от времени отлавливать случайные жизнишки, иссушать их, облизывать жирные пальцы и пытаться по мере сил внушать себе, что все не так уж плохо.

Так что я дышал полной грудью, наслаждаясь ночным воздухом, разглядывал свои вновь прекрасные изящные руки и послушно следовал за своей царицей и своей стражей по улицам и в узкую дверь. Ведь пока Чернобог упивается Зимояром, мне ничего не грозит. Живот мне оттягивало блаженное чудище, осоловевшее от сытости. Так демон проспит долго.

За пределами городской стены Ирина привела нас на холм, к зачахшему дереву, и велела стражникам поставить свечи на землю вокруг Зимояра. После чего провозгласила:

— Нынче вы послужили Литвасу и Господу. За вашу службу вас ждет награда. А теперь ступайте назад в город и, перед тем как идти во дворец, зайдите в храм и возблагодарите Господа. И никому не говорите о том, что видели сегодня.

Их всех тут же как ветром сдуло — видно, неглупые ребята, соображают, что к чему. Остался только один — тот самый удалец с веревкой. Веревку он аккуратно положил в огненное кольцо и обратился к Ирине:

— Государыня, дозвольте мне остаться и служить вам.

Ирина поглядела на него и осведомилась:

— Как твое имя?

— Тимур Каримов, государыня.

Да, парень так и рвется служить царице, это сразу видно. И, полагаю, рано или поздно, он пожелает вознаграждения. Я только об этом подумал, и мне пришло в голову, что он, верно, тоже татарского роду-племени: кожа смуглая, лицо миловидное, плечи широкие. И, судя по усам, темные волосы — красиво, должно быть, смотрятся со светлыми глазами. Ну что ж, раз Ирина меня на ложе не привечает, пускай кто-нибудь потрудится вместо меня.

— Тимур Каримов, ты проявил себя достойно, — изрек я, заставив парня спохватиться: да ведь рядом с царицей-то, оказывается, стоит ее законный супруг, царь Литваса, который властен вырвать ему глаза, отрезать язык, отрубить голову и руки и прибить на дворцовых воротах. И все за то, что он решился перед государыней слово молвить. Я ждал, что молодец забеспокоится, и уже приготовился испытать по этому поводу удовлетворение. Однако он смотрел погасшим взглядом, с какой-то удрученной завистью. Как

будто он и не надеялся ни на какие награды, а просто украдкой мечтал о своей сказочной принцессе и на минутку позабыл, что она недосягаема. Впрочем, возможно, не так уж недосягаема. — Я назначаю тебя капитаном личной гвардии царицы. Охраняй ценнейшее из моих сокровищ с тем же мужеством, какое ты выказал нынче ночью.

Это, очевидно, был уже перебор; молодец грянулся передо мной на колено, схватил мою руку и пылко поцеловал ее.

— Государь, жизнью своей клянусь! — драматически возопил он точно на сцене. Только горло у него перехватывало по-настоящему — казалось, парень вот-вот разрыдается.

— Вот и славно, — ответил я, отнимая у него руку.

Ирина хмуро покосилась на меня, видимо не совсем понимая, к чему весь этот балаган. Я недвусмысленно поглядел на склоненную молодецкую голову, и ее щеки чуть потемнели от непрошеного румянца. Чу, вот рассвет зарделся! Прикидывается недотрогой — и это после того, как сама мне все уши прожужжала про наследника.

— Итак? — обратился я уже к Ирине.

Прекрасно, что при нас остался именно Тимур:

уж этот-то не будет выбалтывать наши тайны — боже упаси предавать распрекрасную возлюбленную царицу.

Ирине, вероятно, пришла в голову та же мысль. Поколебавшись мгновение, она указала молодцу место прямо у ног Зимояра и произнесла:

— Копай здесь.

Долго возиться Тимуру не пришлось. Под землей скоро обнажились камни и крышка люка. Мы ее расчистили, и Ирина постучала по крышке. Через миг крышка откинулась, и из темноты подземного хода выплыло лицо моего тестя. Он кивнул Ирине и дал нам дорогу, чтобы мы спустили Зимояра. Тесть все это время, как выяснилось, без дела не сидел: он киркой выдолбил в камне желоб в форме круга и наполнил его углями. Вдоль желоба он расставил свечи как запасной ряд оборонительных укреплений. У стены виднелась тачка, груженная углем про запас. И все-то у них предусмотрено.

Тимур втянул пленника на его поводке в круг из углей, а после перешагнул через желоб и бросил веревку к ногам Зимояра. Тот и бровью не повел; он стоял в кругу, обратив к нам застывшую искристую льдину, что служила ему лицом. Он расправил плечи и высоко держал голову,

невзирая на сковавшую его цепь, — небывалый, диковинный. Слыханное ли дело: мы саму зиму умудрились изловить и запереть в подземелье! Зимояр даже казался не совсем живым. Что-то проскальзывало необычное, изменчивое в его чертах: посмотришь на него, отвернешься, посмотришь снова — а он уже другой. Как будто грани его лица все время таяли и преображались. Он не был прекрасным — он был пугающим. А потом он вдруг делался прекрасным, а потом и прекрасным и пугающим разом, и я не мог разграничить эти мгновения, не мог уловить эту перемену. У меня даже голова разболелась. Я бы нарисовал его, заключил бы его в оковы из чернил и бумаги, а не только из серебра и пламени. Я бросил взгляд на Ирину, стоящую рядом в этой темной яме: голубой отсвет от лица Зимояра озарял ее лицо, и корону, и рубины на ее серебряном наряде, и тут-то я понял наконец, отчего все так сходят по ней с ума. Все видят в ней Зимояра, но близкого к смертным. Она Зимояр, которого можно коснуться.

Внутри меня Чернобог заворочался и легонько срыгнул — это было что-то новенькое и до жути неприятное. Он несильно стегнул меня внутри. Я стиснул зубы и щелкнул пальцами над желобом

— угли вспыхнули жарким пламенем. Тимур шарахнулся от огня. Зимояр шарахаться не стал, хотя, судя по всему, был бы очень даже не прочь, но ему приходилось сохранять достоинство. Я едва сдержался, чтобы не сказать ему: да шарахайся ты сколько влезет. Чернобог плевать хотел на чужое достоинство. По крайней мере, по моим наблюдениям. Он-то свое получит — что с достоинством, что без него.

— Не пора ли нам? — осведомился я у Ирины. — Жаль покидать столь очаровательное место, но нас ждут завтра еще на одной свадьбе, верно? Все как сговорились жениться в это время.

Ирина отвернулась от Зимояра.

— Да, — мрачно кивнула она.

Исход блистательно спланированного дела, похоже, Ирину обескуражил. А ведь, насколько я мог судить, гениальный замысел сработал без сучка без задоринки. Если, конечно, у замысла не было пунктов, о которых возлюбленная царица умолчала. Возможно, она намеревалась оставить меня засунутым навеки в камин, например, в узах из золота и льда — а что, вышло бы очень поэтично. Чем больше я об этом размышлял, тем сильнее убеждался, что нечто в этом духе стояло на повестке дня. Ха-ха, придумал тоже: «стояло».

На повестке дня — нож в моей спине. И не стоял, а стоит.

— Человек-то надежный? — осведомился герцог у Ирины, указывая на Тимура. Ирина кивнула. — Хорошо. Он поднимется со мной наверх, поможет закрыть крышку и встанет на часах. А вы идите прямо по коридору. Никуда не сворачивайте. Там будет несколько старых водостоков по дороге, просто пересекайте их.

То есть нас ждет романтическая прогулка с театральными эффектами. Я одарил Ирину сияющей улыбкой, в которую вложил всю до капли симпатию, что пышным цветом цвела в моем сердце, и подчеркнуто вежливо протянул руку. Она воззрилась на меня с обычной своей стеклянной бесстрастностью и обвила мою руку своей. Мы оставили одинокого и безмолвного Зимояра стоять в оковах, а сами двинулись вдоль зловонной, непроглядно темной крысиной норы, где то и дело кто-то попискивал и со всех сторон свисали похожие на червей корни. Я зажег в горсти огонек; красное пламя плясало на земляных стенах.

— До чего славное прибежище, — заговорил я. — Мне, пожалуй, стоит держать его в уме на случай, если твой батюшка затеет мятеж про-

тив короны. Хотя уж второй-то раз он вряд ли сподобится… Или сподобится? — Ирина молча посмотрела на меня. — Полагаю, ты считаешь меня дураком, — огрызнулся я. Ее молчание бесило еще больше, чем ее нотации. Я вообще ни о чем этом не просил. Я не хотел брать ее в жены. Я не хотел ее спасать. Я не хотел, чтобы мною шмякали об пол как яйцом во имя ее интересов. Чернобог сидел у меня в утробе, словно я наглотался углей. Он жирный, отъевшийся, чрезвычайно довольный собой — и ею, без сомнения, тоже. Втолкнуть бы ее в какой-нибудь темный закуток и сбежать. Но как сбежишь?

— Ты как себя чувствуешь? — вдруг спросила она.

Я даже расхохотался: ну и бред!

— Подумаешь, пара-тройка увечий да немного смертных мук, — глумливо отозвался я. — Помилуй, я ведь не против. Я счастлив служить в любое время дня и ночи. Хмм, «счастлив» — это верное слово или стоит подыскать другое? Надо поразмыслить. А чего ты сама ждешь от меня? Я должен благодарить тебя?

Она молчала. И только через несколько мгновений произнесла:

— Зима наконец закончится. И Литвас…

— Да пошел он, этот Литвас! — в сердцах крикнул я. — Здесь-то мы перед кем комедию ломаем? Перед червяками? Или ты выход на публику репетируешь? Пустое место, этот твой Литвас! Просто линии на земле, в пределах которых людишки перестали убивать друг друга. Что мне твой Литвас? Князья да герцоги спят и видят, как мне горло перережут, мужики вообще понятия не имеют, кто ими правит. Этому отребью плевать на меня, и я никому из них ничего не должен. И тебе не должен. Я пешка в твоей игре, и ничего не могу с этим поделать, но кланяться тебе в ножки не обязан. О, благодарю, моя госпожа, что позволила сослужить тебе службу! — насмешливо просюсюкал я. — Нет уж, не дождешься. Я тебе не сопливая обезьяна-стражник. Кончай притворяться, будто ты не мечтала, чтобы меня порвали на кровавые куски. У тебя небось и новый царь припасен? Весьма в твоем духе.

Она погрузилась в благословенное молчание. Но молчала не так долго, как мне бы того хотелось. Мы дошли до конца подземного коридора, миновали арку, прорубленную в каменной стене, и очутились в тесном темном чулане. Кусок стены чулана открывался в винные погреба — весьма грамотная задумка. Если выйти и закрыть за

собой эту стену, никто в жизни не догадается про чулан и подземный ход. Я пробежал пальцами по кирпичной кладке — края потайной двери едва-едва нащупывались, да и то скорее потому, что в этом месте швы не были замазаны раствором. Сонный Чернобог сыто заурчал: завтра он снова попирует всласть.

Я обернулся к Ирине. Она стояла в темноте: пламя в руке я прихлопнул, и только высоко, где-то на лестнице горели лампы, отражаясь в ее бездонно черных глазах и освещая ее лицо.

— Литвас тебя не волнует, — произнесла она. — И все же ты принял обязательство быть царем, ты по доброй воле согласился занять место своего брата…

Точно взбешенный зверь сокрушил мои ребра и ударил меня прямо в сердце. Как же я ее ненавижу!

— Боюсь, с Каролисом вы бы не поладили, милочка, — прошипел я сквозь зубы. — Думаешь, кто научил меня убивать белок? Он единственный не чурался ведьминого выродка, пока не…

Я осекся. Все еще не могу рассуждать об этом хладнокровно. Только не об этом. Чернобог заворочался, высунул язык через мою голову и лениво слизнул нежданное лакомство — мою

боль. Ах, как трогательно, я все еще сохраняю свою питательность. Даже для сытого чудища.

Ирина во все глаза смотрела на меня:

— Ты его любил. И ты согласился?

— Да нет же! — гаркнул я, распаляясь от гнева. — Ни на что я не соглашался! Меня никто никогда не спрашивал! Видишь ли, моя мать была не такая счастливица, как ты. Не припасла она заранее короны, не было у нее волшебной красоты, и короля Зимояров в качестве выкупа тоже не было. Так что расплатилась она долговым обязательством. И чернила на моем контракте высохли прежде, чем я вылез из материнской утробы.

* * *

Когда Ирина вернулась, я сидела в углу спальни и шила, поспешая как могла. Я сходила к Пальмире и сообщила, что царь не позволит Ирине дважды надевать один и тот же наряд, и спросила, не найдется ли у нее платья, чтобы я его быстренько перелицевала для Ирины. А я уж ей взамен отдала бы то, синее с рубинами, чтобы подогнать под Галину. Галине неведомо, откуда эти камни, да и Пальмире неведомо. Для них обеих это обычные драгоценности. Изысканные,

лучезарные, красивые, за которые кто-то когда-то заплатил золотом, а вовсе не кровью. Изуверство, породившее эти камни, их не коснется. Рубины останутся просто рубинами. А мне будет чем руки занять всю ночь — долгую ночь, пока я сижу у светильника и гадаю, вернется Ирина или нет.

— Но оно должно быть роскошное, — предупредила я. — Только такое подойдет. Вы же видели, как он сам одевается. Он не потерпит, чтобы царица выглядела скромнее.

И Пальмира вручила мне платье из парчи глубокого изумрудного цвета и шелка бледного оттенка зеленой листвы. Платье было так богато расшито серебром, что мне пришлось звать на подмогу младшую горничную — одной бы мне этакую тяжесть не дотащить. Платье все было усеяно изумрудными бусинками — они не так дороги, как рубины, зато их было такое множество, что наряд весь искрился на свету. Галина носила его девушкой, еще до первого замужества. Сейчас платье стало ей тесно, и его сохранили для дочери или для сыновней жены. Уж никак не для падчерицы. Но нынче все по-другому. Теперь наряд достанется Ирине, его и перешить-то придется совсем чуть-чуть. Разве что в груди убавить малость. Я как раз заканчивала трудиться над

лифом, и тут вошла Ирина: лицо бледное, глаза словно невидящие.

Царь прошел к камину, рыкнул на слуг, чтобы просыпались поживее да несли ему горячего вина, и вытянул руки, чтобы с него сняли алый бархатный плащ, и все это как ни в чем не бывало. Я подошла и хотела взять мою девочку за ее тонкие ручки, но она не дала и спрятала ладони под плащом. Но я обняла ее, отвела к своему креслу, усадила. Она не зябла, не дрожала. Но была бела, как снежное поле, а в волосах ее запутался густой, страшный запах дыма, и когда она села, я увидела пятна крови на синем платье, уже потемневшие, и кровь была у нее на ладонях и под ногтями, точно она свежевала тушу в этом своем наряде. Я погладила ее по голове.

— Я сделаю ванну, — прошептала я. — Вымоем тебе волосы.

Царь, уже переодетый, потягивал вино, а слуги грели ему заново постель. Когда внесли и наполнили ванну, он уже забрался на перину и задернул полог. Я отослала прочь всех слуг и сняла корону с Ирининой головы. Она вздрогнула, потянулась за короной и лишь после глянула на кровать — удостовериться, спит ли царь. Только тогда она оставила корону в покое. Ожерелье

исчезло, и я не спросила, куда оно делось.

Сперва я в корыте начисто вымыла ей руки до локтей. В темноте казалось, что вода просто грязная и мутная, не красная от крови. Я взяла корыто, вышла на балкон и выплеснула воду на камни далеко внизу. Герцог муштрует на этой площади своих молодцов. Кровавых пятен тут на камнях хватает, будет чуть больше — никто не заметит. Я наполнила корыто холодной водой, сняла с Ирины синее платье и замочила. Пятна свежие — отойдут легко.

Потом я помогла Ирине залезть в ванну и вымыла ей волосы с сухим миртом — я его прихватила из кладовки в нашем прежнем жилище. Запахло ароматными ветками и листьями. Я трижды промыла ей волосы и наконец, когда поднесла прядь к носу, от нее уже не пахло дымом, а только миртом. Я вывела ее из ванны, вытерла сухой тканью и усадила у огня, а сама принялась расчесывать ей волосы. Она сидела в кресле, и глаза у нее закрывались. Я пела ей, пока орудовала гребнем, и на последних взмахах гребня от макушки до кончиков она привалилась к боковине кресла и заснула.

Кровь сошла с синего платья. Я вытащила его, мокрое, из корыта, а корыто опять понесла на

балкон выплеснуть воду. И в этот раз на балконе оказалось не холодно. В лицо мне повеяло теплым воздухом, свежей зеленью и запахом сырой земли — запахом весны, который я успела позабыть, так давно я его не вдыхала. Я так и стояла на балконе с корытом, полным кровавой воды, и не могла надышаться, и не замечала, что руки у меня уже трясутся: тяжко так долго держать полное корыто. Я кое-как взгромоздила его на перила, опрокинула вниз и вернулась в спальню. Моя девочка, храбрая моя девочка, это она сотворила. Она пришла вся в крови, но привела за собой весну. И главное, что сама она вернулась, она вернулась, и, по мне, это важнее весны, да и вообще всего на свете.

Я скребла синее платье, покуда не отстирала последние кровавые следы. Конечно, я аккуратно это делала, да и рубины оказались пришиты на совесть, ни один не отошел. Я повесила платье на кресло и выставила на балкон сушиться. Отдам его Пальмире, она и не заподозрит, что на подоле были пятна. Когда я развернулась к покоям, Ирина уже проснулась: стояла возле кресла, завернувшись в простыню. Волосы разлились вокруг нее словно озеро, они уже почти просохли. За окном светало, вставало солнце, и Ирина шаг-

нула босиком на балкон. Я хотела было урезонить ее: мол, простудишься душенька, но придержала язык и сама подвинула кресло, чтобы она могла выйти к перилам. Я встала рядышком и обняла ее, согревая тонкое тело. Где-то вдалеке звери и птицы гомонили на все лады; этот писк, щебет и галдеж делался все ближе, ближе и наконец окутал нас; белки тенями заметались в саду по веткам, а солнце коснулось листвы, нежных, только рожденных листочков. Ирина, и я, и счастливое птичье племя — все мы смотрели, как солнышко взбирается на небосклон и сияет не над снежными равнинами, а над зелеными полями.

Я погладила ее по голове и ласково шепнула:

— Все хорошо, Иринушка, все хорошо.

— Магрета, — сказала она, — а он, то есть Мирнатиус, всегда был такой красивый? Даже в детстве?

— Да, всегда, — покивала я. Я без раздумий ответила: ведь я все помнила. — Всегда. Не дитя, а загляденье, даже в колыбельке. Мы были у него на крестинах. Глазки что драгоценности! Твой батюшка подумывал, не взять ли его на воспитание: у матушки твоей детей пока не было, и он рассчитывал уломать царя — в герцогском доме

мальчику все лучше, чем в семье, где и так много сыновей. Но твоя матушка не смогла взять дитя на руки. Она стояла как каменная и даже рук поднять не могла. Нянюшка пыталась ей всунуть младенца — да куда там. Ох и осерчал же тогда твой батюшка!

Я тряхнула головой, вспоминая. Герцог кричал на нее, требовал, чтобы она с утра пошла взяла ребенка на руки и нахваливала его красоту. Мол, с нею одна печаль: сама-то родить никого не может. А Сильвия не перебивала, стояла молча, потупившись…

И вдруг у меня в памяти всплыло — как масляное пятно на воде, — что он кричал на нее, кричал, а когда вдоволь накричался, Сильвия посмотрела на него серебряными глазами и совсем тихо ответила: «Нет. В наш дом войдет другое дитя, и ему носить зимнюю корону». И тогда герцог схватил ее руки и стал истово целовать. Больше он не заговаривал о том, чтобы принять в дом царевича. Но Ирина появилась на свет лишь спустя четыре года. И к тому времени я все успела позабыть.

Ирина глядела на весну — моя царица в зимней короне, царица с ястребиным отцовским взглядом; с ее лица все не сходила бледность. Я сжала

ее в объятиях покрепче, чтобы успокоить, что бы там ни терзало ее.

— Пойдем-ка назад, душенька, — прошептала я ласково. — Волосы уже просохли. Уложим их, и поспи немножко. Ляжешь тут на диване. Я никого не впущу. Тебе не надо ложиться к нему в постель.

— Нет, не надо, — повторила она. — Я знаю. Я не обязана лежать с ним.

Она вошла в покои, я уложила ей волосы, и она улеглась на диване, и я ее укрыла. Вышла в коридор и строго-настрого наказала лакеям не беспокоить царя с царицей. Они, дескать, оба умаялись на свадьбе и желают отдыхать. А после я уселась с зеленым платьем возле окна — докончить свое шитье на весеннем солнышке.

* * *

Я проснулась наутро в притихшем дедушкином доме. И, с трудом сообразив, где я, проковыляла, все еще полусонная, к окну — проветрить немного. Отец с матерью еще не проснулись. По пути к окну я наступила босой ногой на свое скомканное золотое убранство. Ночью я прямо-таки содрала его с себя точно змеиную кожу и вползла на изножье кровати. Они еще что-то говорили, но в

словах уже не было никакого смысла. Потом они замолчали и стали просто гладить меня по голове и петь мне. А я впала в оцепенение, убаюканная привычными запахами горящего камина и шерсти. Тепло. Мне снова было тепло.

И вот я откинула защелку на оконной раме и посмотрела на город. С высоты дедушкиного дома я видела городскую стену и то, что за ней — поля, а дальше лес. Все поля были зеленые-презеленые, и рожь зеленела, такая высокая, словно тянулась вверх все четыре месяца весны, и зеленые листики уже успели потемнеть, словно лето вот-вот настанет, и все полевые цветочки распустились. У бабушки в саду деревья оделись цветами: и слива, и вишня, и яблоня — все цвели в одночасье. И даже в цветочном ящике на окне распустились цветы. А воздух полнился едва слышным гудением, будто все пчелы этого мира слетелись сюда потрудиться на славу. И на земле не осталось ни следа снега.

Я сложила свое серебряно-золотое платье и завернула его в бумагу. На улицах так и толпился народ. Я шла по городу со своим свертком и, проходя мимо синагоги, услышала пение; хотя была только середина утра, да и до субботы было еще далеко, но людей там собралось видимо-невиди-

мо. На рынке никто не работал. Все рассказывали друг другу истории о случившемся: как Господь простер свою десницу, и вверг Зимояра в руки царя, и пресек колдовскую зиму.

— Мне надо его видеть, — сказала я Ирине.

Платье открыло передо мною двери герцогского дома, стоило мне показать слуге только краешек. Правда, мне пришлось-таки проторчать примерно час у черного хода, пока обо мне наконец не доложили царице и та не соизволила меня призвать. Ну конечно, она же царица, да не просто царица, а спасительница Литваса, а я так, мелкая сошка из еврейского квартала в коричневом шерстяном платьишке. Однако когда ей сказали обо мне, она тут же послала за мной свою няньку Магрету, а та все посматривала искоса, с подозрением, точно опасалась: а вдруг мое платье и незатейливо уложенные волосы всего лишь маскарад? И все же она доставила меня к своей госпоже.

Ирина была у себя в спальне. Возле камина сидели четыре женщины и лихорадочно перешивали платье, почти такое же крикливо вычурное, как и то, что я притащила сюда. Похоже, Ирина и сегодня собирается на свадьбу. Сама она стояла на балконе и крошила хлеб пташкам и белкам:

они, как и люди, повылезали из своих норок и закутков — тощие, голодные после долгой зимы — и совсем не прочь были полакомиться с человечьей руки. Ирина бросала им горсть, и пичуги мигом налетали к ее ногам, растаскивали куски побольше, потом упрыгивали с ними в сторонку, съедали и возвращались за новой порцией.

— Зачем? — медленно проговорила она.

— Мы уже перегнули палку! — выпалила я. — Если ты скормишь его этому… — Я глянула через плечо на слуг, суетившихся в покоях, и не стала произносить имя. — Если ты его скормишь, это не только прервет зиму. Это погубит все его королевство. Все Зимояры умрут, не он один!

Ирина перестала крошить хлеб и протянула мне пустую ладонь: из украшений на руке у нее блестело одно лишь Зимоярово кольцо — тонкая полоска холодного света на ярком весеннем солнце.

— Но что мы должны сделать? — произнесла она, и я недоуменно захлопала глазами. — Мирьем, Зимояры опустошали наш край с тех пор, как здесь стали селиться люди. Мы для них как паразиты, праздно ползающие меж деревьев. Они и обращаются с нами как с паразитами — только с большей жестокостью.

— Но не все! — возразила я. — Большая их часть вообще не может прийти к нам, как и мы не можем попасть к ним когда вздумается. Лишь самым могущественным из них подвластна дорога… — Тут я осеклась, спохватившись, что меня занесло не туда и сейчас я только все испорчу.

— Самые могущественные в ответе за остальных, — пожала плечами Ирина. — Поверь, я тоже не в восторге от мысли, что весь народ Зимояров погибнет, но их король начал эту войну. Он похитил весну; из-за него наш народ, весь Литвас, едва не вымер с голоду. Или, по-твоему, он не знал, что творит?

— Знал, — мрачно отозвалась я.

Ирина задумчиво кивнула:

— Мои руки тоже запятнаны кровью после вчерашнего. Но я не стану умывать их в крови моего народа. Поэтому не знаю, что еще можно сделать.

— Если мы возьмем с Зимояров клятву в обмен на жизнь короля, они сдержат ее. Они всегда верны своему слову.

— И с кого же мы будем брать эту клятву? — усмехнулась Ирина. — Даже если… — Она окинула взглядом спальню, ее спальню, которую она делила с царем и дымной прожорливой

нечистью, поселившейся у него внутри. Лицо ее оставалось бесстрастным. — Не стану кривить душой: я не в восторге от нашего уговора. Но в Литвас пришла весна, а это значит, что грядущей зимой у каждого крестьянина будет хлеб на столе. — Она перевела взгляд на меня. — Я купила это для моего народа, — тихо прибавила она. — И если надо, я готова заплатить за это больше, чем мне самой хочется.

В общем, ушла я ни с чем, если не считать сосущей пустоты внутри. Иринина нянька остановила меня и спросила, сколько я хочу за платье, но я только головой покачала и пошла дальше. Но ведь платьем тут не отделаешься. Наряд королевы Зимояров можно сбросить, как старую кожу. Однако я слишком долго пробыла этой самой королевой, чтобы просто взять и выкинуть все из головы. И все же Ирине не скажешь, что она не права. Даже в себялюбии ее не упрекнешь. Она-то собирается заплатить ту цену, какую сама я платить не пожелала. Она разделит ложе с этим демоном, и даже если он не запустит щупальца в ее душу, то уж верно будет ползать по ее коже.

И этой ценой она купит нам не только весну. И весну, и лето, и зиму тоже — только без блеска Зимояровой дороги меж деревьев и без разбойни-

ков в белых плащах, отнимающих у нас золото. Наши дровосеки, и охотники, и крестьяне пойдут в лес с топорами и с силками, которые расставят на белых зверей. Она купила для нас лес и замерзшую реку, которые отныне будут давать нам еду и древесину, и за десять лет Литвас из убогого нищего захолустья превратится в богатую сильную державу. А тем временем где-нибудь в черном подземелье Чернобог будет одного за другим пробовать на зуб детей Зимояров, согревая наш мир.

Я вернулась в дедушкин дом. Мать сидела на крыльце, вся встревоженная: ждала меня. Она как будто теперь боялась выпускать меня из виду. Я подошла и уселась рядом, а она обвила меня руками, поцеловала в лоб, положила мою голову к себе на плечо и погладила. Мимо нас все время сновали люди: кто-то входил, кто-то выходил, гости разъезжались, улыбаясь на прощание. Они уже почти позабыли, как танцевали ночью под сенью белых деревьев и как в нашем доме сошлись один на один зима и огненный призрак.

Один только дедушка кое-что запомнил. Сегодня утром, пока родители спали, я спустилась на кухню выпить чашку чая и съесть корочку хлеба — вся растерянная, не зная, как совладать с холодной пустотой внутри. Было совсем рано,

только пара слуг хлопотала, накрывая стол для гостей, которые вот-вот проснутся. Но вскоре один из них подошел и сказал, что дедушка ждет меня. Я поднялась в его кабинет. Он стоял у окна и хмурился на весну, а когда я вошла, заглянул мне в глаза и сказал:

— Ну так что, Мирьем?

Дедушка произнес это таким тоном, словно я опять принесла ему на проверку свои счетные книги. Он будто бы спрашивал меня: в порядке ли счета, все ли сходится? А я не знала, что ответить.

Вот потому-то я и отправилась в герцогский дворец. Но вернулась оттуда с тем же, с чем уходила. А ведь все очень просто. Зимояр сам сказал мне «да»: он поклонился мне без ненависти, даже без укора, точно я имела законное право сделать то, что я сделала. Точно мне дозволялось растопить его царство за то, что он пытался заморозить мое. Может, и дозволялось. Только я-то не из Зимоярова племени. Я поблагодарила Флек, Цоп и Балагулу, я нарекла девочку, о которой сейчас и думать боялась. Она мне вроде как доверилась. И, вероятно, не одна она.

— Завтра мы поедем домой, — прошептала мать мне в волосы. — Мы поедем домой, Мирьем.

Я же только об этом и мечтала, только это и придавало мне мужества. Но сейчас дом казался мне чем-то несуществующим. Как и хрустальная гора с серебряной дорогой. Неужто я вернусь в наш городишко, буду кормить своих кур и коз, а на меня будут злобно коситься те самые люди, которых я спасла? Они не вправе ненавидеть меня, но все равно ненавидят. Зимояры — это сказка, рассказанная зимней ночью. Настоящее чудище — это я. Меня они видят воочию, понимают и жаждут моей крови. Они ни за что не поверят, что я совершила что-то ради их спасения. Даже если обо мне сочинят сказку.

Но если честно, они правы. Вовсе не ради них я старалась. Это Ирина спасала их, и они будут боготворить ее за это. А я все сделала ради себя, и ради моих родителей, и ради этих людей: для дедушки, для Баси, для троюродной сестрицы Илены, которая сбежала по ступенькам, чмокнула нас и влезла в повозку, чтобы ехать в свою деревушку, где семь дворов, считая ее собственный, а жители окрестных сел ненавидят их всех. Я это сделала для мужчин и женщин, что шагали по улице мимо дедушкиного дома. Литвас не был моим домом. Литвас — это просто вода, рядом с которой мы живем: мой народ прибивается к

рекам, и порой волна захлестывает речной берег и утаскивает иных из нас в глубину на съедение рыбам.

У меня нет страны, во имя которой я совершала бы подвиги. У меня есть только народ. Ну хорошо, а что тогда с другим народом — с народом, к которому принадлежат Флек, и Цоп, и Балагула, и малышка, нареченная еврейским именем? Я дала ей имя и отправилась сокрушать ее мир.

Но что сделано, то сделано, и сделанного не воротишь. Не в моей это власти. Я ведь вообще никто. Просто девица, заимодавец из захолустного городка, скопивший немного деньжат в банке. Раньше мое золото мнилось мне настоящим сокровищем, а теперь кажется жалкой пригоршней монет: не хватит даже наполнить ларчик из кладовой моего короля Зимояров. Нынче утром я взяла серебряную вилку и подержала в руке, сама не зная, чего мне больше хочется. А впрочем, чего бы ни хотелось: все равно ничего не произошло. Вилка осталась серебряной; в зимнем королевстве я владела волшебным даром, но здесь этот дар уснул и не проснется. А само королевство мало-помалу растает, разрушенное той самой речной волной. И говорить об этом больше нечего.

Я пошла в дом следом за матерью. В нашей спальне мы упаковали вещи, которые родители привезли из дома, и спустились вниз помогать. В доме все еще было порядочно народу — попадались вовсе мне незнакомые люди, но все-таки они были родня и друзья. И всяких дел оставалось по горло: и готовить еду, и мыть посуду, и накрывать на стол, и убирать со стола, и кормить ребятишек, и нянчиться с ревущими малышами. Целая толпа женщин кружилась в водовороте женской работы — неизменной, неизбывной работы, которая съедала все время без остатка и требовала еще, как бездонная бочка. Я погрузилась в эту работу как в воду, будто совершала ритуальное омовение, и с радостью позволила воде сомкнуться у меня над головой. Пусть глаза ничего не видят, уши ничего не слышат, а рот молчит. Пусть все мои мысли будут о том, довольно ли еды, взошло ли тесто, хорошо ли прожарили говядину, хватает ли стульев за столом. Тут я хоть что-то могу сделать.

При виде меня никто не удивлялся. Никто не расспрашивал, где я была. Меня все целовали и охали, мол, какая я выросла, а кто-то интересовался: когда на твоей свадьбе спляшем? Все были рады мне, и я тоже была рада, что я тут и от меня

есть польза. Но в то же время что есть я, что нет — разница невелика. На моем месте могла быть любая из моих двоюродных или троюродных сестриц. Ничего во мне особенного. И это замечательно. Так славно снова стать обычной.

Наконец, окончательно сбившись с ног, я сама присела перекусить. Я так много всего носила и готовила, что от усталости совсем не соображала. Застолье шло к концу, гости вставали из-за стола, прощались и ручьем текли к двери. Я все еще пребывала под водой, никем не замеченная рыбешка в косяке. И вдруг ручей встал. Народ отступил от двери, и вошел лакей, одетый в царские цвета — красный, золотой и черный. Он оглядел нас с легким презрением, весь раздутый от чужой важности.

Когда он вошел, я встала. Ни мне, ни любой другой незамужней девице в дедушкином доме так вести себя не подобает. Не мое это дело — подниматься из-за стола и неласково вопрошать «Что вам тут надо?».

Он помолчал, высокомерно посмотрел на меня и надменно произнес:

— У меня письмо для Ванды Виткус. Это вы?

Весь день Ванда то и дело проскальзывала мимо в толпе женщин; она таскала тяжелые стопки

тарелок и тяжелые ведра с водой. Мы с ней почти не разговаривали, только переглядывались — мы вместе были заняты чем-то простым и надежным. Ванда стояла у входа в кухню, и через миг она приблизилась, вытирая мокрые руки о передник. Лакей обернулся к ней и вручил ей прямо в руки письмо: толстый сложенный кусок пергамента с большущей печатью из красного закопченного воска; несколько непослушных капель вытекли до того, как печать застыла.

Ванда взяла письмо, распечатала его и долго вчитывалась. А потом она прикрыла передником рот, крепко сжала губы и дважды натянуто кивнула. Сложив письмо, она прижала его к груди, развернулась и скрылась где-то в глубине дома, возле лестницы. Лакей еще разок окинул нас пренебрежительным взглядом — в конце концов, ну кто мы такие? — и вышел за дверь так же стремительно, как вошел.

А я все стояла за столом. Вокруг меня опять начались разговоры, гости опять потекли к двери. А когда вы снова будете в городе, а сколько уже вашему старшенькому, а как продвигается дело вашего супруга? Спокойные волны накатывали на берег одна за другой, но я уже вынырнула. И не собиралась опять уходить под воду. Я отпихнула

свой стул от стола и побежала наверх, в дедушкин кабинет. Дедушка сидел там с несколькими стариками, они беседовали звучными голосами, курили трубки и обсуждали дела. Увидев меня, они все как один нахмурились: мне здесь быть не полагалось. Разве что я принесла им еще бренди, еще чаю или еще еды.

Но дедушка не хмурился. Он просто посмотрел на меня и отодвинул сигару и бокал.

— Идем, — сказал он мне и повел меня в тесную комнатку рядом с кабинетом. Там у него под замком за стеклянными дверцами хранились разные важные бумаги. Дедушка закрыл за нами дверь и поглядел на меня сверху вниз.

— У меня есть неоплаченный долг, — сообщила я. — Мне нужно найти способ оплатить его.

Глава 21

На руках у меня поутру вздулись волдыри. И на ладонях остались красные отметины от серебряной цепи, которую мы держали вместе с Сергеем и Стефаном. Царица, уходя вчера ночью, спросила: «Как мне отблагодарить тебя?» А я и не знала, что ответить. Это не меня надо благодарить — я сама вроде как благодарила. Мирьем за шесть копеек забрала меня из дома, где за меня давали трех свиней. Забрала меня у отца, который обманывал ее отца. Ее мать вложила хлеб мне в уста и любовь мне в сердце. Ее отец благословил этот хлеб перед тем, как дать его мне. Я и слов-то его не понимала. Я не понимала, что это за колдовство такое, я считала их приспешниками дьявола — а они все равно были щедры ко мне. Мирьем давала мне серебро за работу. Она протянула мне руку и пожала мою, точно я была важная особа, а не лгунья, что ворует у собственного отца. Точно со мной не зазорно по-настоящему уговариваться. В их доме для меня всегда находилась пища.

А Зимояр хотел забрать Мирьем за так. Он заставлял ее добывать ему золото в обмен на

жизнь. Как будто она ему принадлежит — только из-за того, что он сильнее и может убить ее. У моего отца достало бы силы меня убить, но это не значило, что я ему принадлежала. Он рад был меня продать за шесть копеек, за трех свиней, за кувшин крупника. Он продавал меня, и продавал, и продавал — без конца, будто я все еще была его. И Зимояр рассуждал так же. Он хотел держать Мирьем при себе, чтобы она все время давала ему золото. А чего хотелось Мирьем, Зимояру было плевать. Он ведь сильный.

Но и я сильная. Я подняла на ноги панову Мандельштам, я научилась волшебству, волшебству Мирьем, и это волшебство помогло мне превратить три передника в шесть копеек. А вместе с Сергеем и Стефаном у нас хватило сил одолеть отца, чтобы он не мог больше продать меня или убить. Вчера ночью я не знала, совладаем ли мы с Зимояром, даже вместе с Сергеем и Стефаном и с Мандельштамами. Но я и прежде не знала, хватит ли у меня сил. Я просто делала и делала, а как заканчивала, тогда и становилось ясно, что все получилось. Даже если не знаешь, как все обернется, делай что должен, вот и все. Потом уже Стефан уткнулся мне в передник и расплакался — страх его никак не отпускал. И он спросил

меня: а откуда ты знала, что царица заколдует Зимояра и он нас не убьет? Я ему по-честному ответила: ничего-то я не знала. Просто делала что должна была. Сначала дело, а подумать успеется.

Потому, когда царица спросила меня насчет благодарности, я не знала, что сказать. Я ведь не для нее старалась. Я ее и знать не знала. Хоть она и царица, я не ведала даже, как ее звать. Как-то раз, когда мне было десять, к нам пришел сосед и рассказал, что царь умер. Я спросила, что это значит, и мне объяснили: у нас будет новый царь. А я так и не уразумела, что проку в этом царе. А теперь я повидала царя и не очень-то хочу с ним связываться. Пугало огненное, вот он кто. Я чуть было не сказала царице: мол, хотите отблагодарить, так пускай царь этот ваш уберется подобру-поздорову. Но царь уже и сам ушел вместе со стражей, что увела Зимояра.

Зато отец Мирьем услышал, как она спросила, и догадался, что мне трудно ответить. У него был здоровенный синячище на пол-лица, и руки тряслись, все разодранные там, где он вместе со мной держал цепь. Он сидел с пановой Мандельштам, и они оба обнимали Мирьем, целовали ее в макушку, гладили по лицу, точно она им была дороже серебряных копеек, дороже золота, доро-

же всего на свете. Но когда панов Мандельштам заметил, что я молчу, он поцеловал Мирьем в лоб, поднялся, прихромал к царице и говорит ей: «Эта храбрая девушка и ее братья пришли с нами в город потому, что дома попали в беду». А мне он положил руку на плечо и шепнул: «Иди, Ванда, посиди отдохни, я сам все расскажу».

Я пошла и села рядом с Сергеем и Стефаном, обняла их, и они меня обняли. Мы сидели далеко и не слышали панова Мандельштама: очень уж он тихо говорил. Но он побеседовал немного с царицей, а после приковылял к нам и пообещал, что все будет хорошо. И мы ему сразу поверили. А царица уже направилась прочь. Она прошла через большие двери на двор, где ее дожидались еще стражники. Двое стражников вошли в дом, взялись за створки и затворили дверь с той стороны. И мы остались в доме без них.

В комнате все было вверх дном. На столах возле стен еще осталась еда; она начинала тухнуть, и мухи уже вовсю над ней гудели. Повсюду валялись опрокинутые стулья; из камина тянулась цепочка черных горелых следов, какие оставляет на снегу сапог. Большущая золотая корона, которую носила Мирьем, так и лежала возле огня: ее всю скособочило, и она слегка подплавилась.

Такую на голову уже не наденешь. Но это-то как раз пустяки. Мы посмотрели на семью Мирьем, а они посмотрели на нас, и мы все встали. А панов Мандельштам положил руку на плечо Сергею, а я положила руку на плечо панове Мандельштам, и мы стояли в кругу. Мы были одна семья, и мы прогнали волка. Мы снова его прогнали.

Потом мы пошли наверх и улеглись спать. Прибирать в разгромленной комнате мы не стали. Я спала долго-долго в этой красивой тихой комнате под самой крышей, а когда я проснулась, оказалось, что настала весна, и весна была везде: в городе и внутри меня тоже. Хоть у меня и жгло пораненные руки, я чувствовала себя такой сильной, что ничуточки не тревожилась за нас. Я поцеловала Сергея и Стефана и побежала вниз помогать женщинам. Меня больше не пугало, что я не всегда их понимаю. Когда кто-то из них произносил непонятные слова, я просто улыбалась, и женщина тоже улыбалась и со смехом махала рукой: «Ой, я забыла!» И повторяла мне то же самое, только знакомыми словами.

Я носила посуду на столы: там везде стояли столы, и за ними все пили и ели. Людей было поменьше, чем вчера, но все равно много. Поэтому столы понаставили по всем комнатам, и возле

столов теснились стулья. И в танцевальной комнате тоже накрыли столы. Кто-то уже прибрался тут, а горелых следов я уже и не разглядела: на полу раскатали большой ковер, да еще и столами заставили. Огонь в камине зажигать не стали, и так было тепло — наоборот, окна раскрыли, чтобы шел воздух. И запах пожарища весь выветрился.

Еды наготовили видимо-невидимо, столько, что и ставить подчас было некуда — на каждом пятачке стояла какая-нибудь еда. Если мне самой хотелось есть, я садилась за стол и ела до отвала, а потом помогала принести еще больше еды для гостей. И так целый день. После еще пришли Мирьем с матерью и тоже стали помогать.

Я только опустила на пол два ведра с водой, что набрала на городском источнике, как в комнате со столами раздался шум. Я услышала, как Мирьем спросила суровым голосом: «Что вам тут надо?» — как будто кто-то снова явился по нашу душу. Я подошла поближе и встала в кухонных дверях. Оказалось, что явился стражник с мечом и богато одетый, и он назвал мое имя. Он сказал, у него для меня письмо. Я сначала перепугалась, но подумала, что я же в этом доме, со всеми этими людьми, и я же сильная: надо будет — справлюсь

и с этой напастью. Поэтому я вышла вперед, протянула руку и взяла у него письмо.

На письме была большая блямба из воска, красного, как кровь, а на блямбе — печать с короной. Я сломала печать и стала читать слова. Как их произносить, я знала, Мирьем ведь меня научила. Я, ворочая языком во рту, одно за другом сложила все слова, и вот что у меня вышло:

> Да будет известно всякому, кто пребывает в границах Наших владений в Литвасе, что с женщины, именуемой Вандой Виткус, равно как и с ее брата Сергея Виткуса, равно как и с ее брата Стефана Виткуса, Нашим царским повелением снимаются все обвинения в совершенных преступлениях, кои ранее были им предъявлены. Ни один Наш подданный да не дерзнет поднять на них руку. Сим предписываю выказывать Ванде, Сергею и Стефану Виткусам всяческий почет и уважение за явленное ими мужество и бесценную службу, которую они сослужит Нам и Литвасу. Мы даруем им Наше высочайшее соизволение отправиться в Большой Лес и там занять землю, которая

придется им по нраву, если только та земля не находится в чьей-либо собственности. Сим Мы высочайше подтверждаем их право на всю землю, каковую они окажутся в силах возделать и засеять или огородить под пастбище для скота в течение трех лет. Сие право переходит затем к их наследникам.

А под всеми этими словами стояли размашистые каракули, и это было не настоящее слово, это было имя — «Мирнатиус» и дальше: «Царь Литваса и Розони, Великий герцог Корони, Иркуна, Томонца, Сервено, князь Маралии, Роверны, Саматонии, Правитель Маркана и Восточных Болот». А в самом низу, после всего этого было приписано: «Правитель и Владелец Великого Северного Леса».

Глядя на письмо, я поняла наконец, какой прок от царя. Это волшебство — как волшебство Мирьем. Этот самый царь, это пугало дает мне такое письмо — и мы спасены. Нам больше нечего бояться. Если кому в городе взбредет в голову вешать Сергея или меня, мы покажем ему это письмо, и он мигом раздумает. Увидит имя царя на пергаменте — и забоится, хоть царь и сидит

далеко.

Хотя нам и в город-то идти необязательно. И домой необязательно возвращаться: отец небось все так же лежит там на полу. И прежнее поле, где ничего не родится, нам теперь без надобности, и сборщик податей к нам не явится. В письме же сказано: мы можем идти в лес и сами выбрать себе землю, где хотим поселиться. И это может быть лучшая земля, с большими деревьями. Мы срубим их и продадим за кучу денег. Большое дерево стоит кучу денег, это я знаю наверное. Потому что за год до матушкиной смерти большое дерево упало на соседской земле. Оно там росло и однажды упало. И сосед трудился до седьмого пота, его распиливая: ему надо было успеть, пока не пришли воеводские люди. Он припрятал два здоровых чурбака в лесу. Папаня это видел и рассказал об этом за ужином. И уныло так прибавил: «Умный мужик, ничего не скажешь. Десять копеек урвет за дерево».

Матушка только головой покачала и ответила: «Не его это дерево, и беды ему не миновать». Отец закатил ей оплеуху и сказал: «Много ты понимаешь». Но на следующий день пришли воеводские люди с телегой, погрузили на телегу дерево, но с ними был один, который посмотрел

и как-то догадался, что дерево не целое. Тогда они как давай бить нашего соседа, покуда он им не выложил всю правду и не сказал, где спрятал чурбаки. Они те чурбаки нашли и тоже погрузили на телегу, да и уехали, а сосед так и валялся на земле весь в крови. Он потом долго хворал из-за этого, даже ходить не мог, пришлось жене вместо него собирать урожай. Однажды той зимой она пришла к нам попросить еды, и матушка дала ей немного. Папаня ее за это излупил, хотя она уже ходила тяжелая.

Но сейчас нас никто не излупит — мы можем вволю рубить деревья, потому что нам царь разрешил. Он написал, что это все будет наше. Он написал: вся земля, сколько осилите, вся ваша. Мы можем разводить коз и кур и сажать рожь. А дом нам и строить не придется. У нас ведь уже есть наша хижинка, которая спасла нас, а при ней и огород, и навес, а мы можем вспахать рядом поле. В письме сказано, что нам все это дозволено, там же никто не живет. И я подумала, что мы вернемся туда, в тот домик, и пообещаем, что станем заботиться о нем, и еще пообещаем, что если тот, кто прежде там жил, вдруг задумает вернуться, мы ему уступим лучшую постель и накормим досыта, и пусть он остается с нами

сколько пожелает.

А еще я подумала, что пусть в наш домик приходят все, кто попал в беду или проголодался, — и мы их тоже пустим к себе. И мы всегда им будем рады, и у нас на столе всегда будет для них еда. Как у пановы Мандельштам. Потому что в письме так и говорилось. Мы можем устроить себе дом как у нее, где всякий голодный найдет пищу.

Я понесла письмо наверх показать Сергею со Стефаном. Сергей помогал с лошадьми, и Стефан тоже помогал немножко, хотя народ по-прежнему здорово шумел, но потом он ушел наверх. Стефану все еще было страшно, и Сергей поднялся вместе с ним. И я тоже поднялась, вошла в нашу комнату и показала им письмо. Они не знали, как читать буквы, но они поглядели на большую красную печать, потрогали тяжелый мягкий пергамент, а я старательно прочла им вслух, что там говорилось. И спросила, хотят ли они того же, чего и я. Я спросила, хочется ли им отправиться в лесную хижинку, и вспахать там поле, и чтобы к нам приходили те, кто попал в беду. Я не сказала «Мы так и сделаем». Самой-то мне до смерти хотелось так и сделать. Но я спросила братьев, хотят ли они того же самого.

Сергей осторожно взял письмо в руки. Я ему

отдала. Он легонько погладил пальцем одну из букв, точно опасаясь: а вдруг исчезнет?

— Да, — совсем тихо ответил он. — Да.

А Стефан спросил:

— А можно мы их попросим жить с нами? — Это он о Мандельштамах спрашивал. — Можно мы попросим? И тогда я посажу орех, и матушка будет там с нами. Мы все будем вместе, и это будет самое лучшее на свете.

Когда он это сказал, я расплакалась, потому что и правда, это и будет самое лучшее на свете; это было бы так хорошо, что даже не верится. Сергей положил мне руку на плечо и сказал Стефану:

— Да. Мы попросим их жить с нами.

И я вытерла слезы со щек, аккуратно, чтобы не закапать письмо.

* * *

Из дедушкиного кабинета я направилась в родительскую спальню. Отец с матерью сидели вдвоем у камина, и Ванда с братьями спустились к ним: Ванда принесла царское письмо и вручила моему отцу, а тот с удивлением его рассматривал.

— Мы могли бы привести коз, — говорила Ванда, — и кур. Сейчас стало тепло. К зиме мы

расширим дом. Нам разрешили рубить деревья. Места нам хватит.

Когда я глянула на письмо, мне сразу бросилось в глаза вот это: «Правитель и Владелец Великого Северного Леса». Прицел у Ирины что надо. Она дарует Ванде землю, ожидая взамен, что три пары крепких рук вырубят лес, засеют поле, построят дом и амбар и послужат примером для многих других.

— А как же наш дом? — задумчиво произнесла мать. — Мы ведь столько лет там прожили.

Тут я поняла, что Ванда уговаривает моих родителей поселиться вместе с нею и братьями на той земле, что даровал им царь. Ванда убеждает их покинуть наш городок, наш дом, наш крошечный островок посреди реки, которая все время грозит затопить нас.

— Чего ради там оставаться? — вмешалась я. — Дом даже и не наш. Он воеводский. Мы этот дом изрядно подправили, но, выходит, не для себя старались. Нам даже не позволят выкупить его, если мы захотим. Поможете Сергею с Вандой по дому, а они расчистят побольше земли, разведут хозяйство побогаче — и заживете все вместе припеваючи. Не раздумывайте, соглашайтесь.

Мать так и оцепенела; они все воззрились на

меня, и каждый услышал то, что не было сказано мною вслух. Мать схватила мою руку:

— Мирьем!

Я сглотнула комок в горле. Мои губы так и норовили сами произнести «Поезжайте завтра, останьтесь еще на день». Но я вспомнила о Ребекке, тоненькой и прозрачной льдинке. Долго ли ей еще не таять?

— Отправляйтесь нынче же, — сказала я. — Пока солнце не село.

— Нет, — решительно возразил отец. — Нет, Мирьем. Тот Зимояр… Он же правду сказал! Он заслужил свою участь. Это возмездие беззаконнику за дела рук его.[7]

— Там есть дитя, — сипло выговорила я. Горло у меня перехватывало. Мать крепче стиснула мою руку. — Я дала ей имя. Неужто демон должен пожрать ее за беззакония короля?

— Каждую зиму они являлись из своей ледяной державы, чтобы грабить и убивать невинных, — помолчав, ответил отец, почти повторив слова Ирины. А потом спросил с мольбой в голосе: —

---

[7] Примечания: 7

Немного измененная цитата из Библии, из Книги пророка Исайи: «…а беззаконнику — горе, ибо будет ему возмездие за дела рук его» (Ис. 3:11).

«…может быть, найдется там десять?»[8]

Так все объяснить гораздо проще. Я выдохнула, уже наполовину облегченно:

— По крайней мере трое найдется. — Я накрыла материнскую руку своей и сжала. — Я должна. Ты знаешь, что я должна.

Бесформенную золотую корону я отнесла в лавку к Исааку; его младший брат пока занимался починкой вместо него. Он прямо при мне аккуратно расплавил корону и отлил из нее множество золотых брусков. Я спрятала их в мешок и отправилась на большой рынок в центре города. Ванда с Сергеем меня сопровождали. Один за другим я спускала золотые кирпичики, не заботясь о том, чтобы купить подешевле. Мне главное было поскорее расправиться с покупками. Я купила повозку, и двух крепких лошадок, и кур в ящике, и топор, и пилу, и несколько молотков, и гвозди. Я купила соху, и плуг, и пару заточенных кос, и мешки с рожью и бобами. Сергей и Ванда загрузили все в повозку и сложили высокой грудой.

---

[8] Примечания: 8

Еще одна цитата из Библии, на этот раз из Книги Бытие. В этом отрывке прародитель еврейского народа Авраам умоляет Господа пощадить погрязший в грехах город Содом, поскольку и там есть праведники, которые не должны страдать из-за нечестия своих сограждан. «Авраам сказал: да не прогневается Владыка, что я скажу еще однажды: может быть, найдется там десять? Он сказал: не истреблю ради десяти» (Быт. 18:32).

В самом конце я купила два плаща, совершенно неотличимых друг от друга, унылого серого цвета: вот их как раз мне удалось урвать по дешевке — по сравнению со вчерашним днем цена их сильно упала, ведь теперь на прилавке в изобилии лежал другой товар.

Мы довольно долго добирались до дедушкиного дома на своей новой повозке: улицы были запружены и движение почти совсем встало. Мы еле-еле ползли вперед, и тут Ванда сказала:

— Глядите, свадьба!

И правда: по ступенькам кафедрального собора в конце улицы шествовала княжна, одетая в бело-золотое Зимоярово платье, с изящным венцом на голове. Она торжествующе улыбалась, и супруг за ее спиной тоже, а вокруг толпилась разодетая знать. Мое платье тут смотрелось уместнее, чем в доме моего деда. Я поискала глазами Ирину: та уже спустилась по лестнице и садилась в открытый экипаж вместе с царем. Солнце играло на ее серебряной короне. А царь сидел со скучающим и слегка раздраженным видом, опершись на локоть. Точно никакой демон не змеился под его кожей. Я быстро отвернулась.

Приехали мы поздно, однако солнце еще стояло высоко: в конце концов, было почти лето. Мы

не стали дожидаться ужина. Настал наш черед уезжать и прощаться с уже поредевшей толпой родственников. За столом я поцеловала дедушку и бабушку, а дедушка наклонился и поцеловал меня в лоб.

— Все запомнила? — шепнул он.

— Да, — шепнула в ответ я. — Улица за домом Амталя, возле синагоги.

Дедушка кивнул.

Мы влезли в повозку и тронулись на глазах у провожающей родни; все махали друг другу на прощание. Сергей с отцом уселись на козлах. Лошадки хоть и были дорогие, но для упряжи отлично годились, бежали они резво, и править ими было легко. Я, сидя на задке повозки, надела плащ и натянула на голову капюшон. Даже в этот час жизнь на улицах кипела: таверны выставляли наружу столы и стулья, и народ охотно рассаживался на теплом воздухе. Нам пришлось свернуть на улицу поуже, где были только жилые дома и где ребятишек зазывали ужинать. Мы проехали пол-улицы, и, дождавшись, пока никого вокруг не будет, мать набросила второй плащ на пару мешков с зерном, что лежали на дне, — как будто это я там спала. Стефан стащил с ног башмаки — мои старые башмаки — и подсунул их

под плащ. А я незаметно соскочила с повозки.

Я стояла в тени меж двух домов и провожала взглядом удаляющуюся повозку. Она проехала вдоль улицы и свернула к воротам еврейского квартала. У квартальных и городских ворот у отца спросят, кто едет с ним, и он назовет меня в числе прочих. А платя пошлину за всех нас, он прибавит за каждого по монете-другой, и дело пойдет быстрее. Выпытывать никто ничего не будет, а если Ирина вдруг что-то заподозрит и назавтра пошлет за мной, так ей честно признаются, что вчера я покинула город еще до темноты вместе с семьей. И у стражников все как есть записано в книгах. Может, кто второпях и проявил небрежность, ну так об этом вряд ли дознаются. Те, кто на руку нечист, языками трепать не станут.

Когда повозка скрылась из виду, я опустила капюшон пониже, сгорбилась точно старая бабка и побрела в сторону синагоги. А по пути спросила у юноши, который шел на молитву, где тут дом Амталя; он мне и показал. Булыжная мостовая в этом месте была истертая, ухабистая, вся в рытвинах от колес: где камень вывалился, где раствор раскрошился. В задней стене дома, в самой середине, имелось небольшое отверстие, как раз чтобы пролезть человеку. Отверстие было

завалено мешками со всяким мусором. Но я осторожно меж ними пробралась и обнаружила уже ничем не заваленную старую сливную решетку. Я потянула: решетка легко подалась. За ней меня поджидала лестница, ведущая вниз. Впрочем, лестница эта много кого поджидала здесь, вблизи от синагоги. Цены ей не будет, если явятся люди с топорами и факелами, как это случилось в западных краях в ту пору, когда прапрабабушка моей бабушки была ребенком.

Я скользнула вниз, задвинула решетку у себя над головой и долго спускалась, пока не встала ногами в мокрую грязь. Вдаль уходил узкий сырой водосток. Через решетку на меня еле-еле светило позднее солнце — и чем ниже, тем тусклее делался кружок света. У меня с собой не было ни фонаря, ни факела, но я нарочно не взяла их. Со светильником в руках меня было бы видно издали. Этот путь мне надлежит одолеть во мраке.

Я развернулась спиной к лестнице и принялась ощупывать стены. Наконец я нашарила небольшое углубление, выбитое в форме шестиконечной звезды — я нашла все лучи пальцами. Я прикрыла ладонью звезду и осторожно двинулась в темноту, ведя пальцами по стене на той же высоте. Через десять шагов я нащупала

вторую звезду.

Звезды вели меня вперед. Мне казалось, что я иду бесконечно долго, хотя вообще-то от синагоги до городской стены рукой подать. Но вот солнечный свет, лившийся из решетки, померк; я ослепла и задыхалась, и собственное дыхание чуть ли не оглушало меня. Но я продолжала путь и насчитала десять звезд. Если очередная звезда не находилась, я старательно шарила по стене вокруг, пока не натыкалась на нее, или делала шаг назад и тщательнее исследовала стену. Однажды я вернулась на целых два шага, но пальцы упорно нащупывали только ровную стену. Перепугавшись, я пошла вперед: четыре шага — и я все-таки ее отыскала. Потом звезды закончились, и стена под моей рукой тоже. Я споткнулась о холмик грязи и упала вперед, измазав все руки. Выпрямилась, обтерлась плащом и на ощупь двинулась назад. Наконец мои пальцы нашарили поворот и земляную стену подземного коридора.

«До осады в этом месте стены стояла башня, — негромким голосом поведал мне дедушка в той маленькой комнатке возле кабинета. — Люди герцога во время штурма разрушили ее. А после герцог распорядился восстановить стену, но эту башню заново возводить не пожелал. Фундамент

у нее крепкий. Денег хватало. И все же он не велел ее отстраивать. Но почему? — Дедушка пожал плечами, протянув вперед руки, и изобразил на лице недоумение. — Башня для охраны дальней окраины — почему не отстроить? Странно. Поэтому, когда работы закончились и строители ушли, мы с моим братом Иешуа спустились в водосток, привязав к решетке веревку, чтобы не заблудиться. И мы нашли подземный ход, прорытый по приказу герцога.

Больше никто об этом не знает. Только твой двоюродный дед, да я, да твоя бабушка, да еще Амталь и раввин. Амталь следит за решеткой, держит ее в порядке. За это я ему оплачиваю жилье. Когда Амталь состарится, расскажет обо всем сыну. Мы ни разу не воспользовались этим ходом — ни для контрабанды, ни для уклонения от пошлин. Никто не знает, что мы знаем. Туда-то они и заточили твоего мужа, в эту башню в конце подземного хода.

А теперь вот что, Мирьем. Ты сама понимаешь, что это за ход. Этот подземный ход — наше спасение. Если пленник сбежит, и даже если тебя не схватят, ты же понимаешь, что все сильные мира сего — и герцог, и царь, — они ведь не махнут рукой, не скажут: да ладно, ерунда. Они начнут

дознание. Они станут искать следы. Возможно, перекроют водостоки. А возможно, следуя вдоль водостока, они отыщут сливную решетку. Может статься, они даже выберутся через нее наружу, и увидят дом Амталя, и приставят нож ему к горлу. И Амталь расскажет, кто платит ему за то, чтобы решетка была в порядке.

Я тебе зачем все это говорю? Я хочу, чтобы ты сознавала: вовсе не обязательно, что так и будет. Даже если ко мне явятся, у меня найдется кое-что про запас. Денег у меня предостаточно, и герцогу я полезен. Герцог не станет под горячую руку рубить мне голову, не такой он человек. Вполне возможно, никто не сподобится что-то всерьез выяснять, ползая по клоаке. Все скажут: он же волшебное создание, нелюдь, этот Зимояр. Зачем ему лазать по водостокам? Он и так преспокойно может сбежать. В общем, дело могут замять.

Поэтому я не говорю тебе, что ты рискуешь бабушкиной и моей жизнями. Я лишь говорю, что тут есть опасности. Каких-то стоит бояться больше, каких-то меньше. Взвесь все, сопоставь — и тогда узнаешь цену. А после скажи: ты и впрямь столько должна? Ты столько должна Зимояру, который забрал тебя без твоего согласия и без нашего, вопреки закону? За последствия его

поступков он в ответе, не ты. Вор крадет нож и ранит себе палец — разве в том вина хозяйки, что держит ножи наточенными?»

Дедушка не стал дожидаться моего ответа. Он погладил меня по щеке и вышел прочь. И вот теперь я застыла перед поворотом в герцогском подземном ходе, с забившейся под ногти грязью, и размышляю: позволительно ли рисковать спасением моего народа во имя народа Зимояров? Может, в конце моего пути стоит стража. Тогда меня схватят, и вообще никакого толку от всего этого не будет. Я уже ответила на вопрос, но продолжала отвечать на него снова и снова, с каждым новым шагом. И продолжу до самого конца моего пути.

* * *

Когда Мирьем спрыгнула с повозки, я стащил башмаки и подсунул их под плащ. Мне и без башмаков сейчас хорошо, ведь тепло стало, и к тому же я в повозке сижу. Так хорошо, что мы уезжаем наконец-то из этого страхолюдского города. Тут стало еще хуже прежнего. На улицах народу полно, потому что снега больше нет и всем приспичило погулять и посудачить на свежем воздухе. И от этого еще шумнее. Я улегся

на дно повозки рядом с мешками, которые притворялись, будто они — это Мирьем. Я бы и сам побыл немножко мешком — жалко, что не выйдет. Поэтому пришлось лежать, закрыв уши, и ждать, пока мы выедем. Мы сто лет тащились до городских ворот, а там паиов Мандельштам слез с козел, чтобы дать тому дядьке у ворот денег. До того он страхолюдский, этот город, что за выезд приплачивать приходится.

А потом Сергей тряхнул поводьями и поцокал лошадкам, как настоящий возчик. Лошадки резво порысили вперед, и мы были спасены. Сергей правил вдоль дороги, но вот наконец дорога резко свернула, и ворота скрылись из виду. Даже если сесть и посмотреть назад, их уже не увидишь. Я попробовал, когда Сергей остановил повозку, но ворот не увидел — только дым над домами да людей. И тут Сергей передал вожжи Панову Мандельштаму, а сам слез с повозки, поглядел на нас с Вандой и на всех остальных и кивнул на прощанье. Он собрался обогнуть городскую стену, спрятаться и ждать, пока Мирьем выйдет с той стороны. Если, конечно, она выйдет.

Нехорошо, что мы бросаем Сергея одного. А ну как Мирьем не выйдет, а вместо нее вылезет этот Зимояр? Он Сергея мигом убьет. Оставит его

лежать на земле, пустого внутри, как в прошлый раз. Или, например, царь вылезет. Еще неизвестно, кто из них хуже.

Панов Мандельштам сперва хотел идти вместо Мирьем, потом вместе с ней. Но Мирьем оба раза ответила ему «нет». Сначала потому, что Зимояр ее и так не тронет. А второй раз — потому что в одиночку она станет меньше шуметь. И к тому же насчет двоих в повозке еще попробуй-ка наври стражнику у ворот, чтоб тот поверил. Но дело-то было вовсе не в этом. А в том, что панов Мандельштам был весь побитый. Весь в синяках и ранах.

В вороте рубахи у него виднелись багровые отметины, хотя Зимояр его даже по этим местам не бил. Чтобы были такие синяки, надо садануть очень здорово, уж я-то знаю. Вот Зимояр ему так и саданул, и под одеждой у него тоже прятались синячищи. Да и не только одни синяки: панов Мандельштам хромал, а иногда брался за бок и дышал осторожно, будто у него там что-то болело, и даже дважды за день заснул.

Мирьем обо всем этом ни слова не сказала, она про другое твердила, и панов Мандельштам наконец сдался и сказал: «Я подожду тебя у городской стены». А Мирьем снова уперлась, но и панов Мандельштам как давай трясти головой:

мол, раньше-то он ее отказы еще как-то терпел, а теперь уж вовсе не потерпит. И прибавил, что Мирьем наш домик в лесу самой нипочем не найти.

Тут-то Сергей и говорит панову Мандельштаму: «Я ее покараулю. Вы все равно быстро ходить не можете. А я ее до домика доведу». Панов Мандельштам все тревожился, но Сергей ведь больше его ростом и крепче, да и не битый. Поэтому Мирьем сказала: «Он прав, так мы быстрее справимся». И было решено, что Сергей пойдет ждать Мирьем, а мы тем временем поедем дальше. Если кто-нибудь нагрянет за нами в хижинку до их возвращения, мы наврем, что Мирьем с Сергеем отправились за козами.

«Мы сто раз успеем обернуться», — сказала Мирьем, да так уверенно, точно им с Сергеем только и дел что прогуляться от городской стены к домику. Но по-настоящему она ничего такого не думала. Я сперва решил, что, наверное, она глупая: откуда ей вообще знать, выйдет она наружу или нет? Но потом-то я сообразил, что никакая она не глупая, и это она говорит не взаправду. Когда мы отправились наверх собирать вещи, Мирьем подошла к нам и сказала Сергею: «Спасибо. Но тебе необязательно торчать под городской стеной. Слезешь с повозки, просто отсидись за

деревьями у обочины, а я тебя после найду. Если смогу».

Вот я и догадался, что она это не взаправду. Она тоже не знает, выйдет она или нет. Она рада, что Сергей вызвался: не хочет, чтобы ее отцу еще раз досталось. И она понимает, что отец-то отсидеться за деревьями нипочем не согласится. Когда она сказала Сергею, чтобы он за деревьями сидел, я тоже обрадовался. Но Сергей поглядел на нее и ответил: «Я возле стены подожду. Вдруг какая помощь понадобится».

Мирьем руками всплеснула и говорит ему: «Если мне помощь понадобится, то очень серьезная. А если не понадобится, то и ждать незачем».

А Сергей только плечами пожал: «Сказал же, подожду». Дескать, так тому и быть, и никак иначе. Он там собрался караулить Мирьем, а вместо нее кто угодно может вылезти: хоть Зимояр, хоть царь, а хоть бы и просто стража с мечами. Те стражники, что пришли в дом и увели Зимояра, были все как на подбор рослые и крепкие, как Сергей, но у них еще мечи и тяжелые доспехи — такие поди проткни. Может, стражники — это немного лучше, чем Зимояр или царь, но вот именно что немного. Не хочу, чтобы Сергея убили — без разницы, кто его будет убивать. Я и Мирьем

тоже не хочу, чтобы убили, но ее я пока плохо знаю, поэтому я скорее не хочу, чтобы панова Мандельштам горевала. И я за панову Мандельштам и Мирьем переживаю, но за Сергея все-таки больше, потому что если его убьют, то мне самому придется горевать.

Измаялся я уже от боязни. Боюсь и боюсь все время, без передыху. Я даже раньше не понимал, до чего сильно все это время боялся, пока не перестал ненадолго нынче утром. Как Ванда принесла это волшебное письмо от царя, я решил было, что все закончилось, что мне в жизни больше бояться не придется, что не надо теперь бояться стольких вещей. И это так было замечательно, так я радовался. А сейчас я опять боюсь.

Но я тут не виноват. Виноват Сергей: сам же не захотел прятаться за деревьями. Я сидел в повозке, панов Мандельштам погонял, а я глядел вслед Сергею, как он сходит с дороги и идет меж деревьев, но не чтобы спрятаться, а чтобы пройти до дальней окраины страхолюдского города. Я глядел, пока не потерял Сергея из виду. Тогда я улегся на дно повозки и приткнулся к мешкам. Мешки больше не притворялись, что они Мирьем, поэтому панова Мандельштам укрыла плащом вместо них меня и позволила положить

голову на мешок, как на подушку. А я сунул руку в карман, где лежал матушкин орех, и сказал себе, что все наладится. Мы доберемся до хижинки, и Сергей вернется, а матушка вырастет и тоже будет с нами. И мы заживем все вместе.

По городу повозка еле тащилась из-за толкотни, зато по дороге лошадки припустили во всю прыть. До чего чудно было ехать по дороге без снега. А снега совсем нигде не осталось. Кругом копошилось всякое зверье: и белки, и птицы, и олени, и кролики. Они все весело бегали и скакали, потому что настала весна, и щипали травку, и грызли листья и желуди. На радостях они и от людей не прятались. Даже кролики только поглядывали на нас с обочины и опять принимались за еду: до того оголодали, что позабыли трусить. Я смотрел на зверей, и на душе у меня делалось хорошо. Получается, мы и им тоже помогли. Это как Ванда тогда сказала, что в нашем доме мы всех будем кормить. И зверушек мы будто бы тоже накормили.

Мы узнали место рядом с хижинкой: там был у дороги такой приметный дом с амбаром, а к амбару колесо прибито и на стене цветы нарисованы. Раньше разглядеть можно было только самый верх цветов, все завалило снегом, а теперь снег

сошел и все цветы стали видны. Они оказались красивые — высокие, синие и красные. Хозяин стоял возле своего амбара и смотрел на ржаное поле, какое оно нынче зеленое. Он оглянулся на нас, я помахал ему, а он заулыбался и помахал в ответ.

— Мы прямо к дому подъехать не сможем, — сказал панов Мандельштам.

Дороги-то к хижинке не было, один лес, и деревья росли густо — мы это запомнили, когда шли в город.

Но оказалось, что панов Мандельштам что-то напутал, или мы неправильно все запомнили. Мы отыскали место, где выбрались из леса на дорогу — между двумя высокими деревьями. Но упряжка там пролезла, и даже еще немного места оставалось — совсем чуть-чуть, но хоть сколько-то. Повозка у нас не особо широкая, так что мы проехали. Уже начало темнеть, и панова Мандельштам сказала:

— Давайте-ка остановимся и заночуем здесь. А то, чего доброго, пропустим дом в темноте.

И тут Ванда как крикнет:

— Вон он, домик!

Я тоже его увидел, спрыгнул с задка повозки, хотя панов Мандельштам все еще правил, и ки-

нулся к домику. Я обежал повозку и примчался на двор первым, прежде лошадей. И домик нас ждал.

Был бы Сергей с нами — вот тогда это было бы лучше всего на свете. Но даже так было хорошо. Я помог панову Мандельштаму распрячь лошадок, мы их почистили и покормили. Я почти уже достаю лошади до спины, но еще не совсем. Лошадки стояли смирно, пока я изо всех сил тянулся, чтобы их поскрести. Я сорвал на огороде две морковки и дал лошадкам, и им понравилось, а потом я помогал разгружать все добро, что мы привезли на повозке, и мы все раскладывали, а Ванда выпустила кур походить и поклевать червяков. Завтра мы им построим курятник. А Панова Мандельштам пока варила в доме еду, и очень вкусно и тепло пахло из окон и из дверей, потому что двери она закрывать не стала.

— Стефан, беги-ка вымой руки перед едой, — велел мне панов Мандельштам.

Я побежал на задний двор, где стояла лохань с водой, зачерпнул ковшом воды и хотел уже вылить себе на руки, но не стал. Если я сейчас вымою руки, до ужина их уже пачкать нельзя, а после ужина сразу надо будет спать. Ведь уже поздно. А ждать больше никак.

Поэтому я с полным ковшом вернулся к двери. Там, прямо возле двери, я выкопал в земле ямку, вынул свой орех и положил туда. Я его примял немножко и сказал:

— Нам всем теперь хорошо, матушка. Ты можешь расти рядом с нами.

Я хотел уже забросать орех землей и полить, но вдруг почуял что-то неладное. Я еще раз поглядел на белый орех. Он лежал в теплой коричневой земле, только что-то в этом было неправильное. Будто я собрался посадить монету и ждать, пока из нее вырастет денежное дерево. Но деревья из монет не растут.

Я поднял орех, счистил грязь и подержал его в руках.

— Матушка! — позвал я.

И через миг словно кто-то положил мне руку на голову, но легонько, точно этот кто-то не мог толком до меня дотянуться. И мне никто не ответил.

Глава 22

Василисса, разумеется, прикатила на собственную свадьбу злая как черт; злее был разве только ее папаша. Она ведь метила в царицы, и, казалось бы, ей туда прямая дорога. Но я воссела с триумфом на предназначенный ей престол, а следующим в очереди претендентом на ее руку был малосимпатичный тридцатисемилетний эрцгерцог, уже похоронивший двух жен. И это вместо красавчика-царя, который увенчал бы короной ее чело!

Мало того — я еще заставила Василиссу тащиться по снегу и льду за тридевять земель, в захолустную Вышню, что рядом с толстостенной краснокирпичной твердыней — главным форпостом ее отца на западе. И княжна прекрасно понимала, почему я так поступаю. Она сама поступила бы в точности так же на моем месте. Она бы чванливо прохаживалась перед княжнами и герцогскими дочками, высоко подняв коронованную голову. Мы бы толпились у нее на званом пиру, а она снисходительно кивала бы, время от времени холодно и с подчеркнутой любезностью

заговаривая с теми из нас, кто особенно преуспел в лести. Я бы в эту компанию не попала. Поэтому Василиссе было предельно ясно, зачем я тащу ее в Вышню: чтобы поглядеть, как она будет мне кланяться и звать «государыней», и заодно припомнить все хиханьки да хаханьки в мой адрес.

Княжна все это так хорошо себе вообразила, что, взирая снизу вверх на мою серебряную корону и поднимаясь по ступеням мне навстречу, стиснула кулаки в ожидании унижения. И она совсем растерялась, когда я сама поспешно двинулась ей навстречу, взяла за плечи и расцеловала.

— Моя любезнейшая Василисса, — промурлыкала я, — право, как же давно мы не виделись. Я так рада, что вы здесь. Милый дядя Ульрих, — прибавила я, оборачиваясь к князю: тот уже был на ступеньку впереди меня, поднимался к Мирнатиусу и моему отцу. Обернувшись, он застыл и на миг позабыл о своем гневе. — Вы уж простите меня, нам, девушкам, нелегко живется вдалеке от подружек. Вы дадите нам дозволение не оставаться на церемонию? Давайте же войдем в дом и выпьем чего-нибудь за встречу, а после я похищу у вас вашу дочь.

Я увлекла Василиссу наверх, в главные покои с открытым балконом, и отослала всех слуг. Затем

я поведала ей, что Литвасу необходим наследник — и чем скорее, тем лучше, однако женитьба Мирнатиуса этот вопрос не решает. Я предоставила ей делать собственные выводы. А потом вошли Мирнатиус с моим отцом, следом за ними плелся насупленный Ильяс. Я держала Василиссу за руку, а Мирнатиус говорил безжизненным, как остывший пепел, голосом:

— Мы сочли радости брака столь многочисленными, что решили еще более приумножить их. Любезный кузен Ильяс, позволь же представить тебе твою невесту.

В церкви он так и простоял все время с кривой ухмылкой на лице. Василисса была счастлива: по случаю ей перепало золотое платье Мирьем — такое роскошное, что в нем она куда больше смахивала на царицу, чем я. К тому же она выходила за красавца, который в первую брачную ночь, надо думать, проявит хоть толику деликатности. Отец заметил, что Ильяс смотрит волком, и, пока слуги суетились вокруг Василиссиного облачения, отвел его на балкон и все разъяснил. Если Ильяс и дальше будет артачиться, сказал ему отец, то замену ему подыщут быстро. Если же он сумеет взять себя в руки и, как разумный мужчина, принять с радостью наследницу блестящего

рода, то наконец перестанет быть мамочкиной шавкой, а сделается князем и правителем после смерти Ульриха. Когда они вернулись с балкона, Ильяс поцеловал руку Василиссе и предпринял честную попытку рассыпаться в комплиментах. Пылкие страсти, как выяснилось, не так уж трудно обуздать.

Весь нерастраченный гнев Василиссы передался Ульриху: князь багровел от злости за двоих. Но полютовать вдоволь ему не дали: из покоев его утащили прямо в церковь, не позволив даже дух перевести, и Мирнатиус затребовал право самому вывести невесту. А я тем временем подхватила князя под локоток и поболтала с ним. Может, ему и не терпелось вырвать дочку из царских рук и ринуться в бой во главе своего войска, но ведь на голове-то у меня по-прежнему сверкала корона. Он смотрел на меня, и гнев его таял. По городу уже ползли слухи, и его люди наверняка что-то прознали. О том, что зиму прогнало колдовство.

Пир выдался на славу. Одна свежая зелень чего стоила: зеленый салат уже долгие месяцы не появлялся даже на эрцгерцогских застольях. А у нас на столе высились целые горы поспешно собранной земляники — отец всех, кого смог, отправил в окрестные леса по ягоды. Земляни-

чинки были еще маленькие, но такие яркие, так и взрывались во рту сочной сладостью. Мирнатиус приказал слуге принести ему целую миску и со вкусом смаковал ягодку за ягодкой, исподлобья поглядывая по сторонам. Со мной он не заговаривал, и я с ним тоже. Оборачиваясь к нему, я могла думать только о его надломленном голосе — там, в подземелье.

Моя мать была для меня чем-то ненастоящим. Я не помнила ее прикосновений или звука ее голоса. Все это я получила от Магреты. Но я дважды обязана своей матери жизнью. В первый раз — за то, что она выносила меня под сердцем до моего первого вдоха. Во второй — за то, что передала мне в наследство последние крупицы своего волшебного дара. Того самого дара, что уже почти иссяк в нашей крови, но все же проложил мне дорогу через зеркало в зиму. Я взяла от нее эти дары и долго принимала их как должное, не помышляя о благодарности. И еще меньше благодарности рождал во мне мой грубоватый честолюбивый отец, который без раздумий отдал бы меня в жены тупой скотине или колдуну. Его стремление возвыситься за мой счет не знает границ — так я всегда считала. Но, вспомнив, как Чернобог потрескивал на каминной решетке, я

вдруг осознала, что мой отец, который сказал, что гордится мною, не стал бы продавать мою душу демону за корону.

Не такая уж это великая доброта. Недополучив тепла, всю свою жизнь я оставалась холодной внутри. Но у Мирнатиуса не было даже такой малости. Теперь я не стала бы винить его за равнодушие ко всему. Забота и сострадание не живут у него в сердце — им нечем там питаться. «Он единственный не чурался ведьминого выродка…» — обмолвился Мирнатиус, и это был тот редкий случай, когда он отозвался о ком-то по-доброму. О том, кто когда-то был добр к нему.

При обычном раскладе сына казненной царицы упрятали бы в монастырь пороскошнее, чтобы не плодились непрошеные дети — раз уж его брат сел на престол и запасной наследник больше не нужен. Я-то воображала, что Мирнатиус всеми силами стремился избежать подобной судьбы, вот и пошел на сделку с демоном. Для человека тщеславного участь отшельника — сущая пытка. А на самом деле все не так. Тот, кто отлил себе золоченую клетку в колдовском горниле и предпочитал рисовальные альбомы податным спискам, с легкой душой покорился бы этой участи. Мирнатиус день за днем просиживал бы с

пером, тушью и позолотой: он творил бы красоту и был бы счастлив. А вместо этого демон убил его любимого брата и нахлобучил ему на голову нежеланную корону.

И тут еще я. Я тащила его за собой подобно бездумному карапузу, который волочит за собой сломанную куклу, стукая ею обо что ни попадя. Я заключаю сделку с демоном, что сидит у него в животе, во имя царства, до которого ему нет дела, словно он тут и ни при чем. Словно он ничего не решает — ведь он привык ничего не решать. Неудивительно, что он меня возненавидел.

Но я больше не жалею о содеянном. Я уже свое отжалела. Мирьем нашла слова для того зла, что мы сотворили в подземелье под башней, когда заковали в цепи жертву огненного демона-иссушителя. Я и без Мирьем знала, что мы вершим зло. Но сожалеть об этом я могу только на манер своего отца. Мне жаль детей Зимояров, и, будь у меня способ прервать зиму как-то иначе, я бы им воспользовалась. Я бы лучше освободила Мирнатиуса, чем утяжелять его оковы и усиливать гнет. Но я жила не в том мире, в каком хотела бы. И если уж я не могу исправить все одним махом, то не стоит и начинать.

Я даже прощения попросить не могу. Он мне

все равно не поверит, да и не обязан. На теле Литваса есть еще одна опасная рана: демон пока еще на троне. Я счастлива, что прогнала зиму, чего бы мне это ни стоило, но я не настолько наивна, чтобы полагаться на дружбу Чернобога. Прошлой ночью я стояла перед выбором: помочь Чернобогу или позволить королю Зимояров заковать нас в лед. Я выбрала зло — нет, не меньшее зло, а то зло, которое можно оттянуть. Чернобог иссушит до дна всех Зимояров, и его жажда обратится на нас. А я не собираюсь оставлять Литвас без защиты.

А значит, завтра, когда прибудет Казимир, еще более взбешенный, чем Ульрих, мой отец шепотом вовлечет его в измену. И когда наконец король Зимояров там, в подземелье, иссякнет, отец, Казимир и Ульрих втроем отправятся к старым священникам, которые двадцать лет назад принесли священную цепь из собора и сковали ею приговоренную ведьму. В тот же самый день на рассвете, когда демон скроется от солнечных лучей, моего супруга отведут к месту казни и сожгут на костре, как прежде сожгли его мать. И мы освободимся от власти демона.

Быть по сему, и я не стану что-то менять даже сейчас, когда мне известно, что Мирнатиус невиновен. Я не стану спасать его полужизнь и

обрекать Литвас на гибель в пекле вместо него. И равно не стану я спасать детей Зимояров, заключая договор под залог жизни моего народа. Мне достанет холода сделать то, что я намерена сделать. И я спасу Литвас.

Но после этого я останусь холодной внутри. Я покосилась на молодых: Ильяс наклонился к Василиссе и что-то ей нашептывал, а она заливалась румянцем. Что ж, ее чаяния сбылись: я ей завидовала. Как бы я ни относилась к супружеству, теперь-то уж наверняка придется забыть о согретом брачном ложе. И это то немногое, что я в силах сделать для Мирнатиуса. Притворяться добренькой я не буду. Не буду ждать от него благодарности, прощения или учтивости. Не буду требовать чего-то для себя, точно еще один голодный волк, который облизывается над уже обглоданной кровавой костью.

Я просидела молча весь ужин, лишь иногда вступала в беседу с Ульрихом, сидевшим рядом, — всячески старалась подольститься и заговорить ему зубы. Когда день стал клониться к вечеру, а солнце за окнами покатилось вниз, Мирнатиус поднялся, и мы дружной процессией проводили счастливую пару в ее опочивальню — через зал от наших покоев. Ульрих отвел муж-

чин из семейства Мирнатиуса в другое крыло. Василисса сверкала улыбкой на Ильяса, который продел ее руку в свою и покрывал поцелуями кончики ее пальцев; оба они раскраснелись от вина и восторга. Ульрих сжал зубы, но все же принял приглашение моего отца пропустить у него в кабинете по стаканчику доброго бренди за будущих внуков. Выходит, князь сдался, хотя, возможно, и не смирился.

— А вот тебе, дражайшая моя супруга, в отличие от наших голубков, увы, придется коротать ночь в холодной постели, — издевательски произнес Мирнатиус, когда мы с ним остались одни. Он сорвал с головы диадему и рассыпал кольца по туалетному столику. Солнечные лучи падали в покои через балконную дверь. — Разве что ты пригласишь того бойкого удальца из стражи. Если так, то у вас пара часов на всяческие радости. Ходить туда и сюда утомительно, поэтому мой друг уж постарается посидеть за ужином подольше.

Я выслушала эти его излияния и промолчала в ответ. Он сначала нахмурился, но тут же заулыбался, засверкал рубиновым блеском. Ох, лучше бы он хмурился!

— *Ирина, Ирина,* — нараспев зашипел Черно-

бог, исходя дымом. — *Я опять вопрошаю тебя. Не желаешь ли получить от меня драгоценный дар в обмен на зимнего короля? Отдай мне короля и назови цену, я все исполню!*

Но я даже искушения не испытывала. Мирнатиус меня излечил навеки от этого недуга. Не думаю, что когда-нибудь захочу принять что-то из его рук и смотреть при этом на демона, который будет ухмыляться в опустевших глазах. Я попробовала придумать, что заставило бы меня согласиться. Дитя, чье лицо мне пока неведомо, умирает у меня на руках; война опустошает Литвас, полчища врагов застят горизонт; мне самой грозит мучительная кончина. Пожалуй, все равно нет. Все эти жуткие вещи рано или поздно заканчиваются. Я покачала головой:

— Нет. Просто оставь нас, меня и близких. Больше я ничего от тебя не хочу. Уходи.

Он зашипел, забурчал, блеснул на меня алым и, весь бурля, убрался прочь. Магрета прокралась в покои, едва он ушел, точно пряталась где-то поблизости. Она помогла мне раздеться, сняла с меня корону, послала за чаем, и, когда чай принесли, я уселась на пол и положила голову ей на колени — ребенком я никогда так не делала, потому что всегда работы было полно. Но сего-

дня вечером Магрете не нужно работать — ни шить, ни вязать. Она погладила меня по голове и шепнула:

— Иринушка, храбрая ты моя. Не гужи, милая. Зима ушла.

— Да, — ответила я. — Но она ушла оттого, что я разожгла пожарче огонь. А теперь огонь требует дров.

Она наклонилась и поцеловала меня в макушку.

— Попей чайку, душенька, — сказала она и сделала мне сладкий-сладкий чай.

* * *

Я шла медленно, опасливо. Ноги я старалась ставить посередине земляного коридора и ступала как можно легче. За моей спиной волочился плащ — его длинная пола затирала на мокрой грязи мои следы. Прошло не так много времени, когда мрак впереди стал мало-помалу рассеиваться. Из-за поворота проникал слабый свет, и земляные стены в нем делались спокойно-привычными, с камешками и торчащими корнями. Я больше не двигалась вслепую. И в ноздри мне бил резкий запах дыма. Еще сотня шагов — и далеко впереди засияло желтое кольцо из горя-

щих свечей.

После непроглядной тьмы подземного хода свет меня чуть не ослепил. Ничего не видя, я пошла наугад в сторону свечей. Свет делался ярче, а я замедляла шаги: с каждым шагом вопрос все настойчивее звучал у меня в голове. Легко храбриться перед отцом и матерью, когда ты дома и мать держит тебя за руку. Еще легче стоять, гордо вскинув голову, перед королем Зимояров. Ведь тогда-то я злилась. Я была в отчаянии, я мечтала о мести, и терять мне было нечего. А вот теперь на чаше весов лежит то, что мне поистине дорого: мой народ, дедушка, семья, Ванда с братьями — мои спасители. Да и моя жизнь тоже, жизнь, за которую я так отчаянно сражалась. Я не обязана делать то, что собираюсь делать. Я могу вернуться, вылезти из этого подземелья и снова стать собой — умной и храброй, такой, какой мне самой хочется быть.

Я тихонько подкрадывалась — ближе, ближе, уже так близко, что стали различимы каменные стены в конце коридора и ровные отсветы горящих свечей на этих стенах. И вдруг со спины меня обдало сильным порывом жаркого ветра, и свечи замерцали. У меня по спине побежали мурашки. Я знала, что у меня за спиной. Оно открыло дверь

где-то далеко и сейчас идет по подземному ходу прямо сюда.

У меня оставался один миг, чтобы задаться вопросом в последний раз. Я стою на дальней окраине города. Герцогский дворец отсюда далеко, зато водосток близко. У меня есть еще время передумать, развернуться и дать деру. Если я все так и оставлю, никому и дела не будет до моих похождений. Но я поспешила вперед, к арке, изо всех сил стараясь не шуметь. Я быстро высунулась из коридора — проверить, нет ли стражи. Стражи не было, только кольцо свечей, уже прогоревших до коротких огарков, а за свечами — круглый желоб, наполненный горящими углями. Это от них тянуло дымом. Я-то опасалась, что дыма тут больше.

Я вдохнула поглубже и шагнула в подземную комнату. Зимояр обернулся и увидел меня. На мгновение он оцепенел, а потом слегка склонил голову.

— Госпожа, — произнес он, — зачем ты пожаловала?

Он одиноко стоял в кольце из горящих углей, языки пламени плясали у его ног. Серебряная цепь туго стягивала его, оставляя следы на серебряной одежде. Мне все еще хотелось ненавидеть

его — но довольно трудно ненавидеть кого-то, когда он закован в цепи и ждет ту нечисть, что ползет по коридору.

— Ты задолжал мне три ответа, — провозгласила я.

Он подумал и сказал:

— Пожалуй, что так.

— Если я освобожу тебя, — начала я, — обещаешь ли ты не возвращать зиму, оставить в покое мой народ и не пытаться уморить нас голодом?

Он отшатнулся от меня, распрямил плечи, засверкал и холодно ответил:

— Нет, госпожа. Этого я тебе не обещаю.

Я так и остолбенела. В этот раз я тщательно обдумала все три вопроса. Пока ковыляла по темноте, все думала и думала. Один вопрос — чтобы он обещал сдержать зиму, второй — чтобы отпустил меня, третий — чтобы запретил своим подданным грабить смертных отныне и вовек. Казалось бы, все условия для выгодной сделки налицо. И мне как-то в голову не приходило, что даже скованный, обреченный на гибель и обрекающий на гибель весь свой народ, он все равно…

— То есть ты так жаждешь нашей крови, — прохрипела я, — что не хочешь спасать свой народ… Что готов сам умереть тут, насыщая этого…

— Спасать мой народ?! — повторил он звенящим голосом. — Как ты думаешь, неужели я растратил свое могущество и все богатство моего королевства до последней монеты, неужели я отдал руку жалкой, как я полагал, смертной деве, — даже будучи взбешенным, тут он осекся и слегка поклонился мне, точно заново извиняясь, — не во имя спасения моего народа?!

Я поперхнулась. Слова застряли у меня на языке. А король посмотрел на меня и горько прибавил:

— И после всего, что я совершил, являешься ты и задаешь мне никчемный вопрос, не захочу ли я купить свою жизнь и постоять в сторонке, пока он пожирает мой народ. Никогда! — Он уже не говорил, а рычал, бросая в меня словами будто камнями. — Я выстою против него столько, сколько позволит мне мое могущество, и когда оно иссякнет, я не смогу более защищать гору от пламени. Однако мой народ узнает, что я был сокрушен прежде, чем огонь добрался до них, и я сохранил их имена в своем сердце до самого конца. — Он яростно тряхнул головой. — А ты говоришь мне о ненависти. Ведь это твой народ избрал так отомстить нам! Это вы короновали иссушителя, назвали его своим королем! У Чер-

нобога не хватило бы сил разбить гору без вашей помощи!

— Мы же не знали! — заорала я с плохо скрываемым ужасом. — Никто из нас не знал, что царь в сговоре с демоном!

— Неужели твой народ настолько глуп, что непреднамеренно вручил власть Чернобогу? — презрительно бросил он. — Тогда и поделом вам. Думаете, он сдержит слово? Да, в иных обязательствах он нуждается для защиты, однако, едва почуяв добычу, он с легкостью их нарушит. Он иссушит нас до самого дна, но потом он обернется к вам, поразит вас засухой, и ваш летний край обернется пустыней. Я же буду лишь радоваться, что вы разделите участь моего народа.

Я стиснула ладонями виски. Голова раскалывалась от удушливого дыма и от ужаса.

— Мы не глупые! — возразила я. — Просто мы смертные, у нас нет волшебных даров, если только вы не вбиваете эти дары в нас силком. Его короновали потому, что его отец был царем, а его брат умер, и он был единственным наследником, вот и все. Мы не могли разглядеть демона внутри царя. Никакое высокое волшебство нас не защищает, держим мы слово или нет. Тебе не понадобилось мое имя, чтобы угрожать мне и

насильно увести из дома. И ты считал, что это делает меня жалкой. Меня, а не тебя.

Зимояр дернулся, как от удара; его ледяные грани обозначились резче и зазубрились.

— Трижды ты доказала мою неправоту, — помолчав, произнес он. Его зубы неохотно перемалывали слова, как будто плавучие льдины терлись друг о друга. — Я не вправе обвинить тебя во лжи, как бы мне того не хотелось. И все же ответ мой неизменен. Нет. Я не дам тебе обещания.

Я лихорадочно соображала, точнее, пыталась соображать.

— Если я освобожу тебя, — наконец заговорила я, — и если Чернобог лишится престола, обещаешь ли ты не возвращать зиму и помочь нам низвергнуть его? Царица поможет! — прибавила я. — Она сама желает от него избавиться. Ты же помнишь, она не приняла от него никаких даров. Она будет на нашей стороне, если это избавит наш мир от вечной зимы. И вся знать Литваса тоже. Всем хочется положить конец зиме. Поможешь ли ты нам одолеть его вместо того, чтобы губить нас, лишая его тем самым пищи?

Он не мог толком двигаться из-за серебряной цепи, поэтому только потопал ногами и прогремел:

— Я сокрушил его! Я поверг его и заклял его именем! Это вы его освободили!

— Да потому что это ты пытался уволочь меня, всю в слезах, чтобы я и дальше творила тебе зиму до самой смерти, и грозил убить всех, кого я люблю! — завопила я в ответ. — И не смей — не смей! — теперь обвинять во всем меня! Царя короновали семь лет назад. Но ты посылал своих рыцарей за золотом смертных с незапамятных времен, с тех пор, как смертные тут поселились. Тебе и дела не было до того, что твои подданные убивали и бесчестили женщин потехи ради. А мы не такие сильные, чтобы отбиться от вас! Поэтому вы глядели на нас свысока со своей хрустальной горы. Вы решили, что мы ничто! Ты заслужил стоять тут в узах и чтобы тебя жрал демон, поделом тебе! Но дочка Флек этого не заслужила! И я спасу тебя ради нее, если ты поможешь мне спасти здешних детей!

Зимояр хотел было ответить, но замешкался и перевел взгляд во мрак подземного коридора. Я тоже туда уставилась — на слабое алое свечение вдалеке. Огненная стена понемногу придвигалась. Зимояр повернулся ко мне и сказал:

— Будь по-твоему! Освободи меня, и я дам обещание, что не верну вам зиму, коль скоро

Чернобога низвергнут, а мой народ будет спасен от его алчности. Также я обещаю, что помогу вам одолеть его. Но пока он не сокрушен, слово мое не действует!

— Ладно! — гаркнула я. — Если я освобожу тебя, обещаешь ли ты… — тут я замолчала, внезапно осознав, что вопрос-то у меня остался только один, не два. И я поспешно придумала новый. — Обещаешь ли ты за себя и за всех Зимояров отступиться от моего народа и… и от Литваса? Чтобы никаких больше грабежей, насилия и убийств из-за золота и из-за чего бы то ни было?..

— Освободи меня, и это я тебе обещаю, — ответил он. — Мы не станем больше преследовать смертных на зимнем ветру. Мы будем ходить и ездить по лесу и снежным равнинам, мы будем охотиться на зверей с белым мехом, каковых считаем своими, а если некий глупец по неразумию забредет в наши владения, мы истребим его. Однако мы не будем более убивать вас и не отнимем ваших сокровищ, даже согретого солнцем золота — разве только воздавая за равный урон, причиненный нам. И никто из нас не овладеет вашей женщиной против ее воли, если она не пожелает отдать своей руки.

— В том числе и ты сам, — с нажимом приба-

вила я.

— Я же сказал! — Он снова заглянул в коридор: алый свет сделался ярче и уже плясал на стенах. Он приближался очень быстро. — Разорви огненные кольца!

Я согнулась и попыталась задуть одну из свечей, но пламя только дернулось и не погасло. Свеча совсем оплыла и растеклась по земле, так что мне ее было даже не повалить. Я сбегала к подземному ходу, зачерпнула пригоршню грязи и вылила на свечу. Пламя вскинулось, точно в очаг плеснули горячего масла, задымило и напоследок обожгло мне руки, а потом потухло. Но горящие угли горстью грязи не завалишь. Тогда я сбросила на угли мокрую полу плаща.

— Ты должна меня вывести! — крикнул Зимояр.

Я протянула руку над жгучим кольцом, ухватила конец веревки и потащила его на плащ. Еле-еле успела: плащ вспыхнул прямо у него под ногами. Огненные языки взвились высоко, и одно щупальце, извиваясь, дотянулось до Зимояра. У него занялся сапог, а потом и вся нога, и он навалился на меня, глотая воздух. Я чуть сама не упала под его тяжестью, но кое-как сумела развернуть его и прислонить к стене. Его всего трясло, глаза

он прикрыл и от боли сделался прозрачным. Тонкие красноватые линии паутиной опутывали его ногу, ползли к колену — туда, где болтались горелые, все еще дымящиеся обрывки штанины.

Я вцепилась в серебряную цепь и попробовала стянуть ее через его голову. Потом через низ. Я тащила цепь изо всех сил, а она даже не шелохнулась. В отчаянии я заозиралась. Мне на глаза попалась лопата, воткнутая в тачку с углем. Поддерживая Зимояра за плечи, я уложила его на землю, кончик лопаты вставила в одно из серебряных звеньев и надавила сверху ногой, будто копая. Звено всего полпальца в длину и не толще моего мизинца, может, я пережму его, стиснув между железной лопатой и каменным полом. Но цепь ни в какую не поддавалась. Не поддавалась, и все тут. А у меня за спиной раздался яростный вопль.

Я не стала смотреть: что толку? Подняла лопату, с размаху врезала по цепи и в бешенстве отшвырнула в сторону. Потом присела и взяла цепь в руки. Я пыталась обратить ее: закрыла глаза, вспомнила сундуки в кладовых, вспомнила, как серебро скользило у меня меж пальцев, становясь золотом, а мир делался текучим, потому что я этого желала. Но цепь лишь нагрелась у меня в

руках, почти раскалилась. Из коридора доносились шаги; вокруг нас клубился черный дым.

Зимояр дернулся у меня на руках и прошептал:

— Лопата. Быстрее. Приставь ее мне к горлу. Убей меня, и он не сможет иссушить мой народ через меня.

Я опешила. Ну да, я собиралась его убить, но не сама же. Я же не собиралась собственноручно пускать ему кровь. Юдифь, конечно, сама обезглавила Олоферна, но мне что-то не хотелось повторять ее подвиг настолько буквально.

— Не могу! — прохрипела я. — Я не могу… Не могу я, глядя тебе в глаза, перерезать тебе горло!

— Ты сказала, что спасаешь дитя! — обвиняюще прорычал он. — Ты сказала, что спасаешь!.. Огонь сейчас пожрет нас обоих, — ты хочешь умереть с ложью на устах?!

Я судорожно глотнула воздуха — дым, черный дым и копоть обожгли мне рот и нос, и из глаз у меня брызнули слезы. Я не хочу умирать; я не хочу убивать. Если уж умирать, то лучше с ложью на устах, чем с кровью на руках.

Но он-то, король, все равно погибнет еще худшей гибелью, и весь его народ следом за ним. Есть немало способов умереть, но таких страшных

смертей еще поискать. И я прошептала:

— Повернись вниз лицом.

Я снова дотянулась до лопаты, слезы так и заливали мне лицо, он повернулся, и его окутывал дым…

…и в этом дыму вдруг блеснуло что-то, что-то прямо посередине стянутой цепью спины: холодный лунный блик на снегу. Иринино ожерелье из Зимоярова серебра, которым она скрепила концы порванной цепи. Я уронила лопату и схватилась за ожерелье. И тут меня кто-то сзади сгреб за волосы и дернул назад; волосы запылали, от них потянуло горелым, но кончиком пальца я успела коснуться ожерелья, и оно сделалось золотым.

Мои волосы отпустили. Я рухнула наземь, обессиленная, давясь от кашля, волосы еще тлели, а надо мной уже с ревом вздымалась новая волна ярости. Но вдруг эта волна умалилась, а свирепый рев превратился в тонкий писк; пронзительно завыл зимний ветер, и всюду разлился холод, столь же жгучий, как пламя. Все, что горело, погасло: угли помертвели и почернели, свечи утонули в непроглядном мраке. Только два тускло-алых диких глаза еще светились у меня над головой.

Я вдохнула, и воздух оказался чистым, морозным, точно после метели, и он исцелил мою

обожженную кожу и саднящее горло. Из темноты донесся голос Зимояра:

— Узы разомкнуты, Чернобог; по высокому волшебству и по честному уговору я свободен! — Эхо от его голоса металось меж стен. — Ты не можешь более удерживать меня здесь. Беги, или я навеки угашу твое пламя и брошу тебя погребенным в грязи.

Раздался еще один сдавленный крик ярости, и алые глаза исчезли. Кто-то грузно протопал по темному коридору. Я прикрыла глаза и свернулась на каменном полу, вдыхая свежий зимний воздух.

* * *

Магрета меня убаюкала, и я вздремнула еще немного: очень уж я устала, и все тело ломило. Меня разбудил внезапный порыв ветра, который ворвался сквозь открытые балконные двери. Я встала и пошла посмотреть. В свете развешанных по стенам дворца факелов я толком ничего не видела. В лицо мне повеяло холодом, и я вдруг поняла, что Зимояр освободился. И еще я сразу поняла, что это Мирьем его выпустила. Не знаю уж, как ей это удалось, но она это сделала, я не сомневалась.

Гнев во мне не пробудился, только страх. Ее выбор мне понятен, хоть это и не мой выбор: она не захотела кормить огонь. Я тоже не очень-то хотела, но она сняла оковы с зимы, чтобы не пачкать рук. Снова пойдет снег — если не нынче вечером, то утром, — и все, что зацвело и зазеленело, погибнет.

А следом погибнет многое. Утром ко мне приходили за хлебом голодные звери — бока у них были совсем впалые. Долго они не протянут. Если бы не внезапно выросшие зелень да ягоды, моему отцу ввек не устроить бы застолья, подобающего герцогу. А ведь отец расстарался как мог. На столе не красовалась зажаренная целиком туша кабанчика или быка: дичь и скот сейчас слишком тощие, чтобы похваляться ими на пиру. Пришлось зарезать скотины вдвое больше против обычного. Я видела, как музыканты подолгу макали хлеб в пустую похлебку, потому что хлеб был твердый, как камень. И это пир в доме у герцога — свадебный пир княжны! Что же тогда ставят на стол за городскими стенами, в домах победнее?

Но что предпринять, я не знала. Зимояра мы сковали только с помощью Мирьем, да и то еле-еле управились. Второй раз он нам не дастся.

Хорошо бы Мирьем заключила с ним договор, о котором говорила при встрече — договор, чтобы удержать зиму. Но снежинки, кружившиеся на ветру, говорили мне, что нет, она ни о чем не договорилась, не успела. Завтра утром повалит снег, и тогда прежнее веселье горожан выплеснется в мятеж, едва только улицы расчистят. А если их не расчистят — значит, мы все обречены на голодную смерть в наших хижинах, домах и дворцах. Сумеем ли мы сделать огромное зеркало, чтобы через него прошло целое войско? Однако зимоярские охотники косили смертных воинов своими сияющими серебряными клинками как траву на поле. Мы вызовем зиму на бой и сложим о самих себе песню. Да только народ наш песнями сыт не будет.

Магрета накинула мне на плечи плащ. Я взглянула на нее сверху вниз: лицо у нее было встревоженное. Она тоже почуяла холод.

— Твоя мачеха спрашивала, не окажешь ли ты ей любезность, не навестишь ли в ее покоях? — негромко проговорила Магрета.

Уйдем отсюда поскорее — вот что она имела в виду. Не годится нам тут быть, когда вернется царь. Ну конечно, Чернобог скоро будет здесь — горячий, разъяренный, лютый. Огонь и лед

сошлись в смертельной схватке, и мое крошечное беличье царство оказалось зажатым между ними. И все же Чернобог пока остается моей единственной надеждой.

— Ступай к отцу, — приказала я. — Скажи, пусть нынче же ночью отошлет прочь Галину с мальчиками. Будто бы отдохнуть на западе. Едут пускай в повозке, но прихватят санные полозья. И скажи, я велела им взять тебя с собой.

— И тебя. — Магрета сжала мои руки.

— Я не могу, — ответила я. — У меня корона. Если корона хоть что-то значит, то именно это.

— Так брось ее, — настаивала она. — Брось! О горе не горюют.

Я наклонилась и поцеловала ее в щеку.

— Помоги мне надеть ее, ладно? — прошептала я, и она со слезами на глазах взяла корону и надела мне на голову. А потом я легонько подтолкнула ее к двери.

У меня по спине побежали мурашки. Огонь в камине молчал, но дымный запах уже чувствовался, пока еще слабый, точно покои давно не проветривали. Запахло так, будто в огонь поспешно натолкали слишком сухих дров и они быстро вспыхнули и прогорели. Я услышала тяжелую поступь, кто-то бежал, и наконец дверь

распахнулась. Чернобог ворвался в покои, все еще не угасший, тлеющий, его глаза налились багровым, и нечеткие сполохи трескучего жара сверкали сквозь кожу Мирнатиуса. Едва дверь захлопнулась за его спиной, он заревел на меня во всю мощь пламенных легких, и желтые отсветы замелькали в глубине его гортани:

— *Узы он разомкнул! Он свободен снова! Ты нарушила обет, не сдержала слова!*

— Ничего я не нарушала, — возразила я. — Я обещала, что приведу его, — и привела. Он освободился, но не по моей воле, а против нее. Я тоже не хочу, чтобы он бродил на свободе и опять напускал на Литвас зиму. Как его можно пленить снова? Или помешать ему? Скажи, что я могу сделать.

Чернобог разразился сердитым треском:

— *Я-то думал, наконец вдоволь попирую. А теперь закроет он гору ледяную! Он бежал далеко, мне туда пути нет!* — Демон кружил по комнате, съежившись, корчась в муках. — *Он на свободе, и он знает мое имя, и однажды он уже вверг меня в узы. Я исчахну во льду, стану жалкой тенью. Буду кости глодать да лизать каменья… Мне нет пути в его королевство!* — Он на миг застыл, весь дрожа, а потом крякнул, как полено в очаге: — *Я*

его испробовал на вкус. Он стал могуч. Приумножил свое величие. Кладовые его полны золота. И мороз, и метель — все ему подвластно, в ледяной его руке мигом я угасну. — И демон обратил ко мне сверкающие глаза. — *Ирина,* — ласково пропел он, — *Ирина, сладкая, серебряно-ледяная, ты меня обманула. Где же мой зимний пир?* — Он шагнул ко мне. — *Ну так я сдержу слово и вместо него иссушу тебя, тебя и тех, кто тебе дорог! Если уж зимний король мне не достался, то хоть твоя свежесть утолит мою жажду. Ты напоишь меня силой!* — И он сделал еще один шаг ко мне.

— Стой! — Я вскинула руку, останавливая его. — Стой! Если я отведу тебя в Зимоярово королевство, одолеешь ли ты его там?

Он замер; его глаза разгорелись, как искра в сухом сене.

— *Так ты поведаешь мне свою тайну, Ирина?* — выдохнул он. — *Покажешь мне свой путь? Открой же двери и впусти меня — что мне тогда до какого-то жалкого короля? Я попирую в залах его твердыни, и его мощь иссякнет, и тогда они все равно падут передо мной.*

Затаив дыхание, я смотрела на стоявшее возле меня гардеробное зеркало — мое последнее прибежище. Если он обо всем узнает, прятаться мне

будет негде. Одно из двух: либо я сбегаю сама, оставив демона пировать за моей спиной, либо беру его с собой, зная, что рано или поздно он явится по мою душу. Я протянула ему Руку.

— Идем, — позвала я. — Я отведу тебя туда.

Он обхватил мою руку рукой Мирнатиуса с длинными тонкими пальцами, с жаркой ладонью, с облаком дыма, что обвивало запястье как огромная манжета. Я повернулась к зеркалу, он тоже — и со свистом выдохнул. Я догадалась: он увидел то же, что видела я: зимнее королевство сияло за стеклом, на темные сосны густым покровом ложились снежинки. Я приблизилась к зеркалу, ведя Чернобога за собой, и мы вступили под сень отяжелевших от снега деревьев.

Но Чернобог проскользнул туда в виде создания из пламени и пепла; в щелях меж зубов мерцал алый огонь, а за зубами прятался почерневший язык. Мирнатиуса он сбросил как кожу, и все его тело теперь было как бы из углей, укутанных дымом. Стужа хлестнула меня по лицу вьюжным ветром, а Чернобог тонко вскрикнул: метель задула его, превратила в безжизненные мокрые угли и золу. Однако после недолгой борьбы под кожей у него снова зародился алый свет: слишком жарко горел Чернобог, слишком долго, чтобы

загасить его одним дуновением вьюги. Холод точно отшатнулся от него; вокруг нас обозначился круг, в котором не падали снежинки. Мы стояли на задворках той самой хижинки, которую я покинула в прошлый раз. Я заглянула в лохань с водой — лед в ней треснул и сломался на кусочки, а кусочки стремительно таяли.

Чернобог жадно хватал ртом воздух. Лицо у него было ненасытное.

— *О-о, холод!* — мечтательно вздохнул он. — *О-о, много сладких глотков мне предстоит! Что за пиры ждут меня здесь! Ирина, Ирина, позволь же мне вознаградить тебя, пока я рядом!*

— Нет, — ответила я, вся заледенев от презрения. Вероломству его нет предела, а он ведет себя как ни в чем не бывало. Мать Мирнатиуса, кажется, продешевила, заключив с ним сделку. Даже если умерла в короне, на которую она выменяла сына. — Я не приму ничего, только отступись от меня и моих близких.

Чернобог капризно захныкал, но сейчас ему было уже не до меня: ветер как лезвие ножа с холодным присвистом ударил ему в лицо, и он развернулся и кинулся ветру навстречу, словно пытаясь обхватить его руками. Демон помчался меж деревьев к реке, и от его ног оставались

следы — разлапистые, глубокие, они прожигали снег до самой зеленой травы, что давно спала крепким сном. С каждым шагом Чернобога все больше пахло весной. Он уже скрылся из виду, а следы все разрастались, поглощая снег и стремясь слиться друг с другом.

Глава 23

Зимояр нес меня на руках, а может, это студеный ветер баюкал меня в ладонях. Так или иначе, меня тащило, как подхваченную метелью снежинку, по подземному ходу и через квадратный люк наружу, на склон холма. Городская стена высилась в полусотне шагов, а за ней горели огни города. Тот, кто меня нес, довольно бесцеремонно бухнул меня наземь. Я хватала воздух ртом, в горле у меня першило. Зато я лежала на земле — на теплой земле, пышно заросшей мягкой зеленой травкой. Травка, правда, покрылась изморозью вокруг стоящего на коленях Зимояра — его кожа влажно поблескивала и переливалась, точно он таял.

Но он кое-как поднялся на ноги — одна нога у его была босая, — воздел руки, засверкал глазами, и морозный круг начал расти, травинки скручивались и застывали, усыпанные ледяными блестками, земля подо мной коченела и твердела. Как будто теперь, освободившись, Зимояр пытался вернуть всю ту зиму, которую нам только-только удалось прогнать.

— Погоди! — возмущенно выкрикнула я, вставая на четвереньки.

Зимояр вперил в меня гневный взгляд и выпалил:

— Он уже иссушает мой народ! Я не позволю ему…

И тут он дернулся и запоздало обернулся; я невольно взвизгнула. Потому что Зимояра проткнули мечом — клинок вошел под ребра и вышел с другой стороны, сверкающий морозной белизной и окутанный белым туманом. Это был один из царских стражников, тот самый храбрец, что не побоялся увести короля на веревке из дома моего деда. Он, наверное, караулил этот выход. У парня все лицо вокруг усов с перепугу стало белее мела, но он явно был исполнен решимости: вытаращил глаза, сжал зубы и обеими руками вцепился в рукоять меча.

Стражник пытался выдернуть меч из тела Зимояра, но не тут-то было. Мороз между тем подбирался по клинку к его перчаткам. Пальцы стражника разжались словно бы сами по себе, едва изморозь коснулась его рук, и Зимояр тяжело осел на землю, глаза у него подернулись пеленой и побелели. Парень уставился на него, весь дрожа, заламывая руки; кончики пальцев

на перчатках стали белыми. Мы со стражником очнулись разом — он рванул из-за пояса длинный кинжал, а я закричала:

— Стой! — Задыхаясь, я кое-как встала на ноги и повисла у него на руке. — Послушай! Это не он наш враг, а демон!

— Молчи, ведьма! — рявкнул стражник. — Это твоих рук дело, ты его выпустила, ты загубила то, что даровала нам царица, благослови ее Бог! — И он с размаху залепил мне по лицу свободным кулаком. Самый обычный молодецкий удар: зубы лязгнули, все тело тряхнуло. Я повалилась наземь; перед глазами у меня все плыло, и живот крутило. А стражник замахнулся, чтобы добить Зимояра.

И тут из темноты нежданно-негаданно возник Сергей и схватил стражника за руку. Они оба на мгновение зависли над лежащим Зимояром: кто кого пересилит. Сергей был рослый парнишка и крепкий — спасибо моей матери за каждый стакан молока, каждое яйцо, каждый кусок жареной курицы, что она ему подсовывала. Я-то про себя ворчала, считала в уме пенни, а теперь кляла себя за скупость. Будь я щедрее, корми я его посытнее, подкладывай я ему добавки с уговорами — может, он сейчас бы и сдюжил. Но он не сдю-

жил: в конце концов, он еще совсем мальчик, а стражник — взрослый молодой мужик, которого обучили убивать за царя. И стражник со всей мочи наступил сапожищем Сергею на ноги, обутые в лапти, вдавил его ступни в землю и высвободил руку с кинжалом.

И застыл как вкопанный. Какая-то странная прозрачная бледность выползла из-под его доспеха и покрыла шею и лицо. Меч в теле Зимояра развалился на морозные стальные обломки и бело-голубой россыпью укрыл зеленую траву. Зимояр безжизненно лежал на спине, закрыв глаза; инеистые ресницы ярко белели над бледно-лиловыми щеками. Но вот он потянулся к стражнику и ухватил его за ногу. От прикосновения по ноге парня тут же растекся лед: вверх по сапогу, по бедру, по всему телу. А тело костенело на глазах.

На лице стражника сгустились краски, обмороженная кожа на щеках потемнела и стала отваливаться лоскутами. Я закрыла лицо руками и не смотрела, пока все не закончилось, пока от него не остались только ледяные обломки, раскиданные повсюду, да оброненный кинжал.

Я опять встала на четвереньки; лицо у меня все горело, не дотронуться. Сергей тоже уселся, морщась, трогая ступни. Зимояр так и лежал в

середине морозного круга, влажно поблескивая. Морозный круг все ширился; нежные перышки изморози облепляли зеленые травинки. Зимояр дышал; то место, куда вошел меч, быстро затягивалось толстым слоем льда, словно Зимояр плотно натолкал туда снега и теперь снег застывал. Но сесть он не мог. Сергей уставился сперва на Зимояра, потом на меня.

— Что делать-то будем? — спросил он почти шепотом.

Я в ответ только глазами хлопала. Что делать, я понятия не имела. Зимояр лежит тут, разливая стужу, точно чернила в воде, — и как мне с этим быть, я не знала.

Я склонилась над ним, а он открыл глаза и посмотрел на меня мутным, почти невидящим взглядом.

— Можешь призвать свою дорогу? — спросила я. — Или сани? Чтобы за тобой приехали?

— Слишком далеко, — прошептал он. — Слишком… Моя дорога не бежит меж зеленых деревьев.

И он снова закрыл глаза. Он лежал такой недвижный, беспомощный, израненный и, наверное, умирал. Ну почему именно тогда, когда мне расхотелось, чтобы он умирал?! Почему

от него никогда никакого толку?! Вот вечно с ним так! Меня так и подмывало встряхнуть его, усадить силой, но я боялась, что рана от меча растрескается и он рассыплется на хрустальные льдинки. Сергей все не сводил с меня взгляда, и я сказала:

— Мы его понесем.

Сергей, похоже, не очень-то рвался до него дотрагиваться, и тут я могу его понять. Я стащила свой мокрый, весь перепачканный в золе плащ, расстелила его на земле и осторожно переместила на него ноги Зимояра — сначала одну, потом вторую, — потом его плечи, а потом и середину туловища. Он даже не шелохнулся.

— Ну вот, — сказала я. — Ты берись за верх, а я за низ.

Вот тут-то Зимояр зашевелился и, когда Сергей взялся за верхний край плаща, слабо попытался его стукнуть.

Сергей в испуге попятился, а я отпустила свой конец плаща, грянув Зимояра оземь.

— Это еще что такое? — строго осведомилась я.

Зимояр повернул ко мне голову и прошептал:

— Помощь его непрошена, нежеланна! Разве позволю я столь жалкому созданию, презренному вору взыскивать с меня долг до скончания

времен? Разве позволительно ему просить чего вздумается?

Сама бы его заколола тем кинжалом, честное слово!

— Чернобог все еще во дворце, он вот-вот нас всех иссушит. А ты валяешься тут еле живой и о гордости печешься! Вот изгоним его, тогда и гордись сколько душе угодно!

Но Зимояр лишь посмотрел на меня с укором:

— Я буду гордиться, изгнав его, госпожа. Но и сейчас буду. Я не налагаю пределов своей гордости.

Я от злости стиснула зубы, а Сергею приказала:

— Попроси у него чего-нибудь. — Сергей, видимо, решил, что я совсем свихнулась. — Чего ты хочешь от него за помощь? И проси побольше, — мстительно прибавила я, — раз он у нас такой гордый.

Сергей помедлил и нерешительно, словно все еще не веря мне, произнес:

— Ну… чтобы… чтобы мороз никогда не побивал моих посевов. — Я ободряюще кивнула. Зимояр не предпринял попытки прикончить Сергея на месте, поэтому тот осмелел и продолжил: — И чтобы моя скотина никогда не терялась в метель. И… — Я кивала ему: давай, мол, давай. — И чтобы

я мог охотиться на белого зверя и птицу.

При этих словах Зимояр немного нахмурился, поэтому Сергей тут же умолк, но я чувствовала, что дело сделано.

— Вот, пожалуйста! — сказала я Зимояру. — Годится? Согласен исполнить все это в обмен на помощь? Или так и будешь тут киснуть, пока не растаешь под весенним дождем?

— Низменный вор многого хочет, — пробормотал Зимояр. — Но удача улыбается ему. Будь по-вашему, я согласен. — С этими словами он уронил голову на плащ и затих.

Сергей опасливо приблизился и еще опасливее взялся за концы плаща, не спуская глаз с Зимояра.

— Теперь все хорошо, — заверила я. — Он согласился.

Но Сергей только кинул на меня подозрительный взгляд: дескать, знаем мы эти соглашения.

Наконец мы с грехом пополам уложили Зимояра на плащ и поплелись вперед, согнувшись под его тяжестью. Зимояр покачивался между нами как в люльке. Нести его было до смерти неудобно. Так мы тащились минут десять: за это время Зимояр не наслал на нас вьюгу, не предпринял попыток никого убить и даже не сел и не произ-

нес ни слова. Поэтому Сергей наконец негромко предложил:

— Погоди. Давай я его на плечи возьму.

Мы поставили Зимояра на ноги, и я помогла Сергею взгромоздить его, закутанного в плащ, на плечи. Сергея немного повело под его тяжестью, и он слегка дрожал от напряжения, но все равно так мы пошли куда быстрее.

Воздух вокруг нас был прохладный, кусачий — не совсем ледяной, но уже и не весенний. Я оглянулась: за нами тянулась заиндевевшая дорога, а свежие листья у нас над головой скукожились от холода. За нами мог гнаться кто угодно. Хоть демон, хоть стража, хоть простой люд: увидят, что зима вернулась, — и устроят, чего доброго, бунт. Но следом никто не шел. Зато впереди мы вскоре услышали громыхание колес. Мы остановились и поспешили спрятаться за деревьями на обочине; правда, толку от нашего укрытия было не много — следом за нами искристая изморозь белыми иголками рассыпалась по траве. Хорошо хоть было темно. Повозка приблизилась, проехала мимо нас, меж деревьев мелькнул проблеск света. А потом повозка встала, и голос моего отца негромко позвал из темноты:

— Мирьем?

Мы вышли из укрытия и устроили Зимояра в повозке. Я уселась рядом с ним, а Сергей с отцом развернули лошадей. Изморозь тут же выбелила колеса, растеклась по деревянному ободу, и повозка стала поскрипывать. Лошади беспокойно насторожили уши, пытаясь распознать, что это там, в повозке, и поскакали быстрее. Но скачи не скачи — от зимы не ускачешь. А мы везли с собой зиму. Зато доехали мы быстро, а я-то думала, что путь от Вышни к домику неблизкий — так выходило по словам отца. Однако не прошло и часа, как мы выехали из-под деревьев к хижине и огороду за низкой каменной изгородью. Отец с Сергеем остановили лошадей.

Вышла Ванда и открыла нам ворота; Сергей спрыгнул с козел и повел лошадей под навес. Я растолкала Зимояра и сказала ему:

— Тот же самый уговор со всеми, кто живет тут, в обмен на помощь.

Он обратил ко мне белые глаза с узкими кошачьими зрачками и пробормотал:

— Да.

И опять потерял сознание.

— Уложим его в постель? — спросил отец, глянув на меня с козел.

Я помотала головой:

— Нет, нам нужно самое холодное место. Есть тут погреб?

Сергей как раз вернулся из-под навеса, он услышал мой вопрос и пожал плечами:

— Надо, так поищем.

Как будто погреб в доме мог возникнуть ниоткуда по нашему велению. Но Сергей взял фонарь и отправился вокруг дома. Он скрылся за навесом, и издалека донесся его негромкий голос:

— Здесь дверь!

Отец держал фонарь, а Сергей потянул простую деревянную дверь и подпер ее. Снизу потянуло холодом, пахнуло мерзлой землей. Мы стащили Зимояра вниз по лестнице. Погреб оказался просторным, с земляными стенами и каменным полом, обжигающе холодным. Мы уложили Зимояра на пол и сняли с него плащ — мороз тут же потек от него в разные стороны; теперь, когда мы больше не трогали Зимояра, слой изморози сделался плотнее и белее. Отец даже негромко вскрикнул: изморозь коснулась его пальцев, когда он вытягивал из-под раненого плащ.

Мы все стояли и смотрели на Зимояра. Лицо его искажала боль, щеки ввалились, резкие линии скул влажно блеснули, но в следующий миг на наших глазах вода застыла, и мне показалось,

раненый задышал легче.

— Наверное, надо воды, — чуть подумав, сказала я.

Ванда притащила снаружи полное ведро и деревянную кружку. Я зачерпнула воды, приподняла голову Зимояра и поднесла кружку к его губам. Он шевельнулся и отпил совсем чуть-чуть. Кружка покрылась коркой льда, едва он коснулся ее губами; ведро тоже затянуло тонким ледком. Я осмотрела его босую раненую ногу — местами изуродованную, изъязвленную, точно подтаявший снеговик. Я отломала кусок льда из ведра и приложила к самой большой рытвине: лед тут же втянулся в плоть, и рана немного уменьшилась.

Я подняла взгляд на стоявшую рядом Ванду:

— А нет нигде льда? Может быть, на реке еще остался?

Но Ванда ведь уже ходила за водой на реку. Поэтому она лишь покачала головой.

— Все растаяло, — сообщила она. — Вскрылась река — вся, от берега до берега.

— Может, укутаем его в солому? — неуверенно предложил отец. — Мы же летом держим лед в соломе.

— Надо поскорее доставить его в его королевство, — ответила я.

Если Чернобог настигнет нас тут, он запросто закует Зимояра обратно в серебряную цепь и соорудит огненное кольцо. И в этот раз он справится без посторонней помощи. Хуже того, в этот раз он, возможно, вырвет у пленника его имя и весь его народ в придачу. И я не знала, что делать. Его дорога не бежит меж зеленых деревьев, и во всем Литвасе зима стоит только в нашем погребе. Когда мы выбирались оттуда, Ванда подала мне руку. Все гвозди в лестнице, железные дверные скобы — все заиндевело так, что не дотронешься. Траву наверху прихватило морозом, и она хрустела под ногами, а земля была твердая и стылая.

Я смотрела сверху на лежащего в морозном кругу Зимояра, бледную статую, высеченную изо льда, — и вдруг налетел порыв теплого ветра. Он промчался по ветвям, взлохматил мне волосы. Тот морозный след, что мы оставили за собой, уже исчез как роса. А наутро взойдет летнее солнце.

Прежде я желала Зимояру смерти. Прежде я на него злилась — лучше бы и сейчас злиться. Он мне столько плохого сделал и даже не сожалел об этом. Сожалел он лишь о том, что сразу не поверил, будто я могу заставить его платить. Но я прошла по тому подземному ходу под городской стеной, чтобы спасти Ребекку, и Флек, и Цоп, и

Балагулу. И он тоже прошел этим же путем. Он принес себя в жертву ради них. Он смирил свою неколебимую гордость и взял в жены смертную — не ради полных золота сундуков, не ради власти, а затем, чтобы избавить свой народ от неумолимого врага. И вот он лежит тут, полумертвый, и мне невыносимо смотреть, как он тает, и думать о том, как все Зимояры сгинут, потому что им не вырвать свое зимнее королевство у тьмы.

* * *

Ветер, что дул мне в лицо, нес не снежинки, а пепел и запах горящего дерева. Неясный алый свет маячил далеко впереди — огонь, который я спустила с цепи и натравила на королевство, некогда приютившее меня. Я сейчас раскаивалась, как Мирьем. Но я твердо знала, что должна была это сделать. И столь же твердо я знала, что должна буду сделать еще. Мне нужно вернуться в собственное царство, встретиться с отцом и послать за священниками с их благословенной цепью. Неизвестно, как долго не иссякнут жизни простых Зимояров, но едва Чернобог утолит жажду здесь, он вернется к нам. И однажды днем, когда он, сытый, будет отсыпаться в утробе Мирнатиуса, мы закуем его в цепи и предадим огню,

изничтожив пламя в пламени. И чем скорее я попаду домой, тем лучше; нужно быть готовыми к возвращению Чернобога.

Но я продолжала стоять, глядя на вздымающееся пламя.

— Простите, — прошептала я, хотя никто не внимал моей просьбе.

Я стояла одна в огороде — наполовину заснеженном, наполовину зеленом, — и рядом не было ни души. На меня не глядело с укором ни дитя Зимояров, ни даже мой закованный супруг. Единственным живым созданием тут была белка — прибежала поживиться хлебной горбушкой, что я раскрошила тут несколько дней назад. И я замолчала, словно была здесь не одна. Мне не все равно, и я раскаиваюсь, но суть не в этом. Суть в том, что я уже свершила и что еще свершу.

— Твое королевство я тоже спасу, если получится, — сказала я белке.

Но та не обращала на меня внимания: ее больше интересовали крошки. От крошек зверьку хотя бы польза, а извинения мои совсем бесполезны. Я вернулась к лохани с водой. Заглянув в воду, я увидела свои покои, туалетный столик с раскиданными кольцами Мирнатиуса и небрежно брошенный изысканный плащ. Позади меня

— смертоносное пламя, мною же разожженное, и такое же впереди. Я на мгновение прикрыла глаза; две бессмысленные слезы скатились по моим щекам и капнули в лохань.

Пора обратно. Я на ощупь протянула руку к воде, ожидая почувствовать нагретый воздух спальни на своем лице. Но внезапно в обжигающе ледяной воде возникла вторая рука, нашарила мою руку и вложила мне что-то в ладонь. Я от неожиданности так и шарахнулась от лохани. На моей раскрытой ладони лежал какой-то диковинный орех — вытянутый, гладкий, свежий и белый как молоко. На него налипло немножко грязи. Я опять заглянула в отражение: спальня была на месте и ждала меня. Я для пробы сунула руку в воду, и в этот раз никакой воды не почувствовала — моя рука просто вышла с той стороны.

И вместо того чтобы пройти в спальню целиком, я вытащила руку и снова вгляделась в орех у себя на ладони. Медленно развернувшись, я направилась обратно, к двери хижины. Как раз на границе сумерек и ночи снег слегка подтаял, и получился островок голой земли. Он даже выглядел так, словно здесь кто-то пытался выкопать ямку. Наверное, орех надо посадить. Что с ним еще сделать, мне в голову не приходило. Не случайно

же его послали в королевство Зимояров — уж верно не для того, чтобы я забрала его с собой.

Я положила орех рядом и принялась копать углубление в земле. Но не успела я покончить с копанием, как в два прыжка рядом со мной очутилась белка, сцапала орех — и была такова.

— Нет! — крикнула я ей вслед.

Может, я и зря вожусь с этим орехом, но вряд ли его сюда отправили на съедение белке. Я по-глупому хватанула белку за хвост, но та, разумеется, ускакала. Правда, ускакала она недалеко: пристроилась на сугробе рядом с наполовину заснеженными воротами и стала закапывать добычу.

Я выпрямилась и двинулась к белке — осторожно, чтобы не спугнуть. Пришлось лезть через сугробы: там, где снег не сошел, он был мокрый, тяжелый, облеплял подол и меха. Даже у ворот снегу было мне по колено. Завидев мое приближение, белка уронила орех в вырытую ямку и умчалась в лес. Белка не очень-то глубоко зарылась в высокий сугроб; орех в снежной ямке поблескивал в лунном свете почти как серебро Зимояров. Как будто под его скорлупой теплилась жизнь.

В этот раз я благоразумно спрятала орех в кар-

ман. Я разбрасывала снег руками, зарываясь все глубже в сугроб. Пальцы тут же начало жечь от холода; обувь промокла, и колени тоже; я копала и копала, и холод пронзал мою кожу. Я обернула ладони меховым плащом, но так дело шло еле-еле, поэтому я решила, что обойдусь. Руки у меня совсем закоченели, и казалось, что пальцы невероятно раздулись, хотя, конечно, ничего с ними не случилось, просто они побелели и застыли.

Наконец я докопалась до земли: намертво замерзшей, каменистой. Пришлось взять из дровяного ящика палку и сломать ее, чтобы отвалить камни побольше. Мои ногти поломались и кровоточили; кровь капала на землю, пока я копала. Но я не сдавалась, и наконец в мерзлой земле появилась неглубокая ямка. Тогда я взяла орех окровавленными пальцами и забросала его вперемешку землей и снегом.

Я встала и подождала, что случится. Но ничего не случилось. Лес стоял в безмолвии, ни белки, ни птицы не показывались. Даже алый отсвет Чернобога угас вдали. Я не знала, к чему это. Хоть бы это что-то значило. Хоть бы кто-нибудь услышал мою просьбу о прощении и дал мне возможность все исправить. Пусть хотя бы белке будет хорошо. Возможно, белка лишь надеялась,

что из ореха вырастет дерево и когда-нибудь она полакомится его плодами. А возможно, мне и не суждено узнать, зачем я закопала орех. Нет у меня права на ответы и объяснения: я привела сюда войско захватчиков.

Заледеневшие руки и ноги зудели от холода. Больше тут оставаться я не могу. Я завернулась в промокший плащ, пробралась назад, к лохани и шагнула в свою спальню. По ту сторону зеркала мне навстречу уже бежала перепуганная Магрета. Она заохала над моими грязными, окровавленными и обмороженными руками, тут же потащила меня к корыту и принялась поливать мне руки водой, отмывая их дочиста.

* * *

Пока я стояла и смотрела в дверь погреба, подошла Ванда и ласково взяла меня за плечи:

— Пойдем в дом, поешь. Положим на лицо что-нибудь холодное. Оно сразу и пройдет.

И мы вместе пошли к двери. Я по пути мучительно соображала, как же нам быть, и вдруг замешкалась во дворе и пригляделась. Потом я повернулась к навесу — маленькому знакомому навесу, — потом снова к дому. Крутая соломенная крыша сейчас не пряталась под снежной шапкой,

но форма-то у нее была та же самая. И из-под крыши все так же приветливо светилось окошко.

Все ушли вперед, обогнав меня на несколько шагов, и не сразу заметили, что я отстала. Все недоуменно обернулись ко мне. Но я без всяких объяснений поспешила на задворки и обнаружила там лохань с водой — ту самую, через которую хотела провести меня Ирина. На меня смотрело мое собственное отражение.

— Это тот самый дом! — воскликнула я. Ванда подошла и тоже заглянула в лохань. — Этот дом стоит и в королевстве Зимояров тоже, — пояснила я. — Он в обоих мирах.

Ванда помолчала и сказала:

— Мы здесь каждый день что-то находили. Нужные нам вещи, которых накануне не было. И еще кто-то за меня прял шерсть и ел нашу еду.

Я сразу подумала о Магрете, нянюшке Ирины. Это ведь ее мы прятали тут от демона!

— Так это ты варила кашу? — спросила я, и Ванда кивнула.

Но непонятно, что нам теперь с этим делать. В том мире вокруг хижины, должно быть, высятся сугробы, а на крыше висят сосульки. Только мне не достать эти сосульки своими руками. Я вернулась в погреб. Зимояр выглядел чуточку лучше;

бледные цветные пятна уже сходили с его щек.

— Это тот самый дом, — сообщила я, когда он моргнул и открыл глаза. — Дом ведьмы. Помнишь, ты мне рассказывал? Тот, что стоит в обоих царствах. Мы можем отсюда попасть к вам?

Какое-то время он осмысливал услышанное. А потом прошептал:

— Я закрыл путь меж мирами, запечатал. Дабы смертные больше не бродили тут попусту. Остались лишь трещины. Путь можно открыть…

— Как? — быстро спросила я. — Чем?

Он прикрыл глаза и глубоко вдохнул. Затем снова открыл их и попросил:

— Помоги мне подняться.

Мы с ним кое-как доковыляли до лестницы. Он с легкой дрожью посмотрел на темный четырехугольник неба в открытой двери, на сияющие звезды.

— А тебе не будет хуже? — спросила я. — Там тепло.

— Будет еще теплее, — отозвался он. — Отныне мое могущество не возрастает более, но иссякает. Из оставшейся покуда малости я извлеку все, что сумею.

Зимояр медленно вскарабкался по лестнице и похромал к двери, держась за бок. При виде

багровых языков пламени в печке он встал как вкопанный и сразу как-то сник; лицо его сделалось безучастным. Я вспомнила, с каким ужасом смотрел на огонь Балагула.

— Подожди, — сказала я Зимояру. А сама поспешила в дом, забросала огонь золой и закрыла печную дверцу.

И огляделась. Мать с отцом стояли, держась за руки, и смотрели на дверь, рядом с ними Ванда, а Сергей сжимал в руке кочергу. Стефана уже устроили на печке и накрыли плащом вместо одеяла, но даже он поднял голову. Все неотрывно следили за Зимояром, а тот, пригнув голову, чтобы не удариться о притолоку, вошел в дом.

Но на все наше семейство он даже не обратил внимания. Он обвел взглядом комнату и всплеснул руками, будто бы от отчаяния. И решительно направился к шкафу, что стоял в левом углу.

— А этот шкаф, он тут был? — зашептала мать отцу, недоверчиво косясь на шкаф.

Зимояр уже вовсю хозяйничал в шкафу: распахнув обе дверцы, он копался внутри и без особых церемоний выкидывал все, что находил в ящиках. На пол летели зеленые бусы, рваный и заляпанный кровью темно-красный плащ, засохший букет роз, мешочек с сухим горохом

— мешочек раскрылся, и горошины весело заскакали по полу.

Зимояр обернулся и увидел, что мы все остолбенело таращимся на него.

— Помогите же! — пророкотал он. — Иначе вы не выполняете нашего договора!

— А что мы ищем? — строго спросила я.

— Что-нибудь из моего королевства! — ответил он. — Что-то зимнее, что поможет мне открыть путь.

Ванда постояла, потом заглянула на полки, висящие возле печки, но там почти ничего не было.

— А больше и искать-то негде, — сказала она.

Зимояр нетерпеливо фыркнул.

— Вон там! И там! — Он указывал на две двери, слева и справа от печки.

Мы все опешили. Как мы могли их проглядеть?! Но Зимояр снова углубился в шкаф и продолжил с лихорадочной поспешностью выкидывать чашки, ложки и носовые платки. Поколебавшись мгновение, Ванда потянула ручку левой двери. За ней оказалась еще одна спальня, с другой стороны дома. Уму непостижимо, как она туда поместилась. Там стояла большая деревянная кровать с пологом, а по обе стороны от нее — два

платяных шкафа. За второй дверью слышалось негромкое глухое постукивание; отец осторожно приоткрыл ее и обнаружил кладовую. С потолка свисали старые гроздья чеснока вперемежку с искрошившимися букетиками лаванды. На громоздком столе стояла ступа с пестиком, и пестик легонько перекатывался в ступе, точно им только что пользовались. В воздухе стоял еле уловимый запах сушеных трав.

— Пусть кто-нибудь подержит дверь, — опасливо произнесла мать.

Ванда придерживала дверь в спальню, а мы разбрелись по комнатам и погрузились в поиски. Мы перерыли оба шкафа и сундук, что стоял в изножье кровати. И шкафы, и сундук оказались набиты всяким бесполезным тряпьем: изъеденное молью белье, платья с ошметками пыли в карманах, полуистлевшие старые сапоги, плащи и одеяла. Но в кармане одного из платьев я нащупала что-то тяжелое — гладкие черные камешки со странным блеском. Я побежала с ними к Зимояру, но тот только досадливо отмахнулся:

— Какой от них толк? В гоблинских недрах я проблуждаю десять тысяч лет и не найду выхода. Убери их!

Под подушкой мать отыскала старый истертый

медяк, но Зимояр отверг и его со словами:

— Дорога домой не может мне присниться!

На полке в кладовой нам попалась красивая маленькая склянка с духами, закупоренная пробкой; на дне еще сохранилось несколько капель. Но Зимояр лишь пожал плечами.

— То ли яд, то ли эликсир: теперь в нем проку нет, — объявил он, вытягивая очередной ящик: три серые мышки выскочили оттуда и юркнули в дверь. Небо вдалеке уже светлело. Раненая нога Зимояра оставляла на деревянных половицах мокрые следы.

— Может, тут вообще ничего нет! — воскликнула я.

Он привалился к стене, поникнув головой.

— Нет, есть! — возразил он. — Есть. Ветер из моего королевства веет мне в лицо, он нашептывает мне что-то и шуршит в углах. Но я не могу разобрать, откуда он дует. Надо искать.

— Мне в лицо веет только жаром, — ответила я. — Хотя печка еле теплится.

Он не ответил, а только поднял руку, и его черты мучительно исказились.

— Да, — бесцветным голосом произнес он. — Ветер горяч.

Я не сводила с него взгляда.

— Ты чего? — спросила я.

— Чернобог там, — отозвался Зимояр. — Он проник в мое королевство. Он там!

Он резко отвернулся и с удвоенной яростью набросился на шкаф. Верхние ящички полетели на пол, ломаясь: из них сыпались по всей комнате стекляшки, перья, носовые платки, лоскутная кукла, распутанные клубки тесемки, пригоршня монет, пакетик засохших леденцов, кудели чесаной шерсти — тысяча и одна ненужная вещица, которые запихнули как попало куда придется. И ничего из зимнего королевства.

— Мы ничего не найдем, — тихо сказала мне мать. Она только что вышла из спальни, уставшая и вся в пыли. — Мы трижды обыскали каждый угол. Разве только он покажет нам, где поискать еще.

— Но тут есть что-то! — дико прокричал он, оборачиваясь к матери. — Оно где-то здесь!

Я горестно всплеснула руками, а мать, расстроенная, пошла искать дальше. И тут с печки, из-под плаща, донесся тихий голосок Стефана:

— У меня вот что есть. Только он не хочет расти.

Мы все воззрились на него. Ванда с Сергеем так и застыли на месте. Стефан протягивал нам бе-

лесый плод вроде грецкого ореха. Зимояр увидел плод и с криком кинулся к Стефану.

— Где ты это взял?! — свирепо спросил он. — Кто тебе дал?!

Он уже тянул руку, чтобы забрать орех, но Стефан стиснул орех в кулаке, а Ванда решительно вклинилась между братом и Зимояром.

— Ему матушка дала! — выкрикнула она. — От нее этот орех, с ее дерева. Это Стефана орех, а не твой!

— В жизни смертного нет того дыхания, что заставит снежное дерево рождать плоды, — резко бросил Зимояр Ванде. — Одна жизнь, две, а то и три надобны, чтобы дерево лишь оделось листвой. Или вы питали дерево кровью, раз уж стоите на своем?

— Папаня схоронил там всех пятерых младенчиков, — сказала Ванда. Лицо у нее побелело, сделалось непроницаемым — такой я никогда ее не видела. — Всех моих пятерых братьев. А после и саму матушку. Она дала его Стефану! Это его орех!

Зимояр придирчиво оглядел сначала Ванду, потом Сергея со Стефаном, словно прикидывая, стоят ли эти трое шести жизней: пятерых братьев, которым не суждено повзрослеть, и матери.

И бессильно уронил протянутую руку. Его лицо погасло и помертвело. Не сводя глаз с белого ореха, наполовину скрытого пальцами Стефана, он прошептал:

— Это его орех.

Зимояр сказал это так, будто огласил собственный смертный приговор.

Он сдался так быстро и бесповоротно, что даже Ванда перестала сердиться. Мы все сгрудились над белым плодом, который озарял дом светом, как Зимоярово серебро. И только у Зимояра на лице была написана отчаянная безысходность. Он молчал — да и что он мог предложить взамен? Никакими сокровищами не окупишь столько горя, сколько выпало Ванде и ее братьям, столько лет потаенной боли. Я свою мать не отдала бы и за тысячу королевств.

Стефан еще раз посмотрел на свой орех и вдруг раскрыл ладонь. Но Зимояр лишь потрясенно глянул на белый плод, потом на мальчика; он не решался принять орех, даже отдаваемый по доброй воле.

Мать наклонилась и поцеловала Стефана в лоб.

— Матушка гордилась бы тобой, — тихонько сказала она. Она взяла орех у Стефана и протяну-

ла Зимояру. — Возьми и спаси детей Зимояров. Это ведь лучшее, что можно с ним сделать.

Но Зимояр так и стоял столбом, пока я не подошла и не забрала у матери орех. Зимояр обратил на меня беспомощный тусклый взгляд.

— И что нам теперь делать? — спросила я его. — Как нам его использовать?

— Госпожа, — вздохнул он, — используй его как тебе угодно. Он не мой.

— Ладно. — Я мало-помалу закипала. — Если бы он был твой, что бы ты делал?

— Я бы положил его в землю и пробудил к жизни. И открыл бы свою дорогу под его сенью. Но этого я сделать не могу. Это семя не в моей власти — оно не откликнется на мой зов. И я не знаю, как вы это сделаете. Снежное дерево не пустит корней по весне, а в твоих руках — согретое солнцем золото, но не зима.

Он так и продолжал выжидательно смотреть на меня. Ну конечно, я для него такой кладезь небывалых чудес, что с меня станется выдать еще одно. Если бы только я знала, как его выдать.

— Мы попытаемся его посадить, — заверила я Зимояра. А что еще мне было делать? — Сможешь заморозить землю?

Король согласно склонил голову. Но стоило

нам открыть дверь, как он весь содрогнулся от окатившей его жаркой волны, жарче, чем воздух в доме. Снаружи пахло теплом, мокрой землей и весной. Он все равно шагнул за порог, согнувшись и прикрываясь локтем, как человек, идущий сквозь завывания метели.

Возле дверей еще остался земляной холмик, где Стефан пытался посадить орех. Хорошее место для дерева — вырастет, и будет тень в доме. Зимояр коснулся земли, и из его пальцев вытекло совсем чуть-чуть изморози, да и та тут же исчезла, как дыхание на холодном стекле. Я торопливо засунула орех в землю и придавила его сверху рукой Зимояра; несколько чуть заметных серебристых струек пролились из его руки и тут же пропали.

Он отнял руку, посмотрел немного на землю и покачал головой. Я вытащила орех из земли. Он лежал у меня на ладони, а я мысленно рассуждала. Значит, по весне он не прорастет. И тут меня осенило: ведь Чернобог нашел способ проникнуть в мир Зимояров! А раньше-то у него не получалось!

Я вскочила и помчалась к глубокой лохани на заднем дворе. Я заглянула в воду. Просто деревянная лохань, просто вода, но в ней должно быть

что-то еще — то есть кто-то еще, и это Ирина, она стоит в своей серебряной короне там, на той стороне. Она впустила Чернобога в зимнее королевство, спасая Литвас от владыки Зимояров, которого я освободила.

Неизвестно, правда, там ли она. А если там, неизвестно, захочет ли помогать мне. А если захочет, я толком не знаю, о чем ее просить. Но на этой стороне в одиночку мне больше ничего не сделать. Здесь двери появляются посреди глухой стены, откуда ни возьмись возникают комнаты и шкафы — я постаралась сосредоточиться на всем этом, закрыла глаза и погрузила орех в воду. Я протянула руку к надежде.

Я не ударилась костяшками о дно. Рука уходила в воду, глубже и глубже, и вдруг она встретилась с еще чьей-то рукой. Я ухватилась за эту руку, всунула в нее орех и резко выдернула свою руку из лохани. Ореха на моей ладони не было. Я внимательно исследовала лохань — в чистой воде дно просматривалось хорошо. Но ореха не было и там.

Я еще мгновение ошеломленно смотрела на воду, не веря собственным глазам. Потом я побежала к двери; все столпились вокруг Зимояра, а он бессильно привалился к стене, весь истон-

чившийся, блестевший, словно бы от пота, с перекошенным болью лицом. Я схватила его за руки:

— Он прошел! Он там, у вас! Что теперь делать?

Он смотрел на меня, но как будто уже не видел; глаза размазались в бело-голубое пятно, подернулись поволокой.

— Пробудите его к жизни, — прошептал он. — Пробудите к жизни. Пробудите, если сумеете.

— Как? — спросила я, но он уже закрыл глаза и замолчал. А я, отчаявшись, села рядом.

— Мирьем, — задумчиво заговорил отец. Я подняла на него горестный взгляд. — Сейчас не тот месяц, но ведь деревья еще не цвели, и плоды еще не созрели. Мы можем произнести благословение. — Он обернулся к Стефану, Ванде и Сергею и мягко прибавил: — Говорят даже, что это помогает душам, что вернулись к нам в растениях, в плодах или деревьях, обрести свободу.

Отец протянул одну руку мне, другую матери. Мы так делали каждую весну — становились вокруг нашей единственной маленькой яблоньки и говорили все вместе: «Барух ата адонай, элохэйну мелех хаолам, шело хасайр б'оламо клум, убара бо брийот товот в'вианот товот, лейханот

бахем б'най адам». Это благословение цветущих деревьев. Мне всегда нравилось произносить его: в нем чувствовалось дыхание надежды, грядущее облегчение. Эти слова означали, что зима миновала, что вскоре у нас будут плоды в пищу, что изобилие придет в мир. В детстве, когда наступала весна, я каждое утро выбегала на двор и проверяла: не проклюнулись ли на ветках листочки? Потому что мне нужно было во что бы то ни стало первой их увидеть, со всех ног прибежать к отцу и рассказать ему новости. В этот раз я читала благословение истово, пылко, стараясь каждое слово запечатлеть в памяти. Все слова были словно выписаны серебром у меня перед глазами — я проговаривала их, и они превращались в золото.

Мы закончили и замолчали. Сначала ничего не произошло — ничего заметного глазу. Но вдруг Стефан вскрикнул и кинулся к воротам. Он махал руками, прогоняя пичугу, которая уселась возле ворот что-то поклевать. Стефан так и замер там, крепко сжав кулаки, и стоял, пока не подошли сначала Ванда с Сергеем, потом и все мы. Из земли пробивался маленький белый росток. Будто извивающийся мягкий червячок выполз наружу.

Мы стояли и смотрели на него. Мне доводи-

лось видеть, как прорастают семена, как бобы вылезают из земли. Но этот росток вытягивался очень быстро — вся весна за считаные мгновения проносилась перед нами. Вот он превратился в тонкое белое деревце и начал рывками расти вверх — будто кто-то карабкался вверх по веревке, время от времени останавливаясь, чтобы перевести дух. Макушку деревца украсила корона из крошечных белесых листиков. Они разворачивались, как флаги на ветру, а потом стремительно разрастались и, колыхаясь, тянулись вверх. Когда деревце стало мне по колено, оно принялось ветвиться: веточки, как тонкие кнутики, выхлестывались у него по бокам, и раскрывалось еще больше белых листьев. Мы попятились, давая место растущему дереву. А оно росло и росло — теперь уже спокойно, ровно, уверенно.

Я бросилась к Зимояру. Он не очнулся, даже не пошевелился. Он лежал, прислонившись к стене, совсем тонкий, темно-синий, точно под растаявшим ледяным панцирем проступило что-то глубинное, сокровенная сердцевина. Я коснулась его, и рука у меня стала мокрая, но тут на помощь подоспела Ванда. Вдвоем мы подтащили его к дереву и уложили под ним — и вдруг трескучий

морозец побежал по земле, вверх по белой коре и по коже Зимояра; темно-синее нутро скрылось под толстой коркой льда. Зимояр дохнул зимой и открыл глаза. Он увидел нависшие над ним ветви дерева и заплакал. Хотя его слезы я едва могла различить — их тут же схватывало морозом у него на щеках, и Зимояр испускал одно лишь сияние.

Он поднялся — дерево уже выросло достаточно, чтобы он мог стоять под его сенью, — а ведь еще миг назад оно казалось не таким уж высоким. Зимояр возложил обе руки на ствол, и крону усыпали серебряные цветы, пронизанные золотом. Зимояр, изумленно воззрившись на цветы, коснулся одного кончиком пальца.

— Оно выросло, выросло! — повторял Стефан; он и сам-то вовсю всхлипывал то ли от радости, то ли от грусти. А моя мать стояла возле него на коленях, обнимала за плечи и гладила по голове.

Зимояр распахнул ворота. За воротами простиралась белая дорога, обрамленная другими белыми деревьями. Но теперь эта дорога не вела в царство льда и снега. Она терялась во мраке, а в глубине этого мрака клубился дым и бушевало пламя. Зимояр смотрел на это с отрешенным лицом. Он вышел за ворота и сделал несколько

шагов по дороге, и тогда навстречу ему из-под белых крон вылетел белый олень. Мы все двинулись было следом за Зимояром к воротам, но при появлении оленя мое семейство в испуге отшатнулось назад, во двор. Я на миг увидела зверя их глазами: острые когти, багровый язык, из-под верхней губы торчат жуткие клыки. А для меня это был просто олень. Зимояр приблизился и вскочил на него. Нога у него больше не была босой: на ней вырос серебряный сапог. Да и весь Зимояр опять облекся в серебряные доспехи и белые меха. И он смотрел на нас.

Он протянул мне руку и сказал:

— Чернобог сейчас в моем королевстве. Я исполню свои обетования: если он будет повержен и мой народ будет спасен, я не стану больше впускать к вам зиму. Во имя этого ты просила о союзе. Отправишься ли ты со мной и окажешь ли нам помощь, хотя Чернобог и покинул твой мир?

Ну и ну. Я уже хотела язвительно осведомиться, какой от меня толк в сражении с огненным демоном. Под ногти мне забилась грязь, лицо горело, щека там, где меня ударил стражник, покраснела и распухла, и я еле на ногах стояла. Да и вообще для Зимояра я всего лишь смертная дева, которая слишком много о себе возомнила.

Но я посмотрела на белое дерево, на его крепкие ветви, усыпанные цветами. Не буду я ни о чем таком спрашивать. Зимояр в ответ лишь пожмет плечами и снова поглядит на меня выжидающе: сотвори-ка чудо, госпожа. А чтобы сотворить чудо, надо сперва создать из обещаний и обетований еще одну себя — только большую. А потом как-то дорасти до этой второй себя. Вот так и творятся чудеса.

— Да, — ответила я. — Я поеду с тобой и сделаю что смогу, только… Только ты потом привези меня домой!

— Моя дорога, как и прежде, не бежит под зелеными деревьями, госпожа, — ответил он. — И ты уже взяла с меня слово не длить ваши зимы, если мы победим. Однако лето тянется не вечно, даже если я прикажу зиме остановиться. В первый снегопад я открою дорогу и верну тебя твоей семье.

Я обернулась. Отец с матерью стояли во дворе, но они стояли не одни. Рядом были Ванда, и Сергей, и Стефан, и теперь они обрели дом, в котором нашлось место для всех. Им тут будет хорошо, никто их не тронет, даже если я никогда не вернусь после дикой скачки по белой дороге. Они вместе, чтобы любить друг друга, и жить друг для друга, и горевать бок о бок, и поддерживать друг друга.

И почему-то они сделались совсем далекими. Я отошла-то всего на несколько шагов — а их лица, обращенные ко мне, уже казались мне сном. Но я стремительно подбежала к ним, поцеловала каждого и прошептала матери:

— Жди меня в первый снегопад.

С этими словами я развернулась, и пальцы матери выскользнули из моей руки. А я прошла через ворота, ухватилась за протянутую руку Зимояра, и он втащил меня на оленя. Я уселась позади него, и мы помчались.

Глава 24

Мы неслись вскачь по белой дороге, и пепельный ветер бил нам в лицо. Крошечные угольки жалили мне руки, но мы не сбавляли хода; дорога мерцала серебром, выбегая из-под копыт оленя; с каждым скачком она простиралась все дальше. А олень летел, подгоняемый Зимояром, летел во весь опор. Скачок — и вот мы уже под горящими соснами, над нашей головой ревет неукротимое пламя. Еще скачок — и дорога выскользнула из-под пылающих крон и побежала вдоль реки.

Но теперь на реке бушевал весенний ледоход. Обломки льда, качаясь, уносились вниз по течению. В речных волнах тут и там сверкали серебряные монеты. Зимояр горестно вскрикнул: он увидел, что водопад снова ожил. Ревущий поток низвергался со склона и исчезал в клубах пара. У подножия водопада плясал Чернобог; он размахивал руками и повизгивал от восторга. Чернобог уже не был чистым пламенем. Он сделался больше человека. Пугающе огромный, он высился как башня из горящих углей, щедро присыпанных пеплом; его тело бороздили трещины,

и в них алели жаркие вены. Открытый огонь теперь лишь иногда вырывался из-под пепла, то тут, то там. Чернобог припал губами к водопаду и принялся жадно пить огромными глотками — и тут же вырос еще, точно подкинул в самого себя поленьев. Монеты из Зимоярова серебра градом сыпались из потока и серебряным доспехом ложились на лицо и плечи Чернобога.

Чернобог был у водопада не один. Кучка рыцарей пыталась оттеснить его, метая в него серебряные копья с берега все расползающегося озера. Но зимоярские воины не могли подобраться ближе. В воде уже плавал целый лес копий, поломанных, обгорелых, а Чернобог даже не удосуживался прервать разудалую пирушку. Король Зимояров соскочил с оленя и крикнул мне:

— Не отдавай ему гору, сделай что сможешь!

С этими словами он обнажил серебряный меч, ринулся к пруду и ступил на воду. Там, куда он ступал, озеро покрывалось коркой льда, и король устремился навстречу неприятелю по сияющей ледяной тропе. Чернобог, поглощенный своим кутежом, даже не заметил короля; Зимояр вонзил меч ему в ногу, и демон яростно заголосил — лед с треском растекся по озеру.

А я помчалась к высоким серебряным воротам

и забарабанила в них. Ворота были наглухо закрыты, решетка опущена.

— Впустите меня! — завопила я.

По ту сторону что-то вдруг заскрежетало, и я увидела Балагулу: он поднимал огромный серебряный засов на двери. Дверь приоткрылась — чуть-чуть, только чтобы мне протиснуться внутрь, — изнутри пахнуло холодом, и я только тогда поняла, насколько жарко сделалось снаружи. Балагула всего лишь стоял у приоткрытой двери, и то его лицо тут же заслезилось талым льдом. Он захлопнул дверь за моей спиной, заложил засов и, весь побелев, стал оседать по стене.

— Балагула! — вскрикнула я, пытаясь удержать его.

Рядом с ним толпились рыцари и знать Зимояров; каждый стискивал окованный серебром высокий щит из прозрачного голубого льда. Щиты перекрывали друг друга, образуя стену. Зимояры отшатнулись от открытой двери, но тут же снова к ней придвинулись, и к нам обоим потянулись руки, чтобы втащить нас за щиты. Оказавшись в укрытии, Балагула отер влагу с лица и с трудом поднялся на ноги.

Я сжала его руку:

— Балагула, где гора разломана, где водопад

— знаешь это место? Сможешь показать?

Он окинул меня влажным туманным взглядом, но кивнул. Мы вдвоем помчались по дороге, ведущей в глубь горы, то и дело оскальзываясь по пути: дорога подтаяла, крошечные ручейки здесь и там пробивались на ее поверхность. Наконец мы выбежали на луг под драгоценным сводом. Прежде такой просторный, луг как будто усох, а свод стал ниже. Под сенью белой рощи сбились в кучу женщины. Они сами сделались чем-то вроде маленькой цитадели, сомкнув ряды вокруг детей и прикрывая их от растущего жара. На бегу я успела заметить детей меж фигурами матерей. Женщины смотрели нам вслед с отчаянием; гора под их ногами уже подтаивала, ветви белых деревьев бессильно поникли. Слабая струйка с журчанием вытекала из источника и, миновав рощу, терялась в хрустальном лабиринте.

Балагула повел меня коридором, по которому тек ручеек. Мощные хрустальные стены овеивал слабый туман; слышалось потрескивание — точно озеро готовилось по весне вскрыться ото льда. Внезапно наша тропинка уперлась в другой коридор с совсем гладкими стенами — по коридору бежала уже настоящая полноводная река. Балагула застыл на месте, скорбно и испуганно

глядя на бегущую воду.

— Дальше я сама дойду по течению, — сказала я ему. — Тебе дальше не надо. Ступай!

Я скинула башмаки, прыгнула в воду и пошлепала по темному коридору. Он привел меня в огромную пустую кладовую. Я пересекла ее и двинулась дальше, кое-как пробираясь по узкой полоске между водой и наваленным повсюду серебром; течение волокло за собой целые серебряные холмы. Впереди ревел водопад. Чернобог маячил кривляющейся тенью на той стороне горы; чем ближе я подходила, тем четче различала тлеющие алые угли. Я с горем пополам вскарабкалась на высоченный серебряный склон в конце коридора. За ним начинался разлом; чудовищное ненасытное чрево, гигантская пасть, казалось, скалилась хрустальными зубами. Только зубы эти уже измягчились по краям. Семь лет минуло со дня коронации Мирнатиуса — и в первый раз за эти годы гора дала трещину.

Я так и вообразила землетрясение и раскаты грома, от которых содрогнется держава Зимояров. Хрустальная пасть разверзнется и впустит сюда летнее тепло. Я хорошо видела те места, где Зимояры латали гору или затыкали щели — а вода настойчиво торила свой путь, подтачивая

трещину, с каждым годом унося частичку того могущества, которым Чернобог мог упиваться со своего трона. Каждый год король Зимояров сдерживал лето сколько был в силах. Он похищал у нас лето, все больше и больше, заключая его в золото, — так он мог обрушивать на нас метели и снежные бури осенью и весной и держать реку подо льдом, даже если залечить раны горы ему не удавалось. И в конце концов он явился ко мне, к смертной деве, которая похвалялась, что умеет обращать серебро в золото. К смертной деве, которая превратит его кладовые в неиссякаемый источник могущества.

Серебряные монеты скакали в воде как рыбешки и уносились вдаль вперемежку с обломками льда — сокровище едва ли более ценное, чем вода. Ведь чистая холодная вода — это сама жизнь, это их, Зимояров, жизни, и теперь эти жизни утекали из горы, чтобы утолить неутолимую жажду. Чернобог выпьет до дна всю гору и всех Зимояров, а потом он вернется в Литвас и иссушит его тоже. Даже если бы король не сказал мне, я бы и сама обо всем догадалась. Я узнавала этот голодный блеск в глазах: прожорливая тварь с упоением поглотит всех и при этом сделает вид, что ее заботят закон или справедливость. И помешать

этой твари может только большая сила, которую демон не сможет ни обмануть, ни сокрушить и которая никогда — никогда — не иссякнет.

Владыка Зимояров и вся его рать бились бок о бок там, внизу, на созданном им ледяном круге. Окружив Чернобога, они стояли насмерть, их серебряные мечи поражали демона, изморозь расползалась по его телу. Но угасить его пламя им было не под силу. Демон визжал от ярости; изморозь тут же превращалась в пар, и из ран вырывались сгустки пламени. Но добраться до его сердца Зимояры не могли. Слишком велик стал Чернобог и еще продолжал расти: он ведь пил из них жизнь, пока они пытались одолеть его. Он подставил горсть под струи воды и шумно хлебал из ладоней, откидывая голову назад, заходясь жутким бурлящим хохотом. С каждым глотком он вырастал еще немного.

Я вцепилась покрепче в край разлома, наклонилась вниз и громко позвала:

— Чернобог! Чернобог! — Он вскинул на меня глаза, подобные жидкому металлу в кузне. И я крикнула ему: — Чернобог, вот тебе мое слово! Высоким волшебством я закрою гору и навеки изведу тебя!

Демон выпучил глаза.

— *Не сумеешь, не сумеешь!* — заголосил он. — *Это мой колодец, мой, мой, мой!* — Он прыгнул на склон и полез ко мне.

Я отшатнулась от разлома и кинулась назад в коридор. Неуклюже перевалив через серебряные холмы и долины, я затаилась и стала ждать, когда он поглядит на меня из темноты. От провала несся хохот; демон крушил кулаками стены, разбивая хрусталь вдребезги, делая щель еще шире.

— *Уж я войду, уж напьюсь вдоволь!* — бесновался он.

Чернобог протиснулся в коридор; от его рук и брюха валил пар. Он приник к реке и, сделав большой глоток, запрокинул голову от удовольствия и ухмыльнулся мне во весь рот. По его губам стекала вода, и он даже не давал себе труда утереться. Я пятилась от него по коридору, пока наконец не влезла на последний серебряный холм, что преграждал путь в кладовую. Чернобог приближался, алый огонь полыхал в конце коридора. Вода кипела и пузырилась вокруг него, выплескиваясь на стены; ему навстречу стремился поток из серебра; серебро льнуло к ползущему телу, к груди, к брюху, облепляло спереди его ноги. Серебряные монеты тускнели по краям, но не плавились. Демон опять разразился хохо-

том, и эхо заметалось в хрустальных стенах. Он выпростал из воды руку, одетую как в доспех в серебряные монеты, и помахал мне.

— *Эй, королева Зимояров, смертная дева!* — глумливо заверещал демон. — *Думала сковать меня серебряной цепью?*

— Не серебряной, — ответила я. — Мне подружка рассказывала, ты солнце не любишь.

И я опустила руку на последнюю гору серебра, высившуюся передо мной, — на монеты, до того раскаленные, что я едва могла их коснуться; на монеты, что еще недавно были тем самым неиссякаемым источником могущества. И все они, до одной, обратились в сверкающее золото.

При виде золота демон в страхе заголосил. Монеты вокруг него начали плавиться, сливаться, как капли воды. Солнечный свет вырвался на волю и затопил коридор. Он был такой яркий, этот свет, что у меня заслезились глаза. Солнце сияло сквозь хрустальные стены, и вся гора словно зажглась, а Чернобог завизжал, съежился и прикрылся руками. Корчась, он попятился по коридору назад, к разлому.

Солнечный свет касался демона, и от горящего тела отламывался уголь, с него осыпался пепел, обнажая горнило внутри у Чернобога. Монеты

сыпались на него и тут же растекались струями по голове, по плечам, выпуская еще больше света. Брюхо демона уже скрыли сплошные золотые пластины. Огромные куски угля валились с него, ноги трескались. Он визжал и стенал без умолку, с трудом волочась по коридору. Вода все еще прибывала, плескалась вокруг моих ног, но демона она больше не питала. Она лишь охлаждала поток из жидкого золота, что струился следом за Чернобогом, клубилась паром и оседала каплями на стенах, не успев добраться до демона.

Из-за пара я почти потеряла его из виду. Он уже умалился настолько, что сумел развернуться; ноги и руки у него сделались совсем хилыми, а тело тщедушным. Пальцы отламывались от рук и ног, тут же проклевывались новые, но и они, не успев толком вырасти, исчезали в коротких вспышках пламени. Чернобог добрался почти до самого разлома: я услышала, как он заныл и захныкал, увидев исполинский склон из золотых монет. А коридор за его спиной сиял, как небеса в летний полдень, — я выпустила на волю целый век плененных солнечных дней, и солнце наверстывало упущенное. Хрустальные стены сверкали и переливались, как алмаз, — свет пронизывал гору до самого подножия и возвращался наверх. Демон с

каждым мигом делался все меньше и меньше.

Он бросился на золотой холм и отчаянно пополз вверх по склону, к трещине. Золото плавилось; вокруг демона плескался океан золотого света. Извиваясь, Чернобог пытался проскользнуть в зазубренный провал, но застрял; хрустальные зубы отгрызали огромные куски расплавленного золота от его тела, с ними отваливался и уголь, вскрывая пылающее Чернобогово нутро. Сам хрусталь превращался в раскаленную ослепительную жидкость; вязкие струи потекли в разлом, заливая трещину. От Чернобога отделился огромный кусок угля; визжащий демон низвергнулся с горы — жалкое подобие самого себя.

Я стояла над затянувшейся трещиной, в пересохшем русле из тускнеющего золота, и пыталась перевести дыхание. Тут и там попадались островки нерасплавленного золота. Вода ливнем хлынула по стенам коридора. Плененный солнечный свет вырвался из горы весь, без остатка, — надеюсь, он устремился туда, откуда его похитили. Вода потоком неслась мимо меня по золотому склону и падала в разлом, окутанный облаками пара. Вода охлаждала расплавленный хрусталь и металл, они застывали, и рана на лице горы из-

лечивалась, затягивалась хрустальной пеленой с золотыми искорками и прожилками.

Воздух в подземном коридоре вдруг сделался холодным, и пот на моей коже мигом высох. Ручейки, сбегавшие по стенам, замерзли; блестящие тонкие сосульки повисли на своде, устремив вниз острые носы. Лед начал сковывать реку. Я развернулась и пустилась вброд против быстро замерзающего потока назад, в кладовую; когда я добралась до нее, всю реку уже загромоздили огромные иззубренные льдины, похожие на исполинские осколки стекла. Они угрожающе хлюпали вокруг меня и качались вверх-вниз на волнах. И тут дверь большой кладовой распахнулась, и на ее пороге возник владыка Зимояров.

Король нагнулся, подхватил меня за талию и втянул на сухое место. Он тяжело дышал, несколько острых граней на его лице подтаяли за время битвы и превратились в мягкие изгибы; под ледяной кожей проглядывала синяя сердцевина. Но его лицо обрастало льдом так же стремительно, как река. А на плечах пробивались новые россыпи ледышек — сначала они были морозно-белые, но на глазах твердели и делались прозрачными.

Зимояр постоял так, придерживая меня за талию. Он заглядывал в коридор и изумленно рас-

сматривал золотое кружево, разлитое в хрустале, и исцеленную рану горы. Потом он повернулся ко мне и крепко-крепко сжал обе мои руки, а глаза его сверкнули почти как хрусталь, напоенный солнечным светом. И я подумала было, что он сейчас… Но он отнял руки, а сам с неслыханной учтивостью опустился передо мною на колено, склонил голову и произнес:

— Госпожа, хоть ты и избрала домом солнечный мир, ты воистину королева Зимояров.

* * *

Прическа у Ирины наполовину развалилась, волосы спутались в узел, вымокли и перепачкались дочерна в той же самой грязи, что была у нее под сломанными ногтями и на ее бедных израненных и обмороженных руках. Я сняла у нее с головы корону и поставила рядом и отмывала ей руки, пока не сошли грязь, и кровь, и морозная белизна. Ирина вся поникла, ссутулилась; я ей бинтовала руки, а она вдруг как вскинет голову — и глядит на зеркало. А лицо белее мела.

— Ирина, что там? — прошептала я.

А она мне:

— Огонь. Огонь возвращается. Магрета, беги…

Но было уже поздно. Из стекла высунулась

рука — точно рыба вынырнула из воды, — и пальцы ухватились за раму зеркала. Рука была как тлеющее полено, присыпанное золой; сверху черное, обугленное, а внутри раскаленное. Вот и вторая рука показалась, а за нею и сам демон — голова, плечи и все остальное. Я вся помертвела. Сделалась как кролик или олень в чаще: пусть я стану маленькая, неслышная и незаметная. Я будто спряталась в темном погребе за потайной дверкой — хоть бы меня не услышали. И сама я словно онемела.

Демон выбрался быстро, уже не скрываясь в человечьем обличье. Выполз из зеркала на пол, волоча за собой черные ноги; над спиной у него дым курился кольцами. Хлопнул рукой о стол, чтобы подняться, а как раз на том столе стояла корона.

— *Ирина, Ирина, сладкая моя, что за гадкую измену ты учинила?!* — зашипел он, едва показавшись. — *Никогда мне больше не пировать в зимних чертогах. Он вернулся, он вернулся, зимний король, а королева замкнула передо мною гору! Они возбранили мне появляться там, они иссекли мое могущество, они похитили мое пламя, чтобы исцелить свою гору!*

Демон взметнул дымящуюся руку и с размаху

отшвырнул стол и зеркало; всюду разлетелись осколки, корона укатилась под кровать. Ирина придвинулась ко мне; она подталкивала меня к двери, но демон оказался проворнее, хоть и ногами немощен: он пронесся над полом могучим вихрем и заступил нам дорогу.

— *Я умираю от жажды, я весь иссох,* — трескуче заныл он. — *Мне нужно еще напиться! Ирина, Ирина, теперь к тебе я желаю припасть! Смаковать тебя стану долго! Но нет мочи терпеть, времени нет, пламя мое почти угасло. Ты у меня поплачешь, Ирина, уж я твоего горюшка испробую, испробую твоей боязни.*

Горюшко и боязнь — это уж скорее про меня, а не про Ирину. Она так и стояла передо мной — недвижная, холодная как лед. И бросила прямо в лицо демону:

— Я привела к тебе короля Зимояров, Чернобог, как обещала. Я впустила тебя в королевство Зимояров. Я уже вволю наплакалась — над тем, что ты сотворил. Я тебе все дала, о чем ты просил. Больше ты ничего не получишь.

Он зарычал и бросился на нас. У меня ноги подкосились от страха, я так и осела мешком на диван. Я взглянуть-то боялась на демона: как он хватает Ирину за руки, обдавая нас обеих жар-

ким дыханием… И вдруг он сам отскочил как ошпаренный. Шарахнулся от нас, потирая руки, баюкая их, точно это Ирина его обожгла.

Руки у демона были как холодные уголья из ведерка, в котором в жизни ничего не горело. Он стонал, голосил и хныкал над своими руками, словно они у него ныли после тяжкой работы. Демон вытянул ладони — повалил пар клочьями, и наконец руки снова заалели жарким светом. Он поднял взгляд на Ирину и злобно заверещал:

— Нет! Нет! Ты моя! Мое лакомство!

Демон затопал ногами и бросился на меня. Вот тут-то я и закричала: голос ко мне вернулся.

Его жуткие пальцы коснулись моего лица, а под ними точно лихорадка горела, меня сразу бросило в пот и замутило. Только я вдруг поняла, что лихорадит-то не меня, жар не льнет к моему телу. А демон шарахнулся и от меня тоже, снова завопил трескучим голосом. И снова у него кончики пальцев будто бы помертвели. Он так и уставился на меня: рот разинул от злости, а сам так и пышет адским пламенем. Ирина положила руку мне на плечо.

— Отступись от меня и моих близких, — медленно произнесла она. — Отступись, Чернобог, ты дал мне слово, и я больше ничего у тебя не

просила.

Пока демон таращился на Ирину, дверь отворилась. В спальню робко заглянула девчушка-судомойка: услышала, видно, мои крики и решила себе на беду проверить, не стряслось ли чего. Заметив демона, она со страху раскрыла рот, да так и остолбенела — как перепуганная зверушка. Демон тоже заметил судомойку и тут же кинулся к ней. Однако прямо перед девочкой он опасливо замер и лишь одним пальцем решился коснуться ее нежной щечки. Девчушка вся скривилась, отвернулась — а сама делает знаки от нечистой силы.

Я прикрыла рот руками и чуть было снова не заголосила. Но Ирина даже не шелохнулась. Так и стояла — высокая, прямая, гордая — и глядела на демона ясными глазами. Она и бровью не повела, когда демон с ворчанием отдернул палец, развернулся и снова пошел к нам, весь бурля от злости. Но теперь у него хватало ума не касаться нас, хотя ему очень хотелось. Он встал поодаль и в бешенстве затопал ногами.

— *Нет!* — завизжал он. — *Нет! Я давал слово только про тебя и твоих близких!*

— Верно, — согласилась Ирина. — Она тоже из моих близких. Тут все мои близкие, мой народ,

каждая живая душа в Литвасе. Все до единого. И ты никого из них отныне не тронешь.

Демон не сводил с нее взгляда. Плечи его поникли; пламя в глазницах пригасло, зубы потускнели. Он стиснул их и выкрикнул:

— *Лгунья! Обманщица! Лишила меня пира! Украла мой престол! Но это не конец. Я найду себе новое царство, новый очаг. Уж я-то с голоду не зачахну!*

Демон весь содрогнулся. Пламя внутри его совсем улеглось. Все его тело начало облачаться в кожу; бесовское нутро накрылось лицом царя как маской. Даже пышные царские одежды и те возродились в целости: и шелк, и бархат, и кружево. Я закрыла лицо руками, чтобы ничего не видеть, и забилась в уголок на диване. Демон направился было к двери, но Ирина, отняв руку от моего плеча, резко окликнула его:

— Чернобог! Он тоже из моих близких. Отступись и от него, как от остальных.

Я вся обомлела: зачем же она теперь-то демону перечит? Демон замер, и в глазах царя, похожих на драгоценные камни, замелькали рубиновые отсветы.

— *Нет!* — огрызнулся демон. — *Нет, не отступлюсь! Он мой по обетованию, по честному*

уговору, и мне нет нужды отдавать его тебе!

— Но ты уже отдал, — возразила Ирина. — Ведь ты заставил его жениться на мне. Право жены превыше права матери.

Она стянула с пальца серебряное кольцо и ухватила царя за палец. Демон попытался вырваться, но Ирина держала крепко и ловко насадила кольцо ему на палец до костяшки.

У демона лицо запылало гневом; он раскрыл рот словно бы в крике, но не издал ни звука. Все тело у него выгнулось дугой. Сияние в его утробе устремилось вверх, увенчанное алым огоньком — будто свечку несли по темной комнате. Сияние разгоралось ярче и ярче — и вдруг рывком метнулось вверх. Один-единственный, зато огромный пылающий кусок угля вырвался из горла царя и упал на коврик перед камином. Из угля взметнулись кривые багровые языки, повалил дым, все бурлило, шипело, трещало и плевалось — ярость изливалась на нас как из распахнутой алой пасти.

Девчушка-судомойка хоть и сползла по стене полумертвая от испуга, а все же не растерялась. Она шустро метнулась к железному ведру с песком, золой и огарками, что стоял возле камина, и опрокинула все это на огонь. И еще само ведро

сверху нахлобучила.

И, оставив так, в страхе отступила. Из-под ведра потекли струйки дыма, на коврике по ободку обозначилось черное горелое пятно, но дальше не поползло. Да и дым почти сразу развеялся. Девчушка тяжело дышала. А потом она ошалело глянула на меня и потрогала щеку — то место, где чернело еле заметное крошечное пятнышко. Но руки у девочки были все в саже, так что, едва она коснулась щеки, пятнышко и вовсе затерялось.

Меня колотила дрожь. Я все боялась отвести взгляд от ведра — и смотрела на него долго. Лишь когда растаял последний клочок дыма, я вздрогнула и наконец решилась поглядеть на мою девочку, на мою царицу. Царь прижимал ее руки к груди, и кольцо на его пальце сверкало серебром, как и слезы, что бежали у него по щекам. Он смотрел на Ирину сияющими изумрудными глазами — смотрел так, точно никого прекраснее не видел в целом свете.

Глава 25

Мы с Сергеем вернулись в Павис три недели спустя. Папе Мандельштаму стало получше, и они со Стефаном вдвоем могли приглядеть за фруктовыми деревьями, пока мы в отлучке. Хотя деревья и сами росли как на дрожжах. Сергей сходил к дороге и попросил того крестьянина, у которого амбар с цветами, чтобы тот помог срубить несколько деревьев и расчистить немного земли. Тот и помог, а мы поделились с ним древесиной. Свою древесину мы отвезли в Вышню и продали там на рынке, а на выручку купили саженцев: яблонь, слив и вишен. Теперь они все зацвели.

Пока папа Мандельштам выздоравливал, он написал целую кучу писем, чтобы мы их доставили: по письму каждому, кто еще оставался ему должен. «Нам выпало счастье, — сказал он, — а значит, надо нам проявить великодушие. У всех выдалась тяжелая зима». Мне кажется, он нарочно написал эти письма: если мы явимся в Павис с хорошими вестями для заемщиков, все в городе обрадуются и им расхочется нас вешать.

Мы, конечно, собирались взять с собой царское письмо, но царь-то далеко. Здесь-то мы не особо опасались, что нас схватят: народу в городе недосуг за нами бегать по лесу. У всех ведь забот нынче полон рот: лето вот-вот настанет, а еще вся весенняя работа не переделана, вот и приходится торопиться.

Но когда мы въехали в город, все равно вышло удивительно. Панова Людмила подметала у себя на дворе; завидев нас, она крикнула:

— Привет вам, путники! Еды на дорогу не желаете?

Тут мы на нее поглядели, и она сообразила наконец, с кем разговаривает. Она завизжала, руками замахала, на крик сразу мужики подоспели. Подбежали и уставились на нас как баран на новые ворота. А один и говорит:

— Так вы не померли?

Словно он-то уже давно решил, что мы померли.

— Нет, — отвечаю я. — Мы не померли, и нас помиловал царь. — И я достаю царское письмо и им всем показываю.

Все разом зашумели и загалдели. Хорошо хоть Стефана с нами не было. Явился священник, а за ним и сборщик податей, он взял письмо и прочел

его вслух громким голосом. И все в городе его слушали. Потом сборщик податей вручил мне письмо с поклоном и сказал:

— Что ж, надо выпить за вашу счастливую судьбу!

И тогда из трактира и из дома пановы Людмилы повытаскивали столы и стулья, расставили кувшины с крупником и сидром, и все стали пить за наше здоровье. Кайюс не пришел, и его сын тоже.

Меня так и разбирало любопытство: с чего они вдруг решили, что мы погибли? Но спрашивать мне не хотелось. Вместо расспросов я достала письма панова Мандельштама и раздала всем, кто сидел за столом. А письма для тех, кого с нами не было, я вручила священнику, чтобы тот им передал. И тут уж все чуть не запрыгали от радости и даже выпили за здоровье панова Мандельштама.

Потом мы отправились в дом Мандельштамов и погрузили все добро в повозку. Панова Гавелите одна во всем городе нам не обрадовалась. Наверняка она зарилась на коз и кур пановы Мандельштам и возвращать их не собиралась. Но про царское письмо она уже прослышала, как и все вокруг, поэтому нас с Сергеем впустила.

— Вон те Мандельштамовы, — только и сказала она, тыкая пальцем на самых хилых коз.

Но я поглядела ей в глаза и ответила:

— Как не стыдно!

Я пошла и забрала правильных коз, Мандельштамовых и наших, и мы привязали их к повозке. И кур я тоже забрала, усадила их в ящик. Мы забрали всю мебель и все, что стояло на полках, и упаковали очень старательно. А счетную книгу мы завернули в одеяло и аккуратно подсунули под сиденье.

Мы со всем покончили и уже могли отправляться. Но Сергей молча сидел на козлах и с места не трогался. Я поглядела на него, а он сказал:

— Как думаешь, его похоронили?

Я не ответила. Не хотелось мне вспоминать о папане. Но Сергей о нем думал, да и я-то думала, чего уж там. Так и буду весь свой век изводиться: мол, лежит он там, на полу, не погребенный. Еще, чего доброго, Стефан изводиться начнет. В наших-то мыслях папаня так и останется на полу, даже если совсем рассыплется. Поэтому я и сказала наконец Сергею:

— Поехали похороним.

Мы пригнали повозку к нашему прежнему дому. В поле колосилась рожь. Ее глушили сорняки,

никто ведь поле не пропалывал, но она все равно вымахала высокая, зеленая. Мы оставили повозку там, чтобы козы и лошади пощипали ржи, а сами отправились к белому дереву. Мы вместе положили руки на дерево. Но дерево молчало. Матушки там больше не было. Белое дерево возле нашего лесного домика тоже с нами не разговаривало. Матушке больше не было нужды говорить с нами из дерева, потому что у нас теперь была матушка Мандельштам и она говорила за нашу матушку.

На ветвях росли серебряные цветы. Мы сорвали шесть штук и положили по одному на матушкину могилку и могилки пятерых младенчиков. А уж после мы пошли в дом. Папаню и впрямь никто не похоронил, но все оказалось не так уж страшно. Сюда наведывалось зверье из леса, так что остались одни лишь кости да обрывки одежды. И даже духа тяжелого не было, дом-то стоял открытый. Мы припасли мешок: туда-то мы и сложили все останки. Сергей взял лопату. Мешок мы отнесли назад, к белому дереву, выкопали там могилу и погребли отца рядом с другими могилами, которые когда-то выкопал он сам. А я навалила сверху камень.

Из дома мы ничего брать не стали. Сели в повозку и поехали назад в город. Уже вечерело, но мы

решили, что поедем: лучше заночуем в соседнем городе. Ехать нам было десяток миль, но дорога была пустая, да и вечер выдался приятный. Солнце еще не совсем село. Мы выехали из города, и нам повстречалась другая повозка, запряженная одной лошадью. Тот возчик ехал пустой, поэтому он посторонился, давая нам дорогу — мы-то были с грузом. И когда мы поравнялись, то узнали в возчике того парнишку, Алгиса, Олегова сына. Мы приостановились и поглядели на него, а он на нас. Никто и слова не проронил. Просто теперь-то мы знали, что он тогда нас не выдал. Вернулся домой и никому о нас не обмолвился. Мы ему кивнули, Сергей тронул поводья, и мы двинулись дальше. Мы поехали домой.

* * *

Лето у нас выдалось небогатое, да и осень тоже, хотя склоны горы надежно нас защищали. Много озер в недрах горы иссякло во время битвы с Чернобогом, много виноградников и садов зачахло. Сначала мы накормили детей, а после разделили то, что осталось. Когда мы вдвоем обходили нижние коридоры, оценивая ущерб, король сказал мне: «Все восполнится, лишь придет зима».

Мы погребали павших и исцеляли раненых

— те лежали безмолвными рядами под белыми деревьями. Король осторожно брал ледяные осколки из источника и накладывал их на раны, а сверху налагал руки, и под его ладонями лед разрастался и края ран соединялись. Некоторые пещеры захлопнулись, как раковины моллюсков, и их нужно было заново открывать. Внизу мы рубили мертвые лозы и деревья, а от живых брали черенки, готовясь к новым посадкам.

Теперь я, по крайней мере, не плутала. То ли я сама незаметно для себя разобралась, в чем фокус, то ли просто гора была мне благодарна. Стоило мне озадачиться поиском той или иной комнаты или пещеры — и передо мной тут же появлялись нужные двери и простирались нужные коридоры. И среди всеобщей возни и хлопот я тоже нашла себе применение. Зимояры ничего не смыслили ни в бухгалтерии, ни в учете. Впрочем, чего еще ждать от народа, который долгов не делает и обитает в изменчивом чертоге, где любая комната охотно бежит на зов словно кошка.

Но сейчас-то чертог пребывал в разрухе, и нам требовались серьезные меры. Я затребовала у поэтов перья и бумагу и занялась составлением описи всех полей и озер — выясняла, в каком они состоянии и сколько мы сможем получить с каж-

дого до зимы. Я разделила по дням все припасы, чтобы ни один из нас не ходил голодным.

Поначалу я считала дни до возвращения, и тянулись они медленно. Но каждый мой час был чем-то заполнен, и под конец дни неслись так, что я их вовсе не замечала. Однажды я проснулась и с удивлением обнаружила, что гора оделась первым снегом. Королевская дорога снова была открыта. Я так скучала по отцу с матерью, я сгорала от желания поведать им поскорее, что я жива. И все же я стояла и смотрела в окно долго-долго, не решаясь позвонить в колокольчик и позвать служанок, чтобы помогали мне собираться.

Сборы вышли короткие. Я научила Флек и Цоп, как держать бумаги и счета в порядке. Теперь мои счетные книги были такие, что комар носа не подточит. Даже дедушка не нашел бы к чему придраться. С собой я брала лишь небольшой сверток, самые дорогие мне вещицы: засушенные белые цветы, пару вкривь и вкось сшитых перчаток — Ребекка сама их смастерила мне в подарок — и платье, в котором я танцевала на балу в честь солнцеворота. Спустя несколько недель с тех пор, как мы погребли павших, мы отпраздновали наше избавление. Времени и сил на шитье пышных нарядов нам не хватило, поэтому платье вышло

не особо роскошное. Незатейливо скроенная рубашка — но зато из серебристого шелка, что струился меж пальцев как вода и ловил свет, излучаемый горой. Я надела это платье, вплела в косы цветы и танцевала в кругу, держась за руки с друзьями — с новыми и со старыми. В самом конце король вышел и поклонился мне, и мы с ним вдвоем провели всех через рощу двумя рядами и танцевали под белыми ветвями, а те роняли свои последние цветы в ожидании зимнего покоя.

Король, разумеется, сдержал слово. Больше он на меня не посягал, и сегодня в роще меня дожидались запряженные сани. Я напоследок вздохнула, вышла из своей спальни и спустилась в рощу. Белые деревья нынче утром снова распустились, все кроны сплошь в листьях и цветах. В сословных кругах Зимояров все еще зияли прорехи — там когда-то стояли павшие в битве с Чернобогом. Но на каждом пустом месте мы погребли рыцаря, и на грудь каждому мы положили белый орех. Я произнесла над могилами благословение, и из земли проклюнулись белые ростки. Я уеду, а они будут тянуться ввысь. И мне делалось отрадно на душе оттого, что я оставляю за спиной новые деревья.

Я уже почти совсем спустилась, уже могла раз-

глядеть листву. Но тут я встала, и у меня защипало в глазах. За санями собрались все Зимояры, все блистательное общество восседало на остророгих оленях. Рыцари и знать держали белоснежных соколов на убранных драгоценностями перчатках; белоснежные гончие сгрудились возле скакунов — серебро и драгоценности сверкали на кожаных ошейниках. Многих из этих благородных всадников я видела у ворот, а кому-то помогала залечивать раны. Но здесь была не только знать — даже несколько крестьян пришли проводить меня. Путешествие в солнечный мир и восхищало их, и страшило, но они явились в праздничных своих одеждах, украсив волосы серебром, чтобы попрощаться со мной. В переднем ряду, прямо за санями, сидели верхом Флек, Цоп и Балагула; перед собой Флек усадила взволнованную Ребекку, и та обвила вокруг длинных пальчиков плетеные поводья.

Грозная красота зимней ночи предстала передо мною во плоти. Я спустилась вниз, и владыка Зимояров подал мне руку, а я мгновение помедлила, опираясь на нее, чтобы не упасть. Я окинула последним взором их всех, а потом и его, чтобы сохранить в сердце увиденное, когда врата зимнего королевства навеки захлопнутся

за моей спиной.

Я уселась, сморгнув слезы, и король сел рядом. Сани тронулись и заскользили по снегу. Вереницы белых деревьев разворачивались вдоль сверкающей дороги, и льдистые капельки серебра свисали с ветвей у нас над головой. Мы понеслись вниз, и студеный ветер бил нам в лицо, а следом за нами мчалась пышная королевская охота, и где-то вдалеке слышался высокий зов охотничьих рогов, чистый, словно пение зимних птиц. Народу Литваса отныне и впредь не придется бояться этой музыки. Зимояры больше не потревожат их. Люди расслышат разве что шепот под заснеженными ветвями, да и тот вскоре позабудут. Может быть, у меня будет дочь, и однажды, заслышав тоскливый зов в зимней ночи, я поведаю ей историю о мерцающей хрустальной горе и о народе, что живет в ней, и о том, как я сокрушила демона, сражаясь плечом к плечу с тамошним владыкой.

Я покосилась на сидящего рядом короля. В эти последние месяцы он не знал отдыха, вскрывая самые глубокие пещеры и обрушенные коридоры, исцеляя раны горы и раны своих воинов. Все это время он одевался как обычный труженик, в простую одежду, хотя и белоснежную. Но сейчас

он был великолепен, как и вся его свита, — он горделиво сверкал, сидя в санях, и крепко держался за бортик. Он не приказывал придержать оленей, и путешествие наше завершилось, едва начавшись. Казалось, мы только-только отъехали от горы, как в ноздри мне ударил свежий сосновый дух, и коридор из белых деревьев вдруг расширился и распахнулся в лужайку, где росло одно-единственное белое дерево, еще совсем юное, но прекрасное, все усыпанное белесой листвой. Деревце стояло за деревянными воротами, возле домика, уютно укрытого снежным одеялом.

Увидев дом, я не смогла сдержать улыбки: какие же они молодцы, сколько всего успели сделать! К глазам подступили слезы, и свет, бивший из щелей в ставнях и в двери, потек золотыми нитями. Над тремя трубами приветливо вился дымок — значит, три камина горели в комнатах по обе стороны дома. Под прежним навесом появились стены — уже настоящий крепкий сарай. Я заметила курятник и ларь для зерна; по двору бродили несколько коз. За домом росли рядком невысокие фруктовые деревца. Возле двери на шесте висел фонарь. Его отсвет падал на чисто выметенную дорожку из камня, словно пригла-

шавшую войти в дом.

Сани замерли у ворот, прямо под белым деревом. Король Зимояров вышел и подал мне руку. Охота встала у нас за спиной, а Флек, Цоп и Балагула спешились; один из Зимояров взял у них поводья. Все трое низко поклонились мне. А я вдохнула поглубже, подошла к каждому и поцеловала их в щеку по очереди. Потом я сняла с себя золотое ожерелье и надела его на шею Ребекке. Она подняла украшение на ладошке, посмотрела на него и подняла глаза на меня.

— Спасибо, Воздающая, — прошептала она нерешительно, и Флек слегка вздрогнула от безотчетной тревоги. Но я наклонилась и поцеловала девочку в лоб.

— Носи на здоровье, снежиночка, — сказала я.

С этими словами я шагнула к воротам.

Ворота распахнулись от моего прикосновения. Коза, что бродила рядом под легким снежком, озадаченно уставилась на меня и с сердитым «бе-е-е!» опрометью бросилась в сарай, смущенная появлением незваной гостьи. Дверь тут же отворилась; на пороге появилась моя мать. Она кутала плечи в шаль, и на лице у нее светилась надежда — как будто она только и жила все это время одной лишь надеждой. Мать вскрикнула

и кинулась ко мне по дорожке, шаль красной птицей порхнула на снег, а я тоже кинулась матери навстречу и упала ей в объятия, смеясь и плача, и мне сделалось так хорошо, что даже вся грусть мигом забылась. Тут же подбежал отец, а с ним и Ванда, и Сергей, и Стефан, и все принялись разом обнимать меня; они все были рядом: мои родители, моя сестра, мои братья, да еще откуда ни возьмись выскочил лохматый пастуший пес, которого прежде я не видела. Пес тоже скакал вокруг нас и пытался всех нас облизать, а потом вдруг встал, дважды громко пролаял, с визгом отбежал и уселся у ног Сергея.

Я обернулась. Она все еще не исчезла, моя блистательная охота, и владыка Зимояров шагнул на двор следом за мной. Точно зимняя сказка, он казался почти ненастоящим в теплом свете фонаря, и только холодное мерцание снега за его спиной делало его живым. Мать с отцом подняли на него обеспокоенные взгляды и покрепче вцепились меня, но сама я не боялась: король ведь дал мне слово. Я проглотила комок в горле, заставила себя поднять голову и улыбнуться королю.

— Позволишь ли ты в этот раз поблагодарить тебя за то, что привез меня домой?

Он лишь покачал головой:

— Госпожа, не пристало мне сковывать тебя подобными каверзами.

Он повернулся к Зимоярам и поманил их. Флек, Цоп и Балагула вступили на двор; в руках у каждого был ларец, а Ребекка шла следом с маленьким ларчиком. Зимояры поставили свою ношу на землю и открыли ларцы: два оказались полны серебра, один — золота, а маленький ларчик — драгоценных камней. И владыка Зимояров обратился к моим растерянным родителям:

— У вас есть незамужняя дочь, чьей руки я взыскую. Я владыка белого леса и хрустальной горы. Мой народ да будет мне свидетелем, я явился к вам, дабы огласить свое намерение. Примите же эти дары как доказательство моего достатка. Я испрашиваю вашего дозволения свататься к вашей дочери.

Родители явно встревожились не на шутку. А я как язык проглотила, только во все глаза смотрела на короля. Ну надо же так: за целых полгода — и ни словечка! А теперь он, значит, решил посвататься по всем этим небывалым правилам, какие заведены у владык Зимояров. Я-то думала, у них там полагается, по меньшей мере, убить дракона, совершить какие-нибудь героические деяния, ну и развязать парочку войн в придачу.

Хотя, пожалуй, я бы и без этого обошлась.

— Если ты и впрямь хочешь свататься, — сказала я, — то уж будь любезен, сватайся как это в обычае у моей семьи. И женись тоже. А иначе и время тратить нечего.

Король помолчал, поглядел на меня, и его глаза вдруг разгорелись ярким светом. Он шагнул ко мне, протянул руку и торопливо произнес:

— А хоть бы и так? Каковы бы ни были ваши обычаи, я восприму их, если только ты осчастливишь меня надеждой.

— Неужели?

Я с усмешкой сложила руки на груди, хотя, конечно, прекрасно знала, чем дело кончится. Жалеть тут не о чем — ни сейчас, ни после. Каков бы ни был жених, какие бы сокровища он ни обещал мне, я без раздумий откажу ему, если он не примет нашего обычая. Всю мою жизнь в сердце у меня жил завет между мною и моим народом: и дети мои останутся евреями, где бы им ни пришлось расти. Даже несмотря на то что в голову мне закрадывалась мысль — ну, может, всего разок-другой, и только на крошечное мгновение, — что вообще-то неплохо было бы иметь мужа, который скорее перережет себе горло, чем обманет меня. Но только если он научится

ставить меня выше своей гордости. Иначе какая в том выгода? Уж если давать свое согласие, так только тому, кому я буду дороже всего, чем он владеет. Дороже даже зимнего королевства.

Примерно это я ему и высказала ничтоже сумняшеся, и когда я закончила, он только молча взирал на меня, а мать еще прибавила:

— И чтобы она могла приехать и проведать семью в любое время! — Я покосилась на мать — та держала меня за руку мертвой хваткой.

Король обернулся к матери и произнес:

— Моя дорога открывается лишь зимой. Но едва она откроется, я готов привозить к вам дочь по ее первому требованию. Довольны ли вы?

— Но смотри не лишай нас зимы! А то еще вздумаешь держать нашу дочь вечно у себя, — съязвила мать.

Мне очень хотелось расплакаться, и в то же время я была так счастлива, что чуть не запела. И когда король снова поглядел на меня, я подошла к нему и взяла его за руку.

Спустя две недели мы поженились: была скромная свадьба в нашем домике, но из Вышни приехали гости — мои дедушка с бабушкой и раввин. Они прикатили в герцогских санях и привезли нам подарок из Корони — высокое

серебряное зеркало в золотой раме. И мой муж держал меня за руки под покрывалом, и пил со мной вино, и, как полагается, растоптал бокал.

А на брачном контракте при мне и моих родителях, при раввине и наших свидетелях — Ванде и Сергее — он серебряными чернилами вывел свое имя.

Только я вам его не скажу.